
Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI

Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ



СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гэфтер»
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Роберт ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ванден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Фридрих Фирсов

ОПЫТ
СЕМЕЙНОЙ
АРХЕОЛОГИИ

Москва
2021

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
ОСНОВАНА В 1994 ГОДУ

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Фирсов, Фридрих.

Опыт семейной археологии. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 400 с. – (АИРО – Первая публикация).

ISBN 978-5-91022-482-1

В книге известного российского историка с помощью сохранившихся в семье документов и воспоминаний членов семьи исследуется история его семьи в 1930–50-е годы прошлого века, показан быт и атмосфера московской интеллигентской семьи, рассказано о судьбе его родителей, бабушки и бабушки, друзей его мамы, и о детстве и юности автора. Раскрываются семейные конфликты, а подчас и личные драмы. Книга рассчитана на тех, кому интересно то время в истории России.

ISBN 978-5-91022-482-1

© Фирсов Ф., 2021
© ЦНИ «Актуальная история», 2021
© АИРО-XXI, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
-------------------	----

Глава первая

ЛАЗАРЬ ИЗРАИЛЬЕВИЧ БЛОХ

Жандармский обыск.....	16
Тридцатые в Москве	18
Квартира на Третьей Тверской	26
Дом и двор	31
Комнатище!!!	38
Этажерка	39
Прочая мебель	41
Новогодняя елка	42
Смена обстановки.....	44
Хождение в баню	45
Дача в Малаховке	46
У самовара	48
Застольные игры.....	51
Гости.....	53
Дача и грядки.....	53
Купание	55
Соседи	56
Мороженое!!!	56
Детская железная дорога	57
Кончина дедушки	57
Новогодний урок	59

Глава вторая

ВЕРА АБРАМОВНА БЛОХ И ЕЕ ПЕРВЫЙ

МОСКОВСКИЙ ВНУК

Наша бабушка.....	60
В хозяйственных хлопотах	65
На рынке.....	68
Забота о ребенке	71
Какой это был человек!.....	73
Ключ	74
Характер бабушки	75

Глава третья

КНИГИ И ДРУГИЕ РАДОСТИ ВНУКА

Чем бы дитя не тешилось.....	80
Главное увлечение	83
Стишки и шарады	88
Как складывался характер мальчика.....	89
Первый друг	92

Глава четвертая

ПОЗНАНИЕ МИРА

Большой театр	94
Лемешев.....	95
Драматические театры.....	98
Театр кукол.....	100
Регулировщик движения	101
Зоопарк	102
Биология	103
В цирке и Уголке Дурова	104
Кино!!!	105
Мультфильмы	108
Поездка на ВСХВ.....	109
Планетарий	111
В парках	112

Глава пятая

ШКОЛА

В Первом классе.....	115
Школьные порядки.....	117
Становление школьника.....	120
Продолжение познания мира и культуры.....	122
Поездка в Казань.....	129
Злоключения Али.....	136
Трухановы	137

Глава шестая

МИРНАЯ ЖИЗНЬ ОБОРВАЛАСЬ

Война, эвакуация	138
Фронтовая жизнь Игоря Фирсова	139
В Соцгороде	148
Картошка	152
Снова об Але	153
Школьные неприятности	174
Дома!!!	177

Глава седьмая

СНОВА МОСКОВСКИЙ ШКОЛЬНИК

Пятый класс	178
Шестой класс. Робка	179
Обстановка в классе	181
Револьвер	182
Первые самостоятельные шаги	184
Четвертый внук Веры Абрамовны.....	186
Бедная дача!	188
Война закончилась!	189
Неполадки в семье.....	191

Глава восьмая

НОВАЯ ШКОЛА

Восьмой «В»	193
Проступок	195
Наши Титаны	197
Жизнь класса	199
Группорг.....	201
Развлечения.....	202
Девятый класс.....	204
Школа танцев. Школьные вечера	205
Театр оперетты	207
Будущая профессия.....	208
Секретарь школьного бюро ВЛКСМ.....	210
Школьные дела.....	212
Первые увлечения	213
Экзамены.....	217

Глава девятая

ЭСФИРЬ ЛАЗАРЕВНА БЛОХ

Мама	221
Казанские годы Фиры	222
Перезд в Москву и замужество	226
Разрыв с Игорем, возвращение в Москву. Рождение сына.	
Работа по профессии	231
Послевоенные годы. Семейные коллизии.....	236
Окончательный разрыв с Игорем	243
Последние годы жизни мамы.....	250
Оля о бабушке	259
Подруги и друзья мамы	265

Глава десятая

МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

В преддверии Истфака	308
Первый курс	311
Группа	316
Дина Поплыко	321
Странная история.....	324
Военное дело	326
Детский сад Гарика.....	329
Истфаковские будни.....	329
Корейская война.....	333
Трагедия в семье моего друга	335
Второй курс	337
Мое увлечение Декабристами	339
Нежелание следовать схеме.....	342
Уточнение научных интересов	348
Дипломная работа.....	352
«Пожалейте Марину!».....	355
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	361
ПРИЛОЖЕНИЕ	365

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

Давид Самойлов

Постепенно впадая в детство,
Как и прочие старики,
Я пытаюсь в него взглядеться,
Ветхой памяти вопреки.

Александр Городницкий

Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица,
А память, как колодец, глубока, –
Попробуй заглянуть – наверняка
Лицо – и то, неясно отразится.
Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд.
Осторожно с прошлым, осторожно,
Не разбейте глиняный сосуд.

Владимир Высоцкий

*Моей жене
Лидии Фирсовой*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление этой книги вызвано рядом причин. Ко мне обратилась младшая дочь, Наташа, с просьбой рассказать о наших предках, что я помню и знаю о них, чтобы это стало достоянием ее и ее детей. К этой просьбе сразу присоединилась ее старшая сестра, Оля, которая еще ребенком видела мою бабушку – Веру Абрамовну Блох, и также хотела выяснить, как можно больше об истории нашей семьи.

Я с радостью принялся за эту работу. Мне было интересно собрать воедино обрывки воспоминаний о нашем семейном прошлом, но еще важнее, хотелось как-то выразить свою благодарность и любовь людям, стоявшим у истоков моей жизни, которые помогли мне войти в эту жизнь и найти в ней свое место.

Возможно, повлияли и другие моменты. Немалую роль сыграло то, что произошло со мной, когда завершил работу над исследованием шифровок Коминтерна. Тогда я «выложился» до конца и, поставив последнюю точку, почувствовал какое-то опустошение. За этим немедленно последовал инфаркт, затем больница, там уже и второй инфаркт. К счастью, американская медицина оказалась на должной высоте.

Врачи, медсестры, персонал хирургического отделения бостонского «Масс женерал» и последующее длительное лечение оказались на должной высоте. Они не только спасли мою жизнь, но и содействовали своими процедурами моему физическому и духовному выздоровлению.

Во всяком случае опасался повторения того случая и потому с радостью переключился с занятий историей Коминтерна на вос-

поминания о любимых людях и попытку рассказать о них, своем детстве и взрослении. Короче говоря, отправился в путешествие по стране воспоминаний.

Поскольку упомянул свою работу о шифровках Коминтерна следует здесь сказать несколько слов о моих книгах последних лет.

После выздоровления мне удалось издать в 2007 году с помощью Ассоциации исследователей российского общества (АИРО) и ее председателя Геннадия Бордюгова в Москве книгу «Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943»¹.

Итоги своей научной деятельности подвел в написанной к столетию даты образования Коминтерна и в опубликованной в 2019 г. в том же издательстве «АИРО» книге «Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление»². Разумеется, весьма опасался оказаться вне активной работы, и просьба Наташи и Оли оказалась, как нельзя, кстати.

Мне также довелось опубликовать свои воспоминания о том, как я в прошлом занимался изучением истории Коминтерна, и вообще о своей работе в Институте марксизма-ленинизма³.

Получив просьбу Наташи, подумал, что стоит попытаться воспроизвести некоторые подробности более ранних лет своей жизни, тем более рассказать о дедушке, бабушке и маме, что оз-

¹ В печати на нее появилось немало положительных рецензий. В 2012 книга, немного дополненная, была переиздана в Москве издательством РОССПЭН в серии «История сталинизма» под названием «Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка».

Переведенная на английский язык и переработанная с участием американских историков Харви Клера и Джона Хайнса книга была опубликована в серии «Анналы коммунизма» (*Fridrikh I. Firsov, Harvey Klehr, and John Earl Haynes. Translated by Lynn Visson. Secret Cables of the Comintern, 1933–1943. Yale University Press. New Haven and London. 2014*).

² И эта книга получила благоприятные отклики в прессе. В связи с этим издательство выпустило в свет второе издание книги, в текст которой я внес несколько изменений. См.: «Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление». М.: АИРО-XXI. 2020.

³ См. *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. М.: АИРО-XXI. 2013.

начало как бы дать им возможность не исчезнуть совсем, бесследно, а наоборот, познакомить с ними людей, которые сегодня не имеют представления о том, как жили люди в советском прошлом.

Решил посоветоваться с моим младшим братом Гариком, находящемся в Москве. Помимо всего прочего, он продолжал жить вместе с родителями, когда наша семья разделилась в связи с получением отцом в 1954 году комнаты для его семьи. Отец, мама и Гарик тогда переехали в комнату на Комсомольском проспекте, а мы с бабушкой остались в старой комнате на Третьей Тверской-Ямской улице. Впрочем, об этом пойдет речь значительно позже.

Гарик, который моложе меня на тринадцать лет, не только с энтузиазмом воспринял идею создания этой книги, но и активно участвовал в ее подготовке своими воспоминаниями, которые присылал мне в своих письмах. Я включал их в текст полностью или частями, так что значительную часть книги составляют эти письма Гарика. Более того, оказалось, что у него сохранилось много важных документов, отразивших не только трудовую и частично научную стороны биографий дедушки, бабушки и мамы, но и даже фронтovou жизнь отца. Они тоже приведены в книге по письмам Гарика⁴.

Оля и Наташа тоже поделились со мной своими воспоминаниями о своей бабушке. Таким образом эта книга стала нашим совместным делом⁵.

Память – отнюдь не надежный инструмент, она нередко подводит того, кто пытается на основании воспоминаний выстроить версию прошедших событий. К тому же весьма избирательна и может затушевать неприятные для автора моменты и даже содействовать созданию картины, совершенно не соответствующей реалиям прошлой жизни.

И здесь очень помогли обнаруженные Гариком документы, которые зафиксировали основные моменты биографий дедушки,

⁴Эти документы воспроизведены в Приложении к тексту книги.

⁵Текст из полученных мною писем приводится в книге с вертикальной пометкой слева.

бабушки и мамы и даже фронтовую жизнь отца. О том, как были найдены эти документы, рассказано в Первой главе книги⁶.

Соединение семейных преданий, рассказов бабушки и мамы, моих и Гарика воспоминаний помогло как бы реконструировать много важнейших моментов и событий семейной жизни, особенно их бытовую сторону. А сами воспоминания дают возможность показать атмосферу тех лет, семейные отношения, в том числе и конфликты, а подчас и личные драмы. В тексте специально оговаривается вероятность версий, основанных на воспоминаниях или на совмещении документов с воспоминаниями.

Для меня в процессе подготовки текста очень многое прояснилось из того, что было непонятным в прошлом, или то, на что в те годы не обращал внимания и о чем пожалел впоследствии. Далеко не всё удалось уточнить, к сожалению, не мог вспомнить подчас имена или фамилии всех людей, которые упомянуты в тексте. Хотя они сыграли определенную роль в том, как сложился мой жизненный путь.

В то же время не могу не сказать и о том, что с новой силой ощутил радость как бы заочного общения и размышлений о моих дорогих близких людях, друзьях и товарищах, с которыми меня свела судьба в те далекие годы.

Полагаю, что мой рассказ о жизни одной московской семьи в советские годы окажется интересным не только потомкам этих людей, но и современному читателю, который хотел бы представить себе жизнь и быт обычной интеллигентной семьи в те времена.

Хочу выразить глубокую благодарность тем, кто помог мне в выяснении разных моментов и событий прошлого и уточнении имен и фамилий людей, с которыми свела жизнь в те далекие годы.

⁶ Попытка получить в районном ЗАГС Москвы копию свидетельства о браке наших родителей окончилась неудачей. Мой друг Валера Брун-Цеховой, которому я переслал официальную доверенность и нотариально заверенную копию свидетельства о рождении, обратился с этой просьбой в ЗАГС. Там ему ответили, что для выдачи копии этого документа требуется предоставить документы о смерти этих людей. После такой бюрократической выходки я отказался от дальнейших переговоров.

Это моя жена, Лида Фирсова, человек с которым я провел большую часть жизни. Она сумела превратить ее в счастливую и полную интересных событий. Это – мои дочери – Оля Фирсова и Наташа Сулькин, и их мужья Дима Бутыльков и Миша Сулькин, лидины сестры – Таня Носик и Алена Носик, их мужья – Саша Граник и Дима Попов (Дима, в частности, помог подготовить иллюстрации и Приложение к этой книге). Слова благодарности также относятся к моим друзьям и близким мне людям – Саше Фриду, Саше Дасковскому, Валере и Ларе Брун-Цеховым, Саше Панцову, Георгию Чернявскому, Жене Виттенбергу, Инессе Яжборовской, Гене Бордюгову, с которыми советовался при подготовке книги и от которых получил ряд важных уточнений некоторых фактов. Рад, что был с ними не только в прошлом, но и сегодня.

Глава первая

ЛАЗАРЬ ИЗРАИЛЬЕВИЧ БЛОХ

Жандармский обыск

«Дедушку (по маминой линии) звали Лазарь Израильевич Блох. Родился он 16 ноября 1882 г., а умер 23 октября 1940 г. от рака. Появился на свет в уездном городке Гродненской губернии, носившем название Новогрудок. В 1897 г. в нем проживало 7900 человек (сейчас около 30 тысяч). Во время войны немцы и их прислужники убили свыше 10 тысяч евреев из жителей Новогрудка и его окрестностей, наверное, среди них были и наши родственники, хотя братья дедушки, как мне известно, разъехались когда-то по разным местам и странам»¹.

Во время войны узники гетто Новогрудка 26 сентября 1943 года совершили массовый побег из гетто, прорыв для этого в течение 4-х месяцев подземный туннель. Из числа бежавших 250 человек выжили и пробрались к партизанам 124 человека. Это был уникальный случай успешного массового побега из гетто. Он стал широко известным событием намного позднее, когда уже исчезла советская власть².

¹ Из письма Гарика Фреду от 16 июня 2019.

² Беглецы сумели пробраться в еврейский партизанский отряд братьев Бельских. Отряд был создан весной 1942. Осенью этого года он начал боевую деятельность, базируясь в Налибокской пуще. Устраивал диверсии, уничтожал живую силу и технику противника. Отряд принимал всех евреев, сумевших до него добраться. Это и было основной задачей отряда – вывести от гитлеровцев и спасти как можно большее количество евреев. Ему удалось спасти 1230 человек. Отряд был разделен на боевой и семейный лагеря.

До Первой мировой войны дедушка вместе с бабушкой жили в Варшаве. Из того, что рассказывала бабушка, запомнился происшедший с ним случай примерно в 1905 году. По пути со службы домой Лазарь купил несколько яиц. Никакой сумки не имел и осторожно сложил яйца в карманы брюк. Его остановили жандармы с целью обыска. По какой причине мне неизвестно, предполагаю, что из-за оттопыренных карманов брюк.

Один из них попытался проверить содержимое карманов и протянул к ним руки. Дедушка успел воскликнуть: «Осторожно!» Жандармы ахнули: «Бомба!» и схватили «террориста» за руки. Но последний объяснил им, что у него в карманах, и его отпустили.

О том времени сохранилось еще одно предание. То событие имело совсем другой характер и могло принести дедушке большую беду.

«Правда, эта история скорее характеризует бабушку, но дает представление о взглядах семьи Блох на происходившее в стране. Как-то дедушка принес домой полуподпольный журнал с карикатурами на Николая Второго. Перелистав журнал, спрятал его в укромный уголок. Ночью бабушке приснился сон, будто к ним пришли с обыском и нашли журнал. Дальнейшее легко представить. Бабушка проснулась и решила от греха подальше журнал сжечь. Сунула его в печку и легла спать. Не успела даже, как следует уснуть, услышала, что в дверь забарабанили. Пришли городовые (правда не знаю, так ли называли в Варшаве полицейских,) с обыском. Когда один из них полез в тот угол, куда дедушка спрятал журнал, тот просто помертвел и побледнел так, что бабушка испугалась за него. Городовой, разумеется, ничего не нашел, а дедушка никак не мог понять, почему там не было журнала. Когда обыскивающие удалились, бабушка рассказала дедушке о своем сне. С тех пор дедушка уверовал в почти, как бы сказали сегодня, экстрасенсорные способности бабушки»³.

Подробнее см.: Интернет (https://isralove.org/load/14-1-0-2661?utm_source=copy;news.tut.by/society/644748.html<https://newtimes.ru/articles/detail/116419/>; www.youtube.com/watch?v=tsqZX-ANKU0; https://news.rambler.ru/other/41470534/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink<https://mir24.tv/articles/16415687/istoriya-podviga;waralbum.ru/31912>)

³ Из письма Гарика Фреду от 22 апреля 2019 .

Полагаю, что эта история весьма доказательно свидетельствует также об отношении дедушки к самодержавию. Он, совершенно очевидно, не имел никакой связи с тем, что сегодня называется организованной политической оппозицией режиму. Но также понятны и его симпатии к тогдашним либералам. Словом, весьма типичная картина, рисующая настроения тогдашней российской интеллигенции.

Как свидетельствуют фотографии того времени, семья Блох не бедствовала. Родители были хорошо одеты, а на девочках Фире и Сарре красовались теплые и весьма нарядные шубки. К сожалению, эта фотография потерялась. На другой фотографии, по-видимому 1915 года, – Вера снята со своими подростками дочерьми.

Служил лишь дедушка, а бабушка занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. Где-то в 1916 г. семья переехала в Казань.

О том, как протекала их жизнь в Казани у меня сведений нет. Единственное, что узнал, что какое-то время дедушка владел каким-то предприятием. Услышал об этом из уст отца во время домашнего скандала. У меня с отцом сложились не очень теплые взаимоотношения, о причинах этого напишу позднее. Как-то отец весьма жестко потребовал, чтобы я в чем-то ему подчинился, а я ответил на это дерзостью. Бабушка же, как всегда бывало, за меня заступилась. Взбешенный отец крикнул ей что-то, примерно такое: «Вы вместе со своим мужем еще ответите за вашу казанскую жизнь, за свой заводик»!

Бабушка ему возразила: «Ну, по крайней мере, моему мужу ты ничего не сделаешь! Его уже давно на свете нет!».

Немного позднее я поинтересовался у бабушки, что имел в виду отец. Она мне объяснила, что в Казани у дедушки была маленькая фабрика, как-будто лесопилка (впрочем, не уверен в том, что она упомянула про лесопилку).

Тридцатые в Москве

К сожалению, свой рассказ о дедушке могу начать лишь с более поздних лет. Знаю только (со слов бабушки), что в тридцатые годы он работал экономистом в наркомате совхозов. Наркомом был

Иван Бенедиктов⁴. После смерти деда Бенедиктов прислал бабушке соболезнование по поводу его кончины.

Эти сведения дополняют и конкретизируют документы небольшого семейного архива обнаруженного Гариком. Об этом он сообщил мне, после того, началась работа над книгой. Цитирую письмо Гарика от 16 июня 2019 года:

«Перед праздниками заехал домой⁵ и поковырлялся в старой брезентовой сумке, в которой всегда бабушка и мама хранили документы. Вообще эта сумка наряду с альбомом для фотографий, банкой с притертой пробкой для чая и деревянным сосудом от меда для соли – самые мои первые воспоминания о нашей комнате на 3-й Тверской-Ямской. Банка и соль хранились на второй сверху полке в нашем славянском шкафу, а альбом и сумка с документами в которую мне не очень охотно разрешали залезать, находились в нижнем ящике шкафа».

Сумка эта осталась ему от мамы вместе с некоторыми вещами, принадлежавшими ей. В сумке оказались различные документы далекого прошлого. И среди них – Трудовая книжка деда. Далее следует ее описание (текст Гарика).

«Образование (дедушки – Ф.Ф.) – среднее, профессия – экономист. Дата заполнения Трудовой книжки 5 января 1939 года.

В книжке имеются две записи, предоставляющие большой простор для размышлений: “Общий стаж работы по найму до поступления в Наркомсовхоз РСФСР 16 лет, 1 месяц”.

В столбце “На основании чего внесена запись” написаны два предложения: “Подтвержден документами стаж работы 16 лет, 1 месяц”, “Не подтверждено документами стаж работы 13 лет, 11 месяцев”.

Таким образом, к 1 февраля 1937 года общий стаж работы у дедушки составлял 30 лет. Можно предположить, что дедушка начал

⁴ Иван Бенедиктов – советский государственный деятель, в течение многих лет занимал ключевые посты в руководстве сельским хозяйством, позднее – на дипломатической работе. Умер 28 июня 1953. (Интернет https://www.peoples.ru/state/statesmen/ivan_benediktov/)

⁵ Гарик уже несколько лет постоянно живет на подмосковной даче в семье своей дочери Алены. Свою московскую квартиру посещает изредка.

работать примерно в 1900 году (ему было тогда 17 лет). То есть, где-то шесть лет дедушка либо не работал на постоянной работе, либо переезжал, сначала в Варшаву, потом в Казань, и, наконец, в Москву.

Зачислен в Наркомсовхозов РСФСР 1 февраля 1927 года на должность старшего экономиста по материалам планового отдела Управления зерновых совхозов Юга (приказ № 20 от 15 февраля 1937 года).

14 июля 1939 года он – экономист по топливу и материальным фондам (приказ № 172 по НКСХ РСФСР).

С 26 марта 1940 года дедушка – старший инспектор, он же заместитель начальника отдела.

Подпись: Начальник топливного отдела (приказ № 109 по НКСХ РСФСР).

29 апреля 1938 года была сделана запись: “За успешное выполнение заданий и добросовестное отношение к работе объявлена благодарность” (Распоряжение № 51 по НКСХ РСФСР).

Следующая запись от 23 октября 1940 года очень печальна: “Исключен из списков в связи с смертью” (приказ 24 по Управлению Дедами).

В Трудовой книжке больше никаких записей нет, но сохранилась отпечатанная на кальке выписка из приказа по Наркомату от 4 июня 1939 года.

Параграф 2 – по руководящему составу гласит: “Благодаря умелому руководству и хорошей систематической помощи совхозам со стороны инженера агролесомелиоратора Управления тов. ПОПОВА-ЛЕКАТОВА В.П. и старшего экономиста по горючему тов. БЛОХ Л.И., план весенних лесомелиоративных работ по совхозам засушливых районов Управления з/совхозов Юга выполнен с высоким качеством: по посадке полезащитных лесных полос – на 100,5 % по посевам школ и плантации питомников – на 138,1 % по пополнению лесных полос прошлых лет – на 196,4 %, полностью и своевременно были обеспечены горючим все совхозы Управления, что дало возможность выполнить своевременно план зяби, весенний сев и др.

ПРИКАЗЫВАЮ: 1. За хорошее оперативное руководство совхозами и Трестами, практическую помощь на местах, в деле выполнения плана лесомелиоративных работ, бесперебойного снабжения совхозов горючим и честное добросовестное отношение к делу

премировать инженера агролесомелиоратора т. ПОПОВА-ЛЕКАТОВА В.П. и старшего экономиста по горючему т. БЛОХ Л.И. деньгами в сумме месячного оклада каждого.

Народный Комиссар зерновых и животноводческих совхозов РСФСР Д.А. Кривошеин”.

И.А. Бенедиктов, который написал письмо с соболезнованиями, был наркомом совхозов РСФСР в 1937–1938 годы, “при нем дедушка пришел работать в Наркомат, в 1940 году Бенедиктов был наркомом земледелия СССР”»⁶.

А вот отрывок из другого письма Гарика:

«О дедушке помню еще, как бабушка с гордостью говорила, что он ведал распределением горючего по всем совхозам страны. Было очевидно, – ей приятно вспоминать, что дедушка был большим и значительным человеком»⁷.

И эти сведения о трудовой деятельности дедушки, извлеченные Гариком из документов, оказавшихся в брезентовой сумке, были дополнены еще одним интересным документом, найденным там же. Вновь цитируется отрывок из другого письма Гарика:

«Я дома нашел еще один документ, который вызвал несколько мыслей. Итак:

“ГРАМОТА Выдана ударнику массово-производственного похода им. 17-го партс’езда

Б Л О Х – техник инженерной группы. Активно участвует во всей общественной жизни гл. управления зерносовхозами. Большую работу провел по проверке сообразительств к 17 партс’езду. Будучи членом бюро МОПР добился 92 % охвата членством МОПР. Активно участвует в стенгазете и политкружке. Премируется настоящей грамотой и часами.

Председатель месткома (Панарин)”

Подпись и печать.

⁶ Из письма Гарика Фреду от 20 мая 2019 .

⁷ Из письма Гарика Фреду от 24 мая 2019 .

На грамоте нет даты, но, судя по обязательствам к 17 съезду ВКП(б), она была вручена где-то в начале или в середине 34-го года, т. е. дедушка работал в наркомате совхозов задолго до того момента, который указан в Трудовой книжке. Видимо, кадровикам было лень вписывать в книжку все места работы дедушки, и они ограничились лишь последними записями.

Вверху грамоты портрет Самого на фоне трактора и какого-то сельскохозяйственного агрегата, далее идет на трех строчках выдержка из речи Сталина на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 года: “От вас требуется только одно: трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины; установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников”.

Что это выдержка из речи, я установил с помощью Интернета.

Ну и со всех сторон грамоты на разных языках народов СССР надписи: “Пролетарии, всех стран, соединяйтесь”.

Бланк отпечатан в Ленинграде тиражом 20000 экземпляров, судя по номеру Главлита в 1933 году.

Таким образом, косвенно, дедушка участвовал в работе детища Коминтерна, совершенно не подозревая о том, что те деньги, которые он платил как членские взносы, потом будут кормить его старшего внука всю его жизнь и делают одним из самых крупных исследователей Коминтерна в мире.

Вот и не верь после этого во всякую чертовщину и привидения»⁸.

Трудовая книжка позволила выяснить вехи службы Лазаря Израильевича за 16 лет его жизни, даже ту роль, которую ему довелось сыграть в развитии сельского хозяйства страны.

Подобного рода материалы, разумеется, не показывают неофициальную сторону его жизни – как ему удалось пережить те ужасы конца тридцатых годов и сохранить себя и своих близких от репрессий, вообще остаться нормальным человеком.

⁸ Из письма Гарика Фреду от 2 июня 2019.

Представляется, что важное значение имели его беспартийность, выработанное годами умение «вести себя», не болтать нигде, особенно на политические темы и о трудностях жизни. А главное – чистая случайность: оказаться в стороне и «не засветиться».

В моей памяти он сохранился как очень добрый, заботливый и мягкий человек. Достаточно ясно об этом свидетельствует следующее:

Много лет тому назад, уже при советской власти, маме предстояло заполнить какой-то документ, в котором нужно было указать место рождения. Она родилась в Варшаве. Дед предложил ей написать вместо Варшавы – Новогрудок.

Совет этот был очень важен, ибо человек, родившийся за рубежом, неизбежно оказывался для властей подозрительным, подчас даже возможным шпионом. Мама, естественно, последовала этому совету.

Вот как об этом пишет Гарик: «Знаю об этом по рассказу мамы, поскольку после революции он посоветовал ей указать в документах место ее рождения Новогрудок, а не Варшаву. Этот его мудрый совет, думаю, не только сохранил маме жизнь, но и дал мне возможность появиться на свет»⁹.

Казалось бы – маленький факт – но, в действительности, он раскрывает очень много. Не касаясь высоких политических материй, скажу, что этот штрих ярко показывает личность деда, его отношение к советской власти, его ум и предвидение неизбежного хода событий.

Впрочем, запомнилось, как из-за какой-то моей шалости на меня накричал и даже замахнулся своей тростью. Случилось это где-то в самом конце тридцатых годов, когда дед уже был совсем большим.

Жили они втроем (дедушка, бабушка и Аля)¹⁰ в Москве на Третьей Тверской-Ямской улице (недалеко от Белорусского во-

⁹ Из письма Гарика Фреду от 16 июня 2019.

¹⁰ Аля – младший сын Лазаря и Веры. Летом 1931 к ним присоединилась Фира, находившаяся на 9-м месяце беременности. Так получилось (об этом

кзала) в комнатке размерами менее 14 кв. метров, в коммунальной квартире из четырех комнат.

Далее рассказ продолжает Гарик, приводя тексты найденных документов:

«Сначала опишу все бумаги, связанные с бабушкой, а потом с бабушкой и мамой.

Первая бумага напечатана на бланке Акционерного издательства “Огонек”. Датирована 13 августа 1929 года, Исходящий номер АУ-1389:

“СПРАВКА

Настоящая дана тов. БЛОХ Л.И. в том, что он действительно работает в Акц. Изд. О-ве “ОГОНЕК” в качестве штатного уполномоченного по сбору об”явлений.

Дана для представления в МГУ.

Управляющий делами (подпись)”.

Печать¹¹.

Мама мне сказала, что дедушка работал в «Огоньке», но никаких подробностей не приводила. Я думал, что он трудился там по бухгалтерской части, однако это оказалось не совсем так. Судя по дате, – это одно из первых, если не первое место его работы в Москве. К сожалению, невозможно узнать, с какого времени он там работал.

Мама мне это говорила, видимо, где-то в конце 50-х годов, но особого впечатления на меня это не произвело, это был тогда сафоновский период, журнал мне был не очень интересен, за исключением, пожалуй, двух вещей: цветных иллюстраций классических картин

речь пойдет позднее), что она была вынуждена уйти от своего мужа Игоря Фирсова. Разумеется, ее родители приняли и обогрели свою старшую дочь. А через очень непродолжительное время в роддоме имени Крупской, расположенном на расстоянии меньше километра от жилья семьи Блох, раздался крик новорожденного. Этим малюсеньким человечком оказался автор данных строк.

¹¹ Видимо, эта справка была выдана в связи с переводом Фирсы Блох в МГУ в 1929 году. Об этом речь пойдет позднее. Представляя в МГУ свои документы, Фира в них должна была сообщить о работе своего отца.

на вкладке (помню, я даже начал их собирать, но после какой-то большой уборки в комнате, они куда-то задевались, видимо, их просто выкинули со всяким хламом, и собрание на этом закончилось), и детективов с продолжением...

Вероятно, эта справка понадобилась маме при переводе в МГУ, поскольку, по записям по ее зачетной книжке Казанского университета (о ней поговорим позже), она сдала последние зачеты в Казани 27 апреля 1929 года. Размещался тогда журнал на Страстном бульваре, а главным редактором был Михаил Кольцов (правда не уверен, что дедушка с ним контактировал, судя по занимаемой должности, хотя, кто знает). Так что дедушке было достаточно просто добираться до работы»¹².

Теперь о другом письме Гарика, также содержащем рассказ о документах той самой сумки. Цитирую начало письма:

«Продолжаю описывать наш семейный архив, точнее, то, что от него осталось. Следующая справка дает новую информацию о дедушке...

Фирменный бланк ВЗИНО (Всесоюзного заочного института финансово-экономических и счетных наук – Ф.Ф.) НКФ СССР и ОРУ с машинописным текстом с одной стороны.

В верхней части бланка, под красным полем мелким текстом: “НКФ СССР и ОРУ”, расположена надпись красного цвета: “ВЗИНО”; рядом мелким шрифтом черного цвета: “Всесоюзный заочный институт финансово-экономических и счетных наук”, и эмблема ВЗИНО в виде усеченной пирамиды. Ниже: “Финансовая часть”.

Далее: “Справка Дана т. Блох Л.И. в том, что он является студентом учет. экон. ф-та ВЗИНО – 5 семестра и посещает занятия стационарных групп”.

Справка подписана заведующим Московского отдела ВЗИНО и секретарем, заверена печатью. Дата выдачи рукописная: 31 III 33 г.

Я нашел в Интернете две справки этого института¹³.

¹² Из письма Гарика Фреду от 10 мая 2019 .

¹³ <http://contragents.ru/culture/exhibits/9251650>

Интересно, что обе справки выданы Учебной частью, в 1932 году НКФ ССР и ОРУ – это Наркомат финансов и Объединение работников учета¹⁴.

Таким образом, дедушка в начале 30-х годов учился в институте (а ему уже было полвека), при том, видимо, он в это время работал на неполной загрузке, т. к. учился в стационарной группе. Так что основным добытчиком в семье была бабушка, как это следует из документов, которые я опишу далее.

При этом к этому времени мама уже жила в Москве, да и ты уже появился на свет. Как представлю себе, как вы четверо жили тогда, то и к войне и к эвакуации вы были уже неплохо натренированы Софьей Власьевной¹⁵.

Но институт он, видимо, не закончил, поскольку в его Трудовой книжке, заполненной 5 января 1939 года, указано среднее образование»¹⁶.

Квартира на Третьей Тверской

Теперь о квартире, в которой жила семья Блох, а позднее мне довелось провести там, без малого, тридцать лет. А Гарику – свои первые десять лет жизни.

В самой большой квадратной комнате квартиры (как-то мне удалось в нее заглянуть, и она показалась мне просто огромной, примерно около 30 квадратных метров) проживала немолодая, очень суровая женщина, Анна Михайловна Шилова.

Кто-то шепнул мне (наверняка, бабушка), что до революции вся квартира принадлежала ей. Много позднее довелось узнать, что Анна Михайловна была майором НКВД и служила в управлении Бутырской тюрьмы, самой крупной и старинной россий-

¹⁴ Историю ВЗИНО можно посмотреть <http://www.novodar.ru/index.php/news-vzfei-punkt/694-vzfei-tsvimi801-05-2010?format=pdf>

¹⁵ Советской властью.

¹⁶ Из письма Гарики Фреду от 11 мая 2019.

ской тюрьмы, в подвале одной из башен которой когда-то содержали в кандалах Емельяна Пугачева.

Эта тюрьма, в просторечии – Бутырка – занимала целый квартал Новослободской улицы. Она являлось следственной и переписьной тюрьмой, в которой «содержали» не только уголовников, но и так называемых политических заключенных, иначе говоря, жертв советского режима.

В «нашей» коммунальной квартире жили одновременно несколько семей.

Комната Анны Михайловны вместе с соседней небольшой продолговатой комнаткой, (в которой жила ее дочь Котя), имели небольшую прихожую, и располагались непосредственно перед двойными дверями в квартиру¹⁷. Около внутренней двери лежал небольшой коврик для вытирания обуви при входе в квартиру. И на одной из стен прихожей висела деревянная вешалка с крючками для верхней одежды. На полу под вешалкой лежала клеенка для галош.

В эту прихожую выходил также довольно длинный коридор. В начале его, на внутренней стенке с дверью (со стороны окна) был прикреплен телефон¹⁸. В квартале от нашего дома на пересечении Третьей Тверской-Ямской и Васильевской улиц, друг против друга находились телефонная подстанция и почтовое отделение.

С одной стороны коридора размещались две небольшие комнаты. В первой жила баба Надя, которая мне казалась очень старой и толстой (ходила она тяжело переваливаясь с ноги на ногу), а во второй – семья Блох. Между дверьми этих комнаток помещалась довольно большая печка, обогревавшая их.

На другой стороне коридора находились двери так называемых мест общего пользования: уборной и ванной комнаты, при-

¹⁷ На замок запиралась только наружная дверь.

¹⁸ Хотя с тех прошло очень много лет, номер этого телефона (Д -1-85-49) хорошо помню, а, попав в больницу в Гантиади в 1963 (об этом см. *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 108), на просьбу назвать номер домашнего телефона моментально выпалил этот номер, хотя тогда жил вместе с женой и дочуркой совсем в другом районе Москвы и, естественно, наш телефон имел совершенно иной номер.

чем этой ванной пользоваться было невозможно, поскольку в кранах этого дома текла только холодная вода. В ней на гвоздике висели корыто и ванночка. Между этими дверьми находился умывальник.

Над его краном находилась полочка с мылом, стаканчиком с зубными щетками и коробочкой зубного порошка.

Кроме двери в ванную, на этой стороне коридора находилась обитая утеплителем двойная дверь так называемой черной лестницы¹⁹, крутые ступеньки которой вели в двор дома.

Лестница была без перил и спускалась вниз винтообразно. От времени ее огромные ступени покосились и любая неосторожность могла закончиться не только падением, но скатыванием по ступеням круто вниз. Поэтому, спускаясь или поднимаясь по ней, старался всегда одной рукой касаться стены.

Между внутренней и наружной дверьми был значительный тамбур, на полу которого обычно стояло ведро с мусором и различными отбросами, возникавшими при готовке еды. Выносить это ведро надо было ежедневно. Бабушка сумела внушить мне, что это моя обязанность, и я так к этому привык, что Лида нередко говорит мне, шутя, а то и «в сердцах», что единственное, к чему меня приучила бабушка, – это ежедневно выбрасывать мусор.

Дальше следовала собственно кухонька, заставленная кухонными столиками. Но баба Надя своего столика не имела. Ее керосинка размещалась на печке. Запомнил, как веяло теплом от дверцы печки, и как приятно было смотреть в открытую дверцу, когда кто-то из взрослых бросал туда полешки. Но дотрагиваться до дверцы в этот момент мне категорически запрещалось.

Керосинки Анны Михайловны и семьи Блох размещались на их столиках. Мне довелось видеть на них и печке примусы и ке-

¹⁹ Между первой дверью, что выходила в кухню, и наружной было расстояние примерно в сорок-пятьдесят сантиметров. Наружная дверь, обитая также утеплителем, запиралась изнутри толстым и длинным железным стержнем с крюком на конце, вставлявшимся в соответствующую проушину, прикрепленную винтами к внешней двери. Разумеется, такое «запорное устройство» было устроено давным давно.

росинки²⁰, на которых варилась стряпня, кипятилась вода в чайниках.

Много позднее, когда в московские дома провели газ, хотя печка осталась, но ею уже не пользовались, на кухне появилась газовая плита, а в комнатах вдоль стен с окнами водрузили отопительные батареи. До этого обогревались различного рода печурками, сооруженными в комнатах.

Наш кухонный столик располагался на расстоянии примерно двух метров напротив двери нашей комнаты. В столике размещались кастрюли, скалка и прочая домашняя утварь, в том числе «чудо-печь».

А над столиками висели деревянные полки, также забытые разной кухонной утварью.

Пол этой кухни состоял из длинных досок, они были, видимо, когда-то покрыты бесцветным лаком, но со временем он исчез, и создавалось ощущение, когда оказываешься босиком, что идешь просто по ровным доскам

Под потолком коридора находилась антресоль, забитая каким-то хламом. Коридор заканчивался окном во двор.

На кухне, помимо варки пищи, бабушка стирала белье и полотенца. Для этой цели использовалось оцинкованное корыто, которое в другое время висело на стенке в чулане. Бабушка выносила его на кухню, опускала на две табуретки, сдвинутые друг с другом, и перетаскивала в него белье, замоченное предваритель-

²⁰ Керосин покупали в какой-то лавке, двери в которую были обиты железом. Она располагалась не на нашей улице, а в каком-то дворике Второй Тверской-Ямской улицы. Внутри ее всегда было прохладно а зимой – просто холодно. Помню, что за небольшим прилавком стоял одетый в тулуп бородач. Рукава тулупа были закрыты нарукавниками, а спереди топорщился передник. И на руках его были надеты рукавицы. Он брал у покупателя бидон и, вставив в горлышко бидона воронку, черпаком с длинной ручкой вливал в него керосин. Потом закрывал бидон крышкой и передавал покупателю. Заранее получал от него плату – это были какие-то копейки. Бидон надо было очень аккуратно принести домой. Нельзя было при этом подскользнуться или случайно его качнуть .

Первоначально это делала бабушка. Когда я подрос, ходил за керосином сам. Это было малоприятное и опасное мероприятие. В памяти остался сильный запах керосина в лавке.

но в глубокой оцинкованной ванночке в мыльной воде. Заливала горячей водой, брала в руки мыло и начинала мылить белье, потом тереть его о ребристую металлическую терку. Вокруг летели брызги.

Чтобы не замочиться, надевала непромокаемый фартук.

Выстиранное белье отполаскивала уже в ванночке с чистой водой, затем выжимала руками. После этого развешивала на протянутые под потолком кухни веревки. После завершения этой длительной процедуры веревки снимались и куда-то убирались.

Я старался в такие минуты не показываться на кухне, чтобы не мешать и ненароком не забрызгаться.

Когда белье подсыхало, начиналась его глажка. Для этого использовался раскаленный чугунный утюг. Была необходима также ровная поверхность, чтобы на нем разложить это белье. А вот где это происходило? Думаю, в комнате, на круглом столе. В кухне для этого было мало свободного места.

Выглаженное белье и рубашки складывались на полки шкафа. Утюг занимал свое место на висячей над кухонным столиком полке.

Всю эту довольно длительную процедуру, полагаю, бабушка проводила, когда я был в школе, а в более ранние годы – тихононько располагался на диване.

Во дворе, между выходом «черной лестницы» и левым окном нашей комнаты существовала «халупа», пристроенная к стене нашего дома. Там проживала семья дворничихи нашего дома. Хорошо помню ее детей, хотя они были намного младше меня. Ее сын впоследствии поступил в летное училище и мне довелось даже увидеть его в военной форме с офицерскими погонами.

На подоконнике кухни почти постоянно (это уже по моим детским воспоминаниям) сидел огромный, пушистый сибирский кот Васька, принадлежавший бабе Наде. Он всё время что-то разглядывал во дворе и на крыше «халупы», и очень оживлялся, когда на эту крышу опускалась стайка воробьев. Впрочем, кухонное окно всегда было закрыто двумя оконными рамами, а малюсенькие форточки открывались только летом. Тогда Васька протискивался и вылезал на крышу. Но стоило бабе Наде его позвать, как он тотчас возвращался. Меня он просто игнорировал.

Дом и двор

Квартира эта размещалась на втором этаже небольшого трехэтажного особняка, сооруженного, по моим представлениям, еще в начале XIX века.

Наш дом был лишь одним из многочисленных строений, составлявших целый жилой комплекс, числящийся под одним и тем же номером 56 по Третьей Тверской-Ямской улице. При этом все квартиры этого комплекса имели порядковую нумерацию. Номер нашей квартиры был 52. Между нашим домом и соседним двухэтажным строением находился въезд и проход в первый двор нашего дома-комплекса.

Двор с трех сторон был ограничен стенами строений, а четвертая сторона представляла собой проход во второй двор, гораздо больший первого. Часть нашего двора явно использовалась для сушки стиранного белья, поскольку всегда там были протянутые веревки, иногда на них сушились простыни и что-то еще. А зимой на этих веревках вешали ковры и выбивали из них пыль.

Вблизи от двери, закрывавшей «черную лестницу», размещался огромный ящик с крышкой, куда сваливали выносимый из квартир мусор. Но никогда этот ящик не был полностью заполнен мусором. Куда он потом девался, я тогда не знал. Впрочем, это вопрос у меня никогда не возникал.

В небольшой части двора, непосредственно около «халупы», обычно играли дети, в их числе и я. Песочницы там не было, а из летних игр запомнились только «салочки», «казаки и разбойники», «красные и белые», а также прятки. Были еще другие развлечения. Например, кто-нибудь закапывал камешек в одной из кучек земли и пыли, затем «водивший» должен был его, как можно быстро, отыскать. После этого «водившим» становился тот, кто раньше зарывал камушек. Выигрывал тот, кто сделал это быстрее.

Для того, чтобы выделить «водившего», все образовывали кружок и кто-нибудь быстро проговаривал считалку, причем произнося каждое слово «считалки», указывал при этом на каждого по порядку.

Запомнилась такая «считалка» – «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Скажи, кто ты такой?». Тот, на кого выпало слово «такой», становился «водившим».

А вот другие: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить. Всё равно тебе водить». «Эне, бене, раба, квинтер, фитнер, жаба. Эне, бене рес, квинтер финтер, жес!».

Пожалуй, этого достаточно.

С девчонками не играл. Ибо запросто мог бы услышать в свой адрес: «Тили-тили-тесто: жених и невеста!». Пережить такое унижение было невозможно!

Зимой, когда двор оказывался засыпанным снегом, устраивалась снежная горка. Ее вершина находилась у противоположной нашему дому стены высокого здания, которое также входило в состав строений нашего общего комплекса. А спуск с этой горки заканчивался примерно в двух-трех метрах от стены дома, в котором жил автор этих строк. И скользя вниз с этой горки, животом лежа на санках, приходилось всегда притормаживать ногами, чтобы санки остановились перед быстро появлявшейся стеной.

Когда снег становился липким, мы скатывали его в шары, сооружая снежную бабу. Но почему-то не догадывались сделать ей нос из морковки. Полагаю, что это было потому, что морковка в те времена была любимым лакомством детворы. А многочисленные изображения снежных баб с морковкой вместо носа – просто досужий штамп рисовальщиков.

Когда я подрос и у меня появился собственный перочинный ножичек, возникла и новая игра – «В ножички». Играли в нее вдвоем. Моим «соперником» всегда был мой приятель и одноклассник Юзик Стрижевский.

Игра заключалась в том, что на земле очерчивался круг. Затем он делился пополам. Одна половина была моим «владением», другая – Юзика. Надо было, стоя на одной ноге, на своей территории, бросить вниз свой ножичек, чтобы он острым концом воткнулся во враждебную территорию. Если это удавалось сделать (научиться этому смог далеко не сразу), то я продолжал «атаку». Но для этого следовало, стоя по-прежнему на одной ноге, дотянуться до ножичка и провести по «враждебной» территории черту между линиями круга.

Отрезанный кусок круга присоединялся к моей «территории» и я продолжал действовать в той же последовательности. Это продолжалось до тех пор, пока ножичек не воткнется в землю, а просто шлепнется.

Но если мой ножичек втыкался в мою «территорию», то «отрезанный» кусок «территории» переходил, как и сама атака, к Юзику. И он уже втыкал свой ножичек в мои «владения».

Игра продолжалась до тех пор, пока один из игроков оказывался не в состоянии встать ногой на «свою землю».

Последовательность атаки устанавливалась по договоренности. Следующую игру уже начинал «соперник».

Почему-то Юзик в этой игре всегда оказывался победителем.

А уже много позже с большим трудом, тренировками и бесчисленными неудачами освоил другую игру – «В жестку». Описать ее тоже не менее сложно.

Надо было правой ногой подбрасывать вверх какой-то небольшой предмет (кусочек кожи с шерстью и приделанным к нему для утяжеления небольшим грузом) и делать это до тех пор, пока «жестка» не упадет на землю. Затем в игру вступал соперник, или несколько соперников по очереди. Побеждал тот, кто подбрасывал «жестку», без ошибки, большее число раз.

И опять мне не довелось выигрывать.

Основное строение нашего дома представляло собой высокое (по моим детским понятиям) здание, этажей примерно в семь-восемь. Оно представляло собой как бы заглавную «букву П», лежащую на боку. Одна внешняя сторона этой «буквы» являлась

стеной с окнами, глядящими в наш двор. Другие внутренние стены этой «буквы» (то есть стены того строения) ограничивали второй двор.

Во втором дворе это строение меняло свою конфигурацию. Это тоже была как бы «буква П», но она уже окружала второй двор.

К стене, отделявшей «территорию» нашего комплекса от двора соседнего дома, до войны был пристроен длинный деревянный сарай с большим количеством дверок (это были сарайчики для каждой квартиры дома). В них хранились дрова.

Зимой, осторожно спустившись по «черной» лестнице, затем, таща по снегу санки, отправлялся за дровами. Наполнив санки дровами и скрепив их бечевкой, чтобы не рассыпались, возвращался назад. После этого, положив на согнутую левую руку несколько полешек, осторожно подниматься по ступеням, придерживаясь правой рукой за стену. Разгружал санки отнюдь не быстро. С появлением центрального отопления эти сарайчики исчезли.

В глубине второго двора находилось одноэтажное строение, в котором размещалось домоуправление. К нему вела небольшая дорожка, отделенная от двора низенькой металлической решеткой.

Однажды домоуправление организовало приезд в наш двор каких-то зверей. Предполагаю, что из «Уголка Дурова»²¹. В памяти остались какие-то неясные очертания зверей и людей перед домоуправлением и толпа ребятишек, сгрудившихся у стены основного строения дома напротив домоуправления.

На лестнице третьего этажа этого огромного строения, как бы верхушки «буквы П», был проход на лестницу выходящую на Александрo-Невский переулок. Это был удобный способ оказать ся за стенами дома, не пользуясь проездом во двор.

²¹ «Уголок дедушки Дурова» – это первый в мире театр зверей. Находится в Москве.

Много позже мне довелось разговаривать с человеком, который сказал, что сумел бы пробраться проходными дворами, используя проходы между ними, до центра Москвы, не выходя на улицы, сходящиеся к центру города. Это мне показалось преувеличением. Действительно, дворы прежней Москвы имели много проходов, через которые можно было пройти во двор соседнего дома и в другие дворы. Но между дворами домов 56 и 54 по нашей улице такого прохода не существовало.

Нередко, примерно раз в месяц, в нашем дворе раздавался по несколько раз крик, скорее даже вопль: «Ножи точить!!!». Это означало, что во двор заявился точильщик ножей со своим станком. Он его нес на плече. Станок представлял собой деревянную раму с вделанным в него точильным кругом, соединенным с планкой. При многократном нажатии ногой этой планки круг начинал всё быстрее проворачиваться вокруг своей оси. Затем скорость проворачивания становилось такой, что круг нельзя было разглядеть. А вокруг летали искры от трения этого круга с ножом и раздавался пронзительный визг.

На крик точильщика выбегали домохозяйки, держа в руках ножи или другие предметы, которые они хотели поточить.

Точильщик работал, пока не удовлетворил всех желающих, затем брал свой станок на плечо и был таков.

Во втором дворе мне играть с другими ребятами не приходилось. Почему, сказать не могу, просто никогда такого в голову не приходило. Видимо, тамошняя ребятня не была для нас своей. Более того, не могу вспомнить, что когда-нибудь видел во втором дворе ребят вообще.

В двухэтажном строении напротив нашего здания, между ними находился въезд с улицы во двор, на втором этаже в маленькой комнатке жила тетя Фрада, наша дальняя родственница с сыном Борей. Он был года на два старше меня. Не помню, участвовал ли он в наших дворовых играх, но ребята знали, что он всегда может за меня «заступиться» и мои ровесники меня не обижали.

В комнатке тети Фрады меня всегда привлекала к себе стекляннная прозрачная бутылка с узким горлышком. На дне ее красовался большой петух, и я никак не мог понять, каким образом его удалось поместить в эту бутылку.

Вынужден прервать повествование и рассказать о трагической гибели Бориса. Узнал об этом, вернувшись из эвакуации. Фрада и Борис оставались в Москве в 1941 году. Какие-то пацаны привлекли Бориса к своим воровским делам. Его заставили «стоять на стреме», когда они проникали в какую-то квартиру. В итоге Бориса арестовали и он в те страшные октябрьские дни оказался в заключении.

Этих подростков перед отправкой из Москвы (знаю об этом только в отношении Бориса) отпустили домой, чтобы они взяли теплую одежду. Когда Борис неожиданно появился, находившаяся тогда там другая наша дальняя родственница, тетя Лена²², мне кажется, двоюродная сестра тети Фрады, посоветовала той: «Фрадка, хватай сына и спрячьтесь где-нибудь». Та это сделать побоялась, и Борис вернулся туда, где его держали.

Эшелон, в одном из товарных вагонов которого находились эти малолетки, отправился из Москвы. В пути охрана ограничивалась тем, что бросала в толпу этих подростков хлеб. В набитом голодными пацанами вагоне начиналось столпотворение. В результате Борис погиб от голода.

Тетю Фраду мне больше тоже не удалось увидеть. К осени 1943 г., когда вернулся в Москву, она уже не жила в нашем доме.

Поскольку речь зашла о нашем трехэтажном доме, стоит добавить, что к нему были пристроены еще два одноэтажных домика и вместе оба эти строения располагались на углу Третьей Тверской-Ямской и Александро-Невского переулка. Кто видел первый советский звуковой кинофильм «Путевка в жизнь» и

²² Гарик о тете Лене написал мне такие строки: «О тете Лене я вспомнил только благодаря твоему письму, никаких воспоминаний о ней у меня не осталось, но, кажется, она со своей семьей жила на Большой Грузинской, не доходя до Тишинского рынка» (Из письма Гарика Фреду от 24 мая 2019).

помнит, как герой этого фильма Сергеев (эту роль играл Николай Баталов) идет с группой беспризорников, мог заметить, что они на своем пути в будущую коммуну переходили через трамвайную линию как раз около этой одноэтажной пристройки к нашему дому.

Напротив подъезда находилась трамвайная остановка. В довоенные годы трамвай под номером 45, проезжавший мимо нашего дома, поворачивал налево, на Грузинскую улицу. В другую сторону он ехал на Вокзальную площадь, где располагался Казанский вокзал напротив Ленинградского и Северного (Октябрьского) вокзалов. Дальнейшего маршрута этого трамвая тогда не знал.

Как бы продолжением Грузинской улицы был узкий Александро-Невский переулок, который упирался в территорию, на которой когда-то размещался Александро-Невский монастырь. Когда впервые его увидел, от монастыря оставались лишь развалины – высокая лицевая стена, а от боковых стен сохранились лишь руины. Мне рассказали, что монастырское здание пытались уничтожить динамитом. Однако это привело к тому, что в соседних зданиях после мощного взрыва появились трещины в стенах.

Ликвидировать остатки монастыря сумели лишь в послевоенные годы, используя «современную» технику разрушения, – огромный каменный шар, стальной цепью присоединенный к крану соответствующей строительной машины.

На площади, оставшейся от территории бывшего монастыря, устроили Тверской сквер, в котором были и пешеходные дорожки под кронами деревьев, и площадки для спорта. Мне довелось иногда в этом сквере играть в волейбол. Но мяч перебрасывали не через сетку, а друг другу, образуя небольшой кружок ребят.

С другой стороны Александро-Невского переулочка высился многоквартирный кирпичный дом. Почему-то его называли Красной коммуной. Ребята предупреждали меня, что среди парней этого дома немало хулиганов и бандитов. Однажды сам убедился в этом.

Никогда не видел, чтобы по этому переулку проезжала какая-нибудь машина. И ребята с нашего двора как-то там гоняли между собой мяч. Это не могло быть серьезной игрой, просто пасовали ногами его друг другу. Вдруг этот мяч оказался перед парнем старше нас на несколько лет. Кто-то из ребят испуганно ойкнул. Потом мне сказали, что этот парень был одним из главарей бандитов этого дома. Он поставил на ногу мяч, взглянул с ухмылкой на нас и, подняв ногу, раздавил мяч, лопнувший с треском. Не помню, прозвучали ли тогда какие-то слова, но мы сразу разбежались и больше никогда не проводили время в том переулке.

Комнатище!!!

Вернемся, однако, к описанию нашего жилища. На кухню выходила дверь комнаты, куда поселилась семья Блох. Прежде всего, следует рассказать, как мы в ней размещались и какая в ней стояла мебель. Замечу, что на первый вопрос ответить полностью не смогу, поскольку самому кое-что непонятно. Позднее узнал, что ее размер был менее 14 квадратных метров.

В стенке слева от двери находились два окна в двор, разделенные друг от друга небольшим простенком.

Рамы этих окон потрескались от старости. Образовавшиеся в них щели приходилось тщательно замазывать. Всё время следовало следить за состоянием этой замазки, подновлять или заменять превратившуюся в отвердевшие кусочки. Кроме того, на зимние месяцы рамы проклеивали слоями бумаги. А внизу, между рамами, помещался слой ваты, покрытый вошеной бумагой.

Открывать можно было только форточки для проветривания и для другой цели. В них просовывали в авоське продукты, которые нельзя было сохранить при комнатной температуре (современному человеку непонятно это слово, означавшее хозяйственную сумку, сплетенную из суровых и прочных нитей. Эту сумочку легко было зажать в кулаке. В те годы она была постоянной и неизменной спутницей каждого человека. Тогда было

неизвестно, что может встретить, идя по улице, а если это оказывался продукт или предмет, который был необходим для какой-нибудь цели, то его следовало непременно купить, поскольку в другое время нельзя найти. Купленное можно было спокойно положить в сетку). Холодильников в домах тогда не было. Вот и висели в окнах почти каждой квартиры эти авоськи с мясом и другими скоропортящимися продуктами.

Этажерка

В простенок между окнами габаритную мебель поставить было нельзя. Помещалась только небольшая этажерка. Над ней все эти годы висела небольшая черная полочка (сейчас она здесь, – висит на стенке, перед которой стоит мой письменный стол). Стоит чуть-чуть поднять голову, и можно ею полюбоваться. (Гарик как-то образом сумел нам с Лидой ее переслать вместе с маминым маленьким заварочным чайником). Она представляет собой довольно сложное сооружение, поскольку состоит как бы из трех составных частей, причем только одна прикреплена к стене. Вторая расположена перпендикулярно первой и крепится к ней двумя крошечными крючочками. Сверху, как бы накрывая их, также перпендикулярно стене находится третья, полукруглая крышополочка. Сама полочка черного цвета с нарисованной картинкой сборки яблок в Японии.

А выше полочки размещалась фотография Сталина, что было обычным явлением в те годы. Над нею висела черная «тарелка» радиорепродуктора.

На верхней полочке этажерки было полно каких-то небольших предметов. Из них помню только маленький глобус, но он появился, наверняка, в мои школьные годы. А также мамины духи «Красная Москва» с ужасно приятным ароматом. Как-будто там также стоял стаканчик с карандашами.

Бедная этажерка, заменявшая книжный шкаф, была всегда плотно забита книгами. Естественно, среди них находился томик избранных произведений Пушкина, а также Краткий курс истории ВКП(б). Да еще несколько моих детских книг – «Айболит» Толстого, басни Чуковского, а позднее – мой любимый сборник английских легенд – «Рыцари Круглого стола», а также «Маленький лорд Фонтлерой», принадлежавший перу Фрэнсис Бернетт. Вспоминается и однотомика стихов и поэм Маяковского.

Другие книги появлялись и исчезали (в том числе мои школьные учебники), а названные стали как бы постоянными обитателями обеих полок этажерки.

К этому тексту следует добавить цитату из письма Гарика:

«Я вспомнил этажерку и две книги – короля Артура, о которой ты пишешь, и книгу под названием “Дольф – герой бур”, практически единственный источник моих знаний об англо-бурской войне. Кстати, решил узнать, сохранилась ли память об этой книге где-нибудь. Оказалось, что она переиздавалась в серии книг “Библиотека приключений и научной фантастики” (помнишь, обложки книг той серии обязательно содержали большой прямоугольник, где была иллюстрация из книги, автор и название. Оказывается, среди книголюбов эту серию называли “Рамочка”»²³.

Кроме того, в одну из полок этажерки был втиснут альбом с семейными фотографиями. Они сохранилась у нас с Лидой. В этом альбоме внутри его листов лежали цветные открытки с набором грузинских одежд, небольшие репродукция картин Михаила Врубеля «Сидящего Демона», «Тамары и Демона», «Сирень», «Царевны-лебедь», репродукция картины Арнольда Беклина «Остров мертвых».

²³ Из письма Гарика Фреду от 10 мая 2019.

Прочая мебель

Стена, расположенная против входной двери в комнату, была заставлена мебелью. Диван с высокой вертикальной стенкой и полочкой, на которой красовались семь крошечных слоников, превращался ночью в мою постель. Рядом с ним возвышался славянский шкаф, хранилище домашней посуды, одежды, белья, полотенца и верхней одежды. Замыкала эту мебель спинка кровати, которую поставили вдоль другой стенки, противоположной стене с окнами. На этой кровати спали бабушка с бабушкой. Но между шкафом и кроватью была втиснута складная ширма. В развернутом виде на ее ткани красовались японские виды.

У последней стены размещалась еще одна кровать, на которой спала мама. Больше у этой стены поставить было ничего нельзя, так как часть ее занимала, обитая кафельными плитками, часть печки, находившейся в коридоре, а также проем двери в комнату.

Никак не могу себе представить, где спал младший брат мамы – Аля, который жил с нами там примерно до 1938 года.

Возможно, для этого расставляли кровать-раскладушку, хотя в те времена это были весьма нелепые деревянные монстры из длинных жердей и полотняного полотнища между ними. Трудно себе представить, чтобы его удалось втиснуть а небольшое незастроенное пространство. Но в памяти почему-то возникает это чудовище. С утра и до позднего вечера оно стояло в чулане.

Посредине комнаты, перед диваном под коричневым абажуром размещался небольшой круглый стол. Когда-то он был квадратным, но позже его переделали в круглый. Вокруг него мы все рассаживались с большим трудом во время ужина. Сидеть можно было на диване и нескольких венских стульях. Но когда предстояло разместить вокруг стола больше пяти человек, разумеется, возникала проблема. Над столом висел коричневый абажур, смягчавший яркость электрической лампочки. В то время окна многих московских квартир по вечерам освещались этим ласковым и добрым светом.

На полу относительно «свободного» пятка между столом, шкафом и кроватью лежал квадратный небольшой темнокоричневый ковер с небольшой бахромой. Его называли персидским ковром.

В других домах видел ковры, висящими на стенах, лежащими на диванах и сундуках, и довольно редко – на полу. Что ж, каждому – свое!

В комнате где-то, где ума не приложу, размещался и швейный станок «Зингера». Помню, как бабушка или мама крутили ногой педаль, а иголка станка быстро-быстро сновала вверх и вниз, зашивая ниткой что-то. Насколько знаю, у многих наших друзей также имелись свои «Зингеры».

Новогодняя елка

А под Новый год в комнате появлялась небольшая елочка. Ее покупали на елочном базаре, располагавшемся в такие дни на площади Белорусского вокзала. Елочку приносил Аля (о нем расскажу позднее), а когда он внезапно исчез, кто-то другой из взрослых. Но она возникала в конце каждого декабря.

Елку устанавливали на крестовину и закрепляли в этом положении двумя веревками, привязанными под углом к чему-то прочному. Всё это делали взрослые. Потом начиналось чудо превращения елки в нечто сияющее и прекрасное. На нее навешивались елочные игрушки, сверкающие мохнатые гирлянды и маленькие лампочки. Сверху водружалась красная звезда.

Низ елки и пол вокруг нее покрывался белой ватой. На нее водружали фигурку маленького деда Мороза. В украшении елки участвовал и я.

Елка находилась в комнате первую декаду января. К концу ее иглы елки осыпались. Пропадал их непередаваемый аромат. Елку выбрасывали во двор. Там ее либо сжигала дворничиха, либо отправляли в мусорный ящик.

Под Новый год под елку клали подарки – коробки конфет, либо красивые игрушки, а также какие-нибудь сувениры. Больше всего подарков выпадало на мою долю. Но полагалось одаривать и других детей. В этот вечер кто-нибудь из наших друзей вместе со своими детьми принимали участие в праздничном ужине.

В тот день с утра до вечера по радио передавали песенку «В лесу родилась елочка...», полагалось водить под эту песенку хороводы, но в нашей комнате это было невозможно. Вечером раздавались подарки. На, цветной бумаге, которой они были обернуты, красовалось имя того, кому подарок предназначался.

Затем устраивался праздничный ужин, завершавшийся чаепитием. На столе появлялся торт «Наполеон», испеченный бабушкой, конфеты, печенье, варенье.

После ужина мамы и папы одевали своих чад в шубки и уводили домой.

Что происходило позже, не могу сказать, так как меня укладывали спать. И как все размещались в нашей комнатке также для меня остается загадкой.

Дней через десять елку «разбирали», очень осторожно снимали с ветвей хрупкие шары из цветного тончайшего стекла, прочие украшения и гирлянды. Доставался из-под елки Дед-Мороз. Всё аккуратно складывали в коробку.

Коробка с елочными украшениями и крестовина после этого водружались на антресоль квартиры и появлялись лишь на следующий Новогодний праздник.

На Красной площади Москвы также устанавливали елку. Разумеется, это была огромная ель. Считалось, что это – главная елка страны. И ее украшали. Мне приходилось в эти дни бывать на этой площади и любоваться той елью.

Вообще тогда Новогодние елки появлялись во всех квартирах, клубах и общественных центрах. Первое января каждого года объявляли праздничным днем. А у школьников начинались новогодние каникулы.

Смена обстановки

Вернемся к «нашим баранам». В разные времена обстановка в комнате немного менялась. Подчас возникала необходимость разместить в ней что-то еще. Во время войны, когда мы с бабушкой вернулись в Москву из эвакуации, кухонная печь уже не действовала. Бабушка нашла где-то печника, и тот соорудил в комнате небольшую кирпичную печку. Она находилась с правой стороны от входной двери, а ее железная труба, огибая дверь, заканчивалась в форточке окна. В стеклах этой двойной форточки проделали для нее отверстие.

Позднее в дом провели газ и печку, естественно, ликвидировали. Но в то время возникла новая проблема, я нуждался в месте, за которым можно было спокойно делать уроки. Если в начале моей школьной жизни для этого подходил и круглый стол, то теперь следовало организовать более удобное сидение.

Тогда перед окном, находившемся непосредственно возле двери, поставили продолговатый столик, игравший роль письменного стола. Правда, когда я за ним сидел, возникала трудность для прохода из кухни в комнату, или наоборот выхода из нее. Но поскольку во время моих занятий дома находилась только бабушка, это не составляло проблемы.

Много позднее, когда мы предпринимали попытку изменить наши жилищные условия, выяснилось что в прошлом эта комната представляла собой квартирную кухню, а не жилое помещение. Неизбежное уплотнение жилья в 20-е годы привело к тому, что кухню превратили в жилую комнату, а квартирным хозяйкам пришлось готовить пищу вместо нормальной кухни в части квартирника коридора.

И уж совсем последнее – во времена подготовки Москвы к проведению Олимпийских игр 1980-го года, наш дом вообще снесли. Случайно оказался в этих местах. Увидев вместо дома, в

котором прошло мое детство, юность и несколько лет семейной жизни, пустую площадку, был не только огорошен, но почувствовал как в сердце что-то кольнуло, на душе стало очень грустно.

Хождение в баню

Поскольку в квартире нельзя было пользоваться ванной, так как необходимого количества горячей воды ни в кастрюлях на печке, ни на керосинках согреть для того, чтобы помыться в ванной, было невозможно, приходилось, как и абсолютному большинству москвичей в то время, отправляться в баню. Благо Оружейные бани находились от нашего дома недалеко.

Начиналась Третья Тверская-Ямская вблизи площади Маяковского (бывшая Триумфальная площадь) (собственно, улица Горького, главная улица Москвы, получила такое название лишь в 1936 г. после смерти писателя, а до этого, называлась Тверской улицей)²⁴. Перпендикулярно к началу нашей улицы располагался Оружейный переулочек, в одном из дворов которого находились Оружейные бани.

Естественно, пользовались ими жильцы нашей квартиры задолго до моего рождения, я могу об этом говорить лишь с того времени, как начал что-то понимать. И первым моим воспоминанием этих событий, было то, как дедушка, Аля и я шли по нашей улице, свернули в Оружейный переулочек и вскоре перед нами открылся довольно длинный проход во двор, в глубине которого стояло здание бани. Дедушка купил в кассе талончик в семейное отделение. Там был предбанник, в котором мы разделились, и прошли в другое помещение, где и мылись, используя шайки с горячей водой.

²⁴ Еще до царствования Ивана Грозного на этом месте располагалась Тверская ямская слобода, Жившие в этой слободе ямщики обеспечивали перевозку почты, пассажиров и грузов по тракту Москва – Тверь, а затем Москва – Санкт-Петербург. Эти улицы, по правую сторону от Тверской улицы, назывались Тверскими и отличались порядковыми номерами.

Больше ничего не вспоминается, кроме этого длинного входа во двор бани. Посещал баню и позднее, обычно раз в неделю. В памяти только осталось, как мы с бабушкой, входили в этот вход и подходили к кассе бани. Естественно, она покупала билет в женское, а я – в мужское отделение, и договоривались затем встретиться у выхода из бани.

Номерок, который получал в раздевалке, за пальто и шапку, создавал большую проблему для моющегося человека. Обычно приносили с собой веревочку. Провел один ее кончик в «ушко» номерка и связав двумя узлами с другим концом веревки, получал возможность просунуть в образовавшуюся связку руку. Тем самым обезопасил себя от потери номерка во время мытья.

Другую одежду и полотенце оставлял на крючке над скамейкой со стенкой в предбаннике, ботинки – под скамейкой и мог теперь идти в помывочный зал, взяв с собой мыло и мочалку.

Там от пара почти ничего разглядеть нельзя. Всё же как-то удавалось найти свободное место на одной из каменных скамеек и шайку. Налив в нее горячую в меру воду из крана, разбавив ее холодной, дотаскивал эту шайку до этого места и, наконец занимался помывкой. Закончив ее, следовало окатить себя чистой водой из шайки или добравшись до отгороженных кабинок для душа, смыть с себя мыльную пену и выйти в предбанник.

Потом обтереться и одеться, получить в раздевалке пальто и шапку и отправиться домой.

Вся эта процедура занимала около часа времени и повторялась через неделю.

Дача в Малаховке

Примерно в середине тридцатых годов дедушка вступил в дачный кооператив. О том времени помню, как по вечерам дедушка и мама за круглым столом что-то писали, и заполняли какие-то бумаги. И это заняло довольно много вечеров.

Но решающую роль в том, что удалось набрать необходимую сумму денег для вступления в дачный кооператив, сыграло совсем другое событие –

«крупный выигрыш в лотерею Осовиахима²⁵. Вообще это единственный крупный выигрыш в нашей семье, позднее удалось выиграть пылесос, а также 2500 рублей, на которые купили фотоаппарат “Зенит-С”.

Семья долго обсуждала вопрос, как потратить свалившиеся с неба деньги. Было две возможности – вступить в кооператив, строящий дачи, или – в первый в Москве жилищный кооператив и получить квартиру. Остановились на дачном кооперативе, но мама, когда рассказывала мне эту историю, кажется, сожалела об этом выборе. Но она никогда не осуждала себя и бабушку с дедушкой, что приняли дачный вариант. Когда я потом вспоминал об этом ее рассказе, понял, что тем самым мама научила меня не сожалеть потом о своем выборе, даже если он оказывался далеко не лучшим»²⁶.

И летом 1937 года мы всей семьей выехали на дачу в довольно известном впоследствии поселке Малаховка, отстоявшем в 29-ти км. от Москвы по Казанской железной дороге, где после войны находилась «московская барахолка» – вещевой рынок.

Добирались мы туда в первый раз, и впоследствии обычно в начале лета, на грузовике. Это запомнилось как очень приятное событие – сидеть в кузове, забитом вещами и мебелью. Среди этих вещей, оказался, между прочим и самовар, до этого спокойно хранившийся на антресоли.

Машину довольно сильно потряхивало на колдобинах, хотя мы ехали по шоссе. Помещали меня для безопасности на скамью позади кабины шофера и мама заботливо придерживала сыночка на всякий случай.

²⁵ Осовиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948. Исполнялась для физического воспитания молодого поколения и подготовки его к военной службе.

²⁶ Из письма Гарика Фреду от 22 апреля 2019.

Одноэтажная дача произвела на нас впечатление дворца. К ней была пристроена большая терраса, выступавшая своеобразным эллипсом вдоль одной из стен. Позднее ее застеклили и обычно в дачный сезон, кроме ночи, мы проводили время на террасе, за круглым столом.

У самовара

Больше всего мне запомнилось чаепитие, которое происходило несколько раз в день. По вечерам и по воскресным дням дедушка осторожно вносил на террасу самовар с кипящей водой и водружал его на стол. На конфорку самовара ставили заварочный чайник. На столе расставлялись вазочки с конфетами, вареньем, сахарным песком, весьма популярным тогда колотым сахаром, около этой вазочки, на блюдечке лежали сахарные шипцы, чтобы раскалывать большие куски сахара (я же старался кусок сахара разгрызть зубами, получая таким образом двойное удовольствие), чашки с блюдечками и чайными ложечками на этих блюдечках, розетки для варенья и прочая снедь.

Стол был покрыт клеенкой и льняной скатертью. Одна из них мне запомнилась: белого цвета, обшитая по краям синими нитками. В центре скатерти красными нитками была выделена как-бы рамка рисунка. Внутри ее находилось вышитое также красными нитками очертание фигуры женщины, пьющей чай из блюдца. Ниже этой рамки красовалась надпись, вышитая синими нитками: «Выпей чайку – позабудешь тоску».

Эту скатерку помню украшавшей наш стол в Москве. Даже после нашего возвращения из эвакуации она нередко появлялась на столе. Естественно, с годами скатерть пришла в негодность. Ее постигла обычная участь – превратиться в тряпки, а потом сгинуть в помойном ведре.

Впрочем, в памяти она по-прежнему красуется на столе.

Бабушка разливала чай в чашки. Чай можно было пить сладким, предварительно размешав ложечкой сахарный песок или пи-

ленный сахар, который также быстро растворялся. Приятнее для меня – в прикуску, посасывая во рту кусочек колотого сахара и превращая глоток чая в проглатываемую сладость.

Тогда мы с бабушкой пили чай из блюдечка, осторожно держа его в растопыренной ладони правой руки. Полагалось сначала подуть на чай, чтобы не обжечься. С годами стал пить из чашки, но не забывал при этом подуть на поверхность горячей жидкости.

Иногда сахар заменялся конфетой. Описывать, как ее отправлял в рот, прежде чем глотнуть чаю – это написать поэму! Чаше всего эту роль выполняли «Подушечки».

Ее надо было положить в рот на язык, но не надкусывать. Сделать несколько глотков чая и ощутить вкус повидла, находившегося внутри «Подушечки».

Иногда – это бывала другая конфета – мармелад или лимонные дольки. Из конфет в фантиках самыми любимыми были «Раковые шейки». Но описывать всё это – невозможно, так как рот переполняется сладкой слюной.

Обожал сосать карамельки. Обычно их покупали в небольших металлических коробочках. Почему-то за карамельками закрепилось название ландринки или ландринное монпасье. Они были разного цвета, но всегда прозрачного вида как бы застывшими капельками. Их можно было долго посасывать во рту. Когда эта капелька истончалась, с хрустом раскусывал и маленькими кусочками проглатывал. Но пить чай с ними не получалось.

С проблемой чаепития покончить не удалось, так как надо рассказать о важной части ее приготовления.

«Накормить» самовар, чтобы он в ответ выдал кипяток, было непросто. Сначала приходилось его залить водой. Это было несложно, поскольку надо было покачать несколько раз длинную деревянную ручку насоса и из крана начинали литься струи воды. Из заполненного ведра осторожно заполнить пустые полости самовара, затем плотно закрыть эти полости кругом – литым металлическим кольцом.

Когда еще не было на участке колодца, приходилось приносить воду из общественного колодца, опуская на цепи ведро, пока оно не наполнилось водой. Тогда надо было крутить ручку круглого бревна, висящего над колодцем, пока цепь не намотается на него и удастся втащить проклятое ведро на стенку колодца. Это было нелегко. Затем предстояло перелить воду в свои ведра и при этом самому не облиться. И притащить эти ведра домой, не пролив при этом воду из ведра. Это тоже было сложно и тяжело.

Естественно, такую работу мог выполнить только достаточно сильный человек, кто-то из взрослых членов нашей семьи. Я же стоял рядом с бидончиком, в который также наливали воду.

Тем же летом на нашем участке появились рабочие и за несколько дней соорудили колодец типа ручной насос. Струю воды можно было получить, из трубы, конец которой был похож на букву «Г». Для этого нужно было только несколько раз покачать длинное коромысло.

Вернусь к самоварной эпопее. После того, как самовар был заполнен водой, ее следовало вскипятить. Для осуществления этой процедуры надо было кувшин (внутреннюю трубу) самовара заполнить сухими веточками, щепочками, затем их разжечь, сунув туда горящую щепочку.

Собирать шишки, щепки, сухой хворост приходилось довольно часто и на то, чтобы скипятить воду в самоваре, уходило не менее четырех корзинок шишек. Надо было их собирать в небольшом лесочке, за забором. Это уже была моя миссия. Подчас делать это, мне надоедало, но это поручение приходилось выполнять.

Неприятность ожидала в случае прошедшего недавно или в тот же день дождя. Шишечки сворачивались, хворост становился сырым. Чтобы избежать этого, я заранее насыпал хворост и шишки под террасу. В ограждении этого подполья имелась небольшая дверца. Я пролезал в нее и на корточках высыпал содержимое корзинок на землю. Получившаяся кучка шишек и прочего исчезала довольно быстро и приходилось ее постоянно пополнять.

Разжигать и поддерживать огонь в кувшине самовара, мне естественно не доверялось. Это также было делом взрослого. Происходило это так. В кувшин набрасывались щепочки и веточки, затем просовывалась туда же подожженная щепка. Если огонь разгорался сразу, нужно было только его поддерживать. Но подчас ветки не разгорались, а только тлели. Тогда приходилось сильно дуть в этот кувшин и подчас несколько раз.

Когда огонь разгорался, на кувшин надевали Г-образную железную трубу, которую следовало всё время держать вертикально. Для этого к трубе была приделана железная ручка. Они основательно раскалялись, поэтому приходилось использовать тряпки, чтобы не обжечь руки.

Через несколько минут вода закипала, об этом свидетельствовал белый пар, прорывавшийся через небольшие дырочки в кругу. Трубу убирали, а сам кувшин накрывали тушилкой (железным колпачком). Погасал огонь и переставали тлеть угольки. После этого можно было осторожно внести самовар на террасу и поставить на стол. Начиналось чаепитие.

Застольные игры

За этим сталом мы проводили немало времени, особенно в дождливые дни. Нередко играли в домино. Когда на даче оставались мы с бабушкой, играли с ней в карты. Игры были самые простые – в «подкидного дурака», в «пьяницу», в «девятку». Когда я подрос – в «66». Но самой любимой игрой, в которой азартно участвовали все члены семьи являлось лото.

Каждый игрок получал по три карточки. На каждой имелись три строки с девятью квадратиками. Четыре из них были пустыми, а в пяти произвольно значились цифры от единицы до ста.

Главным атрибутом игры был мешочек, в котором лежали сто маленьких деревянных боченков. На плоских сторонах этих боченков красовались цифры от единицы до ста.

Ведущий, получавший этот мешочек, вынимал, не глядя, боченок и называл цифру. Каждый, включая ведущего, проверял все цифры своих карточек. Если при этом в каких-то квадратиках оказывалась названная цифра, то закрывал ее монеткой.

Как только квадратики одной из строк были заполнены монетками, их «хозяин» говорил: «У меня строка».

Тот, у которого одна карточка оказывалась с полностью закрытыми квадратиками, объявлял: «Я закончил!»

После этого называл эти цифры, а ведущий отыскивал соответствующий боченок среди объявленных. Если всё совпадало, этот человек становился победителем в игре.

Она либо заканчивалась, либо продолжалась до тех пор, пока только у одного игрока не были закрыты все квадратики с цифрами. Он становился проигравшим.

Поскольку затронул тему карт, стоит сказать, что мне очень нравились карточные фокусы. Долго не понимал, как Аля это делал. Он заставлял меня запомнить показанную карту, вытянутую мной произвольно из колоды карт, которую он держал в кулаке. Потом подсовывал колоду под скатерть и, плотно сверху ее придерживая, предлагал мне вставить карту в колоду. Сам он в тот момент отворачивался.

Затем доставал колоду, попросил меня крепко ее держать, за дальний от него край колоды. Эффектно ударял по ней, карты рассыпались, но в руках у меня оставалась загаданная ранее карта.

Потрясенный таким итогом фокуса, я часто просил Алю, продемонстрировать мне этот фокус по частям. И всё равно секрет не удавалось раскрыть. Впоследствии узнал разгадку этого фокуса.

Оказалось, что под скатертью Аля переворачивал колоду, чтобы «рубашка» карт очутилась внизу. Поэтому сразу узнавал загаданную мной карту. Он делал ее последней.

Озадачил меня и другой показанный им фокус. Аля разложил на столе по парам какое-то количество карт, вверх рубашкой. Затем предложил мне выбрать и запомнить какую-то пару карт. Сам при этом демонстративно отвернулся.

После этого, взял все карты, и не тасуя их, разложил на столе вверх лицевой стороной четыре ряда по пять карт. Но расклады-

вал их не подряд, как-то странно. Предложил сказать, в каком ряду оказалась каждая из загаданных мною карт. Когда я назвал эти ряды, Аля тут же ткнул пальцем в обе эти карты. Это поразило меня. Не помню, каким образом (но много позднее) мне удалось узнать этот секрет, который заключается в магической фразе: «Наука умеет много гитик». И попарные карты следует раскладывать в соответствии с повторяющимися буквами этой фразы.

Гости

Естественно, к нам подчас приезжали друзья и родные, обычно по выходным дням. В моей памяти по этому поводу ничего не сохранилось, но фотографии тех лет показали, что приезжала давняя подруга мамы Наташа Рожкова, и что поразило меня, поскольку совсем забыл, что гостями стала семья маминой сестры Сарры, которая жила в Казани. Вместе с ней и ее мужем дядей Борей, приехали их дети – Эдик, который оказался старше меня на год и его младший братик Женя. Во всяком случае, когда мы с бабушкой зимой 1941 года ездили в Казань в гости к тете Сарре, семью Горфиль я уже знал и воспринимал как близких и родных людей.

Дача и грядки

Теперь вернусь к описанию дачи и участка. Небольшая лестница из трех ступенек из сада вела к дверям террасы, через которую можно было пройти во внутренние помещения. Там располагались три комнаты, причем одна из них была довольно большой, другая – поменьше, а третья – вовсе мне показалась крошечной. В доме был и второй выход. Справа от двери этого выхода находилась небольшая кухня.

Естественно, где-то в углу участка соорудили уборную. Кроме того, построили огромный, так мне тогда казалось, сарай. Впро-

чем в этом не уверен, а возможно, что его вскоре снесли за ненадобностью. Территория участка оказалась довольно большой, там возвышались несколько сосен, в основном же она была ровной.

Вскоре какую-то ее часть заняли грядки с клубникой. Кроме того, посеяли на одной грядке семена редиски, на другой рассаду зеленого лука. Высадили также семена моркови и рассаду огурцов.

Приходилось регулярно пропалывать ростки растений, чтобы грядки не заросли сорной травой, для чего вырывать сорняки вместе с корнями, уносить их подальше, а потом сжигать на костре. И это пришлось повторять несколько раз. Сорняки оказались очень живучими.

Эту работу выполнил я. Вскоре мы смогли пользоваться овощами и ягодами, выросшими на собственных грядках!

Вдоль дорожки от калитки в заборе до лестницы террасы с обеих сторон высадили цветы. Из них мне запомнились «Анютины глазки» и «Табак».

Около входа на дачу разбили небольшую клумбу в которую тоже высадили какие-то цветы. Кроме того, возле террасы посадили куст сирени.,

А вот кто осуществил эти посадки не помню, но я и мама (во время отпуска) их поливали. Мама – с помощью нормальной лейки, а я это делал маленькой лейкой. Приходилось поливать и грядки. Только что дождик время от времени приходил нам на помощь.

Кроме того, устроили холодный душ. Но, кто таскал туда в ведрах воду, не могу сказать. Еще помню, как мама выбегала из душа, обтершись полотенцем, в сарафанчике, но с мокрыми волосами.

Не могу твердо сказать, что всё это произошло в то первое лето, но многое – именно тогда.

Наш участок располагался примерно в получасе ходьбы от железнодорожной станции. Часть дороги шла через небольшую рощицу. Этот путь всегда был очень приятным.

Одной стороной участок дачи выходил на Советскую улицу, вдоль которой размещались кооперативные дачи.

Купание

В жаркие дни мы с мамой несколько раз ходили к ручейку, вода в нем еле струилась и по туннелю под железнодорожной насыпью перетекала на другую сторону. Там в послевоенные годы построили запруду, в результате чего возник то ли пруд, то ли озеро. Но добираться туда по жаре было долго и утомительно, и там побывали всего лишь раз. Иногда по Советской улице отправлялись купаться на озеро в Красково, скорее большой пруд. Хотя такая прогулка была приятной, но идти приходилось довольно долго, потому совершили ее лишь несколько раз.

Первоначально мы (включая соседских ребят) предпочитали купаться в небольшой запруде, образовавшейся перед туннелем под железной дорогой. Там можно было лишь окунуться. Но уже в середине лета вода в ней из-за того, что течение было слабым, зацветала, и в нее входить стало неприятно. В последующие годы этой запрудой уже не пользовались.

Однажды ребята позвали меня прогуляться в лес. Примерно через полчаса, пройдя небольшое поле, мы вступили в это лесок. Дорожка сменилась тропками, по одной из которых углубились в лес. Тропка неожиданно оборвалась перед небольшим озерцом, который мои спутники легко переплыли и выбрались на другой берег. Я тогда плавать не умел совсем. Подумал, что смогу его перейти вброд и вошел в воду. Сначала было мелко, потом погрузился по грудь. Ребята подбадривали меня, крича, чтобы я смелее шел дальше. Сделав несколько шагов, неожиданно для себя провалился в яму. Пытался подняться, но ничего не получилось, барахтался, но ничего не случилось. Наглотался воды и потерял сознание. Очнулся на берегу. Кто-то из ребят вытащил меня. Дальше уже не пошли и вернулись домой. С тех пор в лес ходил только со взрослыми.

Соседи

Из тех, кто в первые годы поселился на этих дачах, мне запомнилось всего несколько человек. В том числе известная актриса МХАТа Екатерина Еланская, впрочем, она вскоре уехала оттуда. Запомнил и одного из дачников по фамилии Зельдович. Кажется, что его называли судьей. А остался он в памяти потому, что приятельствовал и играл с его внуком Фелей, который был меньше меня и по годам и ростом.

На даче дружил и общался с Леночкой Шкаровской, жившей в даче на другой стороне той же улицы. Она была старше меня на пару лет. Позднее, когда мы оба подросли, понял, что она мне весьма нравится, но никогда ей это не показывал. Полагаю, впрочем, что она об этом хорошо знала.

Ее отец работал юристом в наркомате, где служил дедушка, а ее мама развела на их участке такое количество малины, что когда эти кусты вытянулись вверх, то складывалось впечатление, будто вдоль дорожки от калитки к двери дачи стоит стена из этого кустарника. Шкаровские даже жили на своей даче круглый год. Видимо, что это было связано с тем, что серьезно возросли кооперативные выплаты.

Дедушке пришлось продать половину участка, а также две комнаты дачи. В нашем распоряжении остались лишь одна комната и терраса. Новые соседи, помню их смутно, пристроили ко второму выходу террасу. К ним отошла также кухонька. Общий участок не перегораживали, просто на их территорию никогда не заходили. Да и общались, насколько помню, с ними весьма редко, но конфликтов между нами, как-будто, не было никогда.

Мороженое!!!

Ярким событием в летние дни становилось появление на Советской улице тележки с мороженым, которую катила женщина в белом халате. Отовсюду сбегалась ребятня. Продавщица, получив

несколько монеток, поднимала крышку металлической банки, обложенной льдом, и ложкой ловко вычерпывала мороженое, вкладывая его между двумя круглыми вафельными пластинками. И в моих руках оказывалось это чудесное лакомство, которое надлежало аккуратно слизывать, всё время вращая вафельные пластинки, следя, чтобы капли быстро таевшего мороженого попали в рот, а не упали на дорогу. А когда мороженого уже не оставалось, съедались оставшиеся вафельки. День был прожит не напрасно!

Детская железная дорога

Еще одно воспоминание тех лет. На станции Кратово, второй от Малаховки в сторону Раменское, конечной станции, существовала и функционировала Детская железная дорога. Все там было по настоящему, только маленьким – паровозик, вагончики, расстояние между рельсами и маршрут. Остальное – настоящим, только машинистами, проводниками и контролерами были ребята, одетые в соответствующую форму. И, разумеется, – пассажиры. Паровоз давал гудок, поезд медленно начинал движение и, проехав свой маршрут, возвращался к другой стороне платформы. Радостные пассажиры выходили на перон, где их ждали мамы и папы. Меня посадила в поезд и встретила мама. Все были счастливы!

Кончина дедушки

Страшным и малопонятным событием в памяти осталась кончина дедушки. Этому предшествовала его тяжелая болезнь. Я тогда уже учился в школе. В один из тех дней увидел, что бабушка рыдает и бьется головой о стену в уборной нашей коммунальной квартиры. Это было 23 октября 1940 года.

Понял, что наступили последние минуты дедушкиной жизни. Мама, оказавшаяся дома, схватила меня за руку и отвела в эту

«Красную коммуну», на верхнем этаже одного из подъездов которого жил мой одноклассник и тогдашний приятель Женя Персиц. Впервые, кстати, увидел тогда, что семья из трех человек, жила в отдельной квартире! О чем-то пошептала с его мамой и ушла. Последующие пару дней провел у Персицев. Потом пришла мама, и привела меня домой. Увидев пустую кровать, на которой раньше лежал дедушка, заплакал.

Последующие дни совершенно выпали из памяти. Запомнилось только, как мы с ней поехали в крематорий и в окошке получили маленькую урну. Мама бережно отнесла ее к одной из стен колумбария, где оказалась предназначенная для захоронения ниша в самом нижнем ряду. Человек, сопровождавший нас, закрыл эту ее какой-то плитой. Через какое-то время плиту заменили мраморной, на которой были выбиты несколько слов, закрашенных золотой краской. Траурная надпись содержала, помимо имени, отчества и фамилии дедушки, дат его жизни, прощальные слова его жены и детей. Поскольку ниша находилась в нижнем ряду стены, на участке земли перед ней посеяли траву и там всегда можно было положить букет цветов, который мы оставляли, навещая дедушку.

Много лет спустя в той же нише захоронили прах бабушки, Жени, внука дедушки, младшего сына его второй дочери Сарры. И мы с Лидой, Гариком, Олей, Наташей и мужем Оли – Димой там же простились с нашей мамой.

То, что после переезда в США не могу навещать это место и, молча, пообщаться с мамой, – навсегда осталось моей душевной болью. За меня привет ей передает Гарик, но это не утешает.

К сказанному могу добавить кое-что: узнал это от бабушки и мамы, – у дедушки были братья. Бабушка как-то обмолвилась, что дедушкин старший брат (возможно, впрочем, что говорила о нескольких братьях), уехал в Америку.

Кроме того, у деда был младший брат (по отцу) – Марк, который в конце войны работал в администрации Театра Красной Армии.

Это весьма странно, но ни разу в детстве у меня не возник вопрос, почему моя фамилия Фирсов, а вокруг меня люди с фамилией Блох. Что это – недостаток сообразительности или же связано с тем, что на это не надо было обращать внимание? Наверно, просто потому, что ощущал любовь и заботу обо мне взрослых, и мне вовсе не приходилось задумываться этой нелепицей.

Новогодний урок

После нашего возвращения в Москву из эвакуации (последовательность событий в изложении соблюсти невозможно) дядя Марк взял меня с собой на детский праздник Новой Годней Елки. Это было в январе 1944 года.

На сцене театра увидел тогда еще молодого и малоизвестного Аркадия Райкина. Тот внезапно достал из кармана пиджака куклу-матрешку, с которой возник продолжительный диалог, буквально до слез рассмешивший малолетних зрителей. Он состоял в том, что этот «малыш», постоянно настойчиво чего-то добивался, повторяя: «Хочу чая! Хочу чая!», а в другом случае таким же образом, постоянно объясняя собеседнику: «Хочу пи-пи!, Хочу пи-пи!». И при этом губы Райкина были закрыты. Создавалась впечатление, что мы слышим голос самого «малыша».

О прочих представлениях на том празднике больше ничего не помню. Но врезалась в память одна неприятная штука. Как полагают, в конце праздника, каждый ребенок получал подарок со сладями. Так вот, дядя Марк отобрал у меня этот гостинец. Для меня этот поступок моего дальнего родственника, к тому же, в моих глазах, весьма пожилого человека, сказал о нем очень многое.

Глава вторая

ВЕРА АБРАМОВНА БЛОХ И ЕЕ ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ВНУК

Наша бабушка

Бабушку звали Вера Абрамовна Блох. Ее настоящее имя – Двейра, а девичья фамилия – Моносзон. Родилась она 14 марта 1883 года. Поскольку 14 марта ежегодно в Советском Союзе отмечалась очередная годовщина смерти Карла Маркса, в семье повторялась в это день традиционная шутка, ее особенно любил произносить Аля: «В тот день закрыл глаза великий человек (Маркс), но зато на свет появился другой великий человек!». Разумеется, имелась в виду бабушка. Ушла из жизни она 21-го января 1964 года.

Перед моими глазами ужасная картина: когда в 1963 г. вернулся в Москву после тяжелой болезни в Гантиади, в ходе которой пережил клиническую смерть, и бабушка, увидев меня, всплеснула руками от радости, был поражен ее видом. До этого, несмотря на возраст, она оставалась той же подвижной, энергичной и жизнерадостной, какой воспринимал ее всегда, а тут передо мной оказалась ветхая и маленькая старушка. И прожила она после этого совсем немного.

С жизнью расставалась тяжело. В последние минуты что-то несколько раз прошептала. Мне послышалось: «Пить, пить...». Принес ей стакан воды, но она уже впала в беспамятство. Потом понял, что ее последними словами были: «Жить, жить...»

Важным дополнением описания того печального события является приведенный ниже отрывок из письма Гарика:

«В подлиннике свидетельства о смерти бабушки записана, как причина смерти, гипертоническая болезнь Третьей – Второй степени, а в повторном свидетельстве, выданном 14 мая 1982 года – гипертоническая болезнь Третьей степени. Куда-то за 18 лет исчезла Вторая степень. Вообще нашим близким везло на разные посмертные приключения. У Али – в вырытой для него могиле нашли артиллерийские снаряды времен войны, и его хоронили буквально в нескольких метрах от них в соседнем захоронении. Помню, меня это как-то нервировало, представлял, что будет, если что-нибудь свалится в соседнюю яму, даже не огороженную. Обещали, что саперы приедут позже, к счастью, мы их не дождались. А маму хоронили под военный оркестр, ты это должен помнить»¹.

И еще один штрих и тоже от Гарика:

«Чем я старше становлюсь, тем чаще вспоминаю слова Штирлица², что запоминаются последние слова, а не весь разговор. Больше помнится бабушка, лежащая на кровати во второй комнате квартиры в Мневниках, чем бабушка моего детства. Мелькают отрывки из дачной жизни, как бабушка приносит на стол в саду борщ в огромной кастрюле, думаю, что это лето 1959 года, между вашим с мамой отдыхом в Крыму и поездкой с папой Ленинград в августе 1959 года, которая явилась, как говорится в теории дифференциальных уравнений, точкой бифуркации, резко изменяющей плавный ход кривой, в данном случае, ход нашей, и особенно маминной жизни»³.

Родилась Верочка Монозон в Москве. Ее отец (наш прадед) служил приказчиком к каком-то большом магазине. Бабушка рас-

¹ Из письма Гарика Фреду от 24 мая 2019.

² Персонаж романа Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны» и одноименного многосерийного телефильма Татьяны Лианозовой. Советский разведчик-нелегал, работавший в нацистской Германии.

³ Из письма Гарика Фреду от 16 июня 2019. Под словом «бифуркация» Гарик имеет ввиду последующий уход Игоря Фирсова из семьи.

сказала мне, что его убил гирей какой-то продавец. По-видимому, прадед уличил того в воровстве или в другом преступлении. Со всем малютку, Верочку взял на воспитание кто-то из родственников.

Через какое-то время оказалась в Варшаве, где провела свои детские и девичьи годы. Со временем превратилась в весьма милостивую девицу. Маленький рост ей отнюдь не мешал. Судя по фотографиям тех лет, чувствовала себя уверенной и хорошенькой. Позднее вышла замуж, родила двух девочек (Фирочку и Саррочку), заботилась о них и муже, создавала уют в семье. Третий ребенок появился уже в 1921 году. Его назвали Авраамом, в семье – Алей, а уж потом именовали Александр Лазаревич.

О жизненном пути бабушки ничего не знаю, но с малолетства привык к ее речи и метким определениям сущности любого человека. Слышал из ее уст о разных событиях культуры, пересказы сказок (позднее выяснил, что это были сказки Пушкина) и разные суждения о писателях, с книгами которых познакомился намного позже.

Всегда представлял бабушку домашней хозяйкой. В этом она была настоящий виртуоз. Но в той же сумке, о котором уже шла речь, Гарик нашел документы, свидетельствующие, что бабушка могла достичь успеха и на совсем ином поприще. Когда ей предоставлялась возможным учиться, она отличалась и в учебе. Более того, с присущей ей энергией бабушка в начале тридцатых годов работала в детском саду педагогом-воспитателем и даже заведывала детским садом.

Вот, что пишет по этому поводу Гарик:

«...Следующий документ – уже относящийся к бабушке – ее студенческий билет, а по современному – зачетная книжка. Студенческий билет № 100, выдан 15 апреля 1932 года.

“Вечерний Московский педагогический институт, дошкольный факультет”.

Есть еще малопонятная запись. Похоже “довузовская Первая группа”.

Заполнена только одна страница, пять предметов: физическая география, обществоведение, дошкольная педагогика, русский язык, математика. Везде есть подписи преподавателей, принявших зачет, при этом по первому и второму предмету отмечено “проработано”, во втором случае есть оценка “хорошо”.

Первый предмет сдан 20 мая 1932 года, третий – двадцать какого-то (точнее не разобрать) мая 1932 года.

Видимо, на этом бабушкино высшее образование закончилось. Если учесть, что к этому времени тебе исполнилось семь месяцев, скорее всего бабушка приняла от мамы весь груз забот о маленьком Фредике»⁴.

Там же Гарик нашел сведения о работе бабушки в те годы:

«Справка

Дана д/с. 27/12 Окт. района тов. Блох В.А. в том, что она с 9-го июня 1931 года по 1 февраля 1932 года работала в качестве заведующей д/садом и с 1 февраля по 25 февраля в качестве педагога. Оставила работу по своему желанию.

Зав. д/с (подпись)
27 февраля 1932 г.”

Печать.

Слева – штамп детского сада “Путь Ленина” Октябрьского районного отдела народного образования.

Бабушка заведовала детсадом “Путь Ленина”, а Аля председательствовал в колхозе “Ленинский шлях”, иначе говоря, “Ленинский путь”. Неисповедимы пути Господни.

Я мало что, а практически ничего, не знаю о бабушкиных успехах на ниве народного дошкольного образования, но одно помню точно, об этом мне говорила мама и возможно бабушка:

Ее работа в детских садах и связи, возникшие при этом, дали бабушке возможность устроить Алю в 25 образцовую школу»⁵.

⁴ Из письма Гарика Фреду от 24 мая 2019.

⁵ Из письма Гарика Фреду от 16 июня 2019.

«Волшебная сумка» этими материалами не ограничилась. Гарик еще раньше вышеприведенного письма обнаружил в ней еще два документа о работе бабушки в детских садах. Привожу их с его комментариями.

«Теперь о бабушке. Я нашел две справки (рукописных) о ее работе в детских садах в начале 30-х годов.

“Справка

Выдана д/садом 26/36 т. Блох В.А. в том, что она работает в должности руководительницы с 1/III 31 г. по (далее пропуск)

За время работы проявила большую заинтересованность в работе, большую инициативу в смысле организации среды.

Т. Блох хорошо владеет группой (прекрасно справлялась с вечерней смешанной группой в 35 человек).

Планировку и учет вела самостоятельно.

11/II 34 г. Завед. д/с (подпись)”

Печать.

Верхний номер детсада может быть 23 или 28, трудно разобрать точно, но это и не очень важно, как мне кажется. Непонятно написано, то ли справлялась, то ли справляется, то ли работала, то ли работает. По какое число она работала не указано, может быть она еще в момент выдачи справки работала.

Второй документ:

“Справка

Гражданка Вера Абрамовна Блох с 9-го июня 1931 г. по 25 февраля 1932 г. состояла на должности в качестве заведующей детсадом № 15 по Ватковскому пер. 18. За это время проявила большую активность в отношении организации дошкольной подготовки и улучшения питания. Тов. Блох оставила детсад вследствие слияния двух садов в один и разукрупнением данной должности и проявленного ею желания поработать в качестве педагога-руководы с повышением своей квалификации в дальнейшем.

Настоящее подтверждается подписями советсада.

Председатель и член настоящего соединенного советада (подпись)”.

Непонятно, как совмещаются даты, может быть бабушка работала одновременно в двух садах, в одном днем, во втором вечером.

Интересно, что ее работа располагалась в Ватковском переулке, где я пять с половиной лет учился в институте напротив дома, где размещался детсад. Никогда ни мама, ни бабушка не говорили мне, что она работала рядом с моим институтом. И если бабушка этого могла уже не помнить, то мама то знала, где расположен Станкин. Значит и она это уже забыла.

Вот так и ходят поколения по тем же улицам, не зная об этом»⁶.

Между приведенными справками о работе бабушки в детском саду имеются расхождения по времени начала работы (1 марта 1931 года – в одной справке, 9 июня 1931 года – в двух других справках) и причинами завершения этой работы. Эти несоответствия не имеют существенного значения, поскольку причины увольнения Веры Абрамовны совершенно ясны. И учеба бабушки, и ее работа зависели от семейных проблем. Как только они начинали мешать семейным делам, тотчас прекращались.

Вывод из этого, как мне кажется, один – главным в жизни Веры Абрамовны была ее семья. Ее личное счастье, как человека, женщины, матери и бабушки, определялось положением дел в семье!

В хозяйственных хлопотах

Насколько помню, бабушка была всегда убеждена в собственной правоте и непререкаемости своих поступков. Ее отличала необычайная энергия и решительность.

Но это отнюдь не означало, что ей было присуще пренебрежение или умаление достоинства других людей. Просто она всё время была занята делами семьи, заботой о всех ее членах, особенно о детях. Вера Абрамовна старалась облегчить своим близким их существование, и все хозяйственные проблемы, прежде всего питание семьи, решала сама. Была в центре семейной жизни.

⁶ Из письма Гарика Фреду от 2 июня 2019.

ни, активно и горячо воспринимала жизненные проблемы и, полагаю, с полным правом считала свои решения единственно правильными.

Прокормить семью в те годы было нелегко. Имеются ввиду прежде всего в виду послевоенные годы, после отмены карточной системы. Служили, то есть получали зарплату, тогда мои отец и мама. Полагаю, что денег на пропитание всё же было достаточно. Но трудности возникали иного порядка. Не всегда в продовольственных магазинах бывали продукты, которые удовлетворяли бы такую хозяйку, как бабушка. Мясо, например, она предпочитала покупать на рынке. Естественно цена его была высокой.

У меня создалось впечатление, что мясными котлетами, в основном кормили только меня. Правда, дома, кроме меня, обедала лишь бабушка. Что она ела, не помню, да и тогда, это меня совсем не интересовало. Но уверен, что бабушка питалась совсем не так, как я. Она меня всегда баловала, а уж покормить чем-либо вкусеньким старалась всегда. Что мы все ели на ужин, разумеется, не помню.

Очень любила меня кормить. Нередко спрашивала: «Тебе дать одну или две котлетки?». Я отвечал: «Две». После этого слышал: «Ешь одну!».

Разносолами бабушка меня не подчевала. Но то, что получал, всегда было вкусно. Назову только то, что в памяти возникло сразу: манная, пшенная, гречневая каши, куриный бульон с ножкой курицы, два яйца всмятку или в мешочек (по моему выбору), щи, борщ, грибной суп, фасолевый, либо какой-то иной, жареная картошка, котлета, картофельное пюре, макароны, винегрет, черный хлеб с маслом, компот. Сладкий чай, овощи и фрукты. Бутерброд из белого хлеба с маслом и крупинками красной икры был для меня редким лакомством.

Наверняка многое забыл и здесь не упомянул, но то, о чем написал, помню очень хорошо.

Невозможно забыть популярный напиток – чайный гриб. На подоконнике обычно стояла трехлитровая банка, закрытая мар-

лей и прикрытая от света темной тряпкой. Внутри банки на поверхности желтовато-коричневой жидкости возлежала таким ковром толстая медуза. В результате создаваемого ею брожения напиток получался весьма вкусным, шипучим. Пузырьки газа приятно покалывали язык. Гриб надо было подпитывать некрепким сладким чаем.

И еще следует сказать об одной «мелочи». Бабушка нередко, возвращаясь с рынка (о походах на рынок и о самом Тишинском рынке пойдет особая речь), приносила своему любимцу «петушка на палочке». Держал во рту эту сладкую прелесть, потихоньку ее посасывая, но, увы, через несколько минут от нее оставалась лишь палочка. Впрочем и ее сосал до тех пор, пока не чувствовал, что это уже бессмысленно.

Уж коли речь зашла о том, что мне доставляло радость, в первую очередь, следует упомянуть антоновские яблоки. Убежден, что лучше их яблок нет. Здесь и общий вид яблока, его особый вкус, хруст во рту и запах. Променял бы не них любые фрукты! Жаль, что они попадались мне лишь осенью, а еще больше потому, что в Америке их не культивируют. Но они не переносили ни жару, ни холод.

Поскольку упомянул любимое лакомство, следует сказать и о других моих «слабостях» в детстве, и не только тогда. Это – шоколадное мороженое «Эскимо», т. е. шоколадный батончик на палочке. И пряники, причем любые. В меньшей степени, но тоже любил грецкие орехи.

В ноябре каждого года на рынке появлялись мандарины, привезенные из Грузии. Их я тоже любил, но стоили они дороже, чем яблоки и покупались в гораздо меньшем количестве.

К тому же яблоком наслаждался в течение нескольких минут, а мандаринку проглатывал за какие-то секунды.

С середины сентября в Москве в различных улочках, переулках, на свободных площадках возникали горы арбузов. Их привозили из Поволжья на баржах.

Для распродажи создавались огороженные площадки. Мужчины любили их поддержать в руках, стиснуть и поднести к уху. Что это давало, не знал. Зато видел, как просили взрезать арбуз.

Продавец острым и длинным ножом вырезал небольшую пирамидку. Если ее конец был густо красным, покупатель удовлетворенно кивал и продавец, получив деньги, передавал ему арбуз.

Доверчивый и неосторожный покупатель, принеся арбуз домой и, взрезав его, иногда убеждался, что покупка оказалась неудачной – арбуз был недозрелым, а его мякина – несладкой.

Такое подчас происходило и у нас. Продавец иногда отказывался взрезать арбузы, а потискать арбуз и поднести его уху было бабушке не под силу

Невозможно не упомянуть виноград, причем любого сорта. Его нельзя не обожать. Кисточка винограда на маленькой тарелке воспета в литературе, прекрасна на полотнах художников и в скульптурных композициях.

Но его ягоды всё-таки лучше всего, когда они во рту и разгрызаются зубами, давятся языком и проглатываются.

Любил и люблю их в любом виде. Из всех сортов предпочитал «Дамский пальчик». Разумеется, любил и виноградный сок.

С завистью смотрел на взрослых, чокающихся бокалами, наполненными виноградными винами, а затем их выпивающих.

На рынке

Поскольку упомянул Тишинский рынок, придется прервать свой рассказ и вспомнить, как бабушка брала меня туда собой и мои первые впечатления о нем.

Располагался он от нас всего на расстоянии двух трамвайных остановок, когда тот переезжал с Третьей Тверской на Грузинскую улицу. Трамваи ходили часто, билет стоил 5 копеек, поэтому добраться до рынка можно было быстро и легко. Особенно это важно было при возвращении, поскольку приходилось тащить авоськи с покупками.

Об этом рынке написано очень много, он часто фигурировал в советском кино. К сожалению, его уже давно нет, в конце прошлого века его уничтожили, но этот рынок остался в прошлом города, в памяти тех, кто на нем бывал, и в истории самой страны.

Такого многолюдия, за исключением праздничных демонстраций, нигде не видел. Огромное количество прилавков, крытых от дождя и снега, магазинчиков, несколько павильонов – деревянных и даже каменных – для особых товаров, стоящих за прилавками и довольно близко друг к другу продавцов, снующих по переходам между прилавками покупателей, и горки продуктов на этих прилавках. Постоянные вопросы : «Почём?», «Сколько стоит?». Обмен денег на товары – всё это возникает перед глазами. Как и огромная лужа после входных ворот, которую приходилось гибать, чуть ли не прижимаясь к стене каменного павильона.

Особые павильоны для молочных и мясных товаров. Продавцы молока и молочных изделий – в белых фартуках. За ними на полу стоят большие бидоны с молоком.

В мясном павильоне куски мяса лежали на прилавках на металлических поддонах. Мясики – в белых фартуках, нередко забрызганных кровью. Позади их огромные деревянные тумбы на которых лежит часть туши коров, свиней и баранов. Если нужно, продавец поворачивался к этой туше и топором отрубал большой кусок. Затем острым и длинным ножом отрезал необходимые покупателям куски, взвешивал на весах и заворачивал товар в ценную бумагу.

Торговля овощами, фруктами и прочими товарами велась на открытом воздухе. Между рядами появлялись или стояли где-то отдельно те, кто продавал «петушки на палочках», глиняные сви-стельки и прочую мелочь.

Отдельно стоял человек, торговавший воздушными шариками. К пуговице на его одежде привязана веревка, стягивающая огромное количество нитей, на концах которых куча разноцветных шариков, рвущихся в небо. У него можно было купить и резиновую оболочку этих шариков и надуть их дома, только они уже не стремились вверх.

Я на рынке думал прежде всего о том, как бы мне не потерять-ся, и старался не выпускать руки бабушки. Впрочем, это приходилось делать, когда она что-нибудь покупала. Тогда во чтобы то ни стало старался, чтобы меня от нее не оттеснили.

Примерно в пятилетнем возрасте потерял маму в толпе покупателей в молочном магазине на Палихе. Когда женщины, разъединившие меня от мамы, расступились, ее не увидел. О состоянии отчаяния, в котором оказался, говорить не надо. Но не заплакал. Вышел из магазина. Вспомнил, как мы с мамой шли туда из дома и каким-то чудом через Лесную улицу, мимо страшной Бутырки и трамвайного депо добрел до Третьей Тверской-Ямской и вернулся домой. Там застал маму в слезах. Такое не забывается!

С рынка мы возвращались с нагруженными авоськами. И естественно, пользовались трамваем. Что в разные времена и сезоны покупала там бабушка, не скажу. Но каждый раз, когда она брала меня с собой, получал «петушка на палочке». Не доставить мне удовольствие бабушка не могла!

Карман штанов «пузырился» от жареных семечек подсолнуха, которые мне насыпали туда из стакана. Сначала торгующая имя тетка этим стаканом выгребала из мешка семечки. Стакан семечек стоил десять копеек.

Лускать семечки – огромное наслаждение, но выплевывать их шелуху под ноги на улице всё же было стремно, хотя и удобно. Приходилось сплевывать их в кулак и держать в кулаке до ближайшей мусорной урны.

Гарик тоже написал нечто сходное:

«Вспоминаю наши походы на Тишинский рынок. А привычку есть мороженое, едва сев в электричку, я сохранил до сих пор. Просто мороженое несколько лет назад из-за горла пришлось заменить на фрукты, поэтому беру из дома пару мандарин или яблоки. Каждый раз, очищая мандаринку, вспоминаю бабушку. Иногда в очень силь-

ную жару разрешаю себе мороженое, но бабушка всегда покупала мне эскимо, а я себе – рожок. Вот так детские привычки остаются на всю жизнь, сохраняя в памяти того, кто эти привычки когда-то заложил в тебя»⁷.

Нельзя сказать, что мое здоровье было хорошим. Переболел теми болезнями, которых в детстве не избежать, часто простужался. Для противодействия этому меня заставляли столовыми ложками пить рыбий жир. Это было весьма противно, но я не сопротивлялся. Но зато чай с малиновым вареньем несколько менял ситуацию.

Забота о ребенке

Вообще в памяти почти ничего не сохранилось, о том, как меня одевали и обували. Вспомнил только, что зимой заставляли одеваться теплой. На голове очень долго носил вязанную шерстяную шапочку (позднее сменил ее на шапку-ушанку), обувался в валенки с галошами и носил шубку или утепленное пальто, причем варежки были связаны друг с другом длинной резинкой, просунутой в рукава шубки, чтобы я их не потерял.

Кроме того, был всегда укутан в шерстяной шарф. Его узлом завязывали сзади, чтобы я сам не вздумал его развязать, а, возможно, потому, что так было надежнее.

Как-то неожиданно у меня появилась меховая шубка. Она была весьма необычной. Только два или три раза встречал такую же. Цвет этого меха был желтоватый. На ощупь он был мягким. С какого зверя сняли шкуру, чтобы на пошла на изготовление такого меха, ума не приложу. Мне казалось, что на это пошла шкура какого-нибудь морского детеныша, но не удосужился об этом спросить. Я не относился к тем детям, которые изводят взрослых вопросами.

⁷ Из письма Гарика Фреду от 16 июня 2019.

Позднее, пойдя в школу, стал носить утепленное пальто с большим меховым воротником. И в валенках тоже в школу не ходил.

Забота о Фредике вообще была для бабушки первым делом. Да и само имя Фридрих дала своему внуку именно Вера Абрамовна. По-видимому, к моменту моего рождения господствовала мода давать детям звучные иностранные имена. Двоюродного брата Эдика, который появился на свет годом раньше меня, называли Эдуардом. Впрочем, услышал от Али, что мне дали имя в честь Энгельса. Словом, это имя ко мне прицепилось навечно. Дома меня называли Фредик, а для внешнего мира придумал имя Фред.

Вспоминается время войны, когда мы с бабушкой остались фактически вдвоем (подробнее о событиях тех лет речь пойдет ниже). Время было голодное. И бабушка решила и осуществила довольно непростую поездку за продовольствием. Видимо, это было летом 1943 года. Мы тогда жили с ней в поселке городского типа, названном Соцгородом, в восьми километрах от Казани.

Бабушка сумела собрать какое-то барахлишко, которое хотела поменять на картошку и овощи. Мы с ней сначала отправились в Казань, а затем поплыли на каком-то пароходике по Волге. В одной из деревень на берегу этой река, жила мамина подруга, которая также, как и мы, эвакуировалась из Москвы со своими детьми, но ее близкие родственники проживали в той деревне. Я называл ее тетя Паня.

Мы разместились на палубе пароходика и, полагаю, часов через 5–6 высадились на маленькой пристани, где нас встретила тетя Паня, как-будто она приехала туда на телеге, в которую была запряжена лошадь, но это в памяти не осталось.

Запомнилось совсем немного. Ночевали в избе, естественно, для меня это было совсем необычным. Привычные удобства там отсутствовали. Также впервые выпил теплое парное молоко, которое показалось весьма вкусным.

На следующий день бабушка вместе с тетей Паней куда-то отправились, а вернулась она с картошкой и репчатым луком. Как

добирались домой, не помню. Думаю теперь, что ее заставило совершить эту поездку наше с ней бедственное в те дни положение.

Какой это был человек!

Доброта, самозабвенность, искренность, человеколюбие, честность, неприязнь ко лжи, несправедному поведению в жизни и другие замечательные черты характера были присущи бабушке и бабушке и этому они учили своих детей и внуков. Отнюдь не правильными словами, а своим образом жизни.

Когда пишу эти строки, вижу ее лицо слышу ее добрые слова. Душу просто пронизывает благодарность к судьбе, подарившей мне на восходе жизни такое счастье!

О тех же чувствах к бабушке, постоянно занятой заботой о том, как прокормить семью, приглубить Гарика, вернувшегося из школы, вспоминает и он, описывая события, происходившие гораздо позже. С осени 1954 г. мама, папа и Гарик жили уже отдельно от нас с бабушкой (это произошло после того, как отцу предоставили для него и его семьи комнату на Комсомольском проспекте. Они туда переехали, а я остался с бабушкой в старой комнатке на Третьей Тверской. И бабушка довольно часто ездила туда днем, когда Гарик возвращался из школы, чтобы покормить его и заодно приготовить пищу для Фиры и Игоря).

Гарик вспоминает:

«Помню бабушку, спящую между и комнатой и кухней на Комсомольском проспекте. Сколько километров она наматывала за день, трудно представить, мама ее всегда просила, прежде чем идти, подумать, что еще надо отнести, но бабушка привыкла на Третьей Тверской-Ямской, что от кухни до комнаты один шаг, так же жила и на Комсомольском. Где расстояние достигало полутора десятков метров. И так буквально сотни раз в день»⁸.

⁸ Из письма Гарика Фреду от 16 июня 2019.

Бабушка с ее неугомонным характером добилась того, что мы с ней попали в экскурсию, которую организовало наше домоуправление. Посетили строительство станции метро «Площадь Маяковского». Пришлось довольно долго спускаться вниз по наклонным доскам с прибитыми к ним поперечно четырехгранными жердями. Было немного страшно, но обошлось без неприятностей. Видел потолки и стены станции с плотно приваренными друг к другу металлическими тубингами. Экскурсовод объяснил нам, что таким образом препятствуют прорыву подземных вод. Но несмотря на то, что вода не просачивалась, доски, служившие своеобразной лестницей, не производили впечатление сухих. Почему это было так, не знаю.

Разумеется, когда потом проезжал эту станцию метро или выходил на ней по какой-то причине (она также была расположена сравнительно недалеко от нашего дома), всегда любовался ее красотой и не раз вспоминал эту экскурсию. Тогда считал эту станцию самой красивой из станций московского метрополитена. Недавно вычитал в какой-то статье, что такая оценка является общепризнанной.

Осенью в Москве можно было купить арбуз. Однажды, незадолго до моего дня рождения (18 сентября). Я тогда учился в девятом или десятом классе) услышал стук в дверь квартиры. Подбежав к дверям, открыл их и увидел, что бабушка держит в руках огромный арбуз. Было непонятно даже то, как она сумела поднять эту тяжесть, а она сделала не только это, но и принесла его на руках, поднялась с ним на второй этаж и постучала в дверь. Открыть дверь собственным ключом ей было невозможно. Совершить такое смогла только потому, что любовь к внуку заставляла ее преодолеть неподъемную тяжесть!

Ключ

Упомянув входную дверь, вспомнил, что на деревянной раме двери, была прикреплена кнопка электрического звонка. Трель этого звонка слышал бы и совсем глухой.

Нажимали эту кнопку, обычно, гости или письмоноscopy, если письмо было заказным, а также разносчики телеграмм. Иногда кто-нибудь забывал взять с собой ключ от входного замка, тогда он (она) тоже вынужден был пользоваться звонком, чтобы открыли дверь.

Кнопку над было нажимать столько раз, сколько приходилось на каждую семью. К нам – три раза.

Ключ был весьма существенным атрибутом моего существования. Получил его в свое пользование только тогда, когда стал школьником.

Ключ полагалось носить не в кармане, а на шее – «на цепочке», то есть под пальто. В кармане же находился носовой платок, всегда скомканный. Без него нельзя было обойтись, особенно при кашле или насморке.

Характер бабушки

Были ли у Веры Абрамовны другие черты характера, которые можно расценивать по-другому, в том числе как негативные? Полагаю, что да.

У меня в этом смысле сложился такое понимание этих проблем. Найти человека без недостатков вообще невозможно. Просто надо чувствовать, ощущать, что в данном случае преобладает, а также затрагивает ли тебя эта проблема, или нет. Ну а для меня, пожалуй, главное – это отношение к данному человеку. Если он мне по какой-то причине близок, дорог или интересен, эти стороны его характера не имеют серьезного значения. О них просто не следует забывать, но в повседневном общении всё же не нужно на это обращать внимание.

Разумеется, это не относится к таким понятиям, как предательство, зловредность, зависть, чванство, нечестность, подлость и тому подобным качествам. Если замечу в ком-либо такое, стараюсь с таким человеком не общаться. Но бывают ситуации неизбежных контактов. В этом случае свожу их к формальному минимуму.

Такое отступление от темы, мне кажется необходимым для того, чтобы было понятна степень достоверности моего рассказа о том или ином человеке. Конечно, как и каждый, я субъективен в отношении к другим людям. Просто не следует упускать из виду, что мои слова отражают мое личное мнение, мои взгляды на жизнь и людей. Их никоим образом не следует трактовать как абсолютно правильные. Они – мои, и как надеюсь, такие же у тех, кого люблю, с кем дружу и нахожусь в постоянном общении. Встреча с таким человеком, такими людьми, с которыми нахожусь как бы на одной духовной волне, для меня – бесценный подарок судьбы!

Это неожиданное высказывание можно расценить как крик души, но вместе с тем оно необходимо для того, чтобы читатель правильно понял позицию того, кто рассказывает ему о своей жизни, о тех людях, которые оказались у ее истоков и бережно вводили его в эту жизнь. Они несли ответственность за ее начало, ну а что за этим последовало, это уже совсем иное дело. Что из всего этого вышло – судить не автору.

Бабушка в свободное время, которого у нее было совсем немного, любила читать романы, просто обожала приключенческий роман Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Однажды я получил эту книгу в подарок от своего друга. Бабушка в последние годы своей жизни не переставала ее перечитывать. Закрыв последнюю страницу этой книги, через пару дней вновь ее раскрывала и читала с тем же интересом, будто это было впервые.

Когда впоследствии во время туристской поездки по Франции я вместе со своей группой оказался в Марселе, нас на пароходике свозили на остров Ив, где когда-то была королевская тюрьма. В романе Дюма именно в ней провел в заключении герой романа Эдмон Дантес, там же он подружился с другим заключенным – аббатом Фария.

В этой бывшей тюрьме, превращенной в музей, нам показали и камеру в которой якобы сидел Дантес и даже подземный лаз, через который пробирался Дантес в камеру Фарии. Когда я всё это увидел, меня еще долго мучала мысль, что не смогу об этом поведать бабушке, которой уже не было в живых.

Возвращаясь снова к разговору о бабушке, могу признать, что некая авторитарность в отношениях с членами семьи была ей присуща. Это было связано и с ее характером и, конечно, с той ролью, которая выпала на ее долю. Всё время думать о том, как прокормить всех, обуять и одеть, при тех весьма ограниченных возможностях, которые создавала советская действительность, поддерживать в семье соответствующую атмосферу – это было в первую очередь ее делом. Разумеется, это зависело и от других членов нашего семейства и от многих внешних обстоятельств, но в первую очередь – от Веры Абрамовны. И такую роль она играла в те годы, и даже старалась ее продолжить тогда, когда ситуация серьезно изменилась и физически бабушке это было уже не под силу.

Пожалуй, эта сторона ее характера имела последствием то, что в 1947 году бабушка решила продать дачу. Тогда и в нашей семье, и в семье тети Сарры, семья которой переехала в Подмосковье и проживала в поселке, точнее – в маленьком городке Долгопрудный, наиболее острой была проблема жилья. Но бабушка как-то заявила, что-мол всё равно помочь всем не удастся, и продала дачу. Практически почти все полученные деньги в том же году обесценились в результате проведенной тогда денежной реформы. Таков был итог ликвидации дачи.

Решительность и убежденность в правильности своих действий у Веры Абрамовны были не только чертами характера, но проявились явно в ходе различных событий. Дедушка, насколько помню, был мягким, спокойным, по-видимому, даже не очень решительным человеком. И естественно, что многое приходилось решать бабушке.

Как понимаю, она посвятила свою жизнь прежде всего созданию и сохранению комфортных условий для бабушки и детей, а в ее последние годы – для Фиры и внука. Разумеется, она любила и Сарру и Алю и детей Сарры, но те жили далеко и не нуждались в ее помощи.

Всё прочее для бабушки было не так важно, а высокие матери, политические события, словом, то, что рассматривается как

жизнь общества, ее не очень интересовали. Она была занята проблемами семьи, а остальное как бы касалось ее постольку-поскольку.

Вспомнилось, как в 1938 году мы с ней слушали по радио (тогда у каждой советской семьи, жившей в городе, на стене висела нечто черное и тарелкообразное. Эта штука называлась репродуктор) приговор суда по делу Бухарина и других. И бабушка с возмущением сказала о Бухарине, вот ведь враг народа, а на суде просит, чтобы его приговорили к любому сроку тюрьмы, лишь бы оставили ему жизнь. И это было произнесено с возмущением, подразумевавшим, что подобного рода преступников следует непременно расстреливать.

Это было сказано не потому, что рядом находился внук. Да и в молодости Вера Абрамовна хорошо понимала, что такое опасность. История с обыском наглядно об этом свидетельствует. Советский быт подчинял себе психику простых людей, не давал им возможность понять, что происходило в действительности, приучал к тому, что сказанное по радио, напечатанное в газете всегда правильно и справедливо!

Вообще, совершенно не помню, чтобы дома велись какие-либо разговоры на политические темы. Только много-много лет спустя, услышал от мамы о том, что она всегда ненавидела власть коммунистов. И тогда же осознал, почему это было так. Помимо всего прочего, взрослые остерегались вести подобные разговоры в присутствии детей, ибо, по недомыслию, те могли об этом рассказать в школе или где-то в другом месте, что неизбежно привело бы к беде.

Я рос в окружении любящих меня людей и это, разумеется, сказалось в формировании меня как личности и в моем отношении к людям вообще. Имело ли это и какие-то негативные последствия? Разумеется, имело. То, что обычно называется «маленький сынок», вполне применимо ко мне.

Обычно «школа жизни» тогда начиналась во дворе. Каждый подросток в общении со своими сверстниками проходил эту «школу», учился самостоятельности в своих решениях и поступках, привыкал противостоять неприятностям и закалялся физически и духовно. Двор и улица, впрочем, нередко уродовали маленького человечка, сталкивавшегося с насилием, хулиганством и прочими моментами, имевшими самые отрицательные последствия. Но в целом, уроки, которые давали двор и улица, способствовали тому, что этот человек познавал существующую реальность. Такого у меня не было.

И еще. Не способствовала ли ситуация тех лет тому, что у меня, весьма забалованного семьей мальчугана, складывалось эгоистическое восприятие жизни? Сказать нет, не могу, возможно неосознанно это происходило. Хотя, мысленно «переворошив» свои детские годы, не вспомнил ни одного случая, когда бы требовал чего-то у своих близких. Ощущение того, что любим, у меня было всегда, но использовать это для достижения чего-либо, такого случая не припоминаю. Впрочем, прекрасно знаю, что каждый человек в своих собственных глазах всегда прав и безукоризнен. На том и поставлю точку.

Глава третья

КНИГИ И ДРУГИЕ РАДОСТИ ВНУКА

Чем бы дитя не тешилось...

Мама попыталась привлечь меня к музыке и отдала учиться в подготовительный класс для обучения игре на скрипке. Из этого ничего путного не получилось.

Пиликанье на инструменте, который надо было к тому же держать под подбородком, воспринимал как тяжкую обузу. К тому же выяснилось, что у меня нет музыкального слуха. И единственное, что осталось от этого, – это пара фотографий, на которых я либо держу скрипку в руках, либо делаю вид, что на ней играю. Сделать из меня скрипача не удалось.

Также очень недолгим, не знаю по какой причине, оказалось мое «хождение» в детский сад. Запомнил из всей той катавасии только одну вещь. Когда нас сажали за длинные столы, покрытые клеенкой, чтобы покормить, на клеенке всегда стояли большие тарелки с кусками черного хлеба. Каждый из нас, увидев лакомую горбушку, старался первым схватить ее. Надкусив, возвращал на место, зная прекрасно, что другой или другая уже не возьмут этот кусок в свои руки.

Физически был всегда слабоват. Не умел плавать. Однажды со мной произошел такой случай. Мне, кажется, было тогда лет 5–6. Мы с мамой поехали в гости к ее подруге Наташе в Фили (тогда это был весьма отдаленный район Москвы). У тети Наташи была дочка Майя, думаю, моя одногодка. Все вместе пошли погулять в парк.

Аллеи парка вывели нас к бассейну. Мама и тетя Наташа остались сидеть в тенечке в аллее. Мы с Майей побежали к бассейну и стали бегать вокруг бассейна.

Мне взбрело в голову пробежаться по окружению бассейна. Оно было ровным и довольно широким. Взобравшись на него, побежал по этому окружению. Неожиданно оказался в воде с головой, причем отлично помню, что изо рта выскакивали пузырьки. Не успев испугаться, поднялся на ноги. Вода в бассейне оказалась мне по пояс.

Самостоятельно выбрался из бассейна и, кляцая зубами, то ли от холода, то ли от испуга, побежал к маме.

Дальнейшее в памяти не сохранилось.

Очень не любил, когда меня брали с собой в продовольственные магазины. Но было одно исключение – Елисеевский на улице Горького. Само здание – замечательный дворец, а о содержимом прилавков магазина лучше и не распространяться. Одна беда – к ним нельзя было пробраться. Зал магазина был переполнен покупателями. Правильнее вспомнить выражение «сельди в бочке».

В ту пору полки и витрины рыбных магазинов Москвы оказались заставленными консервами крабов. Их никто не покупал. Думаю, отнюдь не из-за цены. Полагаю, что москвичам тогда это лакомство морей Дальнего Востока было просто неведомо.

Естественно, что меня тогда привлекал к себе прилавок с конфетами. В Елисеевском – это было зрелище, достойное кисти знаменитого художника. Упомяну только главные, по моим тогдашним понятиям, лакомства – шоколадный набор «Олень» и конфеты «Косолапый Мишка». Когда, и весьма редко, удавалось отведать что-нибудь из этого, ощущал, что наступил праздник!

Можно сказать, что вообще меня интересовали тогда только книги и марки, позднее вместо марок начал собирать монеты, часть из них, наиболее мной ценимую, удалось даже вывезти из Москвы. И теперь они в коробочках ждут своего часа, когда кто-нибудь из моих потомков проявит к ним интерес.

Покупали и дарили мне и наборы конструкторов, из которых можно было с помощью винтиков и гаечек собирать различные сложные фигуры. Но конструкторы не вызвали у меня большого интереса. Возиться с подгонкой друг к другу деталей, привинчивая их малюсенькими винтиками и гаечками, норовящими выпасть из руки и забиться в какую-нибудь щелку, чтобы затем их долго искать, очень быстро надоедало. Коробки с этими частями довольно быстро выбрасывались, зато босиком по полу ходить становилось опасно, так как неизбежно наступал на винтик или гаечку. А это было больно!

Ничего путного не получилось и с пластилином. Оказалось, что абсолютно не способен вылепить из него, не говоря уже о какой-нибудь фигурке, но и вообще что-либо, имеющее смысл. Пластилин довольно быстро высыхал и становился совершенно ненужным. И также исчезал, как и конструкторы.

Впрочем, в детстве с удовольствием играл с оловянными солдатиками. Огромное впечатление на меня произвел неожиданно появившийся «Волшебный фонарь», когда вставленные в него пластинки превращались на экране, который создавался с помощью белой простыни, прикрепленной к стене, в изображения зверей, птиц и людей, в «ожившие» иллюстрации пушкинских сказок или еще каких-либо мифов и легенд.

Большую радость доставил мне калейдоскоп. С интересом наблюдал, как при повороте в руке этой трубки получались красивые узоры, никогда не повторявшиеся и всегда являвшиеся прекрасными. Как такое получалось? Тогда так и не понял. Гораздо позднее, через несколько лет случайно выронил его из рук. Когда он упал на пол, раздался какой-то хруст.

Только тогда увидел, что калейдоскоп представлял собой треугольник из трех длинных зеркальных пластинок, соединенных в трехгранник. Этот трехгранник был превращен в трубочку. Одна грань этой трубочки представляла собой как бы дно, на котором лежала кучка маленьких разноцветных стекляшек. А в другой был проделан глазок, в который смотрел тот, кто держал в руке

эту штуку. Благодаря отражению в зеркалах эта кучка стекляшек при вращении калейдоскопа всегда образовывала для зрителя законченную геометрическую фигуру. Как-будто бы просто, но в итоге получилась занятная игрушка!

Главное увлечение

По преимуществу проводил время дома, в основном с книгами. Помимо мамы и бабушки, они также формировали меня, мой характер, привязанности и интересы. Как научился читать и кто мне помог в этом деле не помню. Откуда ко мне пришли герои русских народных сказок, тоже не могу сказать.

Самой первой прочитанной мною книгой стала история о первых шагах по жизни девочки Ани¹ и, как она самостоятельно раздавила в тарелке вареное яйцо, не пролив при этом куриного бульона. Думаю, что мне было тогда лет шесть, но подробности, кто тогда со мной возился, исчезли из памяти.

После этого последовали книжки с картинками из русских сказок и сказок Пушкина, русские былины о богатырях и сказки, волшебные чудеса Шарля Перро, сказки братьев Гримм, «Маугли» Редьярда Киплинга, «Приключения Гулливера» Джонатана Свифта, басни Маршака, а также его «Мистер Твистер», книги Корнея Чуковского, «Сказки дядюшки Римуса» Джоэля Харриса, «Путешествие Нильса с гусями» Сельмы Лагерлеф, «Дикая собака Динго» Рувима Фраермана.

Помимо широко известных басенок Корнея Чуковского, несколько раз перечитывал его книгу о докторе Айболите (она оказалась в моем полном владении) и его друзьях – собаке Авве, обезьянке Чичи, свинке «Хрю-хрю», сове Бумбе, попугае Карудо и удивительном звере Тянитолкай, имевшем две головы – спереди

¹ Как будто «Каникулы Ани», но поскольку не нашел такой книги в Интернете, не решился назвать эту книгу в тексте.

и сзади, о злой сестре Айболита Варваре. О его путешествии в Африку для спасения больных детей обезьян, об ужасном Бармалее и акуле, проглотившей разбойника.

С годами у меня появились и более серьезные книги детских писателей и тех, кто создавал заманчивые миры для подростка – Льва Кассиля, особенно его «Кондуит и Швамбрания», повести Аркадия Гайдара, «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина, «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева, «Мальчик из Уржума» Антонины Голубевой, новелла Максима Горького «старуха Изергиль», в которой особо запомнился Данко, романы того же писателя – «Мать» и «Мои университеты», произведения Бориса Житкова и Юрия Олеши.

Очень мне понравилась книга «Водители фрегатов» Николая Чуковского. В ней особенно запомнились великое плавание Фернандо Магеллана, историческая несправедливость в отношении Христофора Колумба, открывшего миру новый континент, но принявшего его за восточную Азию. Меня поразили трагические судьбы Жана-Франсуа Лаперуза и Джеймса Кука.

Приткнувшись в углу дивана, зачитывался смешными рассказами Антоши Чехонте, «Принцем и нищим», похождениями Тома Сойера и Гекльберри Финна, и другими чудесными книгами Марка Твена, «Островом сокровищ» Роберта Стивенсона, приключениями Шерлок Холмса и его друга доктора Ватсона Артура Конан-Дойла, «Пылающим островом» Александра Казанцева, «Чапаевым» Дмитрия Фурманова, фантастикой Герберта Уэллса, «Князем Серебряным» Алексея Константиновича Толстого, «Гиперболоидом инженера Гарина» и «Аэлитой» Алексея Толстого, «Одиссеей капитана Блада» Рафаэля Сабатини. Можно сказать, что «глotal» книги без разбора, что попадалось в руки.

Особое место в душе заняли «День пламенеет», «Белый клык», «Мартин Иден» и другие произведения Джека Лондона.

Когда через много лет судьба привела нас с Лидой в Калифорнию, вместе с моим самым большим другом в жизни Вадей Сегалем посетил дом этого писателя, который был для меня высоким

примером человека, преодолевшего огромные трудности и ставшего известным литератором.

Приведенный выше перечень прочитанных в те годы книг, оказался мне слишком большим. Для проверки памяти разыскал в интернете сведения о детской литературе. Сразу «всплыла» масса книг, которые тогда держал в своих руках: «Серебряные коньки» Мэри Додж, «Приключения капитана Врунгеля» Андрея Некрасова, «Марка страны Гонделупы» Софьи Могилевской, «Золотой жук» Эдгара По, «Всадник без головы» Майн Рида, фантастические романы Александра Беляева, «Старая крепость» Владимира Беляева, «Два капитана» Вениамина Каверина (книга первая), «Детство Темы» Николая Гарина-Михайловского, «Похождения Ходжи Насреддина» Леонида Соловьева, «Подлинная история маленького оборвыша» Джеймса Гринвуда, «Дети подземелья» Владимира Короленко, романы Проспера Меримэ и Виктора Гюго.

Многие из этих книг перечитывал в последующие годы, подчас неоднократно, но убежден, что впервые к ним прикоснулся еще в те годы.

Поймал себя на том, что не упомянул Вальтер Скотта. Хорошо помню, что прочитал «Айвенго» и «Квентин Дорвард» и многие другие книги этого писателя. Помню даже переплет книги «Квентина Дорварда», опубликованной в серии «Золотая библиотека».

В последующие годы прочитал массу книг этого автора, но из них только первые две остались надолго в памяти.

Одной из наиболее дорогих для меня в те годы книг стал сборник английских легенд и сказаний «Рыцари Круглого стола»². А такие герои этой книги, как Ланселот, Галагад, Парсиваль и другие, способствовали формированию представлений о луч-

²Через много лет мне попала в руки книга «Смерть Артура» Мэлори Томаса. Она-то и легла в основу «Рыцарей Круглого стола». Но этот пересказ оказался изящной беллетристикой в сравнении с невыносимо скучным первоисточником. Прочитав примерно первых десять страниц текста, закрыл ее и больше к ней не обращался.

ших качествах человека, о добре и зле, о взаимоотношениях людей и других сторонах жизни.

Впрочем, у меня эта книга появилась лишь в 1941 году, а до этого читал произведения Корнея Чуковского, Алексея Толстого, Самуила Маршак, Льва Кассиля, Аркадия Гайдара, Жюль Верна, всё, что можно было получить в районной библиотеке или раздобыть у друзей.

Возвращаясь снова к книге «Рыцари Круглого стола», хочу сказать, что она сыграла немаловажную роль в том, что у меня пробудился интерес к истории, приведший меня, в конце концов, в аудитории Истфака МГУ. Эта мысль сформулировалась только теперь, когда упомянул эту книгу.

Хотя и поздновато об этом писать, но следует сказать и о прочтенной русской классике. Это были: «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка» и другие прозаические шедевры Александра Пушкина, «Герой нашего времени» и «Вадим» Михаила Лермонтова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Николая Гоголя, его же «Мертвые души» (книга первая) и другие перлы этого гения, «Отцы и дети» Ивана Тургенева, «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова, «Детство», «Отрочество» и «Юность» Льва Толстого. Впрочем, читал и другие книги этих авторов, но сейчас ограничусь тем, что упомянул.

Тоже самое относится к мировой классике – «Песня о Гайаватте» Генри Лонгфелло, «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантес Сааведры, «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле, «Овод» Этель Войнич, «Спартак» Рафаэлло Джованьоли.

Открыл тогда для себя романы Чарльза Диккенса, который на многие годы стал любимым писателем. Очень хорошо помню эти толстые книги в зеленоватом переплете, увидевшие свет еще в дореволюционные годы – «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Давид Копперфильд», «Домби и сын», «Приключения Оливера Твиста», «Мартин Челзвит» и некоторые другие романы этого писателя.

Среди этих прочитанных книг оказалась одна – о Яне Гусе, его жизни и гибели. Она произвела на меня огромное впечатление. Личность Гуса, его верность усвоенным понятиям об истине, стойкость в защите своих взглядов, его человеколюбие как-то меня очень «задели». А ужасная смерть проповедника – в пламени костра, просто потрясла.

Религиозная сторона проблемы совсем не интересовала. Вообще этой важнейшей стороны жизни для меня тогда не существовало, дома никогда не велись разговоры на эту тему.

И запомнилась на всю жизнь история о пражской старушке, подбежавшей к костру, чтобы подбросить в него свое полено. Это стало для меня символом человеческой низости и угодливости.

Тогда же у меня оказалась книга о правления короля Яна Люксембургского в Чехии в начале XIII века.

Не осознал тогда, что эти книги означали, что внутри меня прозвонил второй звонок, возвещавший о будущей профессии. Первым – были «Рыцари Круглого стола».

Многие из упомянутых книг увидел лишь после появления в нашем доме моего отца (о чем будет сказано позднее). Естественно, они разместились на полке всё той же этажерки

Подводя итог написанному о прочитанных в те годы книгах, не могу не заметить, что поразила таким огромным количеством книг. Откуда у меня взялось столько времени и сил, чтобы такое произошло? Совершенно непонятно. Но не только помню эти книги, но подчас даже могу сказать, как многие из них выглядели внешне, какими были страницы в томах Диккенса и т. п.

В голову не раз приходила мысль, не напутал ли, включив в число прочитанных к десятилетнему возрасту книг, те, которые мне попались значительно позже. Разумеется, так могло произойти. Часть из них читал и перечитывал несколько раз и мудрено

было при этом на ошибиться – они оказались в моих руках, когда я стал несколько старше. Однако большинство из них в моей памяти связано именно с довоенными годами. И полагаю всё-таки, что упомянул даже не все книги, страницы которых бережно переворачивал.

Стишки и шарады

Остается сказать, что хохотал, прочитывая детский юмористический журнал «Мурзилка». В нем смех вызывали как рассказы, так и стихи, шарады, рисунки и особенно карикатуры. Выходил он раз в месяц. И нетерпеливо заглядывал в почтовый ящик, прикрепленный к наружной двери квартиры, ожидая любимый журнал.

До сих пор помню стишок и к нему смешные рисунки волка и двух черепах:

«А, голубчики, попались!
А голубчики поднялись,
А голубчики обнялись
К морю кубарем помчались
И укрылись под водой»

На рисунках – сначала волк выбегает из леса и бросается к двум черепахам, на втором – стоявшие вертикально черепашки, протягивавшие друг к другу верхние лапки и удивленный их поведением волк, на третьей – обнявшиеся черепашки катятся колесом вниз по пляжу, волк напрасно пытается их нагнать. На четвертой – волк в недоумении стоит у берега моря.

Вспомнился и рисунок – шарада:

Бутылка водки, выше ее крупными буквами слово «Не» затем маленькая печка с большой трубой. Последний рисунок – черточкой намечена человеческое лицо, начитая с носа и вниз.

Шарада раскрывалась так: «Не пей! Печенка лопнет».

Разумеется, смешно, но почему эта шарада попала в детский журнал, было непонятно!

Не исключено, что увидел эту шараду в «Крокодиле», но почему-то вспоминается «Мурзилка». Заинтересовался «Крокодилом» существенно позднее.

Как складывался характер мальчика

Нельзя не сказать, что в детские годы чувствовал себя счастливым. Точнее, просто не задумывался над этим, а ощущал всё происходившее как естественное, чувствовал и знал о том, что меня любят, отвечал тем же. Просто не понимал этого, воспринимая свою жизнь и жизнь моей семьи как обычную. И мне было не понять, что многое в ней было совсем не таким, как мне тогда представлялось. Даже не мог задуматься над тем, что взрослые заботятся о том, чтобы мне в голову не приходили другие мысли и сомнения, чтобы мой мирок был для меня безопасным и приятным.

Мне повезло, что жестокая атмосфера этого времени не коснулась меня. А беды и неприятности, горе и страх, царившие вокруг, были от меня старательно закрыты, а когда всё же возникали (исчезновение Али, смерть дедушки), я этого либо не почувствовал, либо принимал как неизбежное, но не постигал этот ужас своим умишком.

Отсюда – доверчивость к людям. Непонимание зла. Один лишь раз это ощутил в истории с мячом, но это касалось улицы, а не дома и семьи! Там всегда любовь к друг другу, покой и радость. Может быть это повлияло на то, что зло не вошло в мою душу, а только доброта и свет?!

Правильно ли поступили мама и бабушка в те годы, оградив меня от всего плохого, страшного? Уверен, что абсолютно правильно.

Ребенку надо по возможности создать обстановку покоя и безопасности в период его духовного и физического формирования, всё остальное придет неизбежно, но детство должно быть счастливым!

Ничего путного своими руками сделать не мог. Видимо, с детства, считаю, что обе мои руки – «левые». Это, впрочем, не означало, что у меня не было любимых игр и занятий. Вспоминаются и «Волшебный фонарь», и домино, некоторые карточные игры и игра, называвшаяся «Ричь-рачь», когда бросался кубик и в соответствии с выпавшей цифрой передвигалась фишка. Выигрывал тот, кому удалось первому привести свои фишки в убежище. Бабушка всегда находила время, чтобы поиграть с внуком.

Однажды, это было уже в начале 1941 года, услышал по радио передачу, о том, как какой-то мальчуган разобрал на составные части какой-то сложный механизм, а потом очень долго собирал его, но, в конце концов, всё же сумел собрать вновь.

Эта передача на меня весьма сильно повлияла. У нас в то время появился динамо-фонарик, в котором зажигалась лампочка и продолжала гореть, пока рука была способна сжимать этот фонарик. Видимо, этот фонарик тогда стоил немало денег. И я разобрал его на части, при этом порвав какие-то провода. Разумеется, собрать его после этого не сумел.

С тревогой ожидал прихода родителей. Но мама меня даже не упрекнула.

Для меня последнее оказалось более серьезным жизненным уроком, чем то, что натворил. Этот урок помог мне понять, что любовь и милосердие гораздо важнее любых ошибок и недоразумений, любых вещей. Естественно, смысл этого осознал гораздо позднее, но тогда я это почувствовал, еще на том своем уровне умственного и душевного развития, и это ощущение стало весьма важным для последующей жизни.

Из тех детских лет осталось в памяти, неожиданное для меня, появление бабушкиной старшей сестры, приехавшей из Кисло-

водска. Ее имени не помню, а фамилию она сохранила Моносзон. Прожила она у нас не очень долго, но мне запомнилась как мало-приятная особа. Поскольку вскоре уехала в США через Дальний Восток, следует, что это произошло еще в конце 30-х годов, то есть при жизни бабушки.

К кому она уехала, не знаю. Бабушка как-то заметила, что она везла с собой большую коллекцию серебряных монет, и сказала, что наверняка всю эту коллекцию у нее забрали, прежде чем она оказалась на пароходе. Больше о ней в нашей семье мне не довелось ничего услышать.

Мимо меня тогда проходили многие семейные события, о которых не знал, либо меня в них не посвящали. Вспоминается совсем немного. Осталось в памяти, как мама несколько раз зимой уходила на каток, для чего за ней заходил человек, имя которого забыл.

Память человека, особенно его воспоминания о своих детских годах, – штука весьма странная и необычная. Такие воспоминания очень трудно превратить в последовательный рассказ о прошлом. Не говоря уже о том, что они всегда субъективны, просто невозможно добиться того, чтобы в каждом отдельном случае удалось бы сосредоточиться на выбранном заранее сюжете.

Подчас случается так, что воспоминания об одной проблеме, перемежаются с размышлениями и представлениями, одновременно даже в виде сценок или кинокадров в уме, о других делах, не всегда имеющих прямую связь с этим сюжетом.

Иногда думаешь о том или ином событии далекого прошлого, а в голову «лезут» совсем иные темы. Чтобы их не забыть, приходится прерываться и делать краткую запись для последующих раздумий.

Возвращаясь к ранней задумке, и понимаешь, что она в данный момент уже не так интересна и лучше перейти к другому сюжету, чтобы потом к ней вернуться. Бывает, что такое помогает прежнюю «задумку» представить интереснее и сделать ее более полной и многосторонней.

Первый друг

Всполошился, что до сих пор не упомянул имя человека, с которым дружил с младенческих лет и который всю жизнь мою мой любимый друг – о Саше Фриде!

Можно сказать, в шутку, конечно, что на эту дружбу мы были обречены еще до рождения. Моя мама и Ася Фрид дружили еще со студенческой скамьи в Московском Университете, эту дружбу и взаимную любовь пронесли через все годы жизни. Более того, когда Ася только родила Сашеньку, у нее случилась проблема с молоком, и мама, кормившая меня своим молоком уже почти полгода, сама накормила младенца, сунув ему в ротик сосок своей груди. Так что мы не только закадычные друзья, но и молочные братья!

А чтобы у читателя не оставалось в этом никаких сомнений, привожу отрывок из письма Саши:

«Наши мамы вместе учились в МГУ, тогда факультеты были специализированы не так, как в наше время, знаю, что это было отделение физиологии человека, по-моему, на физфаке (физмате, физхиме? Химфака-биофака тогда не было). Тогда и познакомились, и подружились. Так близко, что мы с тобой стали молочными братьями, когда время пришло»³.

Что же могу сказать об этом человеке, с которым меня соединила сама судьба и которого люблю и знаю, «как облупленного»?

Это – остроумный и доброжелательный, порядочный и надежный, незашоренный и с чувством юмора (подчас и через край), справедливый и слегка беззаботный, любитель прекрасного, особенно женщин, с легким характером и даже немного авантюрист, верный себе и своей чести, уживчивый, энергичный и открытый человек.

³ Письмо Саши Фриды Фреду от 15 мая 2019.

Саша – демократ по своим взглядам и свободолюбив. Он всегда окружен хорошими людьми. Наверняка, имеет и недостатки, но мне до них нет дела. Ничто человеческое ему не чуждо.

Да и с человеком, не имеющим этих черт характера, я бы вряд ли так крепко связал свою жизнь!

Все эти качества он унаследовал от своих родителей – Юды (погибшего в народном ополчении под Москвой. Я хорошо помню дядю Юду) и Аси, которую я всегда любил и почитал.

Надеюсь читатель понимает, что здесь речь идет о Саше-юноше, о Саше-взрослом, а не о ребенке. Мы тогда просто радовались друг другу, во что-то с интересом играли, не задаваясь какими-то высокими материями. Виделись мы не часто.

Разумеется в те времена у меня были и другие приятели, но это всё же не совсем то, о чем пишу.

Нередко в комнате Саши встречал его двоюродного брата Борю Носика с маленькой сестричкой Лидочкой. Мы играли, о чем-то важном говорили, а эта мелюзга копошилась рядом со своими де-лишками, не смея вмешиваться в наши дела.

Глава четвертая

ПОЗНАНИЕ МИРА

Большой театр

«Всплыло» в памяти, что однажды мама привезла меня в Большой театр на оперу, в которой пела знаменитая Валерия Барсова. Это был «Евгений Онегин»¹. Прелюдию, когда раздалась музыка, но занавес еще не раскрылся, а шум публики в зале исчез, помню хорошо, как и некоторые сцены, особенно письмо Татьяны Онегину, бал в их имении, ссору Ленского с Онегиным, их дуэль и драматическую встречу Евгения с Татьяной несколько лет спустя. Удивительно, но кто исполнял арию Ленского, не запомнил, хотя мне было известно и о «лемешистках» и о поклонницах Козловского.

В памяти остался и общий вид зала и огромная люстра, и ярусы позолоченных лож, и огромный занавес, над которым почему-то красовалась крупная надпись: «Союз Советских Социалистических Республик».

Во время антрактов публика чинно прогуливалась по фойе театра. Тогда же узнал и странное слово «бельэтаж», поскольку мы с мамой там сидели.

До войны побывал в этом театре еще два раза – на операх «Иван Сусанин», и «князь Игорь». Эти спектакли помню так же

¹ Пушкинский роман, разумеется, к тому времени уже прочитал, а его сказки слышал еще в раннем детстве. А когда начал читать то, то предпочитал стихам прозу. «Дубровского» перечитывал не раз. Впрочем, в то время вряд ли понимал значение Пушкина. Но столетие со дня его смерти мне хорошо запомнилось.

хорошо, как и первый. Возможно, посещал этот театр в те годы, увидел и услышал еще другие постановки, но вполне определенно их назвать не решаюсь.

Эмоциональное потрясение оказалось настолько сильным, что могу не только подробно пересказать содержание каждой из мизансцен, но даже довольно подробно описать, едва ли не все.

Стоит только закрыть глаза, как увиденное, и услышанное тогда тут же возникает в памяти. Уверен, что мама прекрасно понимала, что эти события останутся в памяти ее сына на всю жизнь и их воздействие благотворно скажется на представлениях о жизни, в понимании значения музыки и искусства, в духовном формировании ее ребенка.

Единственное, что не смогу – правильно напеть арии. Как будто их слышу, но воспроизвести не удастся. Наверно, такое чувство испытывает каждый, кому судьба отказала в музыкальных слухе, голосе и памяти.

Полагал, что других спектаклей Большого театра, на которых мне посчастливилось присутствовать в довоенные годы, не удастся вспомнить. Но мне повезло! В библиотеке нашего «садика» на одной из полок, где стояли книги, посвященные создателям советского искусства и кино, обнаружил непрочитанные мной воспоминания кумира не только моей молодости, правильнее сказать: всей жизни – Сергея Лемешева².

Лемешев

Считал, что интересующие меня книги прочитал, но на всякий случай решил их снова просмотреть. И обнаружил эти драгоценные для меня воспоминания. Хотя книга была весьма ухудшена явным преклонением автора и человека, придавшего ее тексту

² *Лемешев С.* Путь к искусству. Искусство: М., 1968. (Литературная записка Е. Грошевой).

читабельный вид, перед советской властью (что весьма естественно, ибо именно в те годы состоялась карьера Лемешева как выдающегося тенора), тем не менее нашел в ней сведения, которые «подтолкнули» мою память.

Тут же вспомнил, что слушал оперу «Риголетто» в филиале Большого театра. Для этого нам с мамой пришлось проехать на троллейбусе не менее получаса от центр Москвы.

А сам спектакль прямо-таки ожил в моей памяти. Особенно хромой и несчастный старик Риголетто и герцог Мантуанский, коварный красавец-сердцеед. Даже вспомнил его знаменитую песенку «Сердце красавицы склонно...».

Последующие события не запомнились, кроме сцены, когда Риголетто закалывает кинжалом, по его мнению, герцога, соблазнившего его дочь, а это, как раз и была его дочь, пожертвовавшая своей жизнью ради любимого человека.

Но чудеса на этом не закончились. Лемешев вспоминал и о спектакле «Руслан и Людмила». Прочитав об этом, поймал себя на том, что вспомнил, как один из претендентов на руку Людмилы Фарлаф (точнее певец, игравший его роль) поет: «Близится час торжества моего...».

Но последовавшие вслед за тем мысленно увиденные сцены относились явно не к спектаклю, а к кинофильму, появившемуся в кинопрокате также до войны.

Пришел к выводу, что смотрел тогда же этот фильм, так как хорошо помню, как Руслан копьем убивает огромную человеческую голову, она откатывается и в его руках оказывается меч, который лежал под этой головой. Этим мечом Руслан, державший за бороду Черномора, который взлетев к небу, отрубил эту бороду. Что-то еще вспоминается, но не так четко.

Интернет подсказывает, что тот спектакль «Руслан и Людмила» состоялся всё же не в Большом театре, а в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Таким образом, мне удалось стать зрителем тогда не только Большого театра и его филиала, но и еще другого известного оперного театра Москвы.

Эта книга помогла вспомнить еще о кинофильме с участием Лемешева. Хотя фильмам будут посвящены другие страницы, но поскольку это касается Лемешева, целесообразно рассказать об этом именно здесь.

Осенью 1940 г., как мне кажется, вместе с бабушкой в кинотеатре «Москва», помещавшегося в здании, располагавшемся на площади Маяковского, увидел фильм о том, как молодой шофер Петр Говорков, любивший петь русские народные песни, стал заниматься в кружке самодеятельности своего гаража. И в этом кружке даже сумели своими силами поставить оперу Чайковского «Евгений Онегин».

Роль Онегина исполнял Говорков. А его роль в фильме – Лемешев. Не скажу, что был в восторге от этого фильма, правда, тогда ничего не знал о подлинной биографии Лемешева. А она имела некоторое сходство с жизненным путем самого прославленного артиста.

Лемешев родился и вырос в очень бедной крестьянской семье. В одном ему повезло – унаследовал от отца и матери любовь к народным песням, музыкальный слух и голос. Был вынужден с малых лет заботиться о пропитании не только своим, но и брата, поскольку отец умер, когда Сереже только исполнилось десять лет. Вначале – это были его любимая рыбалка и грибы, затем работа в сапожной мастерской его дяди в Петрограде.

Свободное время проводил с балалайкой, а потом пристрастился к кино. Поскольку перед сеансом в фойе кинотеатра выступали куплетисты, танцоры и певцы, мальчик начал мечтать о том, что и он когда-нибудь окажется на сцене.

Затем, побывав в цирке, решил стать артистом цирка – борцом. К 14 годам превратился в довольно сильного, мускулистого и статного паренька, выглядевшего гораздо старше своего возраста. Но его дядя эту затею не одобрил.

После Февральской революции Сергей вернулся в родную деревню, Старое Князево Тверской губернии, где ему вновь пришлось рыбной ловлей зарабатывать деньги на пропитание. В 1918 г. его семья получила земельный надел и смогла осенью собрать впервые урожай.

Лемешев записался в кружок культурно-просветительной работы. На его пение обратили внимание. Ему помогли получить музыкально образование, расширить свой кругозор.

В декабре 1919 г. юноша впервые вышел в Твери на сцену. Но продолжить этот путь тогда ему не удалось. Весной 1920 г. поступил в кавалерийское училище. Там оценили его певческое дарование и по окончании трехлетнего срока учебы направили на учебу в Московскую консерваторию. Начался новый этап его жизни, которая, в конце концов, завершилась подлинным триумфом. Через несколько лет Лемешев оказался одним из лучших теноров страны.

Одним из эпизодов его карьеры и стала роль шофера Петра Говоркова. Фильм не только имел успех в советской стране, но и попал в 1941 г. на экраны кинотетров США, где тоже стал популярным.

Драматические театры

В те предвоенные годы, мне посчастливилось побывать не только в оперных театрах, но и посетить драматические театры – Малый, в котором мне удалось посмотреть знаменитый спектакль «Катерина» по пьесе Николая Островского. Вспомнил и второй спектакль – очаровательную, полную интриг и вероломства, пьесу Эжена Скриба «Стакан воды».

Во МХАТе мне дважды довелось насладиться легендарной «Синей птицей» Мориса Метерлинка. До войны и после того, как вернулся в Москву из эвакуации.

Пьеса и спектакль сказочно прекрасны. Двое малышей – Тильтиль и Митиль – во сне отправляются искать Синюю птицу, которая должна принести людям счастье. В этом путешествии их сопровождают друзья – ожившие в облике людей души Хлеба и Огня, Воды и Света, Молока и Сахара, Собаки и Кошки. Во время своего странствия они посещают страну Воспоминаний, встречаются с покинувшими человеческий мир Дедушкой и Ба-

бушкой. Но им всё же не удалось увидеть Синюю птицу. Вернувшись домой, брат и сестра обнаружили, что сидевшая в клетке горлица – синяя-пресиняя. Они выпускают ее из клетки.

Замечательно сыгранная артистами театра пьеса, пронизана добротой. Она очень сильно воздействовала на детвору, заполнившую театральный зрительный зал. Осознавали ли дети, то, что счастье, по мнению автора пьесы, состоит в добрых поступках и помощи друг другу, не скажу, но инстинктивно это ощутили. Полагаю, что этот спектакль бессмертен!

Вспомнил также, что видел пьесу о заключенных, участвовавших в строительстве Беломорканала. Вначале мне показалось, что это было во МХАТе, но, вероятно, всё же это был спектакль другого театра. Удалось найти только сведения о том, что комедию Николая Погодина «Аристократы» поставили в московском Вахтанговском театре. Это означало, что до войны удалось увидеть спектакль этого театра. Естественно, тогда не понимал, что смотрел нечто лживое, мерзкое и позорное.

Кроме того, побывал и на спектакле этого театра по пьесе Николая Погодина «Человек с ружьем». Особого впечатления не получил. Зато одноименный фильм заполнился весьма четко. Довелось его смотреть многократно.

История солдата, посланного в Петроград, чтобы донести новой власти о том, что окопники жаждут покончить с войной, вернуться домой и получить в свое распоряжение землю, была предельно умело раскрыта актером Борисом Тениным. Через много лет увидел его в букинистическом магазине на Арбате. Расценил это как подарок судьбы.

Игра Максима Штрауха вообще признана классикой актерского искусства. Люди, пронизанные пропагандой, первое появление на экране Ленина, а Штраух просто в него воплотился, всегда встречали бурными аплодисментами – они приветствовали вождя!

В театре Революции был пленен голосом Марии Бабановой в спектакле по пьесе Алексея Арбузова «Таня».

Неоднократно бывал тогда в Театре юного зрителя (ТЮЗ). Помню, что в зале находилась только детвора, а родителей туда не пускали, но самих спектаклей назвать не могу³.

Театр кукол

Много раз оказывался зрителем театра кукол Образцова. В то время этот театр размещался вблизи площади Маяковского. Там ставилось множество спектаклей для детворы. Они пользовались огромным успехом. Хорошо помню, что смотрел в нем «Похождения Буратино или золотой ключик». Многие сценки и персонажи сразу оживают в памяти, как только подумаю об этом спектакле.

К тому времени саму сказку Алексея Толстого уже прочитал. Но финал этого спектакля почему-то мне не понравился. Заканчивается он тем, что Буратино и его друзья открыли ключиком заветную дверцу, прошли в нее и оказались на сцене театра уже не в виде кукол, а нормальными ребятами, которые узнали, что очутились в советской стране.

Разумеется, тогда не понимал нелепости этой задумки режиссера, пропагандистской нацеленности спектакля и прочей идеологической муры, но фальшь и какое-то несоответствие концовки самому спектаклю всё-таки ощутил.

Из других спектаклей этого театра запомнились также представления «Волшебная лампа Аладина», «По щучьему велению», «Кот в сапогах», «Ночь перед Рождеством», «Конек-горбунок», «Терем-теремок». Думаю, что видел и другие спектакли, но отделить их от увиденных гораздо позже не в состоянии.

³ Вспоминаются спектакли и в других театрах, но, к сожалению, лишь их названия, а не название театра. В том числе помню спектакль «Любовь Яровая» по пьесе Константина Тренева, но, к сожалению, забыл, в каком театре смотрел эту пьесу. Также не могу установить, где смотрел спектакль по пьесе Горького «На дне». Может быть это связано с тем, что тогда не ощутил значение этого спектакля.

В антрактах всегда вместе с другими зрителями осматривал музей кукол в особых залах возле фойе и слушал рассказы Образцова об этих куклах. Это также было крайне интересно! И в последующие годы этот театр притягивал меня к себе, как мощный магнит – железяку!

Возможно не сумел, как следует, рассказать о каких-то прочитанных книгах или увиденных в те годы спектаклях. Но, в общем, это не так уж важно. Стремился посмотреть на это глазами Фредика, передать тогдашнее его ощущение своей жизни и вряд ли осознававшего сложность мира, в который вступал. Но главное – отдать дань любви и благодарности людям, которые помогли мне сделать свои первые шаги!

Регулировщик движения

Значение того факта, что мы жили почти в самом центре Москвы, тогда не осознавал. Но он, разумеется, имел большое значение и, естественно, сказался значительно позже, когда уже сам или в компании друзей отправлялся в любимые места города, и это безусловно упростило маме и бабушке показывать мне городские достопримечательности.

Хорошо помню, когда побывал Красной площади и возвращался назад (кто туда меня привозил, не могу сказать), то на пересечении улицы Горького и площади «Охотный ряд» увидел милиционера-регулировщика. Его жесты правой руки, в которой был зажат жезл, повороты его фигуры, казалось даже огромные усы и наклоны головы, напоминали балетного танцора, выполняющего различные танцевальные па.

Регулировщик был одет в парадную форму. На голове его красовалась буденовка. Гимнастерка была ослепительно белой. Пуговицы на ней сверкали. Сапоги вычищены до такого блеска, что сияли, когда на них падали лучи солнца.

Он был хорош и, наверняка, сам это прекрасно знал!

Зоопарк

Одной из достопримечательностей Москвы являлся зоопарк. Он находился от нас буквально в пяти-десяти минутах езды на трамвае. Обе территории зоопарка – старая и новая – размещались по обе стороны Грузинской улицы. С мамой в зоопарк отправлялись в выходные дни, а с бабушкой – в любой день. Бывали там в разные сезоны, кроме лета, когда переезжали на дачу, и каждый раз проводили там не меньше трех часов. Рассказывать о любимых местах зоопарка не буду, это заняло бы слишком много места, а эмоциональное и воспитательное значение для ребенка такого события хорошо известно.

Помню лишь то, что видел там тигро-льва, появившегося на свет в результате особо организованной случки особей разного пола и разной породы. Вряд ли тогда понимал смысл такого неестественного события, но в памяти осталось то, что увидел существо, медленно передвигавшееся внутри своей клетки, в котором не было ничего общего с нормальными особями тех пород.

Лев обычно неподвижно полулежал-полусидел, не обращая никакого внимания на зрителей, толпившихся у ограды. Тигры, как правило, бродили вдоль заграждений, нюхая их, как-будто надеясь найти возможность выбраться на волю.

Посещение зоопарка в праздничные дни стало впоследствии для моей семьи как бы ритуалом. Когда наша Оля уже могла хорошо ходить, Первого мая мы с Лидой, взяв ее, оправились в зоопарк. Позднее это делали ежегодно в Первомай.

Меня очень удивило, что ребенок, спокойно, без эмоций, смотрел на обезьянок, которые без конца прыгали с места на место, кривлялись, в общем вызывали интерес у зрителей. Оля в какой-то миг отвернулась от этого зрелища и с возгласом: «хочу копать!» начала ковыряться в дорожном покрытии, которое было можно было взломать лишь ломом. В другом месте она, отвлек-

пшись от другой клетки, начала нам показывать воробушек, пытавшихся что-то выклевывать в пыли той дороги.

Реальное бытие и действия для малышки оказались гораздо интереснее экзотических животных, томившихся в клетках. Впрочем, когда мы подошли к другому вольеру, где белый медведь выпрашивал у зрителей конфетку, ребенок оживился. И вовсе воспрял духом около загороженной клеткой территории молодняка, где копошились медвежата, волчата, спокойно бегали и скакали козлики и зайчики.

А совсем недавно в телефонном разговоре с Олей выяснил, что поездки в зоопарк по праздничным дням ей хорошо запомнились. И Наташа мне подтвердила, что Первого мая мы отправлялись в зоопарк.

Удивительно то, что после частого посещения зоопарка меня совсем не заинтересовали фундаментальные тома Брэма о мире животных. Помню даже, как однажды в гостях предложили полистать эти фолианты, полюбоваться их прекрасными иллюстрациями. Вежливо отклонил это предложение. Любопытство к живым зверям в зоопарке не превратилось в потребность заниматься этим таинственным миром.

Биология

Скажу больше, в старших классах школы биология оказалась для меня самым ненавистным предметом и в тот кабинет, где проводились уроки по биологии, шел всегда в дурном настроении. Правда, это могло быть связано не только с этим учебным предметом, но и с личностью преподавательницы.

Почему-то мне казалось, что мы оба друг другу несимпатичны. Хотя думать так школьнику, мечтающем только о том, чтобы затеряться среди своих одноклассников, как-то отсидеть положенные для учебного часа 45 минут, а затем выскользнуть из кабинета, в высшей степени нелепо.

В цирке и Уголке Дурова

Однако следует особо выделить из чреды этих прекрасных и памятных событий моего детства посещение представлений цирка на Цветном бульваре. Не могу сказать, сколько раз там побывал, но отчетливо помню одно из них.

В памяти осталось прежде всего пережитое в тот раз эмоциональное напряжение. И его ощущал не только я, но и все зрители, заполнившие ряды кресел, расширяющихся вверх от манежа. Вся эта масса людей, то замирала в страхе, когда под куполом цирка акробаты прыгали через друг друга. Несколько мгновений было неясно, сумеют ли они оказаться на маленькой площадке или рухнут вниз. Люди, как-будто бы переставали дышать, но через секунду-другую раздавалась бурная овация, поскольку трюк был завершен. Всё это время небольшой оркестрик продолжал играть, прерываясь только в тогда, когда ситуация казалась смертельно опасной.

Пересказать увиденное немислимо, ибо там были и гимнасты, и иллюзионисты, и жонглеры, и наездники, которые то вставали на круп несущегося во весь опор животного или наоборот почти выпадали из седла и чуть ли не касались земли, в то время как кони носились по кругу с огромной скоростью.

Помню, как тигры, по знаку дрессировщика прыгали сквозь охваченные пламенем кольца. И как скользил по натянутой проволоке человек. В какой-то момент его ступня не попала на проволоку и раздался общий «Ах»!!! Но он быстрым сальто через голову восстановил положение и продолжил свое движение, заканчив его на поперечной перекладине.

Хорошо запомнился маленький человечек в черном костюме, нелепом такого же цвета колпаке и огромных башмаках, который тщетно гонялся за своей собачкой. При этом пищал что-то тоненьким голоском. Позднее узнал, что это был прославленный клоун под кличкой Карандаш.

В антракте нас повели в помещения для животных. Запомнилась своеобразная вонь в слоновнике. Таким же был запах в зимнем слоновнике зоопарка.

Спектакль начинался и заканчивался парадом всех артистов цирка, участвовавших в представлении.

В тот раз довелось увидеть много чудес и понять, что человеку доступны всевозможные трюки, если он настойчиво к ним готовится, не жалея ни сил, ни времени, видит в этом свое призвание. Эта красота, вершина физической и духовной возможностей человека, для меня всё же оставалась эмоциональным потрясением и чудесным зрелищем, но я никоим образом не сравнил бы его с теми чувствами, которые я испытал во время спектаклей Большого театра.

Помимо цирка, мама меня возила и в Уголок Дурова, где мы смотрели спектакль Театра зверей. Всю группу зрителей провели тогда и по зверинцу, в котором обитали те звери. Кроме этого, запомнилось также, что перед нами появилась директор «Уголка», дочь знаменитого дрессировщика зверей Владимира Дурова. Он в 1912 году основал этот Театр зверей, ставший позднее учреждением Москвы.

Кино!!!

Что всегда было у меня общим с бабушкой – это страсть к кино. И не случайно, большинство вспоминаемых мной кинокартин, увиденных в те годы, связаны с нашим совместным посещением кинотеатров. А их в округе нашего дома было немало. На площади Маяковского находился кинотеатр «Москва», на площади Пушкина – «Центральный». На Грузинской улице – «Смена».

Вообще, их было полно в Москве и добраться до них троллейбусом, трамваем или с помощью метро не требовало много времени. К тому же на дневные сеансы в кассах всегда имелись билеты, да и стоили они всего копеек тридцать за билет, то есть совсем пустяк.

Объяснить мое увлечение кино не просто. С удовольствием смотрел комедии («Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк», «Девушка спешит на свидание», «Музыкальная история», «Сердца четырех» «Подкидывш», фильмы Чарли Чаплина). Любил фантастические и сказочные фильмы («Гиперболоид инженера Гарина», «Аэлита», «Руслан и Людмила»), приключенческие и авантюрные («Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Йоргена», «Дети капитана Гранта», «Дубровский», «Робин Гуд», «Таинственный остров», «Остров сокровищ»). Но меня привлекали и фильмы революционной тематики («Мать», трилогия о Максиме, «Зори Парижа»), посвященные различным событиям или сюжетам («Путевка в жизнь», «Семеро смелых», «Трактористы», «Мы из Кронштадта», «Свинарка и пастух», «Член правительства», «Вратарь», «Подкидывш», «Белеет парус одинокий», «Гаврош», «Подруги», «Истребители», «Последняя ночь», «Тринадцать», «Волочаевские дни», «Девушка с характером», «Танкер Дербент», «Большая жизнь»).

Не меньший интерес вызывали фильмы, посвященные историческим персонажам («Яков Свердлов», «Чапаев», «Щорс», «Александр Пархоменко», «Котовский», «Его зовут Сухэ-Батор», «Депутат Балтики»), событиям давней истории («Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Петр I», «Суворов») и тому подобное. На время как бы целиком «выключался» и отдавался переживаниям.

Совсем другим было ощущение, когда фильмы показывали совсем недавние события, или трактовали весьма важные факты ближайших по времени лет («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Великий гражданин», «Депутат Балтики»). В таких случаях увиденное воспринимал как реальные факты. К тому же, если в театре всегда чувствовал, что это зрелище для зрителей взрослых, это – для детей, то в кино ощущение было совершенно иным. Когда смотрел такой фильм, то был этим полностью поглощен, всё впитывал это как важную информацию.

Можно ли это расценивать как проявление наивности, умственной незрелости или еще как-нибудь, в этом смысле? Наверно,

да. Но вряд ли могло быть иначе. Разобраться в том, что увиденное в кинотеатре, было особой разновидностью культуры и искусства, а также же результатом мастерства режиссера, операторов, актеров, понять, что эти фильмы имели определенную идеологическую направленность, отражали интересы и политику государства (достаточно вспомнить фильм «Если завтра война»), подросток был не в состоянии.

Эти замечания сделаны для того, чтобы объяснить, как тогда воспринимал увиденное на экране. О самих фильмах, которые повидал подробно писать не буду. Полагаю, что в эти четыре года увидел большинство художественных фильмов, которые находились в кинопрокате. Во всяком случае, когда нашел в Интернете перечень этих фильмов, такое ощущение у меня возникло.

Естественно, это были советские фильмы. Иностранные смотрел не так часто, пожалуй, кроме фильмов Чарли Чаплина. Ситуация чуть-чуть изменилась в 1940 году. На экраны Москвы попал фильм «Большой вальс». Бабушка на этот фильм просто не могла насмотреться. По крайней мере 10 раз она побывала тогда в кинотеатре «Москва», причем нередко со мной.

Чем же было вызвано такое? Полагаю, что прежде всего – особенностями этого фильма – сочетанием прекрасной музыки Иоганна Штрауса, красотой и талантом певицы Карлы Доннер (Милицы Корьюс), круто закрученной интригой их любовного романа на фоне опереточной революции 1848 года в Вене.

Сейчас бы добавил к этому – мы увидели события, происходившие вне нашей страны, непривычную для нас жизнь и какую-то внутреннюю свободу и раскованность жителей Вены, их заботы и надежды. Всё это было мне незнакомо, но ужасно притягательно. Возможно, бабушка вспомнила свою варшавскую молодость. Но это только предположение, поскольку ничего подобного от нее не слыхал.

Также с большим интересом посмотрели фильм «Петер» с блистательной Франческой Гааль в роли Евы.

На меня очень большое, но отнюдь не радостное, впечатление произвел вышедший на экраны в первые дни начавшейся войны фильм «Мечта». Мучения основных персонажей – девушки в поисках жениха, безработного инженера, крах человека, выдававшего себя за состоятельного владельца, в на деле ютившегося на чердаке огромного дома, воспринял как-то очень тяжело. Не помогла блистательная игра Михаила Астангова, которого привык видеть в совсем иных ролях. Разумеется, меня потрясла своим талантом Фаина Раневская.

Мультфильмы

Отдал дань и мультфильмам. На моих глазах эта ветвь кинематографии претерпела существенные изменения. Довелось видеть и рисованные кадры, и такие, когда на последующих кадрах у фигурки на экране чуть изменялось положение ног или копыт, в зависимости от того, кого показывали. Были тогда и бесцветные мультики, и кукольные, и такие, когда фон оставался неподвижным. Демонстрировали как советские, так и зарубежные фильмы.

Помню детские мультики: «Царевна-лягушка», «У самого синего...», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и о работнике...», «Сказка о мертвой царевне...», «Вечера на хуторе...», «Сказка о Василисе», «Вместе весело шагать...», «Красная шапочка», «Лиса и волк», «Мойдодыр», «Колобок», «Терем-теремок», «Двое из ларца», «По щучьему...», «Сказка о глупом мышонке...», «Братцы, время собираться...», «Маленький Мук», «Маша и три медведя», «Каштанка», «Мальчиш Кибальчиш», «Три богатыря», «Мы едем, едем...», «Жил-был у бабушки...», «Жили у бабуся...», «Не бей копытом», «Конек-горбунок», «Снегурочка» и многие другие.

Популярны были не только советские мультфильмы, но и американские. Среди них – «Микки Маус», «Дюймовочка», «Гадкий утенок», «Три поросенка», «Принцесса на горошине», «Новое платье короля», «Свинопас», «Сундук-самолет», «Ко-

роль-олень», «Мальчик с пальчик», «Кот в сапогах», «Щелкунчик», «Путешествия Гулливера», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Тиль Уленшпигель», «Волшебная лампа Аладина».

Часы, проведенные в кинозале, были заполнены смехом и весельем. Для меня тогда, как правило, это были ожившие на экране сказки. Больше всего занимала внимание фабула увиденного. Вникал ли в то, что создатели этих фильмов хотели донести до зрителя? Пожалуй, осознанно, далеко не всегда. Но всё же полагаю, что и эти мультфильмы в немалой степени влияли на мое сознание. Очень осторожно, неназойливо, они содействовали пониманию важности для человека таких понятий как доброта, мужество, стойкость, честь, справедливость и другие, своими средствами закрепляли в нем основы морали и нравственности.

Освежить это всё в памяти помогли файлы интернета.

Поездка на ВСХВ

Из тех поездок-путешествий по довоенной Москве, которые мы совершили с бабушкой, нельзя не упомянуть посещение Всесоюзной сельско-хозяйственной выставки (ВСХВ). Попытаюсь определить примерное время нашей поездки. Это произошло летом или в начале лета. Скорее всего в 1941 году. Открылась она 1 августа 1939 года. Естественно, что в том году туда мы попасть бы не смогли. Летом 1940 года, полагаю, что бабушке было не до этого. Остается начало лета 1941 г., до наступления дачного сезона.

Тогда без особого труда попасть из нашего дома на ВДНХ можно было лишь на трамвае, начальная остановка которого находилась совсем недалеко от нашего дома, а конечная – вблизи Выставки. Полагаю, что именно поэтому не запомнил, как мы туда добирались. В противном случае надо было бы пользоваться троллейбусами с несколькими пересадками и автобусами, ибо прямого маршрута, кроме трамвайного, не существовало. А дальняя поездка, да еще с пересадками, мне бы запомнилась. Ветка

метро в направлении Выставки появилась через много лет после войны.

После открытия Выставки о ней постоянно талдычили по радио, сняли даже кинофильм «Свинарка и пастух», а другого источника информации у нас не было. Поэтому понятен возникший интерес, вынудивший нас совершить это мероприятие.

Впоследствии мне пришлось весьма часто бывать в этом районе, много лет работать в Институте, расположенном буквально за стеной, огораживающей территорию Выставки, бывать на самой Выставке. А последние московские годы мы с Лидой вообще проживали в десяти минутах пешком от ее Южного входа. Более того на работу ходил как раз через территорию Выставки.

По такой причине вызвать в памяти моменты, связанные именно с той поездкой, довольно сложно. К тому же на Выставке постоянно проходили весьма кардинальные изменения. Расширялась ее территория, перестраивались довольно часто павильоны и открывались новые, существенно менялись экспозиции, создавались новые фонтаны и предприятия для обслуживания посетителей. И сама Выставка, вплоть до ее названия, подчас приобретала иную направленность.

Постараюсь всё же рассказать о своем первом впечатлении, а также о том, что мы там увидели и где побывали.

Поразила прежде всего огромность ее территории. Сразу стало ясно, что обойти ее и побывать во всех павильонах за одно посещение невозможно. Каждый павильон был уникален по внешнему виду, не говоря уже об экспозиции.

Архитекторы (не уверен, что тогда хорошо понимал само это слово и то, что относилось к данному понятию) стремились к тому, чтобы эти павильоны были не только великолепными внешне, но и как бы сразу предупреждали посетителя, с чем ему предстоит познакомиться. Сразу ощущался национальный колорит, если павильон представлял какую-то из советских республик, или раскрывались моменты, связанные с тематикой экспозиции, если павильон имел специализированное назначение.

Всё выглядело очень красиво и внушало посетителю, что жизнь повсеместно в стране прекрасна и зажиточна, что каждой республике есть чем гордиться. Скульптурные композиции отличались фундаментальностью.

Посетитель еще не попал на территорию выставки, но уже увидел огромные фигуры рабочего и колхозницы скульптора Веры Мухиной. Кроме того, невдалеке от входа находился парк с различными аттракционами. Упоминание аттракционов вызвало у меня в памяти аттракционы в Парке имени Горького, о чем речь пойдет позже. Не буду рассказывать о павильонах, их экспозициях. Ясно было, что демонстрируется самое лучшее. Например, на специально огороженном загоне зрителям показывали своего рода чемпионов – быков, коров, огромных свиней и прочее.

И последнее о той поездке – обойдя небольшую часть Выставки, мы очень устали и с трудом доплелись до станции трамвая. И всё же мы с бабушкой посетили ВДНХ в первые годы ее функционирования!

Планетарий

Неоднократно бывал в московском Планетарии. Кто меня туда возил, не помню.

Впечатление, ощущение того, когда, задрав голову вверх, в темноте увидел повсюду сверкающие и искрящиеся точки, особенно они когда «поехали по небу», оказалось просто непередаваемо прекрасным. Почувствовал даже некоторое головокружение, оно–то прошло, но шея «напоминала» мне о Планетарии еще несколько дней.

Осознать бескрайность Вселенной, разумеется, тогда был не в состоянии, впрочем и теперь также, но до меня дошло, что наш огромный Земной шар – только пылинка в космосе.

В мой словарный запас тогда вошла масса новых слов, понятнее стали и представления, что где-то существуют другие плане-

ты со своим живыми существами, о чем любил читать в книгах научной фантастики.

В Планетарии пришлось побывать позднее, когда учился в Десятом классе и у нас был предмет – Астрономия. Но это уже были скучные учебные уроки.

Освоить азы этой науки не удалось, да у тому времени эти дисциплины, связанные с физикой и химией, просто стали нелюбимыми.

Но значительно позднее тех лет даже стал узнавать некоторые созвездия и звезды Северного полушария и любовался звездами, когда ночи были без облаков. В Москве, впрочем, вообще не удавалось разглядеть звездное небо из-за всякого рода пыли и загрязнения атмосферы.

В парках

Продолжу об экскурсиях и поездках по Москве. Конечно, прежде всего о ЦПКиО (Центральном парке культуры и отдыха имени Горького) на берегу Москва-реки.

На аллеях этого парка мы с мамой как-то осенью гуляли и увидели различные аттракционы. Среди них была карусель из фигурок животных и скамеек. На эти фигурки можно было взгромоздиться верхом и совершить несколько кругов.

Мы выбрали скамейку. Под музыку карусель закружилась, но плавно, не быстро, так что голова от этого не кружилась. Через несколько кругов карусели мы спустились на землю.

Затем покатались на колесе обозрения. В кабинке пришлось сразу прикрепить себя ремнем к сидению, затем она покачнулась и начала потихоньку подниматься вверх по кругу, пока не достигла вершины колеса. Там остановилась на какой-то момент, при этом продолжая раскачиваться. Было чуть страшновато, за-

тем кабинка начала медленно опускаться. Когда встала на уровень земли, мы смогли из нее выйти.

После этого двинулись дальше и подошли к павильону, в котором находилась комната смеха. Мама отправила туда меня одного.

Помещение было заполнено различными зеркалами. В них видел себя то высоким и тощим, то с огромным животом, то с приплюснутой головой и на кривых ногах. Откровенно говоря, смешными мне это изображения не показались.

Наши приключения продолжались. Следующий аттракцион также посетил только я. Вместе с другими посетителями оказался в круглой комнате. Неожиданно пол под нами начал вертеться, сначала медленно, потом быстрее. Мы пытались устоять на ногах, но не удержались. Нас всех снесло к краю площадки. Затем кружение прекратилось. На себе мы проверили действие центробежной силы. Впрочем, такое понятие в то время мне было неизвестно.

Нас ожидал еще маленький домик с тиром. Получив в руки духовое ружье, которое зарядил маленькой пулькой, прицелился и выстрелил в маленькую мельницу. Естественно, не в нее, а в прикрепленную к ней металлическую пластинку. Ничего не произошло. Стрельнул еще несколько раз с таким же результатом. Никакого приза не получил.

После этого мы еще немного побродили по аллеям парка и отправились домой.

Несколько раз мы с мамой посетили этот парк зимой, когда его аллеи были покрыты ледяной коркой, по которой носились конькобежцы. Мы зашли в какое-то холодное помещение, где сдали свои пальто и получили ботинки с коньками. Мои – в передней части закруглялись, а мамины были довольно длинными и острыми, поскольку она хорошо каталась на коньках. После того, как обули эти ботинки, наши пути разошлись.

Мама, проводив меня и сдав инструктору, отправилась по льду. Я же, проковыляв кое-как по полу и земле, вступил на лед и сразу упал. Впрочем, инструктор не дала мне сильно стукнуться о лед. Она объяснила, как я должен передвигать ноги, чтобы перемещаться по льду. Последние у меня всё время норовили подогнуться, но кое-как всё же удалось добраться до садовой скамейки, перед которой ледяная поверхность сменилась утоптанном снегом.

Дальнейшее помнится смутно, как-будто, мы там еще побывали зимой, но впоследствии всё же немного научился кататься на коньках, хотя в отличие от санок и лыж, коньки никогда мне удовольствия не давали.

Отправлялись мы с мамой зимой в другой парк культуры – в Сокольники. Там катались на лыжах. Для этого мне купили маленькие лыжи, их также хранили на антресоли, как и санки.

В каком-то парке прокатился в коляске, пристроенной к пони. В коляску сели несколько ребят, молодой парень взял пони за уздечку и потихоньку они отправились по кругу стадиона. За ними ехала коляска с четырьмя взволнованными пацанами. Не знаю, как другие, а я подумал: «вот было бы здорово, если бы пони вдруг вырвался и резво поскакал!». Но, увы, тот топал потихоньку. Так коляска и объехала весь стадион. Затем ее пассажиры сменились. Как-то всё это происходило чинно и спокойно. Я от этого катания ожидал большего!

Обласканный любовью и заботой мамы и бабушки я в детстве вовсе не задумывался на тем, почему в нашей семье нет еще одного человека – моего отца и мужа мамы. Хотя знал, что в семье моего приятеля по двору, Юзика Стрижевского, есть папа, просто эта мысль мне не разу не пришла в голову.

Глава пятая

ШКОЛА

В Первом классе

Осенью 1939 года поступил в первый класс 128 школы Советского района Москвы. Здание школы находилось на нашей же улице, поэтому добраться до нее было легко. Следовало только перебежать узкую Третью Тверскую-Ямскую, следя за трамваями (автомобили по нашей улице ездили крайне редко), пройти затем через подворотню наискосок против подъезда. И ты оказывался во дворе школы, но ее надо было обогнуть, так как войти в школу можно было лишь со стороны Второй Тверской-Ямской улицы.

О школьной жизни тех лет в памяти сохранилось совсем немного. Нашу учительницу звали Анна Ивановна. Это была высокая и весьма спокойная женщина. Из одноклассников помню Женю Персица, с которым подружился, и Юзика Стрижевского – с нашего двора.

На фотографии первоклассников узнал еще Робку Шнейдера (о нем речь пойдет позже) и Игоря Бабицкого. С ним учился только в Первом и Втором классах, а когда вернулся из эвакуации, оказалось, что он перешел в другую школу. Несмотря на это, мы с ним общались, поскольку он жил на Второй Тверской, бывал у него дома. И как-то раз Игорь показал мне дореволюционную золотую монету в десять рублей. Я тогда уже собирал монеты и предложил ее на что-нибудь поменять. Но он не согласился.

Из девочек вспомнил только Юлю. Наверное потому, что встретил ее на Тверском сквере уже после возвращения из эвакуации. И мы немного поиграли с ней в волейбол.

Удивительно, но через много лет они с Лидой оказались в одной палате родильного дома. Тогда на свет появилась Олечка (правда, это имя получила тогда, когда они уже оказались дома). Поглядев на младенца, Юля воскликнула: «так вы – жена Фредика Фирсова!». Полагаю, что это не потому, что Оля очень внешне на меня похожа. В той крохотульке это вряд ли можно было признать. Скорее всего, Юля связала Лиду со мной, узнав ее фамилию.

Тогда мальчики и девочки учились вместе, в одном классе. Тот факт, что не запомнил фамилии ни одной девочки из первых двух классов полностью характеризует мое тогдашнее к ним отношение.

Школьный год начинался всегда 1 сентября. В этот день нарядные школьники и школьницы собирались у школы с букетами, чтобы подарить их учителям. Учеников младших классов сопровождали родители. Обычно после приветственного слова директора раздавался школьный звонок и учащиеся вместе с учителями входили в школу и расходились по классам.

Мой класс – Первый «Б» – располагался на втором этаже. Перед классами был большой школьный коридор. Одна его стена почти полностью состояла из окон. На противоположной висели портреты выдающихся российских писателей и поэтов, а также ученых, но никогда – политических деятелей.

Каждый школьник получал набор учебников, в конце года их надо было сдать, чтобы ими могли пользоваться те, кто будет учиться в этом классе в будущем учебном году. Таким образом учебники не были новыми, но отнюдь не потрепанными.

Обратил внимание, что в некоторых из них какие-то строки были густо замазаны чернилами так, что невозможно было понять, какое слово или слова были зачеркнуты. Некоторые портреты, составлявшие часть страницы, также были замазаны чернилами. Лица и подписи под портретами также были не различимы, но всё же можно было понять, что это были военачальники.

Сейчас не пойму, почему это не вызвало тогда у меня никакого удивления. Тогда ничего не знал, что это были лица полковод-

цев Гражданской войны, ставших позднее жертвами сталинского террора. Вообще слышал только о Климе Ворошилове и Семене Буденном, Чапаеве, да еще по песне о раненом комполка Щорсе. Вот и все мои тогдашние представления о победителях в той войне.

Из тех лет в памяти осталось то, что приходилось каждый день приносить в школу чернильницу-непроливайку. Для этой цели, помимо ранца, надо было иметь мешочек с веревочкой. В нем и покоилась эта чернильница.

Поздней осенью и, зимой, когда приходилось одевать галоши, следовало брать с собой для них еще один мешок, больше первого, также с веревочкой. Их в этом мешке полагалось вместе с утепленным пальто нацеплять на крючок в раздевалке. На тот же крючок, но на его верхнюю загогулину, насаживалась шапка-ушанка.

А школьный ранец, в котором лежали учебники и тетрадки, а также пенал с ручками, запасными перьями для них и ластик, помещались в соответствующий ящик парты, на которой сидели два ученика.

На парте, кроме тетрадки и учебника, а также чернильницы и ручки с пером ничего другого лежать не могло. Запрещалось перешептываться с соседом или соседкой по парте, заглядывать в его (или ее) тетрадь, а тем более списывать из этой тетради.

Школьные порядки

Первое, с чего началась наша учеба – рассадка по партам (в каждом классе были три ряда парт), нас учили вставать (без хлопания откидной крышкой парты) в момент входа в класс учителя или директора школы, а затем добивались от нас молчаливого, дисциплинированного сидения весь урок, до звонка, который означал конец урока, наступление перемены или завершение школьного дня. Впрочем, нам объяснили, что мы можем встать и

покинуть на время парту и класс только тогда, когда это разрешит учитель.

В каждом классе на стене висела огромная черная доска, на которой учитель (обычно учительница) мелом что-то писал. Затем стирал написанное тряпкой и еще что-нибудь дописывал. Когда к доске вызывался кто-либо из учащихся, тот или отвечал вслух на вопросы учителя, или писал свой ответ на доске. Другие ученики должны были в этот момент сохранять тишину.

Каждый учебный день начинался тогда, когда учитель входил в класс. К этому моменту все ученики должны были находиться на своих местах. Учитель приносил с собой школьный журнал и зачитывал подряд по алфавиту фамилии учеников. Названный должен был каким-то образом подтвердить свое присутствие. Как это происходило тогда, не помню, но полагаю, что всегда ритуал был одним и тем же. Учитель отмечал в списке, которым открывался журнал присутствие или отсутствие каждого ученика.

Сам урок состоял как бы из двух частей, последовательность которых обычно соблюдалась. Учитель проверял, как класс усвоил и выполнил задание, полученное накануне. Затем излагал следующую тему и называл домашнее задание.

За правильный ответ во время урока, когда вызванный отвечал учителю, он получал хорошую отметку в журнале и собственном дневнике, который был обязан положить перед учителем, когда подходил к столу. Если ответ не удовлетворял учителя, тот спрашивал у других учеников, каким должен быть этот ответ. Тот, кто знал его, молча поднимал руку. А когда учитель разрешал ему говорить, вставал и делал дополнение или отвечал по существу. Все остальные были обязаны соблюдать молчание.

Вообще не разрешались никакие посторонние разговоры или перешептывания, подсазки и тому подобное. Но это всё относилось к правилам поведения, которые никогда не соблюдались и нарушались самыми невообразимыми способами. Это знает каждый, учившийся в советской школе.

Входить в класс во время урока или его покидать ученик не имел права. Ни в коем случае нельзя было во время уроков ученику находиться в школьном коридоре. Если такое случалось (но не помню ни одного случая за первые два года посещения школы) и кто-либо из учителей или школьного начальства встречал в коридоре школьника начиналось разбирательство, в результате которого этот школьник получал замечание, отражавшееся в школьном журнале и в его дневнике.

Каждый день кто-нибудь из школьников становился дежурным по классу. В его обязанности входило сделать школьную доску чистой к началу урока, проверить наличие мела и тряпки и еще какие-то обязанности.

Но не могу вспомнить, как это происходило тогда, да и каким образом тот или иной ученик знал о том, что он может оказаться дежурным. В последующие годы, как мне кажется, в классе список дежурных висел около доски. Но не могу поручиться, что это было именно так.

По итогам учебы за каждую четверть учебного года и за год подводились итоги, фиксировавшиеся в школьном журнале и таблице ученика. Родители последнего расписывались в нем, в знак того, что следят за тем, как учится их ребенок.

Школьники распускались на летние три месяца после окончания учебного года, на почти две недели января и на неделю, получившую название «книжкины каникулы» или «книжкина неделя», в последние дни марта.

В эти дни в школах, библиотеках и других местах проводились встречи с детскими писателями. На одной из них побывал и я, впрочем, и без этого мероприятия не расставался никогда с книгами.

В школе была и библиотека, но книги выдавали юному читателю соответственно классу, в котором тот учился. Гораздо большей возможностью обладала районная библиотека, но мне кажется, там можно было взять на прочтение не больше трех книг.

Нельзя не упомянуть, что происходило во время перемен. Опять же мои воспоминания связаны с последующими годами учебы, но полагаю, что так было всегда. Стоило учителю покинуть класс, как начиналось столпотворение. В классе возникали свары между учениками.

В коридоре толпы бегущих ребят сметали со своего пути любого, кто мог встретиться этой стае. Отчетливо помню, что старался стать ближе к окнам коридора, чтобы уцелеть и спокойно добраться до уборной.

То же самое происходило, когда толпа школьников, выскакивали из дверей школы, после окончания школьного дня. Создавалось впечатление, что они спасаются от пожара. И такое случалось каждый учебный день!

Оказалось, что все ребята в классе были футбольными болельщиками. В Москве тогда самыми известными командами были «Спартак» с братьями Старостинами, в то время самыми знаменитыми футболистами, и команда «Динамо».

В классе все «болели» за команду «Спартак». Когда спросили меня, за кого я «болею». Ответил, чуть подумав: «За “Динамо”».

Почему так сказал? До сих пор не пойму. Или потому, что мне чем-то понравилось это слово. Или потому, что не раз видел на улице Горького в красивом доме магазин «Динамо» и к этому слову привык. Или же, что было бы признать огорчительно, потому что вокруг все были болельщиками «Спартака»?

В то время это вообще меня не занимало. Через несколько лет действительно ощутил себя болельщиком «Динамо», но тогда – это была всего лишь дань времени.

Становление школьника

Поскольку к первому классу уже умел читать, занятия русским языком трудностей для меня не составили. Иное дело – писать буквы по правилам, да еще с небольшим наклоном. К тому же без клякс! Не пойму как, но всё-таки научился этому.

Хуже было с арифметикой. Складывать цифры в уме, прибавлять и вычитать тоже научился без проблем. Но умножение и деление составили немалую трудность.

Таблицу умножения заучивал долго, пришлось просить deduшку и маму задавать мне вопросы: «Сколько будет, если...» Заучивание казалось бесконечным. Наконец, правильный ответ, «выскакивал» изо рта через мгновение, после того, как услышал вопрос.

За учебу в первом классе получил Похвальную грамоту. Позднее это повторилось лишь при окончании пятого класса.

С тех пор прошло столько лет!. Сейчас, пожалуй, на вопрос – умножить или разделить на ... также отвечу моментально (естественно, в ограниченных пределах), но, когда надо отнять или прибавить, сразу, «механически» воспроизвести нужную цифру уже не смогу.

Домашние задания выполнял сразу после возвращения из школы, примостясь за круглым столом. Время это отнимало совсем немного, а потом наступало долгожданное время. Свернувшись на диване, уходил в мир книги.

Эта привычка – не откладывать на потом, а прежде всего раздаться с тем, что надо сделать, хотя это не всегда оказывалось приятным и интересным, но было необходимым, стала как бы чертой характера. Для себя это впоследствии сформулировал так: «лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Из своих одноклассников по фотографии, сделанной в 1940 году, по-видимому зимой (так как сию с головой, обвязанной бинтом, значит, недавно появился в классе после очередного воспаления среднего уха. Это происходило, как правило, зимой), узнал только Робку, Юзика, Игоря Бабицкого и Юлю, разумеется и Анну Иосифовну. Жени на фотографии не оказалось.

Продолжение познания мира и культуры

Когда утром просыпался (по будням), в комнате, кроме меня, обычно никого не было. Дедушка и мама уже отправились на работу, бабушка возилась на кухне. После привычных утренних процедур садился завтракать. Разумеется, она завтрак уже приготовила.

До этого момента не слушал то, что бубнил репродуктор. Он трещал целый день, но это было так привычно, что даже не обращал на него никакого внимания. Раздражали только голоса тех, кто объяснял, что нужно делать во время утренней зарядки.

Прислушивался только тогда, когда объявляли интересовавшие меня передачи или важные сообщения. А слушал не только детские передачи, но и различные инсценировки, песни, стихи и поэмы, рассказы и повести, басни, изредка музыку, словом то, что как-то задевало.

Узнавал даже голоса и интонации многих актеров, участвовавших в этих радиопостановках, певцов и чтецов. Последних подчас называли «мастерами устной речи». Надо сказать, что в то время таких передач было множество.

Поскольку речь зашла о радиопередачах, следует, пожалуй, подробнее остановиться на этой теме. С детства привык слушать сказки и былины. Они были самыми разными. Восхищали пушкинские призведения, радовали также сочинения известных иностранных авторов – таких как Перро, Гофман, Андерсен и многих других сказочников. Голоса артистов и чтецов звучали весьма проникновенно и убедительно, возникало ощущение, что не только слышал, но и видел эти чудеса своими глазами.

И было жаль бедного мальчика-с-пальчика и его братишек и сестреночек. И сочувствовал жителям теремка, которых собирался раздавить медведь. И переживал за бедных козлят или трех поросят, которых собирался съесть волк. И представлял себе малюсенькую дюймовочку, которой предстояло избежать множество бед.

Сопереживал страданиям девочки, искавшей пропавшего брата, в «Снежной королеве», радовался чудесному превращению «Гадкого утенка» в прекрасного лебедя. Смеялся, услышав «Новое платье короля». Восхищался проделками «Свинопаса», путешествием в «Сундуке-самолете», мчался со страшной скоростью вместе с «маленьким Муком», страдал от ударов, которые раздавали «братцы из ларца».

Впрочем, те же чувства испытывал, когда всё это происходило на киноэкране.

Повзрослев, восторгался чувством ритма в музыке, смелостью и отвагой героев «Трех толстяков», с огромным интересом следил за похождениями Тиля Уленшпигеля, и беспокоился за судьбы Козетты или Снегурочки, восторгался звездами театра Шолома Алейхема. И наслаждался приключениями бессмертного рыцаря, воспетого Сервантесом, мужеством и стойкостью персонажей Джека Лондона, красотой и похождениями Травиаты, восторгался талантом и находчивостью Шерлок Холмса, силой духа Овода и Дубровского. Словом, всё это входило в мою душу, помогало формированию сознания. Это было внешне незаметно, но оставило след на всю жизнь.

В этом волшебстве своей музыкой, голосами, песнями и концертами участвовали и братья Покрасс, Исаак Дунаевский, Дмитрий Шостакович и Александр Цфасман, Оскар Строк, и Йоганн Штраус, Давид Ойстрах, и Эмиль Гилельс, Буся Гольдштейн, и Леонид Утесов, Амелита Курчи и Федор Шаляпин, «хор Пятницкого» и Александр Александрович, мастера художественного слова – Эммануил Каминка, Дмитрий Журавлев, Ираклий Андронников. Перечислить тех, чьи произведения и голоса слушал в те годы Фредик, невозможно.

Стоит только назвать имя любого известного писателя, поэта, композитора, музыканта, артиста тех лет, или великих классиков, российских и других народов, любого времени и творческой профессии, чье имя прозвучало в годы, когда я уже мысленно мог его услышать, прочитать, воспринять, как и тех, кто меня выра-

тил и воспитал меня, был рядом со мной – они все всплывают в моей памяти! Это относится и к тем годам, о которых идет речь, и ко всем другим годам моей жизни!

Особо следует выделить «Шотландскую застольную» в исполнении Дормидонта Михайлова. Этот могучий бас мне приходилось слышать не раз. Как только раздавалось: «Пью за здоровье Мэри...», замирал на месте, дальше работал только слух.

Самого артиста довелось видеть своими глазами в опере «Князь Игорь» Александра Бородина в роли хана Кончака, взявшего в плен князя Игоря и его сына.

И другие известные арии в исполнении того же певца слушал в том же состоянии. Их было довольно много, к сожалению, их названия воспроизвести не могу.

Не заметил, как привык и полюбил слушать танцевальную музыку, особенно вальсы, вальс-бостоны, ритмичные танго и фокстроты, частушки. И даже теперь будто бы слышу «Средь шумного бала...», «Амурские волны», «На сопках Маньчжурии», «Рио-Риту», а также – маршевую музыку, песни, воспевавшие Родину, ее красоты и величие – «Утро красит...», «Красавица народная...», «Будьте здоровы...», красные войска в Гражданской войне («Гренада», «Тачанка», «Конармейская песня», «По долинам, по возгорьям», «Тучи над городом встали...»), революционную борьбу («Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу...»), или рассказывавшие о бедствиях людей («Ой дак Расскажи, Расскажи бродяга...», «По диким степям Забайкалья...»). Не удивлялся, когда слышал: «Как родная меня мать...» Демьяна Бедного.

Иногда это были, сегодняшним языком – шлягеры, а тогда – просто веселые и озорные песни, типа «С утра побрившись...», «Знаю я одно...», «Лучше нету...», «Крутится – вертится...», «Ты ж меня...», «Тили-Тили-кошку...», лирические – «Я встретил вас случайно...», «Жаворонок», «Калинка», героические – «Дан приказ ему...» и многие другие.

Торжественно звучали звуки музыки и воспринимались слова гимна «Интернационал». Полагалось тотчас всем встать, а воен-

ным взять руку под козырек. Видел в кинохронике, как это происходило на торжественных собраниях перед праздниками 1 Мая и 7 ноября, а также в очередную годовщину со дня смерти Ленина.

А каким вдохновением веяло от песен и песенок о дружбе («Что мне дождь...», «Раз ступенька, два...», «Служили два товарища...»), о любви («Жил отважный капитан...», «Любовь нечаянно нагрянет», «Если ранили друга...», «У любви все...», «Любовь такая...», «Наш уголок...», «Ах, эти черные глаза...», «Очи черные...», «Сердце мое...», «Андрюша»), о счастье и наоборот («Когда душа поет...», «Счастье мое...», «Ходит парень...», «Мне бесконечно жаль...»)! Безразлично, слышал ли эти прекрасные слова по радио, с экрана кино и т. п. Душу что-то шемило...

Естественно, среди них были и песни совсем другого порядка, которые даже легче запоминались, – хулиганские, воровские, пиратские. Эти уже слышал не по радио, а в кино или от своих друзей по двору и школе («Жили, были два громила...», «Вот умру я...», «По морям и океанам...», «Тринадцать человек на сундук мертвеца...»).

Перечень этот может оказаться бесконечным. Посему лучше будет на этом остановиться.

В этих песнях отразилось всё, что было в человеке – его судьба и взгляды на жизнь, чувства и надежды, заботы, мечты и пожелания, его прошлое, настоящее и будущее. Пели о том, что окружало человека, о его боли и страстях, дружбе, любви и ненависти, вере в справедливость и неприятие насилия, о дружбе и вражде, успехах и поражениях. В песнях воплощались чувства радости и отчаяния, юмор и сарказм, признание и насмешка, патриотизм и самоотверженность, миролюбие и воинственность, сомнения и убежденность. В общем, всё, что было связано с жизнью и смертью, природой и обществом, со всеми сторонами и проблемами человека!

Ребенком всё это воспринималось бездумно, эмоционально, естественно, собственно, как и всё вокруг.

Услышанные стихи и популярные песни запоминались ментально.

Полюбил стихотворение «Три товарища» Сергея Михалкова. Удивительно, что даже сейчас их могу про себя повторить:

«Жили три друга-товарища
В маленьком городе “Эн”.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.
Стали допрашивать первого,
Долго пытали его –
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего.
Стали второго допрашивать.
Пыток не вынес второй –
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой.
Третий товарищ не вытерпел,
Третий – язык развязал:
“Не о чем нам разговаривать!”
Он перед смертью сказал.
Их закопали за городом,
Возле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе “Эн”».

Книги для детей этого писателя были весьма популярны. Они воспитывали мое поколение в советском духе.

Разумеется, сегодня у меня совсем другое отношение к этому человеку и ко всей его карьере. Но для понимания этого пришлось прожить долгую жизнь...

Помимо сказанного, следует добавить и о других моментах, повлиявших на меня в те годы. Возможно, не все пришли в голову, скажу немного о них. Одно из них – документальные фильмы, которые показывали перед тем, как на экранах появлялись название и первые кадры художественного фильма.

Документальные фильмы знакомили меня с тем, что происходило в нашей стране и за рубежом. Наверняка проникался уверенностью, что наша страна – лучшая в мире¹. Особенно подвиги советских летчиков-героев. Кадры о перелете Валерия Чкалова и других летчиков из Москвы на Дальний Восток, а потом – через Северный полюс в Америку. Полеты Марины Расковой и ее спутниц. Высадка Ивана Папанина и его команды на льдину и дрейф этой льдины.

Потрясали воображение огромные дирижабли. Ужасали итальянские танки в пустынях Абиссинии, бомбежки Мадрида во время Гражданской войны в Испании, взорванные надолбы и доты линии Маннергейма в войне с Финляндией, очереди за тарелкой супа безработных и всё, что показывали о жизни Запада.

Вообще, невозможно перечислить, что я тогда читал, видел, слушал. В памяти сейчас вспыхивают самые разные события и факты.

Это нелепо, но восприятие событий в Испании в моей памяти неразрывно слилось с синими шелковыми пилотками, снабженными красными кисточками, которые видел на головах ребят в те годы. А также с непривычным способом отдавать честь – не правой ладонью, взметнувшейся к виску, а поднятием согнутой правой руки с зажатой в кулак кистью.

Представления о Франсиско Франко, фашизме у меня были самыми примитивными. Это – зло и наши враги.

Германский фашизм был связан с гадким ощущением от фашистского знака – свастики, с фильмом «Братья Оппенгейм», с песнями – «В стальные колонны вставайте», часто звучавшей по радио в исполнении Эрнста Буша, а также «Орленок», стихами «Красный барабанщик».

¹ Осознание того, что становился объектом пропаганды, что видел размазанную «сторону медали», не могло придти в голову ребенка.

А потом – неожиданное исчезновение с киноэкрана фильма «Александр Невский» и кинокадры о подписании договора с Германией.

Но всё это меня тогда не удивляло и воспринималось без каких-то потрясений.

В памяти запечатлелись кадры кинохроники о военных парадах и демонстрациях на Красной площади и фигурах вождей на Мавзолее Ленина. Всё это происходило 1 Мая и 7 ноября каждого года. Воспринималось как вполне обычный праздник, как и неизменное в те дни звучание по радио гимна СССР «Интернационал».

В кино же видел неоднократно, что «белые» при звуках царского гимна козыряли не всей ладонью, а лишь двумя пальцами.

Мне в те годы удалось не раз побывать на Красной площади, в ГУМе и ЦУМе, увидеть там снующие толпы покупателей. Приходилось терять в толпе маму и встречаться с ней в центре ГУМа – у фонтана. Наслаждаться мороженым у дверей ЦУМа.

Вслед за этими воспоминаниями увидел себя в длинной очереди у Мавзолея Ленина. Это было зимой и все были в зимней одежде и обуви. Но с кем я тогда был там, не могу сказать. Отчетливо вспоминаю двух красноармейцев с винтовками у входа в Мавзолей. Они не только не шевелились, но даже, казалось, что не дышали.

Внутри Мавзолея находился подсвеченный и покрытый стеклянными колпаком гроб с лежащим в нем телом Ленина. Затем нас вывели к Кремлевской стене. Мы увидели вмурованные в ее стену плиты с именами Кирова, Орджоникидзе, Чкалова, Горького и многих других покойных известных деятелей правительства и большевиков, даже имя одного члена Парижской Коммуны.

Поскольку зашла речь о Ленине, следует заметить, что во время моего посещения Музея Ленина (это явно произошло гораздо

позднее тех описываемых лет) из всех экспонатов больше всего привлек мое внимание пиджак Ленина с заштопанными дырками от пуль во время покушения на него.

Видимо, сказался интерес к подлинным вещам и фактам, а не к их описанию.

Слово «музей» немедленно вызвало у меня воспоминание о Третьяковской галерее и Музее изобразительных искусств. Даже вижу, как мы с мамой долго плутали по переулкам по дороге к Третьяковке. И как проходим через ворота и длинную асфальтовую дорожку к входной двери прекрасного дворца с колоннами, в котором размещался Музей изобразительных искусств.

Далее последовали посещение его внутренних помещений с раздевалками, а затем восхождение по прекрасной лестнице в залы Музея.

О содержании этих залов, как и залов Третьяковки ничего писать не буду. Об этом и без меня написаны горы книг и изданы альбомы с репродукциями. Да и вряд ли своим умишком мог понять то, что тогда увидел.

Не удивительно, что хорошо помню экспозиции этих музеев. Это связано с тем, что посещал их всю свою московскую жизнь. Но потрясения и восхищения от своих первых шагах в этих храмах искусства забыть не могу.

Впрочем, об одном не могу не написать, хотя осознал это через многие годы. Лучшее, что видели мои глаза, безразлично где, в каком музее, какой страны, – это живопись импрессионистов. А уже потом могу говорить о картинах Рембрандта, великих итальянцев, испанцев и других гениев, российских «передвижников» и других непревзойденных гениев.

Поездка в Казань

Незадолго до зимних школьных каникул начала 1941 г. бабушка сказала, что мы с ней в эти дни навестим семью ее дочери Сарры, проживавшую в Казани. И я в первый раз в жизни отправился

в поездку в вагоне пассажирского поезда за 800 км от Москвы. Из того путешествия в памяти осталась постоянная небольшая тряска, тесное купе, стакан в подстаканнике из которого надо было пить чай, помня при этом, что его нельзя пролить, а использовать приоконный столик было неудобно, поскольку он был приспособлен к нормальному пассажиру, а я до него просто не доставал, сидя на нижней полке вагона.

Еще, конечно, – неизменная куриная ножка и вареное яйцо, которое никогда до этого не пробовал. В холодный и грязный туалет входить было весьма неприятно – такое вряд ли кто-нибудь сочтет большим удобством!

Незабываемым впечатлением остался в памяти переезд поезда по железнодорожному мосту через Волгу. Такой огромной шириной реки себе тогда и представить не мог!

Казань запомнилась страшным морозом, а настоящим потрясением оказались длинные очереди людей, ежедневно молчаливо и привычно стоявших друг за другом, чтобы купить хлеб.

Нас приветливо встретили тетя Сарра, ее муж, дядя Боря, сыновья – Эдик, с которым я давно уже крепко подружился, и маленький кудрявый Женечка. Кроме них, там оказался мой дядя Аля, тогда еще 20-тилетний красавец, которого хорошо помнил с детства, но толком не знал, почему он вдруг оказался в Казани (об этом – позднее).

В один из тех дней в квартире появился высокий черноволосый мужчина, который бросился ко мне и начал меня тискать и целовать. Бабушка тут же шепнула мне, что это – мой папа. Больше, впрочем, в те дни его не видел.

Из сказанного мне тогда понял, что они с мамой по какой-то причине расстались еще до моего рождения. И это не могло не сказаться в будущем на моем отношении к отцу.

Много позже узнал, как это произошло. Мама с Игорем Фировым поженились в 1930 году. Источником этих сведений стала

бабушка, и рассказала она это мне несколько лет спустя, когда мои отношения с отцом развивались совсем не гладко. Так вот, по бабушкиным словам, семейная жизнь Игоря и Фиры не сложилась. Вину за это бабушка целиком возлагала на Игоря, и, разумеется, я этому полностью поверил. Она говорила мне, что Игорь был весьма груб с Фирой, третировал ее по разным поводам. Вплоть до того, что когда мама была уже беременной, как говорят, «на сносях», а к ним пришел в гости кто-то из друзей Игоря, тот послал жену в погреб за солеными огурцами, и Фира едва сумела выкарабкаться из подвала по весьма крутой отвесной лесенке.

Привожу эту версию так как слышал ее от бабушки. Присланные Гариком документы показывают, что причиной, заставившей Фиру приехать в Москву, покинув Игоря, было нечто иное. Об этом речь пойдет позднее.

Но вполне допускаю, что со временем бабушка сама в это поверила и рассказывала мне это, не сомневаясь в том, что так оно и было. Хорошо зная ее, не могу допустить, что бабушка захотела бы и могла мне сказать неправду!

Впрочем, Гарик в одном из своих писем письме высказывает иную версию:

«Кстати, почему они² вообще перебрались в Москву, об этом никогда не было речи, и почему мама перебралась к ним в 1929 году, если в 1930 году они с папой поженились, т. е. мама возвращалась в Казань, продолжая учиться в МГУ³. Судя по всему, они с отцом жили с бабой Олей, что и послужило детонатором к их первому разводу. Как же мало я знаю даже о маме, не говоря о дедушке и бабушке»⁴.

По-видимому, к этому предположению он пришел, опираясь либо на слова мамы, либо еще по какой-то иной причине, но мама

² Дедушка и бабушка.

³ Тут Гарик ошибается. Мама поступила в МГУ после того, как приехала в Москву в 1929 (об этом речь пойдет позже), а уехала в Казань весной 1931.

⁴ Из письма Гарика Фреду от 10 мая 2019.

в 1929 г. жила в Москве и тогда же поступила в МГУ. Мне вспоминается, по словам мамы, что она, окончив школу (это было в Казани), по тогдашним правилам не могла непосредственно поступать в институт из-за своего социального происхождения. Поэтому около двух лет работала на какой-то фабрике, приобретая рабочий стаж, после чего получила возможность получить высшее образование⁵. У меня еще давно возникло предположение, что мама начала учиться в Казанском университете, а уже потом переехала к родителям в Москву и перевелась в МГУ. Эта версия подтвердилась найденным документом о завершении мамой своей учебы в Московском Университете.

Гарик уточняет причины нашей с бабушкой поездки в Казань:

«Твоя поездка с бабушкой в Казань и знакомство с отцом были частью настоящей спецоперации, чтобы подготовить тебя к изменениям в жизни. Было бы интересно понять (узнать уже невозможно), как появилась идея возвращения отца и кто этому поспособствовал?

Мама в Казань вряд ли ездила, о приезде отца в Москву я тоже ничего не знаю, возможно приложили руку тетя Сарра или Трухановы (об этой семье позднее – Ф.Ф.), вообще мама к ним относилась очень хорошо, позже переживала из-за разлада с ними, связанного с какими-то денежными вопросами и строительством их дачи под Москвой (что помню напишу потом, когда речь пойдет о бабе Оле), и даже хотела восстановить с ними добрые отношения после ухода отца.

Ее остановило только то, что пришлось бы сообщить об этом уходе, а об этом говорить ни с кем маме не хотелось»⁶.

В другом письме Гарик дополняет эту тему:

«Фредюша! Наконец-то собрался с силами и сел за очередное письмо. Сначала хочу рассмотреть свидетельство о браке мамы с папой. Оно повторное, и, видимо, поэтому сохранилось. Меня привлекли две вещи: дата и место регистрации. Брак был заключен 31 декаб-

⁵ Но документами это не подтверждается.

⁶ Из письма Гарика Фреду от 24 мая 2019.

ря 1940 года в Москве, в Советском райбюро ЗАГС. Таким образом, у нас есть две даты – 23 октября 1940 года, когда умер дедушка, успевший по словам бабушки дать маме согласие на повторный брак и 31 декабря 1940 года, когда брак и был заключен. Видимо в этот промежуток времени ты с бабушкой и ездили в Казань, где ты впервые увидел отца»⁷.

Однако у меня сложилось представление, что наша поездка с бабушкой в Казань состоялась именно в январе 1941 года. Об этом свидетельствуют не только лютый мороз, который был тогда в Казани, но, в первую очередь, то, что это продлилось несколько дней, а мама не пошла бы на то, чтобы «сорвать» меня из школы во время учебного года. Да и Эдик тогда проводил время со мной. Это означало, что в этот момент были школьные каникулы.

К тому же отец, переехав в Москву, привез с собой большое количество книг, в том числе произведения Диккенса и «Рыцари Круглого стола». Отсюда следует, что это не было его первой поездкой в Москву в то время. Они посетили ЗАГС и «расписались» с мамой 31 декабря 1940 года, после чего он вернулся в Казань, куда привезла меня бабушка. А в Москву с вещами, в том числе и книгами, он перебрался после того, как мы с бабушкой побывали в Казани.

И наша с бабушкой поездка в Казань должна была подготовить меня к появлению в нашей семье отца.

Полагаю, что мама не сразу решилась принять Игоря. И здесь огромное значение сыграло мнение бабушки. Это подтверждает в своем письме Гарик:

«Бабушка мне говорила, что последняя воля, или скорее что-то вроде благословения бабушки, было согласие на то, чтобы мама снова связала свою жизнь с отцом. Бабушка приводила такие слова бабушки: “Ну раз она его так любит, то пусть будет, как она хочет”. Дословно может быть звучало не совсем так, но смысл и слова “так любит” остались у меня в памяти. Поскольку дедушка ушел из жизни

⁷ Из письма Гарика Фреду от 30 июня 2019.

23 октября, это говорилось примерно в середине октября, так что к концу октября видимо мама уже решила, как жить дальше»⁸.

Вновь видна сущность природы дедушки, все годы пронизывающее беспокойство за личное счастье любимой Фиры.

Полагаю, что в душе дедушка не простил Игоря за какой-то его проступок, приведший ее к возвращению в Москву в конце лета 1931 года, но что не сделаешь ради своего ребенка?

И еще – при мягком и дружелюбном его характере, выяснилось, что мнение дедушки было главным в семье. Это при том, что властными чертами характера обладала именно бабушка.

К тому же такое решение принял человек, смерть которого была «за углом». Его жена это, к своему горю, понимала. И потому выполнение распоряжения (по своей сути) умирающего человека являлось беспрекословным.

Много позже понял, что Фира продолжала любить Игоря и, надеялась восстановить полностью свою семью, видя в этом путь к своему счастью. Видимо, она также надеялась, что в результате этого окончится моя «безотцовщина». Всего этого тогда и не мог осознать.

Последующая семейная идилия продлилась очень недолго. После 22 июня 1941 г. отца призвали в армию.

Переезд Игоря в Москву, восстановление маминой семьи совсем не отложилось у меня в памяти. По-видимому, тогда в моей жизни мало чего изменилось. Единственное – это то, что на этажерке появились новые для меня книги дореволюционного издания. Они когда-то составляли библиотеку Игоря. Среди них меня пленил замечательно иллюстрированный сборник «Рыцари Круглого стола», который с наслаждением перечитывал. Не помню, тогда же, или это было позднее, в эвакуации, когда мне достался от мамы Игоря, то есть моей бабушки по отцу – Ольги Порфирьевны Фирсовой – однотомник сочинений Лермонтова, а самое главное – в мою жизнь вошли книги Чарльза Дикенса.

⁸ Из письма Гарика Фреду от 24 мая 2019.

На многие годы он стал моим самым любимым писателем, а уж «Записки Пиквикского клуба» я перечитывал многократно.

Впрочем, тогда узнал профессию отца. Он был историком⁹. Среди привезенных им книг оказалась написанная им небольшая брошюрка «1905 год в Казани». После войны она была переиздана в Казани, поскольку дома оказалось тогда довольно много экземпляров этой брошюры. Но я ее даже не открыл, серьезный интерес к истории у меня возник значительно позднее, примерно в 8 классе средней школы, а уж к 9 классу я был убежден, что стану историком. Сыграли ли в этом какую-то роль отцовские гены, не знаю, скорее те детские книги, которые привез с собой отец.

В детстве я много болел, особенно воспалением среднего уха. Поэтому много пришлось сидеть дома и пропускать школьные занятия. Любой подхваченный насморк перерастал в эту болезнь, и начинались привычные процедуры – прогревание уха синим светом, закапывание туда капель камфары и «украшение» головы бинтом, удерживавшим возле больного уха пропитанную то ли спиртом, то ли водкой тряпку. Ее отделяла от уха прослойка из лощеной бумаги. Ухо согревалось и боль уходила. Какое-то время приходилось лежать в кровати, потом несколько дней сидеть дома, а потом можно было даже посещать школу, но с забинтованным ухом. Вид при этом был соответствующий. Но ни меня, привыкшего к этой процедуре, ни моих школьных товарищей это не смущало.

Зато существенно увеличивалось время, когда я с любимой книгой забивался на диван, либо лежал в постели и мог без ограничения во времени предаваться своему любимому занятию.

⁹ Когда работа над книгой была закончена, от Гарика получил сообщение, что в материалах казанского Истпарта находятся рукописи нескольких работ Игоря Фирсова, в том числе: «Ленин в Казани», «О подготовке Октября в Казани», «Октябрь и гражданская война на территории Татарии», а также рукопись его совместной работы с А. Тарасовым о первой большевистской газете в Татарии «Урал», издававшейся нелегально в 1907. (<https://libinfo.org/index/index.php?id=15276>).

К сожалению, следствием этих болезней стала последующая глухота, сейчас, в случае необходимости, втыкаю в правое ухо (левое – почти полностью атрофировалось) приборчик с батарейкой, по разным причинам делаю это редко и не на продолжительное время.

Воспоминания эти неизбежно получаются хаотичными, поскольку подчас они неожиданно как бы вспыхивают в сознании. Возникает ощущение, что первоначальные намерения рассказать о каком-то эпизоде прошлой жизни, как только сажусь за компьютер, куда-то исчезают и получается рассказ совсем о другом, но гораздо более важном событии, чем то, которое прежде намеревался описать. Твердо знаю, что если возникшие в данный момент мысли тотчас не запишу, через несколько минут они пропадут.

Злоключения Али

Поскольку упомянул исчезновение Али из Москвы и появление в Казани, следует объяснить, почему так случилось. Как узнал позднее, в конце Алиных школьных лет компания его друзей занялась грабежом квартир. Алю использовали для того, чтобы он, находясь «на шухере», предупреждал о возникновении опасности для воришек. Всё это привело к тому, что и он попал под суд, когда их всех арестовали.

Бабушка вспоминала, что на суде дедушка произнес весьма проникновенную речь с осуждением своего сына за участие в этих преступлениях. Она была даже уверена, что это сыграло роль для приговора, по которому Алю не посадили в тюрьму. Так или не совсем так (полагаю, что для суда решающее значение имели другие моменты, связанные со степенью реальной вины подсудимого, его поведением на следствии и т. п.), но Але пришлось уехать из Москвы и его пристанищем стала семья Сарры. Там он оставался и последующие годы, а к началу войны они все жили в Соцгороде.

Трухановы

А теперь снова вернусь в нашу довоенную комнатку. После неожиданного для меня обретения отца, жизнь моя никак не изменилась. По-прежнему ощущал себя «под крылом» бабушки.

Через некоторое время мы (папа, мама и я) отправились в гости в семью двоюродной сестры отца Нины. Муж тети Нины дядя Женя Труханов был командиром в Красной Армии. Узнал, что в годы Гражданской войны он сражался в рядах дивизии прославленного Чапаева. Это, разумеется, придавало, в моих глазах, дяде Жене что-то необычное, героическое.

Вообще до этого мне не приходилось общаться с командиром Красной Армии! К тому же он оказался участником Гражданской войны, о которой много слышал в передачах радио, смотрел кинофильмы, да и мы с ребятами тогда пели песни об этой войне. Естественно, смотрел на дядю Женю с обожанием. У них с Ниной были две дочери – старшая Тамара и моя ровесница Люся.

Дружбы с Люсей не получилось. Сейчас не скажу по какой причине. Возможно, она смотрела на меня немного свысока, и я ей показался совсем не интересным для разговоров и общения. Наверно, так и было. Тогда мне почему-то мало приходилось иметь дело с девочками.

Глава шестая

МИРНАЯ ЖИЗНЬ ОБОРВАЛАСЬ

Война, эвакуация

В памяти осталось 22 июня. Мы втроем (мама, папа и я) жили тогда на даче. Утром в воскресенье меня послали в магазин (в нем продавали хлеб и еще какие-то продукты), который располагался сравнительно недалеко от дачи.

В магазине была небольшая очередь. Я встал за последним покупателем. И тут и услышал, не помню от кого, что немцы напали на нашу страну. Купив хлеб, прибежал домой и сообщил родителям об этой весте. Мы собрались и пошли на элетричку. Последующие дни выпали из памяти. Когда отца призвали в армию, не помню.

Запомнилось совсем немного. Когда мы находились в Москве, раздался громкий вой сирены. Мы поспешили на станцию метро «Белорусский вокзал» (от нашего дома площадь Белорусского вокзала¹ находилась примерно в километре) и вместе с другими людьми, используя эскалатор, спустились вниз. Поезда метро не ходили и на станции скопилось немало народа. Тревога была учебной и вскоре мы поднялись наверх и оказались дома.

Хорошо помню, что в начале июля мы с мамой провели несколько дней на даче. Тогда повсеместно приходилось оклеивать окна полосками бумаги, по вечерам следить, чтобы шторы закрывали эти окна и ни в коем случае не оставалось малейшей щели.

¹ В XIX веке – Смоленский вокзал.

На даче застекленную террасу заклеить полосками бумаги оказалось непросто, так как многие рамки стекол были совсем незначительными. А по вечерам мы там просто сидели в темноте.

Кроме того, создавались всякого рода убежища на случай бомбежек. В каждом дворе копали траншеи-укрытия. И мы с мамой вырыли недалеко от террасы довольно глубокую щель, в которую вели ступени.

Копать землю в то время было для меня привычным занятием. В начале лета приходилось немало повозиться в огороде, очищая грядки с клубникой от сорной травы, или готовя новые грядки. Трудным делом оказалось снимать первый пласт целины, поскольку трава вместе с сорняками своими корнями скрепляла этот слой земли. Но после его удаления копаться в земле было нетрудно.

То же произошло, когда рыли щель. Но в этот раз первый слой земли не разбивали острием лопаты, а аккуратно подрезали и использовали для укрепления ступенек, ведущих в убежище. Их покрыли дощечками, чтобы ступеньки не рассыпались, когда на них ступит нога. Впрочем, воспользоваться этим укрытием не пришлось, так как меня с бабушкой увезли из Москвы раньше, чем начались бомбежки немецкой авиации.

Когда началась война, Труханов в звании майора вместе со своим батальоном перебазировался из Москвы в Казань. Он взял с собой свою семью, в том же вагоне нашлось место для нас с бабушкой. И уже в июле 1941 г. мы с ней оказались в Казани.

Фронтальная жизнь Игоря Фирсова

Прежде чем пойдет рассказ о нашем отце, следует упомянуть о Николае Егоровиче Фирсове, нашем дедушке по линии отца. Мне о нем было известно, что он стал сторонником Ленина еще со времен газеты «Искра», которая по плану Ленина должна была объединить российских марксистов и подготовить создание неле-

гальной марксистской партии в России. Так собственно и произошло. А наш дед оказался одним из распространителей этой газеты в Казани. Его арестовали за революционную деятельность и он довольно долго находился в заключении. Из тюрьмы его выпустили после опубликования Манифеста царя Николая II в октябре 1905 года. Он умер в 1916 году.

Среди документов, которые нашел Гарик в ранее упомянутой брезентовой сумке, была и копия письма нашего отца руководству Центрального партийного архива по поводу биографии Николая Фирсова. Вот оно:

«Главное Архивное Управление при Совете Министров СССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ СССР

Ленинград, центр, наб. Красного флота, д. № 4

Тел. 11–13–86, 10–76–28

№ 121 21 января 1974 г.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ЗАВЕДУЮЩЕГО ЦЕНТРАЛЬНЫМ
ПАРТАРХИВОМ ИМЛ при ЦК КПСС

Тов. АНИКЕЕВУ В.В.

На № 1577 от 16 ноября 1973 г.

Уважаемый Василий Васильевич!

К сожалению, я не располагаю какими либо дополнительными данными к биографии моего отца Н.Е. Фирсова, дающими, что то новое по сравнению с опубликованной краткой справкой о нем во II томе труда М.К. Корбута² “Казанский гос. университет им. В.И. Ленина за 125 лет”, изд. 1930 г., стр. 206–207 и работой С. Лившица о Казанской с-д. организации в 1903 г., опубликованной в журнале Татистпарта “Пути революции”, № 2 или 3. Знаю только, что после тюрьмы он тяжело болел (туберкулез и язва желудка) и после 1905 г. в партийной работе активного участия не принимал, но связи с организа-

² Михил Корбут – историк, автор работ по истории российского революционного движения, истории Казанского университета. Член РКП(б) с 1920. В 1936 арестован и 1 августа 1937 расстрелян как троцкист. Реабилитирован в 1956.

цией не терял. Косвенно это подтверждают данные Департамента полиции, хранящегося, как Вам известно в ЦГАОРе³.

Там, в частности, упоминается его связь с М.П. Жаковым⁴, а сам я помню посещения В.В. Адоратского⁵, когда он приезжал из-за границы. В это же время помню, что у нас бывал А.П. Комлев⁶, расстрелянный в 1918 г. бело-чехами.

Когда в 1930 году, по заданию Истпарта Татобкома ВКП(б) я был у С.А. Лозовского⁷ в Профинтерне⁸ и приглашал его на юбилейные торжества в Казань, он вспоминал о совместной работе в Казани с отцом, в частности, на Алафузовском заводе.

Вот, пожалуй, и всё что я могу дополнить к справке М.К. Корбута. С уважением (И. Фирсов)⁹.

³ Имеется ввиду Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции. В 1992 вошел в состав Государственного Архива Российской Федерации.

⁴ Михаил Жаков – участник революционного движения в Казани с начала 1900-х, большевик. Неоднократно арестовывался царскими властями. В годы советской власти – на партийной и советской работе. Расстрелян в 1936 как троцкист.

⁵ Владимир Адоратский – участник революционного движения в Казани с начала 1900-х. С 1903 – в эмиграции. С 1904 – член РСДРП. В 1919 организовал рабфак при Казанском университете. Позднее на партийной и научной работе. Философ-марксист. Умер в 1945.

⁶ Абрам Ковлев, участник революционного движения, большевик с 1903. В 1906 участвовал в создании профсоюза портных в Казани. . Один из организаторов борьбы за установление советской власти в Татарии. В августе 1918 после захвата белочехами и белогвардейцами Казани арестован и после пыток расстрелян.

⁷ Соломон Лозовский (настоящая фамилия Дридзо) – участвовал в революционном движении с 1901, в 1905 примкнул к большевикам. В 1921–1937 – генеральный секретарь Профинтерна, в 1939–1946 – заместитель наркома иностранных дел СССР. Начальник Совинформбюро. Отвечал за деятельность Еврейского антифашистского комитета. 26 января 1949 арестован, 17 августа 1952 расстрелян. В 1955 реабилитирован.

⁸ Профинтерн (Красный Интернационал профсоюзов) – международная профсоюзная организация, основанная в 1921 с целью привлечения профсоюзов на сторону коммунизма. Деятельность Профинтерна прекратилась в 1937.

⁹ Из письма Гарика Фреду от 23 сентября 2020.

Я спросил у Гарика, как к нему попала копия письма отца. Он ответил, что в свое время этот документ получил его от меня. И я сразу вспомнил, как это произошло. В ЦПА ИМЛ провел как исследователь немало времени и многие архивисты стали моими друзьями. Среди них были Володя Степанов и Зоя Тихонова, занимавшиеся исследованием первых лет деятельности большевиков. В частности, в то время они готовили к печати сборник документов переписки руководства большевиков после поражения революции 1905 года. В то время Надежда Крупская, в качестве секретаря большевистского центра, занималась восстановлением нелегальной связи с большевистскими организациями.

Степанов сказал мне, что в одном из ее писем в Казань, она спрашивала о Николае Фирсове, и показал мне ответ отца на запрос ЦПА ИМЛ. Он тогда подарил мне и копию этого письма, которую я отдал Гарикау.

Кроме этого письма Гарик прислал и рукопись справки о нашем дедушке. Цитирую по письму Гарика:

«Есть еще справка, которая написана таким убористым почерком, что понять что-то очень сложно. Но постараюсь. Итак: «Фирсов Николай Егорович (Георгиевич) (1878–) из крестьян, родился в г. Цивильске, Казанской губ. В 1898 г. окончил 2-ю Казанскую гимназию и поступил на филолог. ф-т Казанского ун-та.

В феврале 1901 г. участвовал в сходках и обструкции лекций в Казанском ун-те, за что в том же месяце был выслан к месту жительства старшего брата в Павловский Посад Богородского уезда Московской губ. В марте 1901 г. вновь участвовал в демонстрации в Казани, за что был исключен из ун-та без права поступления и выслан из Казани под гласный надзор полиции. В октябре того же года принят на естественное отделение физ-мат. ф-та Казанского ун-та. Революционную деятельность не прекратил, и в октябре 1902 г. исключен из ун-та.

Проживая в Казани, был тесно связан с с-д организацией, и в апреле 1903 г., после очередных арестов, вместе с другими восстанавливал рабочие кружки. В июне 1903 г. стал руководителем одного из кружков и вошел в состав комитета РСДРП. В связи с начавшимися арестами прекратил занятия, но с кружковцами поддерживал связь и снабжал их политической литературой. Осенью 1903 г. организовал

кружки содержал конспиративную квартиру, вел пропаганду среди рабочих Алафузовского, Свиниковского и Порохового заводов, содействовал деятельности Красного креста.

В силу этого 19 декабря 1903 г. был арестован, заключен в тюрьму и привлечен к дознанию по делу Казанской с-д организации. Под стражей находился до июля 1904 г., а дознание было прекращено по октябрьскому манифесту 1905 г.

Фирсов неоднократно обращался к губернской администрации о выдаче свидетельства о благонадежности для поступления в Казанский ун-т, но ему в этом было отказано.

По свидетельству охранки за февраль 1912 г. Фирсов снабжал политическими изданиями («Пролетарий»¹⁰, «Правда»¹¹) кружок булочников, а в октябре 1913 г. он согласился вести полит. кружок «высшего типа» при условии строжайшей конспирации.

Приблизительно в сентябре 1903 г. П.Н. Полонский поехал из Казани в Нижний за информацией и литературой. Но удалось только установить связи.

Вскоре после этого связался с Н.Е. Фирсовым и О.А. Аносовой. Первый имел связи с рабочими»¹².

Хотя под справкой не стоит подпись, полагаю, что она была написана Володей Степановым, ибо он тогда рассказал мне о моем казанском деде и передал мне копию письмо отца в ЦПА.

Справка эта интересна тем, что содержит сведения о биографии и подробности о пропагандистской деятельности Николая Фирсова, о тех преследованиях и гонениях, которые выпали на его долю. Гарик обратил внимание еще на один момент:

«Для меня самое интересное заключается в отчестве деда. Выходит, что прадеда звали Георгий, так что в моем роду есть не только внук Георгий, но и прадед»¹³.

¹⁰ Нелегальная большевистская газета, выходившая в Выборге, Женеве, Париже в 1906–1909.

¹¹ Большевистская газета, выходившая в Петербурге в 1912–1914. Запрещена в июле 1914. Издание газеты возобновилось после Февральской революции 1917.

¹² Из письма Гарика Фреду от 23 сентября 2020.

¹³ Там же.

Вместе оба эти документа позволили привести в книге, хоть и неполные, но интересные сведения о нашем дедушке по отцовской линии.

К этому следует добавить и некоторые сведения о нашей бабушке Ольге Порфирьевне Фирсовой, с которой я познакомился во время эвакуации. Мне довелось даже прожить в ее комнате в Казани около месяца в начале 1942 года, об этом, правда, речь пойдет позднее.

Ольга Порфирьевна работала учительницей в школе много лет, преподавала географию. Свои последние годы провела в Москве, куда ее перевез отец. Гарик там с ней и встречался. Он сообщил мне, что она была награждена за свою учительскую деятельность Орденом Трудового Красного Знамени, что, что говорит о том, что ее преподавательская деятельность была оценена весьма высоко.

Гарик писал, что она «всю жизнь проработала в школе учителем географии, видимо достаточно хорошим, поскольку получить такой орден было очень сложно.

Бабушка Вера как-то мне сказала, что бабушка Оля происходила из дворян, но очень обнищавших, поскольку она приписала себе несколько лет, чтобы можно было устроиться на работу.

Вообще о бабушке Оле у меня воспоминаний немного, после ухода на пенсию в середине 50-х годов, она приехала к нам, жила с нами в квартире на улице Чудовка (сейчас это Комсомольский проспект), но вскоре переехала жить на строящуюся дачу в Апрелевке... Я помню, как с папой ездил на дачу в Апрелевке... Потом бабушка Оля вернулась к нам, но затем папа снял для нее комнату в доме на Петровке, немного наискосок от поликлиники МВД, к которой я был несколько лет прикреплен. Там была коридорная система, типа общежития, много маленьких комнат в длинном коридоре... Бабушка Оля скончалась в начале января 1959 года, так что хоть немного, но она успела побыть прабабушкой. Прощание с ней было в Донском крематории»¹⁴.

¹⁴ Из письма Гарика Фреду от 1 октября 2020.

Позднее Гарик нашел в той же «волшебной» сумке и свидетельство о смерти Ольги Порфирьевны. Цитирую письмо Гарика:

«Среди писем нашлось свидетельство о смерти нашей бабушки Ольги Порфирьевны. Из него следует три факта, она умерла 7 января 1959 г. Причина смерти – гипертоническая болезнь, и ее возраст – 74 года»¹⁵.

Так что родилась она в 1884 году.

* * *

Вернемся к теме раздела. К сожалению, ни я, ни Гарик ничего не слышали от отца о его пребывании на фронте. Я знал только, что он был там тяжело ранен и долго лечился в госпитале. Пуля ударила его чуть ниже левого глаза. Просто чудом он остался жив, но врачи побоялись извлечь пулю. Через несколько лет после войны у него чуть ниже правого уха возник фурункул. Затем нарыв прорвался. Отец пошел в больницу. Оказалось, что это была та самая пуля. Она прошла через голову, не задев ни одного жизненно важного органа.

Много позднее Гарик прислал мне вырезку из газеты, в которой описывался этот уникальный в истории медицины случай. К сожалению, у меня эта заметка не сохранилась. Может быть, вместе с моим личным архивом она находится в Гуверовском Институте Войны, Мира и Революции. Документы моего личного архива теперь доступны для исследователей.

Когда отца выписали в 1942 году из госпиталя, он вернулся в свою дивизию. Мне известно, что его дивизию перебрасывали на юг. Но отец тяжело заболел и его оставили на лечение в госпитале одного из поволжских городов. А когда он выздоровел, выяснилось, что его часть полностью погибла. Отца направили на службу в Московский военный округ и там он служил инспектором во Втором Отделе МВО, занимавшемся Всевобучем, то есть подготовкой новобранцев для призыва в Красную Армию.

¹⁵ Из письма Гарика Фреду от 31 декабря 2020.

В одном из писем Гарика об этом сказано:

«Посмотрел ли ты наградные документы отца, ссылку на которые я тебе посылал? Из них следует, что он был призван 4 августа 1941 года. Кстати, если бы не его ранение, то через несколько дней он в составе своей дивизии был бы переброшен в район Воронежа, как это следует из карты боевых действий его полка. Думаю, что оттуда практически никто из его однополчан живым не вышел. Так что его ранение продлило его жизнь на 37 лет, да и я бы не появился на свет и через 75 лет не смог об этом написать. Действительно, нет худа без добра. И чудны дела твои, Господи!»¹⁶.

О представлении отца к правительственной награде речь пойдет ниже, но одну поправку к тексту Гарика необходимо сделать. Отец не попал в ту «мясорубку» не по причине ранения в голову, а из-за болезни, приключившейся с ним при транспортировке дивизии, когда пришлось его положить в госпиталь.

Теперь же о самом «Наградном листе», обнаруженном всё в той же брезентовой сумке. Гарик переслал мне по Интернету копию этого документа, из которого стало ясно, что мы можем гордиться своим отцом, мужественно сражавшимся с гитлеровскими захватчиками.

Первое сообщение об этом, которое мне пришло от Гарика, было сделано в духе детектива, когда вначале повествования идет текст, заинтриговывающий читателя.

Это сообщение было таким:

«Фредюша! Представление на отца, действительно, очень интересно, и я папу увидел совершенно с другой стороны. Он почти ничего не рассказывал о фронте, только историю своего ранения, потом, когда дойду до воспоминаний об отце, его запишу... Содержание его придется списывать и снова набирать как текст, поскольку качество его плохое и программа распознавания текста его может не взять. Я или распечатаю его и наберу, или на работе, где у меня на одном

¹⁶ Из письма Гарика Фреду от 10 июля 2019.

столе стоят два монитора, с одного из них буду набирать на втором компьютере. Текст небольшой и на следующей неделе я это сделаю»¹⁷.

Легко себе представить, как я нетерпеливо ждал обещанное. И не обманулся в своих ожиданиях!

В «Наградном листе» на гвардии старшего лейтенанта Фирсова Игоря Николаевича, подписанном Начальником Отдела Всевобуча МВО полковником Талановым 14 декабря 1944 г., отмечалось, что он с мая по декабрь 1942 г. он участвовал в боевых действиях на Волховском фронте и Юго-Западном фронте, и был ранен в голову 6 сентября 1942 г. под Сеньявиным.

В разделе, в котором полагалось изложить личный боевой подвиг или заслуги человека, представленного к награде, содержался такой интересный текст, что приведу его целиком:

«Будучи командиром роты 72 гв. с. п. 24 гв. с. д. участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда под Мгой–Сеньявино. 30 августа 1942 г. в бою у деревни Новая ст. лейтенант Фирсов получил задание с группой бойцов ликвидировать взвод немецких автоматчиков, прорвавшихся в тылы и нарушивших связь с КП полка. Задача ст. лейтенантом была выполнена и в результате боя 16 фашистов было убито, а остальные бежали. Захвачено было 2 пулемета и другое оружие. В тот же день ст. лейтенант Фирсов со своей ротой отбил контратаку немецких автоматчиков, наступавших под прикрытием 3-х танков. В результате боя контратака противника была отбита и последний был отброшен, оставив на поле боя один подбитый танк и несколько десятков трупов. За этот бой т. Фирсов был представлен к правительственной награде – ордену “Красная Звезда”, но, будучи в последующих боях тяжело ранен в голову, выбыл из части.

Работая в Отделе Всевобуча МВО в должности инспектора Отдела с мая 1943 г. всегда активно и с большим желанием выполняет свои обязанности, способствуя подготовке полноценного пополнения для Красной Армии».

¹⁷ Из письма Гарика Фреду от 5 июля 2019.

В квадратной рамке штампа, поставленного в начале документа, говорилось о его награждении «медалью “За отвагу”»¹⁸.

Кроме того, наш отец обладал и другими правительственными наградами.

«У папы была медаль “За победу над Германией”, представление на которую также есть в Интернете, ею папа был награжден в период его службы в управлении Московского Военного Округа. Кроме этих наград, у папы была медаль “За боевые заслуги”, которой он был награжден за 10-летнюю безупречную службу. В те годы военнослужащим, по крайней мере офицерам, за 10-летнюю службу в Вооруженных силах и приравненных к ним организациях давали такую медаль»¹⁹.

После окончания войны отца демобилизовали и он поступил на работу в Главное архивное управления при МВД СССР.

В Соцгороде

Нас с вокзала грузовиком вместе с вещами отвезли в пригород Казани – Соцгород, где жили служащие и рабочие небольшого авиационного завода, находившегося в нескольких километрах от Соцгорода, в направлении противоположном Казани.

Через пару месяцев туда же был эвакуирован 124-й авиазавод, размещавшийся до войны где-то под Москвой. А в Соцгороде проживала семья тети Сарры, муж которой Борис Горфиль служил инженером на местном авиазаводе. Их двухкомнатная квартира располагалась на четвертом этаже четырехэтажного дома. Соцгород, собственно, почти весь состоял из улицы, по обеим сторонам которой возвышались четырехэтажные кирпичные дома постройки конца 1930-х годов. Между ним и Казанью курсировал местный трамвай. Расстояние между Казанью и Соцгородом, как мне кажется, было небольшим, что-то около 8 километров.

¹⁸ Вложение к письму Гарика Фреду от 7 июля 2019.

¹⁹ Из письма Гарика Фреду от 1 октября 2020.

На этом же этаже в другой двухкомнатной квартире жил Аля, он работал мастером на том же заводе. В его комнате и поселились мы с бабушкой.

Последующие воспоминания о летних и осенних месяцах того же года в памяти сливаются в несколько эпизодов, причем не могу сказать, какова была последовательность событий.

Время в основном проводил на улице возле дома. Поскольку Эдик и подросший к тому времени Женя были вроде местными, у меня не возникало никаких конфликтов с мальчишками нашего дома, Эдик как бы опекал меня. Тогда я этого не понимал, но с годами всё это стало мне ясным.

Взаимоотношения между ребятами были вполне типичными для ребят одного дома, между нами никогда не было каких-либо столкновений и драк. Из игр в памяти остались какие-то обычные игры, вроде «штандера», когда все разбегались, а тот кто «водил» должен был мячиком попасть в кого-нибудь. Тогда этот паренек становился «водилой». Он мог крикнуть: «штандер», и все как бы застывали, а «водила» пытался попасть мячиком в кого-нибудь.

Разумеется, играли в «прятки». Настоящих волейбольных или футбольных мячей в нашем распоряжении не было. Их с лихвой заменяли выпотрошенные консервные банки, впрочем, и те в то время были редкостью.

Самой большой драгоценностью считалась рогатка. Ее счастливый обладатель иногда разрешал и другим ею попользоваться, задулив куда-нибудь камешек. Вообще компания ребят нашего дома не была хулиганской, но мы хорошо знали, что некоторые дома следует обходить стороной, иначе можно было «нарваться» и вернуться домой с подбитым глазом и в разорванной одежде.

Довольно быстро наступила пора относительного недоедания. Лакомством, которое можно было долго жевать, считался черный вар, не помню, правда, как его добывали. Но иной раз кто-нибудь делился с приятелем кусочком вара, жевание которого доставляло удовольствие.

На улицах можно было встретить только женщин. Несколько раз мы видели мужскую фигуру в военной форме. Тотчас вблизи такого человека появлялось несколько ребят, с уважением разглядывавших его, и непременно убежденных в том, что это фронтовик.

Летом 1942 г. приехала мама. Как ей удалось к нам добраться, не знаю. Она довольно быстро устроилась в лабораторию госпиталя, находившегося в соседним с нами поселке. Запомнилось, что этот поселок и трамвайная станция назывались Марк.

Служила в этом госпитале около года. В моей памяти осталось только то, что довольно часто приносила домой кусочек сахара. Видимо, это входило в рацион питания тех, кто входил в состав госпитального персонала. Естественно, этот кусочек доставался мне.

В упомянутом выше свертке Гарик обнаружил две справки и Трудовую книжку мамы. О ней пойдет речь позднее, пока приведу слова Гарика:

«Справки изрядно выцвели, но не стали для меня менее дорогими и информативными.

Первая от 1 июня 1942 года о том, что мама с 20 апреля по 31 мая 1942 года работала в должности старшего лаборанта в эвакогоспитале 3993, а вторая от 4 июня 1942 года, что мама работает в должности Начальника Лаборатории с окладом 975 рублей в месяц в эвакогоспитале 3992. Так что мама, хоть и недолго, но побывала в Начальниках (с большой буквы).

Но я маму Начальником себе представить не могу, хоть убей.

Сохранился и мамин пропуск из эвакогоспиталя № 3992 от 4 июня 1942 года. Пропуск был выдан до 31 декабря 1942 года, а затем продлялся до 1 июля 1943 года»²⁰.

Еще одно воспоминание той поры. В конце осени, ближе к зиме, в нашу комнату вселили человека, который был в числе бе-

²⁰ Из письма Гарика Фреду от 16 августа 2019.

женцев, успевших эвакуироваться из Минска до захвата города немцами. Спал этот человек на матрасе на полу. Я несколько раз просыпался ночью от его зубовного скрежета, причем он продолжал спать. Через какое-то время исчез, видимо, для него нашли другое житье.

Маме удалось в начале 1943 г. вернуться в Москву. По какой причине это произошло, тогда не знал. Много лет спустя, выяснил, что ей поручили сопровождать вылечившегося после ранения красноармейца. Но он был так тяжело ранен, что после выздоровления сам добраться к себе домой был не в состоянии. И жил он до войны в Москве, потому маме и поручили поехать с ним туда. Привезя его домой, она не вернулась на службу в госпиталь, а осталась в Москве, где тогда же находился и отец, служивший в МВО.

Работа в госпитале тогда являлась военной службой, и мамино невозвращение было расценено как дезертирство. В Казани против нее, как я узнал позднее, возбудили расследование, которое могло завершиться большой бедой. И здесь помог дядя Женя Труханов. Он тогда служил в штабе Московского Военного Округа и сумел как-то приостановить это расследование.

Долго пытался понять этот поступок мамы. Помогло то, что сам несколько раз в жизни серьезно рисковал, но всё же сделал необходимый шаг, и использовал созданный шанс, который серьезно позволил изменить ход событий в свою пользу. По-видимому, и мама оказалась в подобной ситуации. Остаться в Москве тогда для нее означало вновь соединиться с мужем, так как как отец в то время уже служил в Московском Военном Округе. Полагаю, что мама решилась на это шаг, поскольку надеялась, а может быть даже получила от Труханова, служившего в МВО, обещание помочь успешно разрешить возникающую ситуацию в связи с невозвращением в Госпиталь.

Меня даже порадовала мысль, что унаследовал от мамы эту важную черту характера – стремление использовать возникающий шанс, чтобы повернуть дальнейший ход событий в благоприятном направлении.

Гарик нашел в маминой Трудовой книжке подтверждение той опасной ситуации, в которой тогда оказалась мама. Цитирую его письмо:

«Следующие записи иллюстрируют твой рассказ о возвращении мамы в Москву и эпопею с прокуратурой. Согласно Приказа № 456 от 4 февраля 1943 года, мама с 1 февраля 1943 года считается возвратившейся из эвакуации и зачисленной временно зав. Клинической лабораторией (Института туберкулеза АМН СССР. В этом учреждении мама работала с лета 1939 года – Ф.Ф.). Затем следует следующий приказ № 120 от 30 марта 1943 года: “Согласно предписания прокуратуры освобождена для возвращения по месту прежней работы в эвакогоспитале № 3992”. При этом освобождена с 31 марта 1943 года, но 1 апреля 1943 года следует Приказ № 161, согласно которому “Во изменение приказа № 120 от 30 марта 1943 года восстановлена на работу зав. Клинической лабораторией”»²¹.

Вернусь к прерванному рассказу о нашей жизни в Соцгороде после отъезда мамы.

Мы в Соцгороде остались втроем: бабушка, Аля, работавший мастером на авиационном заводе, и я учившийся в 1941–1942 учебном году в третьем классе.

В нашем Соцгороде своей школы не было. Она находилась в соседнем поселке. Добираться туда приходилось через довольно большое поле. А зимой, когда это поле было засыпано снегом, пройти это расстояние можно было только в том случае, если в валенки не попадал снег, для чего надо было валенки вставить в штанины.

Картошка

Осенью 1942 г. Аля сообщил нам, что можно получить некое количество картошки, участвуя в ее выкапывании из земли. Точнее – десятую часть того, что выкопал, очистил от земли, сложил в

²¹ Из письма Гарика Фреду от 16 августа 2019.

корзину и приволок туда, куда ее все притаскивали. Видимо, существовал и кто-то, подсчитывающий те корзинки с картошкой.

Нас доставили туда на грузовике. Огромное поле рядов посаженных весной саженцев картофеля раскинулось перед нами. Разумеется, ботва уже завяла.

Людей там собралось немало. В основном женщины и ребята. Рукодил – человек в гимнастерке, явно из числа бывших фронтовиков, списанных из армии после тяжелого ранения. Кто там был, помимо Али и меня, не уверен. Была ли там бабушка, не помню, но мамы точно не было, поскольку покинуть госпиталь, даже на время, было нельзя.

Оказалось, что предварительно прицепом трактора кусты картофеля были выдернуты из земли. И совсем не трудно было эти кусты освободить от налипшей земли, оторвать ботву, обтереть картофелины руками и бросить в ведро.

Разумеется, никаких рукавиц не существовало и в помине. Трудности начинались тогда, когда ведро было заполнено картошкой. Оно становилось тяжелым и тонкая ручка просто резала руку. Перевалив его содержимое в большую корзину и заполнив ее доверху, относили ее уже вдвоем. Это было также нелегко, но, по крайней мере, не больно. К концу дня собранная картошка уже превратилась в солидную горку.

Заслуженную работой награду Аля в мешке притащил домой. А поздним вечером он снова отправился на то поле и с большим трудом приволок оттуда мешок картошки, спрятанный где-то в кустах оврага. Голод – не тетка!

Снова об Але

Поскольку речь пошла об Але, скажу немного о том, каким его видел тогда. Статный, красивый, обаятельный молодой человек, любивший напевать какую-нибудь популярную песенку, всегда веселый, энергичный и остроумный, торчавший с утра до позднего вечера на своем заводе. Таким он мне запомнился.

Через какое-то времени его назначили освобожденным комсоргом комсомольской организации завода. Аля – совершенно преобразился! Говорить он мог только о своих подопечных. При этом ощущалось, что они ему стали близки и дороги.

Как-то процитировал мне стих, написанный одним из них:

«Ни в грозных горах аппенинских,
И ни в домах своих берлинских
Фашизм спасенья не найдет.
С лица земли он будет стерт!»

Ужасно при этом гордился тем, что такое сильное и красивое стихотворение написал рабочий паренек.

Я уже тогда знал азы географии. Аппенины, по моему мнению, не были уж такими грандиозными и труднодоступными вершинами, но сдержался, и не сказал об этом Але. Этот момент помню точно.

Видимо, уже умел молчать, когда слышал что-то противоречившее моему пониманию. В дальнейшем, это стало чертой моего характера, не очень, впрочем хорошей, но не раз оградившей меня от больших неприятностей на службе.

О том, как относились к Але в том коллективе, увидел, когда он привел меня в свою комнатку (видимо, это была комната комсомольской организации завода). Заходившие туда парни обращались к Але так: «Лазарыч, послушай!» и спокойно воспринимали его ответ.

Аля даже покормил меня в обеденный перерыв, но не в общей столовой, а принес мне тарелку с кашей в свою комнату. Это было кстати.

А в следующем году по рекомендации райкома комсомола Алю направили служить в Казанское управление госбезопасности. Он переехал в Казань и, насколько помню, увидели мы его лишь в начале осени, когда он заехал за бабушкой и мной, чтобы разместить нас в теплушке эшелона, в котором сотрудники его Управления ехали в районы Кавказа, недавно освобожденные от

немецких оккупантов. Эшелон следовал туда через Москву. И Аля на такой поступок, несомненно, получил согласие своего начальства. Предварительно он нам сообщил об этом по телефону и мы смогли заранее упаковать свои пожитки. Так мы с бабушкой и вернулись в Москву.

Расскажу, что осталось в памяти об Але в последующие годы. Довелось его увидеть после того, как он, сменив службу, стал работать директором Могилевского краеведческого музея.

Лишь через много-много лет Аля рассказал, почему ему пришлось покинуть службу в МГБ. Он сказал, что тогда работал в Минске и ему было поручено выяснить причины и обстоятельства смерти Михоэlsa в 1948 году. Но вскоре его вызвали к начальству и сказали, что он не подходит для дальнейшей работы в МГБ.

Аля мне не сказал, чем было вызван этот разговор. То ли он выяснил, что-то о смерти Михоэlsa, то ли это было вызвано указанием сверху о необходимости очистить аппарат МГБ от евреев. Но с ним всё же расстались не жестко, поскольку иначе ему бы не удалось возглавить областной краеведческий музей. Полагаю, что тогда должность директора музея входила в список областной номенклатуры и получить ее можно было лишь по решению руководства Могилевского обкома ВКП(б).

Аля с удовольствием говорил о своей новой работе. Я к тому времени уже увлекся собиранием монет и Аля сказал мне, что в музее хранится несколько мешков старинных монет. Он также забрал у меня первое издание Краткого курса истории ВКП(б), сказав, что выставит эту книгу в витрине с надписью, что она подарена музею ветераном войны, поскольку тот хранил эту книгу в своем вещевом мешке.

В душе я посмеялся этой «музейной уловке», подумав, что возможно мне самому довелось видеть подчас подобного рода экспонаты, заполнявшие витрины музеев.

Видимо, начальство Али осталось довольно его работой и перевело его на новую должность. Аля возглавил в областном исполкоме отдел культуры. Он вместе с руководством области

приехал как-то в Москву, побывал у нас. Мне он тогда был по-прежнему дорог и я порадовался, что у него всё в порядке.

Но эта полоса его жизни быстро завершилась. Правившему партией и страной Хрущеву пришло в голову идея, что положение в сельском хозяйстве, которое со времен коллективизации оказалось не состоянием прокормить население страны, можно исправить, послав на руководство колхозами тридцать тысяч городских коммунистов. Как и все прочие меры советской власти, это решение не могло кардинально изменить положение, но, а в судьбе Али оно сыграло роковую роль. Он попал в число «тридцатитысячников» и оказался председателем колхоза в одном из сел Чаусского района.

Мои сведения об этой деятельности Али крайне невелики и основаны лишь на позднейшем разговоре с Алей и Надей, женой Али. Знаю только, что ему всё же удалось кое-чего добиться и колхоз за время его руководства перестал считаться «отстающим». По словам Нади тогда в колхоз зачастило районное руководство и Але, помимо хозяйственных забот, пришлось довольно часто пьянствовать с «гостями» из районного и областного начальства. Возможно это, как и трудности его работы, плохо отразилось на его здоровье, и он заболел диабетом, причем так сильно, что ему пришлось уйти на пенсию и вернуться в Могилев.

Не знаю, каким образом, он оказался в московской больнице. Там я его навестил. И уехал после встречи с ним с тяжелым чувством. Вместо веселого, яркого и интересного человека, каким Аля всегда был в моих глазах и в моей памяти, я увидел тяжело больного, одутловатого пациента больницы. Он поразил меня и тем, что мысли его были заняты какими-то тривиальными пошлостями, которыми делятся друг с другом поддатые мужики в курилке. Это была последняя наша с ним встреча.

Впрочем, вспомнилась еще одна история, состоявшаяся после того как Аля оказался на пенсии. Тогда возникла идея, чтобы Лида с Олей и Наташей поехали к Але в Могилев. Это они и сделали, но ту поездку вспоминали с горечью. По моей просьбе Оля написала мне о ней. Приведу выдержки из письма Оли:

«Поездка в Могилев – довольно яркая картинка в моей памяти, но не из-за Али, его я помню плохо, никакой симпатии о меня о нем не вызывают, скорее Надя его вспоминается как обыкновенная бабуля, которая почему-то крутила козинаки, а Аля какой-то малоприятный, напыщенный и не очень умный человек. Извини, это что помню.

Мы оказались в Могилеве в год моего непоступления на истфак²², разумеется, всё этим окрашивается, как я в июле сдавала экзамены, а в августе, когда экзамены сдавали все, мы уехали в отпуск. Я не помню, знала ли я, что не поступила, что будет дальше, ничего не помню.

Помню, что Аля оказался у нас (может, та больница, о которой ты говорил), пригласил, и мы поехали, лето было в разгаре, у Наташки каникулы, что со мной делать – непонятно, отпуск у мамы, мы и поехали, не помню, как билеты достали, было ли это трудно или нет.

Вообще, как мы жили и что делали, не помню. Даже странно, мне же было 18. Может, сильно пристукнуло непоступление?

Единственное яркое воспоминание – это кошмарная поездка в Хатынь и Минск с колхозом. Аля был на пенсии, он кому-то звонил, договаривался...

Последнее, что я помню, что автобус всё время останавливался, пьяные в доску мужики ходили писать и терялись, помню жуткую враждебность всех, мужиков, баб, не знаю, в чем она выражалась, помню ощущение небезопасности для нас всех. Я думаю, что и маме, и мне там точно было небезопасно, может и Наташку 12-летнюю не пожалели бы. Чем ближе к вечеру, чем все были пьянее, пили, орали песни и трахались в открытую и были всё враждебнее, мы очень мешали развлечениям, были чужие и враги. Мама и вправду, по-моему, сообразила, что из Минска можно рейсовым автобусом вернуться, мы и уехали.

Это поездка меня народником точно не сделала. Еще Хатынь утром мы посмотрели, попереживали, как люди, помню, нашли дедушкину Карпиловку среди сожженных деревень, а про Минск помню только чистые проспекты и всё, наверно, мы поспешили на автобус...

Еще из поздки в Могилев запомнила, что где-то там гуляли, наверно в парке, там был красивый старый дом, про который говорили

²² В 1976 Оля попыталась поступить на вечернее отделение Истфака МГУ, но не прошла по конкурсу и позднее поступила на вечернее отделение Института иностранных языков имени Мориса Тореза.

(кто?), что там в войну размещались немцы. Как-то этот дом запомнился. Много позже разговаривали с Катей Колмановской, моей любимой подругой тех лет, она рассказала, что ее семья из Могилева, это был дом ее семьи, до войны ли, еще раньше ли, не знаю.

Вот и всё...»²³

Гарик, прочитав мой текст о последних годах жизни Али, написал мне письмо, в котором рассказал о свои впечатлениях об Але, дополнил и исправил неточности, которые имелись в моем тексте. Письмо Гарика важно не только этим, но в нем приведены и многие факты о жизни белорусской деревни в 60–70-е годы прошлого века, что, как мне представляется важно для понимания советской действительности тех лет. В связи с этим приведу это письмо полностью.

«Фредюша! Сегодняшний день решил посвятить воспоминаниям об Але.

Всё же для тебя постоянное общение с Алей ограничивается детскими и военными годами, а дальше были его не очень частые наезды в Москву, а мне довелось суммарно несколько месяцев прожить у него в обоих колхозах и в Могилеве.

Аля скончался 3 декабря 1977 года. Я это очень хорошо запомнил, потому что хоронили его 5 декабря, а это был первый невыходной день 5 декабря, поскольку в 1977 году Сталинскую конституцию, день принятия которой 5 декабря был праздничным, т. е. нерабочим, в октябре сменила Брежневская конституция, и выходной переехал на октябрь. Поэтому мне пришлось отпрашиваться на работе, и я это хорошо запомнил.

Вечером 4 декабря тетя Сарра с дядей Борей, Лидочка и я отправились в Могилев, а шестого утром мы с Лидочкой вернулись в Москву. Как мне помнится, Сарра с Борей задержались в Могилеве.

Вообще, Аля – это одно из моих самых первых воспоминаний в жизни. Помню, я болел, лежал с очень высокой температурой в полузабытьи, потом открываю глаза и вижу при свете настольной лампы (верхний свет не горел, то ли было уже очень поздно и бабушка уже спала, или его выключили, чтобы не мешал мне спать), лица Али

²³ Письмо Оли Фреду от 18 августа 2019.

и Нади. Радость моя была такая большая, что я за пару дней практически вылечился.

Потом летом 1950 года Аля приехал летом и был с нами на даче. Сохранилось много фотографий.

Следующий визит Али в моей памяти произошел, когда он уже председательствовал в колхозе.

Дополню твои воспоминания об обстоятельствах его переезда на жительство в село. Но сначала несколько мыслей по поводу его ухода из органов. Я не думаю, что дело Михоэlsa сыграло здесь существенную роль, ведь Але была где-то лет 26–27, и вряд ли ему доверили вести следствие, даже для проформы. Скорее всего его увольнение было связано с пятым пунктом, в это время началась чистка органов, и не только.

Его назначение директором музея, видимо, объясняется, во-первых, что его “ушли” еще в достаточно вегетарианские времена, потом он был членом партии, и, я думаю, сыграло роль еще одно обстоятельство.

Дело в том, что в Алиной семье, кроме его сына Люсика, родившегося летом 1945 года, росла дочь тети Нади от первого брака. Ее первый муж героически погиб в Минском подполье, причем, как мне говорил Аля, он был одним из его руководителей.

Вообще Минское подполье прошло несколько этапов. По словам Али, его первый состав был специально организован немцами, чтобы выявить всех неблагонадежных. Ведь оставить в Минске какую-то организацию просто не успели. Но затем уже с помощью Москвы удалось наладить подпольную работу, но несколько раз гестапо удавалось обезглавить подполье, и в один из этих разгромов попал в гестапо и муж Нади. Всё это было известно и минским, и моголевским начальникам, поэтому Аля и смог удержаться в областной номенклатуре.

А затее подоспел 1954 год и Алю стали сватать на председательское место в колхоз. Он взбрыкнул, и в результате положил на стол партбилет (естественно, не своей воле). После долгих хождений по партийным инстанциям ему удалось добраться до первого секретаря ЦК Белоруссии Мазурова²⁴, и, я думаю, что героическое прошлое се-

²⁴ Кирилл Мазуров – в 1956–1965 – первый секретарь ЦК КП Белоруссии, в 1965–1978 – Первый заместитель Председателя Совета министров СССР, член ЦК КПСС в 1965–1981.

мы сыграло свою роль. Мазуров сам был в партизанах, вполне мог знать фамилию первого Надиного мужа. Але вернули партбилет, но опустили в район, снова на культуру. Так Аля попал в Чаусы.

Но он только обжился, с ними жила Надина мама и оставшийся без родителей Надин племянник Володя, как вся ситуация повторилась. Второй раз Аля бороться уже не стал и согласился. Так он попал в председатели колхоза.

Когда его первый раз привезли в колхоз, он на собрании, после того как представитель райкома рассказал о нем в хвалебных тонах, встал просто сказал, что он сугубо городской житель, для которого булки растут на деревьях, в сельском хозяйстве практически ничего не знает, но раз партия сказала надо, он приложит все силы и надеется, что колхозники ему помогут. После этого встал какой-то старичок, как я понял что-то вроде местного деда Щукаря²⁵, и спросил, а где председателю будут ставить дом, вот предпоследнему поставили в Могилеве, а предыдущему – в Чаусах. На это Аля спокойно ответил, что он приехал надолго, и дом ему нужен здесь в колхозе, хорошо бы недалеко от правления, а место укажут сами колхозники, чтобы не тесниться и не залезть на чей-то участок. Тем самым он значительно выиграл в глазах местных жителей.

Первый раз я слышал этот рассказ во время Алиного приезда в Москву уже в качестве председателя колхоза. Помню, как Аля тогда шиковал, ездил по Москве только на такси, покупал деликатесы. Бабушка, слушая его рассказ, просто светилась от счастья, и несколько раз мне говорила, какой Аля умница.

Самое интересное, что при всей Алиной любви иногда пустить пыль в глаза, я услышал эту историю уже в его колхозе, от кого-то из их гостей, когда за столом начались воспоминания, как Аля у них появился.

Первый Алин колхоз назывался “Сталинский шлях”. Но к моменту моего там появления в 1960 году, он уже носил другое имя “Ленинский шлях”. Вообще, в республиках процесс смены имени Сталина на Ленина начался намного раньше Москвы, так в 1958 году улица Сталина в Вильнюсе уже носила имя Ленина, о чем нам с отцом рассказал таксист во время поездки по Вильнюсу.

²⁵ Дед Щукарь – персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина».

В Москве это процесс начался позже, я это прочувствовал, поскольку поступал в Станкоинструментальный институт имени Сталина, а заканчивал просто Станкоинструментальный институт. Сам процесс переименования нас практически не коснулся, поскольку первые два курса мы неделю учились, а неделю работали на заводе и в институтскую жизнь почти не окунались.

Но в целом всё прошло не так гладко, как хотелось институтскому начальству, и притом с очень далеко идущими последствиями. Немножко отвлекусь от Али и остановлюсь на этом эпизоде. Когда весь коллектив собрали в актовом зале, с трибуны скороговоркой предложили проголосовать за снятие имени Сталина с названия Института. Мой будущий зав. отдела и завлаб, Володя Асташев, в то время уже выпускник, поднял руку и попросил обосновать предложение. Вообще Володя был антисталинистом, к тому же, как и я, имел маму еврейку, и всё прекрасно знал и понимал. Но его задело, что всех как стадо заставляют голосовать, даже ничего не объяснив.

Ответа на свой вопрос он, разумеется, не получил, и нагло руководству при голосовании демонстративно воздержался. Прошли годы, Володя отработал конструктором в КБ. Пришел в аспирантуру в ИМАШ, защитился. Стал старшим научным сотрудником. Как-то его завлабу пришла в голову мысль послать его на конференцию за границу. Он написал соответствующую бумагу в дирекцию и неожиданно получил приглашение зайти в первый отдел. Когда он вернулся в лабораторию, на нем не было лица. Он только качал головой и приговаривал: «Ну ты, Володя, нас и подвел». Когда он немножко успокоился, то рассказал, что ему было высказано за то, что он предлагает послать в загранкомандировку сотрудника, ненадежного в политическом плане. И на свет божий вылезла бумага о поведении и голосовании Асташева в Станкине. Прошло уже лет 10, а то и больше, сам Володя давно об этом забыл, но, как писал Галич «Нам всё это вроде пыли, Но совсем не вроде пыли Дело это для ОСО!»²⁶. Так что Иосиф Виссарионович сумел настигнуть и, если не покарать, то немножко испортить жизнь. А за границу Володя попал уже в 90-е, когда всё поменялась. Но когда он мне это рассказывал, то, задумчиво посмот-

²⁶ Имеется ввиду песня Александра Галича «Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане».

рев в окно, добавил, что не удивится, если эта бумажка по-прежнему лежит в его персональном деле где-нибудь в архиве на Лубянке.

Деревня, где жил Аля, называлась Каменка. Недавно я наткнулся на книгу, в которой перечислялись все населенные пункты Могилевской области. Книга еще советских времен и я нашел там и “Ленинский шлях”, и Каменку.

Впервые я попал туда летом 1960 года, когда маме, было сложно организовать поездку нам на юг после ухода отца и она отправила меня к Але на всё лето.

Алин дом стоял на возвышенности, около дома протекала даже не речка, а скорее ручей, основные деревенские дома были внизу, там же было и правление, и клуб, где Надя заведовала библиотекой. В этом же клубе показывали кино.

Как я потом убедился, Алин дом скорее напоминал подмосковную просторную дачу, нежели деревенский дом. Рядом был сарайчик для поросят и сарай для многочисленной птицы. По двору бегали куры, петух сидел неподалеку, но как-то лениво, в отличие от индюка, оберегающего свое семейство. На меня индюк реагировал не очень дружелюбно, и я старался держаться от него подальше.

Первыми утром на двор вваливались гуси и громко требовали есть. После них приходили утки, тоже достаточно шумно, но потише гусей, а затем наступала очередь индюков. Под предводительством вожака они важно появлялись во дворе, индюк грозно клокотал, когда индюшки с индюшатами наедались, свою пайку съедал индюк и вся компания тихо шествовала к ручью, где вся живность гуляла до вечера, пока в том же порядке приходили ужинать и спать. Поросята тихо хрюкали в своем загончике. Так что не хватало только коровы, и был бы настоящий крестьянский двор.

Несмотря на то, что на дворе был 1960 год, в деревне не было электричества. Что успел за эти годы сделать Аля – это провести радио, в каждом доме появилась радиоточка. Ну и в правлении был телефон для связи с районом. Так что всё лето я провел при свете керосиновой лампы. Для меня это не было в диковинку, под Москвой на даче часто отключали электричество, но всё же вечерами читать было тяжело. А чтение было моим основным занятием.

На следующий после моего приезда день мы с Надей отправились в ее библиотеку. Там я набрал несколько пачек книг, так что назад

мы с Надей возвращались тяжело нагруженными, но все книги сразу захватить не удалось, поэтому мне пришлось сбежать еще раз. Когда я прикинул, сколько я собираюсь прочесть, вышло что-то порядка 250 страниц в день. Но потом я еще пару раз наведывался в библиотеку, и в целом получилось, что я прочел по 4 сотни страниц в день.

Там была и классика, и современные советские писатели, помню фамилии Саввы Дангулова и Всеволода Санаева (у нас в Москве была его книга о первых русских летчиках), и американские писатели, в том числе Теодор Драйзер, Синклер Льюис и Эптон Синклер. Я, естественно, мало что запомнил из проглоченных книг, помню, как за одну ночь при свете керосиновой лампы буквально проглотил “Анну Каренину”, до которой в Москве всё не доходили руки.

Аля мне привез большой мешок зеленых яблок и я целыми днями лежал на своей раскладушке и читал.

Гулять по окрестностям как-то не тянуло, вокруг были поля, изредка отделяемые друг от друга куцыми лесополосами, скорее кустарниками, на речку в деревне как-то не хотелось.

Через несколько дней Надя предложила мне сходить с ней в окрестные деревни, чтобы собрать выданные книги из библиотеки. Дело в том, что читатели брали книги в библиотеке, в основном, при посещении клуба для просмотра кинофильмов, которые периодически туда привозили из района. Приходить в клуб для того, чтобы вернуть книги, многим было некогда, обычно посылали детей.

Вообще, просмотр фильмов – это была просто песня. Во-первых, поскольку электричества в селе не было, кинопередвижка питалась от установки с генератором. Сначала минут пятнадцать запускали эту установку, она скрежетала, скрипела, периодически замолкала и, наконец, заводилась. Всё время просмотра за стеной тархтела эта штука, поэтому некоторые слова просто не было слышно. Во-вторых, просмотр фильма постоянно сопровождался репликами, ржанием, а иногда вскриками, когда демонстрировалось что-то страшное. Всё это сопровождалось клубами довольно вонючего дыма и атмосферой водочного и самогонного перегара.

Так что удовольствие от просмотра фильма было еще то.

Ну я отвлекся. Мы пошли в ближайшую деревню, и то, что я там увидел – это была еще одна песня. Деревня представляла собой одну длинную улицу (кстати, так были организованы многие села).

У крайнего дома я увидел мужскую голову, торчащую из-за заборчика. Голова поздоровалась с Надей, ей пришлось остановиться и недолго переговорить. Когда мы двинулись дальше, Надя как-то хмыкнула и спросила меня, понял ли я, что там делала голова местного бригадира (раньше он был председателем колхоза, состоящего из этого села, но затем влившегося в большой колхоз). Я как-то не задумывался на этом, оказалось, что дядя просто справлял большую нужду. Я от удивления начал крутить головой и понял, что не вижу на участках такую знакомую по дачным улочкам картину – сортирных домиков. Оказалось, что подобной архитектурной детали здесь обычно не предусматривалось. Просто сначала использовался один угол участка, потом всё перекапывалось, и всё дела делались на другом углу. Это был просто шок, всё-таки это был не какой-нибудь пятнадцатый век, а 1960 год.

Но оказалось, что это еще не всё. Мы зашли в избу. Там был не воздух, а смрад. Примерно треть избы занимало место для коровы, которая в это время паслась на лугу. Около печки стоял стол с табуретками, а в углу находилась широкая скамья, на которой лежала горка каких-то тряпок. Оказалось, что это спальное место, простыни и одеяла. Дети и старики спали на печке. Когда я, совершенно одуревшей от увиденного, топал домой, Надя сказала, что специально повела меня в деревню, чтобы увидел, как живут люди в деревне. Ведь Алин дом напоминал подмосковную дачу, чистую, просторную, с нормальными окнами и высоким потолком.

Второй, изрядно удививший меня, эпизод произошел через несколько дней. Надя послала меня в правление позвать Алю обедать, мы с ним поравнялись с повозкой, Аля поздоровался с каким-то мужичком, перекинулся с ним несколькими словами, а, когда мы отошли, сказал мне что это единоличник, живущий на окраине села с другой стороны. Я подумал, что ослышался, и переспросил. Аля подтвердил, что это действительно один из нескольких местных жителей, которые не числятся в колхозе, живут за счет своего кусочка поля, огорода и живности. Для меня единоличник был что-то вроде кулака, мне казалось, что их с 30-х годов просто не осталось на широких советских просторах. Думаю, что это не до конца разрушенное сельское хозяйство и позволило Белоруссии выжить в постсоветское время и прокормить свое население. Белоруссии не пришлось тратить валюту на закупку за границей продовольствия, как России и Украине.

Через пару недель приехал Алин сын Люсик, наше совместное времяпрепровождение в основном сводилось к стрельбе из Алиных винтовок. Один раз Аля дал нам выстрелить из охотничьего ружья, но отдача в плечо сразу отвела меня от этого занятия. Чаще мы стреляли из духового ружья, благо пульк было несколько пачек. Но однажды я увидел на проводах птицу и пальнул в нее. И к моим ногам упал маленький трупик птички. Она была побольше воробья. Ужас, охвативший меня, навсегда отбил у меня охоту стрелять, особенно по живым существам.

Но что-то я заикнулся на своих впечатлениях о белорусской деревне и совсем забыл, что разговор то идет об Але. Алю я видел довольно редко. Утром, когда я просыпался, Али уже давно не было дома, на обед он приезжал не часто, либо когда он днем бывал в правлении, либо если были какие-то визитеры.

Один такой торжественный обед я хорошо запомнил. Днем к нам прибежал мальчишка и передал Наде записку от Али. Аля просил приготовить обед на несколько человек, и просил нас с Люсиком сбежать в магазин за спиртным. Потом приехала шумная компания, мы с Люсиком ушли из дома, чтобы не мешаться под ногами, и вернулись уже к вечеру. Гости уже уехали, на кровати сидел пьяненький Аля, по его лицу текли слезы.

Увидев меня, он поманил меня к себе и тихо сказал: “Вот так, Гarik, родину продают”.

На следующий день он рассказал, что это было руководство какой-то могилевской строительной организации. Они проезжали мимо колхозных полей и обратили внимание на кучки камней, лежащих на обочине. За несколько дней перед этим Аля попросил местных школьников помочь убрать с полей камни перед вспашкой. Строители сразу смекнули, как можно это дело использовать к своей пользе. У них были запланированы деньги для помощи селу, и они предложили заключить с Алиным колхозом договор на уборку полей, благо они уже были почищены. Таким образом кругленькая сумма перекочевала в карманы сметливых строителей, и Алиному колхозу досталась некоторая толика стройматериалов.

Поэтому столь быстрая Алина инвалидность для меня не стала неожиданностей. Несколько лет в нервозности, нерегулярном питании и частых выпивках хватило для диабета, нарушениях сердечной

деятельности и прочим сомнительным удовольствиям. Так что, к 43 годам Аля был признан инвалидом. Кроме этого несколько лет Аля заочно учился в сельхозинституте, правда, окончить ему его так не удалось.

Еще один интересный эпизод произошел, когда к концу августа надо было брать обратный билет, оказалось, что билетов до середины сентября нет. Из Могилева уходил каждый день один купированный вагон, который добавляли к проходящему поезду. Аля поехал в обком, но какой-то большой начальник ему объяснил, что даже если бы ему лично было необходимо срочно выехать в Москву, то ему на билет нельзя было рассчитывать, в крайнем случае пришлось бы ехать в купе проводников. На всякий случай Аля заехал в Могилевский горком к первому секретарю, тот сам позвонил на вокзал и заказал билет лично для себя. Аля посадил его в свой газик и мы втроем с заездом в магазин уехали за город, где на очень красивой полянке они распили бутылочку коньяка. Секретарь жаловался Але, что его пост не дает ему возможности зайти в ресторан даже в собственный день рождения, ибо тут же в Минск уходит анонимка, и не одна, о его пьянстве и моральном разложении. Чувствовалось, что с Алей его связывают дружеские отношения. Такое же отношение к нему я видел в один из следующих приездов к Але, когда к нему заехал директор огромного комбината искусственного волокна в Могилеве.

Но до этого в 1962 году мы с мамой провели август у Али. Маме понравилось, как Аля обустроил свою жизнь, но его режим дня и частые выпивки ее очень расстроили. Ее очень порадовало, с каким уважением к Але относились колхозники, его называли просто Лазаревич. Маму очень удивило полное отсутствие каких-либо антисемитских проявлений, на что Аля ей очень веско заметил, что антисемитизм появляется там, где появляются интеллигенты, а у простого народа свои заботы и ему не до националистических шуточек.

На следующий год я в июле отдыхал в Крыму по турпутевке, и, когда пришло время брать обратный билет, я решил поехать к Але. И там меня ждал сюрприз. Оказалось, что Аля весной начал оформлять инвалидность и пенсию, и тут его вызвали в райком и буквально бросились в ноги.

Дело в том, что в одном из колхозов, расположенном рядом с Могилевым, произошло ЧП. Этот колхоз обладал шикарными прудами с карпами, и туда проторили дорожку разные начальники не только из

Могилева и Чаусов, но и из Минска. Но рыба без водки, как известно, это деньги на ветер, а напоить такую ораву начальников председателю колхоза оказалось не под силу. В конце концов ревизия выявила растрату в 200 тысяч рублей, и председатель с главбухом отправились в острог. На такое хозяйство кого угодно не поставишь, и районное начальство бросилось уговаривать Алю, пообещав ему республиканскую пенсию и прочие блага за несколько лет председательствования в этом колхозе. Как назывался колхоз и его центральное село, где жил Аля, я уже не помню.

В первый год Аля с Надей поселились у какой-то старушки, рядом был дом ее сына. В доме было существенно иначе, чем в том крестьянском доме в Каменке, где я побывал за несколько лет до того. В общем всё было вполне чинно и благородно, но очень донимали мухи. Их была просто тьма, и после 4 часов утра спать можно было только плотно укрывши голову одеялом. Я каждый день с Люсиком соревновался, кто больше поубивает газетой мух, причем счет шел на сотни. Долго не мог понять, откуда их столько, пока случайно не заглянул на верхнюю часть печки. Мне жутко поплохело, когда я увидел прошлогодние яблоки, на которых сидело, ползало и жужжало несколько тысяч мух. Меня чуть не вывернуло, и больше я к печке близко не подходил.

Я, конечно, свалился Але с Надей на голову в самый неподходящий момент, но они приняли меня очень радушно. Это мое посещение Али прибавило многое к моему пониманию, что вообще вокруг нас происходит, как говорил товарищ Горбушкин, завмаг у Зоценко²⁷: “Это что в моей камере происходит!”

Во первых, это был 1963 год, когда страна впервые за много лет осталась без хлеба. В Москве этого, естественно, не ощущалось, а в провинции дело было так: занимали очередь часа в 4 утра. После шести утра можно было не приходить, с вероятностью 100 % хлеба бы не досталось. В одни руки отпускалось ограниченное количество

²⁷ Михаил Зоценко русский советский писатель, драматург, сценарист и писатель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Весьма популярен как сатирик и юморист. В 1946 подвергся травле со стороны ЦК ВКП(б), исключен из Союза советских писателей. Практически лишен средств к существованию. В 1953 принят в Союз писателей как переводчик. Умер 22 июля 1953.

буханок. Я первые дни жил в Чаусах у Надиной мамы, и тоже пару раз постоял в этой очереди. Потом заехал Аля и отвез в колхоз. Там Надя сама пекла хлеб в печке и проблемы с хлебом не было. Когда Аля ехал в Чаусы в райком, то обязательно вез теще хлеб. Тогда ей на следующий день можно было не спешить с утра занимать очередь.

Второе, что я смог наблюдать в этот приезд, было практически полностью с вариациями воспроизведено позднее в фильме “Председатель”²⁸. Дело в том, что этот колхоз был несравнимо богаче, чем первый Алин “Сталинско-Ленинский шлях”. Кроме прудов с карпами, колхоз обладал прекрасными посевными землями. В 1963 году в Белоруссии было великолепное лето, стояла прекрасная погода и виды на урожай были просто великолепными. Поэтому когда созрела рожь, Аля распорядился всю ее выдать на трудодни колхозникам. Те, привыкшие получать только палочки за трудодни, воспряли духом, но тут последовал срочный вызов Али на бюро райкома.

Я был дома и видел, каким Аля уехал и каким приехал. Оказывается, нашлась какая то сволочь, и не одна, в соседних колхозах, которая тут же начала сигнализировать во все инстанции, что пришел жид и разбазаривает наше добро. Завоевывает дешевый авторитет и тому подобное. Срочно созвали бюро райкома и поставили Алю “на правёж”, как у Галича:

“Но однажды в дубовой ложе
 Был поставлен я на правёж
 И увидел такие рожки –
 Пострашней балаганьих рож!
 Не медведи, не львы, не лисы,
 Не кикимора и сова, –
 Были лица – почти как лица,
 И почти как слова – слова.
 За квадратным столом, по кругу,
 В ореоле моей вины,
 Всё твердили они друг другу,
 Что друг другу они верны!”²⁹

²⁸ Фильм режиссера Алексея Салтыкова по сценарию Юрия Нагибина. В главной роли снимался Михаил Ульянов. Вышел на экраны 8 декабря 1964.

²⁹ Из песни Александра Галича «От беды моей пустяковой».

Аля пытался объяснить, что на трудодни он роздал рожь, а пшеницы он сдаст несколько планов дней через 5–7, погода была хорошая и прогноз не предвещал ни похолодания, ни дождя. Но в ответ его обвинили в том, что он не посоветовался с партией, а что до плана – надо не через 5–7 дней, а завтра, и его никто не просил несколько планов, надо будет – потребуют, а пока, если послезавтра утром он не отпрапортует, что план выполнен, положит партбилет на стол.

Аля приехал просто в невменяемом состоянии, Надя его успокоила, накормила, и он разослал местных мальчишек во все села, чтобы немедленно приехали все бригадиры и правление колхоза. Я тихо сидел в углу, когда он в лицах пересказывал собравшимся, что было на бюро райкома. На предложения написать во все мыслимые инстанции, он коротко сказал, что просит завтра выйти в поле всех, вплоть до малых детей и стариков, сдать завтра нужное количество ржи, а всё, что останется на поле, получают колхозники.

Когда после завтрака я вышел на сельскую улицу, то увидел, что во всей деревне остались только мы с Надей и куры. Сейчас мне пришла в голову мысль, что это было похоже на самоизоляцию, на которую села вся страна со большей частью планеты во время пандемии.

Только народ не сидел дома взаперти, а ушел в поле. Все, вплоть до кормящих матерей и древних старух. К вечеру план был выполнен, а дальше был просто пир души. Такого количества зерна колхозники не получали суммарно, наверное, с момента образования колхоза. С поле потянулись повозки с мешками.

Вечером Надя позвала меня и вывела на задний двор. За чередой домиков была распаханная полоса земли метров 100, а дальше небольшая лесополоса. Передо мной была просто картина Моне или кого-нибудь из импрессионистов, всё было в сизом тумане. Туман поднимался из лесополосы и стелился по земле. Я не понял, что происходит, и Надя мне объяснила, что в лесочке под каждым деревом сейчас работает самогонный аппарат, поскольку колхозники не верят, что завтра не придет указание собрать зерно и сдать его, поэтому надо срочно его переработать.

Поздно вечером пришел сын нашей хозяйки и принес огромную бутылку еще горячего самогона. Как он от всех благодарил Алю! Но мне горячий хлебный самогон не понравился. Через много лет, когда у нас стало модным пить виски, я узнал этот вкус и на мгновение пе-

ренесся туда, где, говоря словами Геннадия Шпаликова³⁰ “будет мама молодая и отец живой”. Я побывал в этом колхозе еще раз на следующий год, когда мои сокурсники были на целине. Я остался тогда в Москве, тоже была забавная история с попыткой поехать пионервожатыми в лагерь от Мосфильма. От этой попытки в памяти осталась только поездка на Мосфильм, по которому я с коллегой прошлялись почти целый день. Но о нашей попытке знали в комитете комсомола, собственно, там нам и предложили поехать в лагерь, сразу вычеркнув из целинных списков. Месяц мы прокуролесили в институте на переоборудовании столовой в кафе, затем с хорошей компанией я съездил в Закарпатье, посетив на обратном пути Львов и Бердичев. До возвращения целинников оставалось время и я махнул к Але. Он уже жил в своем доме, тоже смаживающем на подмосковную дачу.

Последний раз я был у Али, когда он с Надей уже жил в Могилеве. Конечно, это уже был не тот Аля, которого я помнил, в принципе этого Алю описала Оля, но я всё-таки смотрю на Алю немножко другими глазами.

В моей памяти Аля остался как очень добрый человек. По степени излучаемой им доброты в мамином окружении я могу сравнить с ним только тетю Роху. Еще одной очень важной алиной чертой была привязанность к семье. Ведь он не только вырастил сына Люсика, дал ему образование и пестовал вплоть до обретения Люсиком семьи, он еще вырастил дочь тети Нади (очень стыдно, но я напрочь забыл ее имя) и племянника Володю, тоже дал им образование, очень помог с жильем в Могилеве.

Было очень приятно наблюдать, особенно в мой последний к нему приезд в Могилев, как они его любили и ценили всё, что он для них сделал. Их неподдельное горе я видел и на его похоронах. До самого своего конца он оставался самым близким другом нашей мамы, всегда готовый примчаться на помощь.

³⁰ Геннадий Шпаликов – советский сценарист, кинорежиссер и поэт. Автор сценариев фильмов «Я шагаю по Москве», «Долгая счастливая жизнь». После того, как он помог деньгами Виктору Некрасову, оказавшемуся в опале, Шпаликова по существу лишили возможности работать и зарабатывать на жизнь. 1 ноября 1974 покончил жизнь самоубийством.

Я помню и его приезд в Москву при первом известии о разводе родителей, как он успокаивал маму, даже пытался поговорить с отцом. Но о результатах их разговора мне ничего не сказали, а потом я Алю об этом не спрашивал, видно было, что эта тема для него очень болезненна. Он приезжал и в дни сложных моих семейных обстоятельств.

Конечно, определенное фанфаронство и стремление иногда пускать пыль в глаза ему действительно были присущи, но его положительные качества для меня всегда перевешивали эти его маленькие слабости. Благодарность ему я всегда сохраняю и, бывая в крематории, передаю через маму и бабушку ему привет.

Аля сумел поучаствовать и в самой трагикомической сцене в моей жизни. Когда умерла бабушка, то перед захоронением ее праха в ячейку в крематорской стене, мама решила пересыпать прах дедушки в новую урну. За прошедшие со дня смерти дедушки 24 года его урна потемнела и потеряла, так сказать, товарный вид. В те годы урна для праха представляла собой цементный цилиндр диаметром сантиметров 13 и высотой сантиметров 25.

Когда собравшиеся на процедуру захоронения, а были там Аля, и тетя Сарра с дядей Борей, и Эдик, к тому времени уже демобилизовавшийся, со своей женой, сын дяди Марка Илюша со своим семейством, вроде бы были и Фриды, потихонечку направились к месту нашей ячейки, мы с мамой пошли в подвал слева в основном здании крематория, где выдавали урны. Там по квитанции нам выдали две совершенно одинаковые урны, сначала пересыпанную дедушкину, которую я установил на правую ладонь, сжав пальцы, чтобы не выронить, потом бабушкину, которую я таким же образом водрузил на левую ладонь.

Когда мы с мамой подошли к нашей ячейке, где сиротливо стояла изрядно потемневшая за 7 лет урна с прахом нашего двоюродного брата Жени, кто-то сказал, что надо бы надписать, где, так сказать, кто.

Предложение было сочтено вполне разумным, все стали рыться в карманах в поисках ручки или карандаша, как вдруг в наступившей тишине прозвучал голос дяди Илюши: “Да, да, а то вдруг понадобится!” Дальше была финальная сцена из гоголевского “Ревизора”. В первый момент на всех лицах отразилась гигантская мыслительная деятельность в поисках того, для чего это может понадобиться, затем

коллективное стремление не захохотать, всё-таки процедура к юмору совсем не располагала. Аля застыл столбом, во все глаза глядя на Илюшу, он его не видел много много лет и, конечно, забыл, что такое наш дядя Илюша. Эдик вцепился в рукав пиджака Саши Фрида, а в его глазах замер вопрос: “А что это было?”. Я до крови закусил губу, потому что любое мое движение сразу привело бы к падению урн с катастрофическим исходом, которое мне никогда бы не простилось.

К счастью всё закончилось благополучно, на урнах нацарапали буквы Д и Б торжественно установили их в ячейку. А в семейном фольклоре осталось сакраментальное “А вдруг понадобится!”, и мнение об Илюше, которое и раньше не было шибко высоким, упало до родственного минимума. Типа: “Послушай, Зин, не трогай шурина: Какой ни есть, а он родня”³¹.

Прошли годы, скончался дядя Боря. Тетя Сарра похоронила его в Долгопрудном и решила перенести туда же и прах Жени. Так как документ на ячейку на Донском был на мамино имя, мама поехала с ней забирать урну с прахом.

Вечером у меня раздается телефонный звонок и просто истерический мамин смех. “А ты знаешь, Илюша то оказался прав. Действительно понадобилось!” Оказывается, когда сняли плиту, они увидели три совершенно одинаковые темно серые урны, единственное отличие их друг от друга были буквы на двух из них. Только так они смогли отличить Женину урну, а то бедная тетя Сарра до своего последнего часа не знала бы, к кому она пришла на могилку – к сыну, к папе или к маме.

Для меня вся эта история осталась примером того, что любой идиотизм может оказаться просто творческим озарением.

Ну, а о последней шутке Провидения с Алей я уже писал – как в вырытой для него могиле нашли старые артиллеристские снаряды. Надеюсь, что оставшиеся в Могилеве родственники навещают последнее Алино пристанище.

Ну и последнее также трагикомическое воспоминание об Але связано с визитом в мамин Институт туберкулеза то ли в конце 50-х, то ли в 60-е годы нобелевского лауреата по физиологии, носившего мамину фамилию Блох. Не помню, описывал ли я эту историю, но после его доклада на Ученом Совете почетного гостя повели знако-

³¹ Из песни Владимира Высоцкого «Диалог у телевизора».

миться с Институтом туберкулеза. Маму просто подмывало спросить его о его родственных корнях, поскольку было известно, что его семья успела убежать из гитлеровской Германии, аналогично поступила семья дедушкиного брата Вольфа. Вдруг нобелевский лауреат окажется маминим двоюродным братом. Но сформировавшийся за полвека советской власти страх иметь родственников за границей перевесил, и мама благополучно промолчала.

Когда она рассказывала нам с Фредом об этой коллизии, Фред задумчиво произнес: “Конечно, иметь родственника нобелевского лауреата – это хорошо. Но с другой стороны, если бы он действительно оказался двоюродным братом, то наличие сестры – кандидата наук, это еще ничего, но вот двоюродного брата председателя колхоза организм нобелевского лауреата мог и не перенести. И на нашей совети был бы этот камень. Так что правильно сделала, что не подошла”.

Позже Фред нашел биографию нобелевского лауреата, и имя его отца было не Вольф. Вот так мы лишились возможности остаться в мировой истории»³².

Кроме того, я получил от Гарика сообщение о награждении Али, за успешное руководство колхозом. Привожу выдержку из письма Гарика:

«Вторая найденная мною бумага представляет вырезку из Чаусской районной газеты “Искра” на белорусском языке. Это часть указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1966 г. о награждении орденами и медалями работников сельского хозяйства.

Медалью за трудовую доблесть награжден председатель колхоза “Серп и Молот” Блох А.Л.

Я, признаться, забыл об этом, хотя наверняка знал. Кроме этого, вырезка подсказала и название второго колхоза, в котором председательствовал Аля»³³.

В том же письме, Гарик привел еще один документ. Хотя он относится совсем к другим событиям, о которых пишу значи-

³² Письмо Гарика Фреду от 26 августа 2020.

³³ Из письма Гарика Фреду от 31 декабря 2020.

тельно позднее, но поскольку сейчас идет речь об Але, решил поместить этот отрывок в данном разделе:

«С Алей связана и третья бумажка, оказавшаяся для меня особенно дорогой. Почему, поймешь прочитав ее содержание. Написано на листочке, вырезанном из тетрадки, причем горизонтальные линии совсем выпцвели. Написано карандашом, но текст сохранился очень хорошо.

“Деж. врачу акушерской клиники тов. Генкиной

Прошу Вашего разрешения на посещение роженицы Блох Э.Л., лежащей в палате № 26, так как я являюсь сотрудником органов Государственной Безопасности и нахожусь проездом в Москве, откуда выбываю 26 июля с.г.

Я являюсь братом Э.Л. Блох.

25 июля 1944 г. (Подпись) / Блох /”.

“Резолюция

Посещение рожениц не разрешается.

Должность и подпись (неразборчиво)”.

Итак, это первый документ, после клееночки с фамилией, в которой я неявно присутствую. Во-вторых, текст настолько Алин, что просто слышу его гордое – являюсь сотрудником. Ну и наконец, это свидетельство того, что наши славные органы интересовались мною уже на четвертом дне моего пребывания в этом мире»³⁴.

Школьные неприятности

Когда мама уехала, порой приходилось несладко. Этого, конечно, не понимал, как и того, что бабушка выбивалась из сил, чтобы ее внучек был здоров, обхожен, обут и одет, насколько удавалось, сыт (а по карточкам мы получали продукты в таком количестве и качестве, чтобы как-то существовать и не загнуться от голода).

³⁴ Там же.

Вспоминаю, что однажды мои ноги покрыла короста нарывов, не от того, что поцарапался или что-нибудь «подхватил». Позднее понял, что от недоедания. Короста со временем спала, остались лишь розоватые пятна и большая чувствительность этих мест, чем в других местах ног, при нажатии пальцем.

Новых книжек для чтения не было. Перечитывал привезенные из Москвы. Благо там были и «Рыцари» и тома Диккенса. Всё же большую часть дня после школы проводил около дома в играх с ребятами.

В школе было по-разному. Запоминаются, конечно, те события, когда испытывал неприятные чувства. Впервые услышал, что я – «жиденок». Ну а на Новогоднем празднике основательно изгадили мою ушанку, так что в мороз пришлось тащиться через огромное поле с непокрытой головой.

После этого бабушка решила передать меня «под крылышко» Ольге Порфирьевне и перевезла в Казань. Там я продолжил учебу в школе, где «казанская бабушка» преподавала. Продлилось это около месяца.

Ольга Порфирьевна, разумеется, заботилась обо мне, как могла, но теплых отношений между нами не возникло.

Единственной моей отрадой стали ее книги. Запомнил только «Войну и мир». Разумеется, страницы про любовь и длинные рассуждения автора пропускал. Но зато упивался сценами баталий. Любимыми героями стали Андрей Болконский и Петя Ростов. Вызывал симпатию Пьер Безухов, некоторые черты его характера находил у себя.

Но всё это не заставило смириться с тем, что ощущал одиночество. И когда приехала бабушка Вера, попросил забрать меня домой. Понимал, что Ольга Порфирьевна обидится, но это меня не остановило.

Так, собственно, и пришло, и, приехав к нам в гости, она строго меня допрашивала о причинах такого поступка. Что говорил в свое оправдание, не помню, но холодок в отношениях между нами сохранился. По-видимому, в Казани мы с ней больше не

встречались. А увиделись лишь через многие годы, когда, в старости, она переехала в Москву. Полагаю, что на этом настоял мой отец. В Москве же наши отношения, к сожалению, стали просто неприязненными.

В «старой» школе меня приняли неплохо. Там и вступил в «пионеры». Воспринимал это весьма положительно. Мне нравилось стоять в шеренге. (Впрочем, последнее почему-то в памяти увязывается с Москвой).

На каком-то празднике читал стихотворение Лермонтова об июльской революции 1830 г. во Франции. Что меня привлекло к этому стиху, не могу понять.

Так мы и жили с бабушкой, причем очень дружно. Запомнилось, как узнав о предстоящем возвращении в Москву, решили оставшуюся картошку (а мы незадолго до того собрали свой урожай) продать на рынке. Я стоял за прилавком. Чувство радости от предстоявшего отъезда так и распирало! Не выдержав, поделился этой вестью с какой-то покупательницей, удивленной тем, что за прилавком стоит мальчишка. Видимо, бабушка в этот момент куда-то отошла.

И еще помню, как мы паковали наши вещи в плетеные сундуки. Я занял своим книгами, учебниками и другим мне принадлежавшим шматьем два из них. Приехав домой, почему-то не мог найти учебники. Не сразу понял, куда они запропали. Увы, сундук с книгами и вещами те, кто переносил вещи в машину, по какой-то причине оставили. Видимо, потому, что он оказался слишком тяжелым. Так и пропали мои учебники и тома Диккенса.

К счастью, «Рыцари» оказались в другом сундуке. Утратил эту книгу уже после войны, неосторожно дав почитать жениху Тамары Тархановой. Эта молодая семья быстро распалась, след этого человека исчез. А я остался без своего сокровища!

С Соцгородом расстался без сожаления. Намного позднее понял, что покинутые мной места как бы исчезают из моей жизни, причем вне зависимости от того, было ли мне там хорошо или не

очень. Это, впрочем, не относится к городам зарубежья, которые люблю до сих пор, как и Крым.

Поскольку речь подошла к возвращению в Москву, замечу, что ехать летом в теплушке мне понравилась. Двери были раскрыты, но не рискнул, как это делали взрослые, сидеть, свесив ноги наружу. И небольшая тряска не мешала. Хотелось одного – поскорее очутиться в Москве!

Дома!!!

Наконец, мы с бабушкой в Москве – на Вокзальной площади! Вокруг нас чемоданы и ящики. Как добрался до нашей квартиры, уже написал. Но об ощущении того, что снова Дома! – это только поймешь тогда, когда сам это испытаешь!

Последующие годы были так, переполнены различными событиями, что напоминают мозаику, которая никак не складывается в единый узор. К тому же еще не вполне заработала моя «дальняя память», иногда не выстраиваются в одну очередь факты, чтобы установилась между ними логическая последовательность. Поэтому попробую, сначала, записывать то, что «приходит» в голову.

Глава седьмая

СНОВА МОСКОВСКИЙ ШКОЛЬНИК

Пятый класс

Возник вопрос, в какую школу поступить. Оказалось, что Женя Персиц учится не в 128-й, а в другой школе, куда надо было добираться с помощью троллейбуса. Для меня выбора не существовало и поступил в Пятый класс той же школы.

Но меня ожидала и другая новость – Женя подружился с Геной Рождественским, сыном известной тогда певицы – Натальи Рождественской. Меня это не напрягло. Дружить, так дружить! Можно втроем.

Вскоре понял, что они так не думали. Чуть позднее моя дружба с Женей вообще умерла. Не скажу, что это переживал, видимо, давно это во мне назревало. В общем мы были с ним очень несхожи, но детским умом такое трудно понять. В то же время мои родители, особенно папа, ценили свое знакомство со старшими Персицами. Те скоро переехали в другую квартиру, ближе к центру Москвы.

Даже первый праздник Дня Победы 9 Мая 1945 года наша семья праздновала в квартире Персицев. Но дальше связь между нашими семьями почему-то прекратилась.

Школьная жизнь изменилась. Если прежде нас опекал и проводил с нами занятия один педагог, то теперь по каждому предмету – специальный учитель. Появились новые предметы. Некоторые из них мне показались интересными, другие – скучными.

Донимала математика. Эти наливающиеся и опустошающиеся бассейны с водой с необходимостью подсчитать, за какое время они заполнятся или опустошатся, поезда-то идущие друг другу навстречу, то догоняющие друг друга. И надо было точно определить время, за которое что-то должно произойти, то же с мягущимися пешеходами. Это заставляло ломать голову, но не вызвало интереса.

Иными были уроки географии. Но в них были как интересные, так и скучные темы. Об уроках истории почему-то в памяти ничего не отложилось.

Совсем новым предметом оказался английский язык, но здесь, как кажется, дальше самых азов мы не продвинулись

На русском писали диктанты и изложения. Здесь обнаружилось, что пишу грамотно, но не всегда справляюсь с запятыми. Для уроков литературы надо было заучивать наизусть стихи. Это требовало времени, но не воспринималось как обременительное дело.

Не скажу, что уроки физкультуры приносили мне удовольствие. Но в голову не приходило, что можно каким-то образом от них освободиться.

Позабыл сказать, что с 1943 г. школы разделились. Мальчики учились в одних, девочки – в других. Этого не замечал до 9-го класса, когда эти создания вдруг стали вызывать у меня к себе интерес.

Пятый класс я всё же не закончил в той школе и через пару месяцев вернулся в 128-ю, ставшую семилеткой. И закончил с Похвальной грамотой.

Шестой класс. Робка

Шестой класс – это важное событие в моей жизни. Видимо, подрос, стал внимательнее к своим одноклассникам и даже предпринимал некоторые шаги, чтобы спокойнее чувствовать себя. Опять

же приобрел друга, с которым были вместе в последующие школьные годы – Робку Шнейдера.

Мы с ним учились вместе еще в Первом, Втором и Пятом классе, но подружались только в Шестом. О нем могу бесконечно рассказывать. По-доброму влияли друг на друга. Всегда было чем поделиться. Не замечая того, развивали друг друга, общались не только в классе, но и гуляли вместе по улице Горького. Вместе ходили в кино, книжные магазины, в баню. Пили газировку за копейку. Я часто бывал у него дома.

На уроках постоянно перешептывались, обменивались мнениями. Робка, просто не мог не пошутить, а я с удовольствием слушал его шутки, подкалывания.

Однажды это чуть не послужило причиной оказаться выставленным из класса. Учитель говорил о словах, обозначающих время. Как только было произнесено слово «будущее», я услышал шепот «будующее». Мгновенно хохот чуть не разорвал меня. Всеми силами старался его задавить. Пришлось даже обеими руками зажать рот. Беззвучно несколько минут трясся. Обошлось!

Мы оба с ним оказались любителями книг Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Цитаты из этих сокровищниц сатиры и юмора из нас так и «сыпались». Оба были поклонниками Александра Вертинского. Напевали его шедевры, хотя обоим «медведь наступил на ухо», да и на голос тоже.

Робка беспрестанно мурлыкал: «Да, что ж ты, Машка, задаешься...», или «Служил на заводе Серенька-пролетарий, Он в доску был сознательный марксист...», «Кирпичики». Мы оба любили песни в исполнении Петра Лещенко «Татьяна, помнишь дни...», «Всё, что было...», «Скажите, почему...». Знали, что они запрещены, поскольку Лещенко был белоэмигрантом. Но это нас не трогало. Они нас завораживали! Я не подпевал, просто получал радость от друга.

Оба знали мат, но применяли его в разговоре крайне редко, так чтобы четче что-то определить, назвать, но только между нами. Я, вообще, не люблю произносить грубые слова, особенно, если речь идет о человеке, но мысленно, про себя, если таким его считаю, называю таким словом.

Позднее помогали друг другу научиться танцевать. Короче, стоит только представить себе, что мы пять лет почти ежедневно встречались и значительную часть дня проводили, касаясь друг друга плечами, как становится ясно, что для меня означала эта дружба! Мы вдвоем наслаждались жизнью!

Обстановка в классе

В нашем классе было немало хулиганья, правил «закон сильного», ничего не стоило стукнуть более слабого, а над некоторыми просто измывались. Понял, что надо что-то придумать, пока не стал парией (не уверен, что тогда знал это слово, но его смысл – вполне).

Перед нами сидели два паренька – Егоров и Мухаммедов, тоже малорослые. Договорился с ними, конечно, и с Робкой, что, как только кого-нибудь из нас начнут обижать, остальные сразу набрасываются на него и валят на пол.

Вскоре так и случилось. Не помню, кого из нас «задели», но этот способ применили. И в классе это поняли. За весь учебный год ни одного из нас «не тронули».

Вместе со мной в классе оказался Генка Рождественский. И тут проявилась его враждебность ко мне. Он решил надо мной поиздеваться. Как-то на переменке мы с ним одни остались в классе. Он начал говорить мне что-то обидное. Припомнил даже нашу скатерть и что-то еще, что ему показалось смешным или нелепым.

Я на это не реагировал. Тогда Генка схватил тряпку, которой вытирали школьную доску, и швырнул ее в меня. Я сидел на своей парте, передо мной лежала раскрытая тетрадь. Тряпка упала на нее и размазала страницу.

Я не выдержал, вскочил из-за парты, подбежал к нему и ударил его по щеке. После этого вернулся на свое место и даже зарыдал. Но после этого он меня сторонился и забыл думать, чтобы связываться со мной.

Хватит об этом. Лучше написать что-нибудь об уроках. Запомнился мне учитель русского языка. Он вел себя как-то не так, как другие учителя. То-ли видел в нас уже нормальных людей, то-ли хотел как-то приспособиться к нам или существовала другая причина, но я это почувствовал.

Подчас бывало писал на доске какую-либо фразу, вроде: «Пятак упал, звеня и подпрыгивая», когда растолковывал нам, что такое деепричастие и как надо его выделять. После этого обращался к классу и просил привести аналогичные примеры. И этот метод успешно действовал. Даже тот, кто обычно не обращал внимания на учителя, оживал и тянул вверх руку, чтобы ему дали слово.

К сожалению, этот человек вскоре исчез. Но у меня в памяти он сохранился, а о других учителях вспомнить не могу.

Револьвер

Как-то в классе случилось нечто ужасное. Среди одноклассников было несколько человек явных хулиганов. Двое из них, по возрасту они были явно старше нас, и отличались уже какими-то воровскими замашками. Видел, как один из них вынул из кармана комсомольский билет и стал рассуждать как его стоит использовать. Вроде того – чтобы взять под залог билета на прокат лодку и или сделать что-то подобное. Разговор происходил на перемене. Я почему-то оставался в классе и ненароком это услышал.

В другой раз услышал за спиной звук выстрела. Сразу понял, что это такое, поскольку не раз в кинофильмах они раздавались. Но даже не повернулся. И тут же об этом забыл. Дальше произошло следующее.

Начался урок, учитель вызвал одного из них к доске и попросил его что-то рассказать. В это время в класс вошел директор школы, все вскочили, он махнул рукой, чтобы урок спокойно продолжался и сел за парту на пустое место. А оно оказалось местом того, кто стоял у доски.

Я сидел где-то недалеко и мог видеть, что сделал директор. Тот почему-то вытащил из парты сумку отвечающего, порывлся в ней, а потом прервал урок и громко спросил: «Где спрятан револьвер?»

Большинство одноклассников ничего не понимали, а парень у доски пожал плечами – дескать, не знаю, о чем идет речь.

Тогда директор попросил опустить одну из трех скатанных оконных штор. Ничего не понимающий пацан, сидевший около того окна, сделал это. Ничего не произошло.

Тогда директор указал пальцем на соседнюю штору. В этот момент стоявший у доски нервно вздрогнул, а из шторы с громким стуком вывалился револьвер. Директор положил револьвер в карман и пригласил «стоявшего» и его приятеля пройти в свой кабинет. Больше я этих ребят не видел. Урок продолжался.

А на следующий день разыгралась новая история. Главный классный хулиган, по фамилии Котляров, закричал на вошедшего в класс Рождественского: «Зачем ты это сделал?», но не ударил его. Генка сразу «смылся».

На другой день в классе перед уроками появился какой-то здоровый парень и попытался сурово поговорить с Котляровым. У него моментально появилась во рту пена и с громким криком «А ты – вор?» он бросился на этого парня. Тот попятился и исчез. Больше Рождественский в классе не появлялся.

Из разговоров одноклассников я узнал, что когда Рождественский после выстрела ушел (он часто покидал класс из-за занятий музыкой), то рассказал директору о происшедшем и даже о том, где был спрятан револьвер.

О Рождественском намного позже услышал, как о выдающемся дирижере и вообще человеке весьма демократических взглядов. Втайне даже немножко гордился, что был его одноклассником и даже повздорил с ним. Но это всё случилось так давно, хотя и было правдой!

Котляров продолжал спокойно учиться. Более того. В то время, вернее немного раньше, в кино появился фильм «Новые похождения Швейка», где его роль блистательно сыграл Борис Тенин.

Котляров прямо-таки загорелся идеей поставить в классе этот спектакль. И добился этого. Разумеется, кривлялся в роли Швейка.

Меня тоже к этому привлекли. Размахивал половой щеткой в качестве его служанки. Возможно тем самым заслужил одобрение Котлярова.

На мое счастье, он остался в Шестом классе на второй год, и мы больше с ним не общались.

К этому стоит добавить, что подчас на школьном дворе участвовал в некоторых играх своих одноклассников.

Первые самостоятельные шаги

Шли годы, мое поколение понемногу взрослело. А война всё шла и шла, конца ее не было видно. Но после освобождения Орла и Белгорода в Москве начались артиллерийские салюты в связи с той или иной победой. Сначала, заслышав по радио торжественный голос Левитана, хватал пальто и шапку и спешил на станцию метро, чтобы добраться в центр к началу салюта. Тогда успевал выскочить из метро на площади Свердлова и услышать последние залпы салюта и фейверк. Но потом всё же оставался дома и наслаждался гремящим голосом Левитана.

Как-то без особых разговоров стал самостоятельно ездить на троллейбусах и метро, или, по просьбе бабушки, ходить в булочную и в молочный магазин (здесь главным для меня было не потерять продовольственные карточки), в книжные магазины и т. д.

Вообще, не помню случая, что бы в нашей семье когда-нибудь велись разговоры в духе: это можно делать, а это – нельзя. Всё происходило, как-то естественно. Пока был маленьким, выходил из дому только во двор, немного подрос – отправлялся куда-нибудь с поручением. А потом стало ясно, что на улице не попаду под машину, не ввяжусь ни в какую историю, да сам стал по-

нимать, как надо себя вести. Правда, когда шел к Робке или отправлялся куда-нибудь еще по своим делам, предупреждал об этом бабушку, чтобы она не беспокоилась. Вот и всё.

В общем, почувствовал, что самостоятельные поступки – это стоящее дело! Проявился интерес к тому, что происходит вокруг и за рубежом.

По утрам, перед уходом в школу, слушал по радио «Утреннюю зорьку». Читал «Пионерскую правду» – эту газету мне выписали, и, вернувшись из школы, с удовольствием вынимал ее из почтового ящика. Одним словом, жил сегодняшним днем!

По-прежнему основной радостью было – «уткнуться» в книжку и на время позабыть обо всем. Книги просто «глотал» глазами. Читал, даже перечитывал тома любимых авторов. Как-то случайно увидел у кого-то «Три мушкетера» Александра Дюма. Выпросил на пару дней. «Проглотив», понял, что погибну, если не получу продолжение этого романа. Увы, оно попало мне в руки только годы спустя.

Разумеется, старался читать о войне. Хорошо помню, что первой напечатанной а тот период повестью оказалась книга «Судьба Тараса». Но в интернете не нашел ни фамилии ее автора, но вообще – упоминания этой книги.

Стихи о войне, (такие пронзительные, как симоновские «Ты помнишь, Алеша, дороги...», «Жди меня») не только читал, но и выучил наизусть.

Кроме того, из фильмов того года, посмотрел «Актрису», «Антошу Рыбкина», «Секретаря райкома», вышедшие чуть раньше кинокартины: «Воздушный извозчик», «Два бойца», «Жди меня», «Она защищает Родину», «Фронт», некоторые «Боевые киносборники» и какие-то другие, посвященные войне и героизму советских людей.

Пожалуй, этим и ограничусь, рассказывая о своей школьной жизни в тот год. Однако гораздо важнее стало то, что в том году наша семья увеличилась!

Четвертый внук Веры Абрамовны

Примерно с весны 1944 года мама стала мне намекать, что готовит мне большой сюрприз. К тому времени фигура ее заметно изменилась. Я был достаточно начитан, чтобы представить себе дальнейший ход событий.

Но случившееся превзошло все мои ожидания! В двадцатых числах июля папа привез ее домой со свертком, завернутым в одеяло и бережно прижатым к груди. Когда на столе, на заранее постеленных одеяле и пеленках, осторожно развернули этот сверток, там оказался крепко спящий малюсенький человечек. Я почувствовал, как мое сердце быстрее забилося!

Перепеленав это чудесное создание в новую пеленку и одеяло, мама доверила мне поддержать это сокровище. Это было великолепно!

Опускаю описание дальнейшего, оно и так понятно! Упомяну только, как решили назвать младенца. Папа сказал, что следует его назвать Георгием. Все были согласны. Но я представил, что в обиходе моего брата станут называть Егоркой или Жориком, и это мне не понравилось. Не скажу откуда, у меня выплыло другое домашнее имя – Гарик. Выпалил его, мама, папа и бабушка согласились. Итак, с 21 июля 1944 года у меня появился еще один близкий родной человек – брат Гарик!!!¹

Сразу безоговорочно полюбил без памяти это существо. Всё, что он выделявал, было жутко интересно! Почему-то улыбался во сне, почему-то пищал, только что раскрыв глаза? Почему-то его маленькие пальчики всё время сжимались, будто бы он что-то схватил? Не удержавшись, подносил к его пальчикам свой палец.

¹ Впрочем, Гарик в своем письме замечает: «Что уменьшительное мое имя Гарик появилось в семье от фамилии посла США Гарримана – мне говорила баба Вера и мама». (Из письма Гарика Фреду от 23 сентября 2020). Не оспаривая мнение брата, скажу только, что очень хорошо помню то обсуждение и свое предложение.

И малец сразу же его обхватывал. Даже, когда он, лежа на спине, вдруг писал, почему-то эта струйка превращалась в фонтанчик? Почему эта струйка была почти горячей?

Мне нравилось даже менять описанную им пеленку и заворачивать его потом в новую. Правда, мне доверили совершать эту процедуру отнюдь не сразу.

Понятие инстинкт я уже знал и понял, что всё, что это чудо творило, было инстинктивным.

Сейчас я, конечно, не дивлюсь этим нахлынувшим тогда на меня чувствам, поскольку понимаю их причины, но это всё возникло спонтанно, неожиданно для меня и вполне естественно. Судьба явно улыбнулась мне и в тоже время преподнесла неслыханный подарок!

Не осознавая того, я немедленно взял это существо под свою защиту и был счастлив, что-то делать для него. И на меня сразу же возложили важную миссию – ежедневно ранним утром сходить на Лесную улицу и получить для него в окошке детской молочной (одну или несколько, не помню) бутылочку с молоком или кефиром и т. д. Это происходило до того, как отправлялся в школу. Мне такое задание очень нравилось.

С тем же чувством радости смотрел, как малыша купали в ванночке, затем обтирали мягким полотенцем и заворачивали в пеленку и одеяло. Позднее в этом процессе активно участвовал. Любовался его носочками, трусиками, рубашечками.

В мое сознание крепко запала мысль, что мои руки должны быть чистыми постоянно, а это было весьма не просто. Чернила в школе, или, когда делал уроки, так и «норовили» осесть на них своими брызгами.

В общем, всё, что происходило с Гариком, оказалось для меня крайне важным делом! Ни тени ревности, поскольку он стал главной заботой и центром семьи, у меня тогда не возникло, да и мне это это стало ясным сразу!

Что же говорить о моей радости, когда он смог сам повернуться на спинку, держать голову, позднее сесть на попку, и дальше, дальше! А когда его взгляд стал осмысленным, когда произнес первые в своей жизни слова, и начал понимать, что ему говорили! А когда осознал, что он как-то выделяет меня и хочет от меня чего-то!

Баюкать его, раскачивать его кроватку, чтобы успокоился, не пищал, а засыпал, не было для меня обузой. Ни разу не проснулся ночью от его плача. Причина могла быть в моем крепком сне.

Возиться с ним, тетешкать его, что ему втолковывать, внушать и знать, что он также понял тебя – что могло быть прекраснее! В общем, опять не осознавая это, ощущал, что на всю жизнь получил любимого человека, частицу самого себя!

Мама это прекрасно знала. И в каждый день моего рождения, сперва подносила его ко мне, затем подводила, как лучший в жизни подарок, который сделала мне!

Писать о маленьком Гарике и своем отношении к нему мог бы еще очень много, но вряд ли это надо делать. Это и без лишних слов понятно! Вместе с ним я вырос, испытывая постоянно внутреннюю радость и ощущение, что стал зрителем и участником постоянного праздника своей души! Жизнь моя изменилась навсегда!

Бедная дача!

Другим событием, которое произвело на меня совершенно иное впечатление, оказалась поездка на дачу. Когда увидел, в каком виде она предстала перед нами, просто обалдел. Ничего не осталось от забора, посадок, клумбы, грядок. Дача стояла с ободраным цоколем. Исчезли доски, которые его прикрывали. Внутри была совершенно пустой. Даже единственная сосенка испарилась

Возле дома наискосок – протоптанная тропинка, пешеходы предпочитали по ней сворачивать с переулка на Советскую улицу и тем сократить свой путь домой.

Бабушка сразу поняла, почему это всё случилось. Более того, узнала, кто это сделал и сказала об этом мне. Через узкий переулок за высоким забором находился другой деревянный дом. Его владелец выглядел настоящим кулаком, каких рисовали карикатуры «Крокодила». Всегда с надетой на голову кепкой, усатый и с небольшой бородкой. Рубашка навывпуск, подпоясанная узким ремнем, в сапогах. Внешний вид говорил об этом человеке весьма красноречиво. Мы так, между собой и называли его.

Бабушке рассказали, что все доски и наш забор пошли на топливо. К дому он подогнал грузовик, в него перетащил всю нашу мебель. Пойти к нему и потребовать мебель назад и возместить потери означало лишиться дачи, поскольку он ее бы запросто поджег. В последующие дни и месяцы не раз приходилось видеть этого негодяя, но молчал во избежание беды.

Сгнули наши соседи по даче. Их комнаты оставались закрытыми, но попользоваться их половиной участка в голову не приходило. На своей тоже ничего не делали.

Для меня – все эти неприятности послужили важным уроком. «Козла спереди бойся, коня сзади, а злого человека со всех сторон!»

Но дача всё же осталась дачей. Перевезли туда какую-то мебелишку. Воду приносил из общественного колодца соседского дачного коллектива. Опустевший участок даже иногда служил футбольным полем. Словом, летом там жили, не тужили!

Война закончилась!

Вот и перешел в Седьмой класс, почему-то ничего о школьной жизни мало что вспомнилось. За исключением одного – весной несколько человек, в том числе и меня, отвезли в райком комсомола и всех приняли кандидатами в ВЛКСМ.

А война тем временем закончилась. Осознавал, что произошло великое событие! Но мое осознание носило всё же умозрительный характер. Неприятно это сознавать, но было так. Наверное

потому, что не ощутил реально, что такое война! Не видел своим глазами, какие она принесла бедствия и гибель многих миллионов людей. Хотя знал, что отец пережил тяжелое ранение, но когда мы с бабушкой приехали в Москву, воспринимал это как далекое прошлое. С годами пришло понимание, что победа в войне для меня означала возможность жить вообще, и всё, что в дальнейшем произошло со мной и моими близкими, стало результатами той великой победы!

Тогда же всё воспринимал иначе, как почти четырнадцатилетний мальчишка. Помню, что меня расстроила неудача – не удалось участвовать в демонстрации в день празднования Победы. Отец уже демобилизованный с военной службы и работавший тогда в Управлении архивов, взял меня с собой. На определенное место для сбора колонны будущих демонстрантов мы поехали на метро.

Еще на станции Белорусский вокзал с трудом втиснулись в вагон поезда. А когда приехали на станцию, на которой надо было выходить из метро, толпа в давке у эскалатора, поднимающего людей вверх, нас разметала в разные стороны. Мы потеряли друг друга.

Тут я просто сглупил. Остался стоять вблизи эскалатора и простоял там примерно полчаса, после этого отправился домой. Не догадался подняться вверх, где, как оказалось, папа напрасно ожидал моего появления.

Впрочем, из-за сильного дождя демонстрацию отменили и состоялся только военный парад. Люди, собравшиеся на установленных заранее местах, чтобы затем колоннами пойти на Красную площадь, были вынуждены разъехаться по домам.

Тогда не придавал значения собственной нерасторопности. К сожалению, подметил позднее за собой, хотя осознал это лишь при подготовке данного текста, что в таких неожиданных случаях теряю свою сообразительность и редко принимаю правильное решение. Это обидно, но это – факт.

И еще – испытал просто ужас, оказавшись в давке. С тех пор стараюсь не попадать в большую толпу людей, хотя иногда такого не избежать.

Неполадки в семье

Возвращаясь к состоянию души и своему настроению в то время, вынужден рассказать о том, что случилось в нашей семье. Хотя осознал и оценил это, так сказать «задним числом». Мои отношения с отцом ухудшались.

Не могу простить себе, что не понимал и не думал о том, как это переживала мама. Она мне ничем это не показала. Спасибо, что в это не вмешалась, но не знать этого и не страдать при этом, не могла. Теперь мне горько сознавать это, но ничего исправить уже нельзя!

Конфликты с отцом тогда возникали часто. Раздумывая над причинами этих ссор, должен признать, что внутренне, неосознанно, ставил ему в вину отсутствие в моем детстве и не воспринимал его попытки подчинить меня, заставить слушаться.

Но бабушка всегда была на моей стороне! Полагаю, для этого у нее были свои веские причины. Не позволяла обижать своего внука, и в глубине души не простила Игорю прошлых страданий своей дочери. Наконец, это мне не раз она сама говорила, – обижалась на то, что отец «палец о палец не ударил», чтобы привести дачу в нормальный вид.

Теперь попытаюсь объяснить его отношение ко мне.

Дальнейшие раздумья привели к уяснению того, что вообще отец меня не любил. Да и как можно полюбить забалованного незнакомого паренька, которого ты не тискал младенцем, не убаюкивал в постельке и не вырастил сам?

Выводы, к которым пришел, меня привели в шоковое состояние! Сначала наивно пытался связать их с тем, что отец привык к военной дисциплине, и ему было отвратительно само по себе неповиновение, а тем более еще и сопротивление его требованию.

Но меня только сейчас осенило: после рождения Гарика я ему просто стал ненужен и он искал способа от меня избавиться. Сохранив при этом, свою семью, а особенно жену. И повод к этому нашелся.

В стране создавались Суворовские школы, в которых ребят готовили к армейской службе. Красивая форма одежды, проживание в школе-училище, то есть вне своего дома, заинтересовали меня. Отец это знал и в разговоре со мной эту идею поддержал. Но через некоторое время о возможности моего поступления в Суворовское училище разговоры прекратились. Я не понял, почему так произошло и вообще оставил эту мысль. Теперь ясно почему – мама втайне от меня решительно ее пресекла.

Возможно, кто-то с таким объяснением не согласится. Но теперь я думаю так.

Глава восьмая

НОВАЯ ШКОЛА

Восьмой «В»

Поскольку 128 школа являлась семилеткой, мы с Робкой перешли в 127 среднюю школу. Она располагалась в Тишинском переулке. Пешком расстояние от дома до школы преодолевалось за 15–20 минут.

Когда 1 сентября вошел впервые в Восьмой «В», удивился, как мало в нем оказалось ребят из 128 школы. Могу ошибиться, но в памяти, помимо нас с Робкой, только Сергей Егоров, Юра Трушин, Фима Бесноватый да Вадим Шевлягин. Он жил как раз в нашем доме, где точно, не знаю. Предполагаю, что в той части большого корпуса, которая выходила своими окнами во второй двор и на Александро-Невский переулок. Мы с ним отнюдь не дружили, но и не враждовали. Просто каждый из нас существовал, как бы в своем мире.

С Фимой Бесноватым учился вместе в первом и втором, пятом и шестом классах. Тогда немного общался с ним, даже бывал у него дома. Дружбы между нами не возникло по одной причине. Мы тогда обменивались книгами для чтения. Но оказалось, что, дав ему почитать книгу, обратно ее не мог получить. Это я выяснил после того, как он внятно никак не мог ответить, куда пропали две книги, которые дал ему почитать. Вернее, сначала – одну, потом – вторую, название которой хорошо помню – «Новый швейцарский Робинзон». Она была в числе тех книг, которые появились у меня в 1941 году.

Пришел к нему домой после уроков и спросил, где мои книги. Он ничего не мог мне членораздельно сказать. Я просто «озверел». Взял у него какую-то книгу, наверняка хорошую, и сказал ему: «Верну ее тебе только тогда, когда отдашь мои книги». И ушел.

После этого с ним не разговаривал, хотя мы еще много лет оставались одноклассниками.

И еще одно наблюдение первого дня – в классе не было ни одного человека, выглядевшего как шпана. Это порадовало. Подобных типов насмотрелся в прошлой школе.

Иногда казалось что к нам предъявляли довольно жесткие требования – не появляться в школе лохматыми, носить на голове небольшую прическу. Позднее догадался, в чем была причина, волосы на голове должны быть коротко острижены. Тех, кто этому не следовал, стригли прямо в классе. Одним из них оказался Сережа Егоров. А причина заключалась в том, что боролись со вшивостью, а также в том, что старались приучить учащихся выглядеть прилично.

Удивило новшество: уроки предметных дисциплин (физику, химию, биологию, может быть какие-то еще) проходили не в своем классе, а в соответствующих кабинетах. За краткую переменку надо было успеть добраться, захватив портфель (сумку) в этот кабинет, который подчас располагался на другом этаже и на противоположной стороне коридора. Приходилось поторапливаться.

Классным руководителем у нас оказался военрук школы. Мы просто вытянули выигрышный билет. Он не «доставал» нас, не читал нравоучений, не устраивал классных собраний, чтобы кого-нибудь «пропесочить». Мы практически его в этом качестве не ощущали. Тем не менее, был в курсе наших дел. На первом родительском собрании дал каждому ученику, как это я выяснил позже у родителей, весьма точную оценку.

В новом классе притирание друг к другу и выделение неизбежных групп и группок по взаимной симпатии, интересам, либо

еще по каким-то моментам, заняло некоторое время. Но не привело ни к каким неприятностям, возникновению соперничества.

Как обычно, старались подсказать тому, кто был «вызван к доске», если становилось ясно, что «плавает», списывали друг у друга и прочее, что было обычным в школе.

Ну и как часто бывает, появился человек, над которым подтрунивали, но всерьез не обижали – это был Сережа Шульман. Через много-много лет встретил его на улице и он с гордостью сказал мне, что стал детским врачом.

Я поначалу оказался в непривычной ситуации. В Москву с дачи вернулся один и даже прожил в одиночестве несколько дней. Погода стояла хорошая и взрослые вместе с маленьким Гариком оставались еще на даче. Естественно, обо мне позаботились, еда у меня имелась

Решил использовать такую возможность. После школы отправился на рынок и накупил соленых огурцов. Соответствующие последствия не замедлили сказаться – несколько дней промаялся, но всё, в конечном счете, обошлось благополучно. Зато этот урок «самостоятельности» запомнил на всю жизнь.

Проступок

Другое оказалось весьма для меня неожиданным и печальным, а то, что совершил для его сокрытия столь недостойным, что стыдно до сих пор. Но об этом расскажу, так как ношу стыд за это в душе и отнюдь не хочу себя идеализировать.

Когда раскрыл розданные листочки текста первого диктанта, написанного под диктовку учительницы русского языка и литературы Анны Иосифовны, увидел в конце его черную, жирную двойку. Ощущение было таким, что меня ударил разряд электри-

ческого тока. До этого никогда за диктант не получал даже тройку. Обычно – четверку из-за пропуска одной или двух запятых, иногда даже пятерку.

Когда урок закончился, подошел к учительнице и сказал, что такого у меня никогда не было. Она спокойно ответила, что это можно будет проверить. Почувствовал, что она мне не верит, но всё же даст мне возможность исправить ситуацию.

Через пару дней по окончании уроков Анна Иосифовна сказала мне, чтобы остался в классе и устроила диктант. Но на меня в тот момент просто что-то нашло. Многие слова диктанта почему-то ставили меня в тупик, был не уверен, что их правильно написал.

И результат был соответствующим. Учительница, подчеркнув все допущенные ошибки, молча протянула мне текст. В ее глазах даже увидел что-то похожее на торжество. Был морально просто раздавлен.

В классе за ту четверть состоялся еще один диктант, за который получил тройку. В итоге, когда развернул выданный каждому табель с отметками за первую четверть, там в графе русского языка красовалась двойка!

Я просто не мог принести такой табель домой и дать его подписать маме! И решил заменить этот табель. Достать чистый – проблем не составило. Заполнил его, вписав вместо двойки тройку, и отдал маме на подпись. Она подписала, даже не пожурив меня за единственную тройку в таблице.

И весь учебный год пришлось использовать эту фальшивку, подделывая в нем подписи мамы и классного руководителя. Внешне всё обошлось. Кстати, в следующей четверти в настоящем табеле по русскому языку стояла тройка, а за две другие – четверки.

Но в душе было тошно. Со временем это всё забылось. Но вновь ощущение стыда всплыло, когда сел за компьютер и решил написать эти воспоминания. Понял, что обо всем рассказать необходимо, и тем очищу душу от этой грязи. Не хочу уносить ее с собой!

Наши Титаны

Буквально с первых дней учебы стало ясно, что в классе два «закоренелых» отличника – Саша Дасковский и Леня Поспелов. Они получали только пятерки и по всем учебным предметам! Но между ними не было и тени соперничества. Любопытно было также то, что у каждого был один близкий друг, сидевший на той же парте. У Саши – Алик Либкинд, у Лени – Вова Овсянников.

Оба мне очень нравились, с обоими было приятно общаться.

Внешне – они были красавцами. Леня – с прямой осанкой, широкоплечий. Волосы на голове карие, глаза ясные, нос и рот просто классического типа.

Характер – спокойный, вел себя всегда корректно, дружелюбно. Охотно разговаривал со мной, объяснял непонятное, но не был навязчивым. Как-то хорошо хохотал над уместной шуткой. Словом, был весьма привлекательным.

Саша – с тонкими чертами лица, черноволосый, худенький, невысокий, по моим представлениям, был олицетворением таланта. Он преуспевал по всем предметам. Учитель не успевал окончить свой вопрос классу: «Кто может...?», как взметалась вверх сашина правая рука.

Также был спокойным внешне, но просто сдерживал желание вмешаться в спор и обосновать правильное решение.

Дружелюбный человек, готовый поделиться с каждым своими знаниями. Когда мы писали сочинения на заданную тему, подчас умудрялся его текст написать стихами.

Из них двоих предпочел дружить с Сашей. Так и произошло позднее.

Теперь об их ближайших друзьях.

Володя – наша спортивная гордость – выше среднего роста, с литыми мускулами рук, эlegantен, всегда очень хорошо одет.

Руку пожимал крепко, но осторожно, чтобы не сломать.

Когда взлетал на спортивный снаряд, смотреть его выкрутасы – просто дух захватывало от восхищения.

В обращении с ребятами – всегда дружелюбен, находчив, улыбчив. От него просто веяло сердечностью.

Занимался в спортивной школе, со смехом рассказывал о случившихся там происшествиях.

Увидев его через много-много лет, был потрясен тем, что он следил за моими успехами, даже попросил книгу на память, но почему-то эту просьбу не смог выполнить. Больше его не встречал.

Алик – тоже здоровяк высокого роста, обаятелен и дружелюбен, непрочь пошутить, но не обидеть при этом адресата шутки. Внешней красотой не блистал, но с его лица не сходила улыбка. Любил компанию.

Его родители были химиками, поэтому в их доме имелся спирт. Как-то мы вдвоем – Робка и я – решили отправиться в баню. Предварительно Алик затащил нас к себе домой и угостил каждой рюмкой неразведенного спирта

Я через силу проглотил эту жгучую и противную жидкость. Поперхнулся и долго кашлял. Язык и небо горели!

Дальнейшее помню смутно. В баню добрались, помылись, а когда покинули ее, обнаружили, что на это ушло несколько часов. Была зима, по пути пришлось преодолевать снежную горку. На спуске Робка споткнулся и кубарем скатился вниз. Но одетый тепло, не ушибся.

Потом со смехом рассказали всё Саше.

К тому времени дружили вчетвером, так и продолжалось до окончания школы. К нам вскоре присоединился Олег Щетинин, учившийся раньше с Сашей и Аликом, но затем поступивший в Пехотное училище. Мы нередко собирались у него дома. А его мама, с удовольствием общавшаяся с нами, не упускала возможности пошутить так, что подчас не знали, куда девать глаза.

Олег тоже отличался веселым нравом, любил подшучивать, оставаясь дружелюбным, «своим». В общем, вполне вписался в нашу компанию.

В последний год учебы к нам присоединился Тадик Финкельштейн. Раньше он был alter ego Володи Овсянникова. Их тесная дружба, возможно продолжалась, возможно ослабела, не знаю.

Этот востроносый парень имел непростой характер. Мог весьма едко пошутить, не чувствуя, что обидел партнера. Был предельно честен и открыт. Ему не составляло труда высказать в глаза весьма нелестное мнение тому, с кем в данный момент разговаривал. Это я сам испытал неоднократно, но при том понимал, что за этими словами стояли его равнодушие, стремление убедить и предотвратить от неправильного шага.

Впоследствии на Хорошевке мы с ним оказались близкими соседями, дружили домами, но я решительно прекратил общение с ним после оккупации советскими войсками Чехословакии в 1968 году. Он тогда громогласно заявил, что ему спокойнее от того, что наши танки находятся в Праге, а не западногерманские. Я ему на это возразил, что версия о подготовке вторжения в Чехословакии военщины НАТО – просто ложь. А про себя решил, что моей ноги больше в этом доме не будет.

Жизнь класса

Постепенно всё образовывалось. На уроках литературы «проходили» Карамзина, отдали должную дань признания Пушкину. Зубрили его стихи.

Однажды к доске вызвали Егорова. Он должен был продекламировать «Я помню чудное...». Неожиданно Сережа вместо стихотворения запел арию Глинки. Что тут творилось!

На занятиях русским языком подчас писали сочинения, темы которых узнали лишь на этом уроке. Со мной произошел любопытный казус. Тогда «проходили» Грибоедова.

Из трех тем сочинений (одна из них была на «вольную» тему) нужно было выбрать одну. Я выбрал, примерно, такую – Московское общество по «Горю от ума». (Разумеется, это случилось не во время той злополучной первой четверти, а значительно спустя и при другой учительнице, которую звали Наталья Николаевна. При этом моя безграмотность исчезла, как «дурной сон».) Напи-

сал сочинение, получил четверку, а эти листики с текстом сочинения сохранил.

Через несколько лет, идя на один из экзаменов на Аттестат зрелости (то есть в конце Десятого класса), засунул за пазуху на всякий случай этот текст. И вдруг на доске увидел среди прочих то же название. Поскольку перед экзаменом просмотрел эти листики, хорошо помнил этот текст и без особого труда воспроизвел его заново. Осталось достаточно времени, чтобы проверить написанное. Затем с черновика переписал сочинение набело, перечитал на предмет опечаток и сдал. Получил «законную» пятерку.

А дальше получилось еще смешней. Этот текст отдал Гарику. И ему на каком-то экзамене тоже пришлось писать сочинение на ту же тему. И здесь моя рукопись пригодилась!

А вы, добрый читатель, небось, полагаете, что чудес не бывает. Бывают!!! В подтверждение этого могу привести массу примеров из собственной жизни.

На уроке химии ставили какой-то опыт. Пробирка, в которую Робка что-то насыпал, взорвалась. Но никто не пострадал.

На подобного рода мероприятиях всегда чувствовал себя «не в своей тарелке», ведь у меня обе руки были «левыми».

Также молча страдал на уроках физкультуры. С помощью физрука взобравшись на параллельные брусья, не чаял, как с них спрыгну.

А на турнике, дотянуться до которого мог тоже только тогда, когда физрук приподнимал меня, повисал как груша, не в состоянии подтянуться. Хотя однажды сумел перевернуться через брус вниз головой. И остался жив!

Маялся и на некоторых других уроках, но совсем по-другому чувствовал себя на уроках истории. Впрочем, свой выбор будущей профессии сделал лишь в Девятом классе.

Из жизни класса в памяти и на фото, осталось следующее. Решили все вместе сфотографироваться. Кто-то из нас притащил

свой фотоаппарат. Первый снимок – все нормально выстроились у стенки, видимо, использовали парты в качестве подставки для ног, поскольку образовались три ряда.

А затем один из нас (кажется, Овсянников, поскольку всегда норовил на снимках «корчить рожу») предложил каждому покривляться. С радостью выполнили это. Снимок может вызвать у зрителя представление о сумасшедшем доме.

Среди одноклассников было немало интересных ребят, с которыми приятельствовал. В том числе – Толя Ежов, прекрасный спортсмен, плавал как рыба. Другой – надежный и спокойный Витя Сорокин, остроумный и смешливый Вова Цимбал.

Этот любил «охмурять». В беседе плел всякую чушь, лишь бы заболтать и заставить с ним согласиться. Мне как-то раз взялся объяснить разницу между словами «Товарищ» и «Друг». Я понял, что надо всё выслушать до конца, и лишь кивал ему головой в знак согласия. После этого, предпочитал с ним общаться поменьше.

Ребята эти, да и другие, были вполне симпатичными, но дружил всё ж с Робкой, Сашей и Аликом.

Группорг

В классе существовала комсомольская группа.

При переходе из кандидата в члены ВЛКСМ было необходимо представить две рекомендации других комсомольцев, знавших кандидата не менее года, или от члена партии. Поскольку выпускники 128 школы не могли ни от кого получить две рекомендации, так как были новичками, рекомендации всем написала старшая пионервожатая, а вторую – кто-то в райкоме комсомола. Мой вопрос был решен иначе. Рекомендацию написал член ВКП(б) дядя Женя Труханов. Из нее узнал, что он в партию вступил аж в 1919 году.

Райком ВЛКСМ «прошел» без проблем, а потом школьное бюро комсомольской организации школы, неожиданно, назначило меня группоргом.

В чем состояла моя функция, не представлял себе. Попросил мне это объяснить тогдашнего секретаря бюро Сергеева. Он тогда учился в Девятом классе. Сергеев и его заместитель Павлов взяли шефство надо мной. (Инстинктивно пошел тропкой закоренелого бюрократа. Те тоже обязательно находятся «под крылом» начальства. В этом – секрет бюрократии, условие взаимной поддержки и возможности сохранить за собой должность, даже продвинуться вверх.)

Всё было весьма просто. Не допускать ничего неожиданного, неприятного, регулярно проводить собрания группы, а главное – обо всем информировать бюро. Пришлось так и поступить.

Запомнилось только одно собрание группы. Когда объявил о нем, ко мне подошел Юра Трушин и попросил разрешить ему отсутствовать на собрании по какой-то весьма серьезной причине. Я согласился.

Перед открытием собрания взглянул в боковое окно из него была видна часть двора школы. И увидел, что Трушин обманул меня и с азартом играет в чехарду. Меня обманул – это ладно, но путем обмана «смыться» с собрания!

Это меня так возмутило, что предложил Трушина за обман – исключить из комсомола. И все за это проголосовали.

К счастью эта глупая жестокость на этом и забылась. Но для меня она стала уроком.

Больше о своем группоргстве ничего не помню.

Развлечения

Серость учебных будней скрашивали как могли. Во дворе играли в футбол, для чего создавались две команды. Я становился одним из защитников. Видел свою задачу в том, чтобы, выбрав себе кого-нибудь из нападающих команды соперников, неуклонно мешать ему и не допускать, возможности забить гол в наши ворота.

Среди одноклассников лучшим футболистом был Адик Яхнич. Очень интересный парень, но всегда был как бы в стороне от всех. Был в приятельских отношениях только с одним одноклассником – Володей Мещеряковым. Знал, что у Адика отец адвокат. Ко мне относился неплохо. Однажды прочитал нам свое стихотворение о ребятах. Запомнил, что говорилось обо мне: «К урокам он всегда готов». Черт знает, как это трактовать, но это неважно.

В первом сыгранном матче неуклонно следовал за Адиком. И как только мяч оказывался у него, всячески мешал ему сделать удар. Но в следующей игре он легко «уходил» от меня и забил нам несколько голов. После игры поинтересовался у него, почему так не получилось. Ответ его меня удручил.

Адик сказал, что тогда я «подковал» его, то есть ударил по ноге и сделал невозможным быстро бегать. В пылу игры я этого не заметил. После этого избегал участвовать в футбольных сражениях, было стыдно, что так поступил. Впрочем, на наших отношениях это не сказалось.

Каждый, имевший в запасе что-то свое, интересное, спешил это выложить, показать, посмешить других. Особенно смешно это получалось у Юры Трушина. Он читал стихи и басни, жестикулируя, создавая для зрителей забавные картинки.

Стихотворение Пушкина «Узник» в его исполнении выглядело так: «Сижу за решеткой орел молодой...»

Произнося нараспев эти слова, он одновременно показывал руками: решетку – скрестив по два пальца руки, «орел молодой» – показывает орлиный клюв и мощно раскрывает руки, будто летает и сразу сгибает правую руку близко от земли.

Этого уже достаточно, все смеются.

Думал, что он пойдет по этой, артистической стезе. В Девятом классе – исчез. Позднее услышал от ребят, что он поступил в школу МГБ. А как-то вдруг появился. Вид его и поведение резко изменились. Вместо веселого и забавного паренька, каким его видел раньше, передо мной стоял совсем другой человек – спо-

койный, с каким-то колючим, пронизывающим взглядом. Никакого общения с ним не получилось. После этого ничего о нем не слышал, да и не интересовался.

Но самым главным из этих событий были вечера. К тому в зале школы появились девочки из соседней школы! И всё преобразилось! Ребята одели всё свое самое лучшее, ботинки начистили, все были взвинчены. Еще бы – девочки!!!

Лишь те, у кого были сестренки, оставались спокойными. Эка невидаль! Остальные явно нервничали.

Играла музыка, начинались танцы. А танцевать мало кто умел.

Приходилось жаться к стенке. Всё было весьма чинно. За этим строго следили учителя.

И одновременно с танцами шла игра в почту. Каждый прикрепил к куртке (пиджаков, как правило, мы еще не имели) номерок, а письмоносец следовал по залу, находя адресат, и вручал записку. Как-то раз он он остановился предо мной.

Волнуясь, раскрыл ее. В ней было ехидная фраза Робки...

Откровенно говоря, ни одного лица девочек тех вечеров не помню. В памяти только косички с бантами.

После этого мы с Робкой попытались сами научиться танцевать. У него дома был патефон и под его музыку, ритмично топтались, держа в руках по стулу. Никаких па не знали и в итоге ничему не научились

Но не это было главным. В нашу жизнь вступало что-то новое, незнакомое, прекрасное!

Девятый класс

Этот учебный год, пожалуй, стал наиболее примечательным в моей школьной жизни. Разнообразных событий в течение этого года случилось столько, что они в памяти просто вытеснили обычные календарные события. Представляется, что мы тогда

ощутили себя молодыми людьми и еще больше осознали радость бытия.

Прежде всего о Гарике. Он уже стал вполне разумным существом. Как-то раз взял его с собой к Робке. Возможно, что-то там ему не понравилось. В ответ на то, что старший брат Робки Миша стал нас уговаривать еще немного посидеть у них, Гарик ответил: «Нам уже пора!». Это вызвало общую улыбку и мы спокойно отправились домой.

Описывать свою жизнь в тот период начну с довольно незначительного события. Из старого отцовского костюма, перелицевав его, портной сшил новый костюм, но уже на меня.

Школа танцев. Школьные вечера

В школе для нашего класса была организована Школа танцев. Естественно все ребята с охотой начали этим заниматься. Высокого роста, статная женщина обучала нас этому делу. Сперва мы все под музыку ходили по кругу в нашем актовом зале. Она требовала от нас соблюдения ритма. Затем показала несколько па танцев и заставила нас многократно их проделывать.

Мне кажется, что занятия проводились раз в неделю. В один прекрасный день она объявила нам, что следующее занятие состоится совместно с девочками из соседней женской школы.

Нетрудно себе представить, с каким трепетом я ожидал тот урок. Он начался обычной проходкой по залу, затем в зал вошла колонна девочек, которая пристроилась за последним в нашей колонне и это круговое движение по залу продолжилось. Потом после ее команды как бы возникли два круга. Внешний круг составляли ребята, внутренний круг девочки.

Стоявшие друг против друга оказались парами, которые совместно разучивали исполнение бальных танцев. С этого момента можно было разглядеть не только лицо партнерши, но и получить общее впечатление об этих девочках.

Я бы не сказал, что они выглядели стройными красавицами, впрочем, возможно и мы, в их глазах, не были бравыми молодцами.

Лично я не был в восторге. Они не показались мне красавицами, той загадкой которая волнует и заставляет «выпендриваться». Правда, это было мое личное мнение и я даже с Робкой им не поделился.

И началось долгая и малоприятная, по моему мнению, стадия штудирования бессмысленных бальных танцев. Это были отнюдь не вальсы, полька или что-нибудь подобное. По-видимому, во время борьбы с низкопоклонством перед Западом где-то в верхах было решено учить молодежь классическим бальным танцам. Под медленную музыку партнеры двигались по кругу, затем останавливались, партнер кланялся своей партнерше, та жеманно перед ним приседала, после этого они церемонно менялись местами, и такое топтание, с несколько иными па, длилось в течение трех-четырех занятий.

Откровенно говоря, я от таких танцев не получал никакого удовольствия. Помучав нас этими танцами, преподавательница наконец приступила к тем танцам, которых мы ждали с нетерпением – вальсу, вальс-бостону, фокстроту и танго. Дело пошло значительно веселее. В конечном итоге я научился довольно неплохо вальсировать. Сейчас такое мне самому представляется неблизким.

Мне показалось, что моя партнерша, ее звали Галя, как и, партнерша Робки, довольно миловидное существо по имени Эльза, как тогда говорили, «положили свой глаз» на нас.

Галя явно старалась укрепить наше знакомство. Однажды мы с Робкой были приглашены к ней в гости. Там «случайно» оказался и ее дядя – прославленный Михаил Ефимович Катукон. Знаменитый генерал-полковник танковых войск, дважды Герой Советского Союза (он был тогда в штатском костюме), беседовал с нами по-дружески. Под чаек с удовольствием вспоминал танковые бои под Москвой осенью 1941-го года. Тот вечер «пролетел» быстро и интересно, но, мне кажется, с тех пор я Галю не видел.

С Робкой случилось совсем иное иное. Через несколько лет после окончания вуза, когда встретился с ним, после того, как он отработал три года где-то на Урале, Робка рассказал мне, что они с Эльзой даже поженились. Но их брак оказался недолгим, быстро перерос в скандалы. Во время одного из них Эльза назвала Робку «жидярой». Тот после этого бросил ее и они развелись.

Логичным последствием того, что мои одноклассники научились танцевать, стали и наши вечера. Ребята уже не стояли у стенки, а наоборот старательно вальсировали, выделяли с партнершами па танго, «откалывали» фокстроты. Впрочем, это ко мне не относилось. Привык к тому, что не вызываю интереса у девушек. Впрочем, отнюдь не подпирал стенку, всегда находил какое-нибудь занятие.

Театр оперетты

Весной того года у нас с Робкой появилось новое занятие. Театр оперетты располагался на Большой Садовой улице, недалеко от метро «Площадь Маяковского». В антрактах часть публики выходила из театра, чтобы покурить. При возвращении в театр им не нужно было предъявлять свои билеты.

Мы с Робкой использовали это, чтобы к концу антракта вместе со зрителями проникнуть в театр. Выждав, когда зрители уже заняли свои кресла, мы усаживались на пустые места и таким образом пересмотрели массу спектаклей театра, но со второго действия.

Особенно запомнились оперетты «Сильва» и «Морица» Имре Кальмана. В этом театре было много прекрасной музыки, красивые и талантливые артисты, среди них выделялся Григорий Ярон, одно появление которого на сцене вызывало бурные аплодисменты.

Авантюрное проникновение в театр щекотало нервы. Мы, разумеется, совсем не думали, что могло произойти с нами, если бы контролер потребовал предъявить билеты, а удовольствие получили огромное.

Из наших приключений того времени вспомнился один эпизод. В один из вечеров мы вчетвером отправились на прогулку по улице Горького. Когда вышли на площадь Пушкина, в голову кому-то запала мысль, а не попить ли нам пиво. Пересекли улицу Горького и зашли в пивной бар. Заказали по кружке пива и немного сыра. С удовольствием распили пиво, съели сыр. Подошло время расплатиться. И тут оказалось, что в карманах у каждого из нас была какая-то мелочь, которой не хватало для оплаты. Я предложил быстро съездить домой и выпросить у бабушки немного денег. Все это одобрили. А поскольку к нам подошел официант для расплаты, Сашка попросил принести еще по кружке пива. Пока ребята, не спеша распивали его, я на троллейбусе съездил домой (это заняло минут двадцать, от площади Пушкина до пересечения улицы Горького с Грузинской улицей было всего 4–5 остановок троллейбуса). Бабушка, не задавая никаких вопросов, дала мне необходимое количество рублей, и, расплатившись с официантом, мы вышли на улицу Горького.

Эта история вполне показывает, как у всех нас обстояло с карманными деньгами, насколько мы были беззаботны и беспечны, полагаясь друг на друга, а вернее просто бездумны в своих поступках.

Будущая профессия

Тем временем занятия в школе шли своим чередом. Я окончательно убедился, что никакая другая профессия, кроме истории, меня не интересует. Физику просто больше не воспринимал.

Робка позднее заметил, что всё у меня развивалось нормально, и вдруг я заявил, что физику не понимаю и не хочу понимать.

Самое любопытное, что меня довольно активно поддержал наш историк Грановский (его фамилию напомнил мне Саша Дасковский). Как-то раз на уроке зашла речь о том, что означало положение о победе социализма в СССР. Никто из опрошенных не смог это объяснить. На вопрос, кто может сказать, я поднял руку, затем подошел к его столу и, повернувшись, как полагается, ли-

цом к классу, сказал примерно следующее. Если в 1924 году в СССР была многоукладная экономика, то после 1936 года остался лишь один уклад – социалистический.

Грановский сразу «влепил» мне пятерку, и сказал, что это ответ историка.

После этого стал меня выделять, даже пригласил вступить в созданный им исторический кружок. Я так и сделал и по его заданию написал доклад «Иван IV как дипломат». Для этого не раз съездил в молодежный зал Исторической библиотеки, прочитал там какие-то книги и написал этот доклад.

Но, естественно, красиво оформить это не сумел. Мне в этом помог Ленья Поспелов. Впрочем, Грановский на заседании кружка предложил зачитать свой доклад учащемуся из другого класса. Мне же объяснил, что мой доклад – это работа о дипломатии Ивана Грозного, в то время как должен быть доклад об Иване как человеке и дипломате.

Несмотря на это, доклад мне пригодился. На собеседовании с комиссией при поступлении на Истфак МГУ мне был задан вопрос, занимался ли я в историческом кружке. В ответ рассказал эту историю. Возможно, это повлияло на решение комиссии.

Склонность к этой профессии сказалась и в том, что, когда писал в классе сочинение на тему «20 лет спустя», представил себя археологом, вернувшимся в Москву из Египта после раскопок. Описывал свои впечатления о Москве, в которой долго отсутствовал, и своих бывших одноклассников, с которыми не виделся все эти годы.

Самое любопытное во всем этом, что учителя так и относились ко мне, как к будущему историку. И это проявлялось и в том, что мои глупости в отношении точных наук воспринимали весьма снисходительно.

Я понял это только сейчас, когда описывал школьные события того времени. Нашим классным руководителем тогда являлась преподаватель математики Наталья Васильевна Молчанова. Как преподаватель, она была с нами всегда строга, добивалась, чтобы мы действительно усваивали школьный материал. Как классный

руководитель, особенно в наши дела не вмешивалась и никаких проблем не создавала.

Начиная урок, всегда вызывала кого-нибудь к доске и спрашивала, о чем шла речь на прошлом уроке и что было задано прочитать в учебнике. И вот однажды таким образом вызвала меня.

Я накануне прочитал заданные страницы в учебнике алгебры, мне показалось, что запомнил, то, что надо было запомнить, и занялся другими уроками.

Но вызванный к доске, абсолютно не смог вспомнить, о чем шла речь. Такое со мной никогда не бывало. А Наталья Васильевна не вlepила мне двойку, а просто сказала, чтобы я сел на место и вызвала кого-то другого. Я сел за парту совершенно потрясенный. И понял, что нельзя доверять сложившемуся впечатлению, будто усвоил прочитанное. Надо мысленно произнести прочитанный текст и тогда станет ясно – усвоил его или нет.

Но дело было не только в этом. Если бы я получил двойку, это отразилось бы в отметке за четверть и так далее.

Тогда же только порадовался, что не был наказан, а теперь понимаю, что Наталья Васильевна имела и это ввиду.

То, что мы осознавали, каким человеком была Наталья Васильевна, свидетельствует и то, что позднее, когда мы уже разошлись по своим институтам, Сашка предложил навестить Наталью Васильевну. Он с ней созвонился и мы втроем (Сашка, Робка и я) с тортом пришли к ней в гости. Дверь открыла ее дочь (мне ее лицо было знакомо по Истфаку. Оказалось, что она – бывшая фронтовичка, в то время была студенткой Пятого курса Истфака). Вечер прошел очень тепло. Мы убедились в том, что Наталья Васильевна была нам рада.

Секретарь школьного бюро ВЛКСМ

Пишу об этом в конце главы, отнюдь не потому, что считаю это незначительным событием. Мне просто надо было рассказать сначала о том, что тогда особенно заполняло мою душу.

А стал я секретарем, наверняка потому, что Сергеев и Павлов перешли в выпускной класс и вынуждены были покинуть свои общественные посты. Также уверен в том, что моя кандидатура была согласована с Райкомом комсомола и директором школы. Иного быть не могло. Это понимаю теперь, а тогда над этим и не мог задуматься.

Понял только одно – из всех группировок предпочли меня и потому выдвинули на общешкольном собрании в состав будущего бюро, а на первом его заседании – на должность секретаря, то есть руководителя, школьной организации ВЛКСМ.

К моему счастью, в тот год не произошло каких-либо неприятных происшествий, подлежавших обязательному разбору на бюро и такому же реагированию. И с общими собраниями и их руководством не возникало проблем. Кто-нибудь обязательно кандидатурой в председатели называл Сергеева и хором – в секретари собрания Павлова. Дальше всё шло по накатанному пути.

Принимая у каждого комсомольца ежемесячные членские взносы (это были какие-то копейки), я научился лихо расписываться в комсомольских билетах. Проблему для меня составляла необходимость подсчитывать собранную гору мелочи, сверить получившуюся сумму с той, которая должна была получиться при умножении числа членов организации на один членский взнос. К счастью эти цифры всегда совпадали. Деньги надо было отнести в сбербанк и внести на счет РК ВЛКСМ Советского района г. Москвы.

Но серьезный «звонок» всё же получил. На перевыборной районной конференции сидел довольно близко к месту, где заседали бывшие руководители райкома. Один из комсомольских активистов выступал несколько раз с весьма нелюбезной критикой бывшего руководства райкома.

Сидевшая в президиуме конференции секретарь райкома сказала председателю, что надо было этого человека просто внести в список избираемых конференцией членов будущего райкома и тогда он бы не возникал с этой критикой. Она не рассчитала, что ее реплика станет известна в зале, но я ее услышал и получил представление о внутренней жизни комсомольской верхушки.

Школьные дела

Из названия главки вовсе не следует, что в десятом классе в моей жизни, да и жизни моих друзей, всё было подчинено подготовке к этим экзаменам. Что для этого было необходимо, мы делали, но поскольку в памяти остались преимущественно другие события, полагаю, что будущие экзамены не воспринимались как самое важное дело.

Однажды на урок истории вместо нашего учителя пришел директор Сергей Иванович Катков и сказал, что с этого дня – он наш преподаватель.

Вскоре я узнал, что Грановского арестовали. Напомню, то это был 1948 год. Грановскому, как мне представлялось, было тогда примерно 60 лет, а может быть и больше. Этаким довольно типичный полноватый, даже грузный, еврей. Естественно, что никаких разговоров, кроме истории, между нами не было. Но характерно то, что даже мы, друзья, об этом событии не говорили между собой.

И лишь после XX съезда КПСС узнали, что Грановский вернулся домой. Втроем (Сашка, Робка и я) навестили его. Он рассказал нам, что, когда его вместе с другими заключенными посылали на работу в тайгу, занимался тем, что подбирал хворост от срубленных деревьев. И так выжил. Собственно, мы его ни о чем и не спрашивали. Нам и, полагаю ему, было вполне достаточно самой встречи. При возвращении домой Робка мне шепнул, что его арестовали по доносу нашей «химички» Марии Ионовны.

Из школьных событий того времени мне вспомнился эпизод, связанный с занятиями физкультурой. Как и всем учащимся, нам полагалось сдавать на соответствующие нормы определенные физкультурные упражнения, в том числе и бег на определенное расстояние. И пробежать это расстояние надо за время, установленное нормативами. Помню, как нас собирали для этой цели на Стадионе Юных Пионеров.

Среди тех, кому это не составило труда, оказался Тадик Финкельштейн. Худой, поджарый, с длинными ногами он так частил ими во время бега, что любо-дорого было на это смотреть.

Я, разумеется, в нормы уложиться не мог. Для таких, как я, физрук назначил прийти в определенное время утром в школу, чтобы проделать эту процедуру.

Утром на месте встречи, помимо физрука, оказался лишь я. Он засек на секундомере секунду начала бега и я побежал. Прекрасно понимая, что всё равно не смогу уложиться в нормативы, всё же обежал весь маршрут. К моему удивлению, когда прибежал обратно, естественно, с серьезным опозданием, физрука на месте встречи не было. Но после этого никаких разговоров о необходимости передачи не возникало.

Собственно из школьной жизни вплоть до начала экзаменов больше ничего не приходит в голову.

Первые увлечения

Разумеется, в наших головах тогда мысли о девочках занимали всё большее место. Чтобы обратить на себя их внимание, мы пошли на такую глупость, как вчетвером, взяв волейбольный мяч, начали играть в кружок на расстоянии примерно пятидесяти метров от той женской школы, откуда девочки приходили к нам на бальные вечера.

Эта штука нам могла дорого обойтись. Сначала к нам начала вязаться местная шпана. Трое пареньков, к счастью для нас, отнюдь выглядевших сильнее нас, начали к нам вязаться. Причем их целью оказался самый невысокий из нас – Саша Дасковский. Тот как-то увильнул от них за спину одного из нас. Меня при этом немного удивило, что самый сильный из нас – Алик Либкинд молчал. Я не выдержал и, заслонив Сашу, спросил их, чего они, собственно, хотят.

А те, почему-то стушевались и исчезли. Мы еще несколько раз успели перебросить мяч друг другу, как возник милицейский патруль. Видимо, его вызвал кто-то из администрации школы.

Милиционеры вежливо, но настойчиво предложили нам пройти вместе с ними в отделение милиции. Там нас подвели к стойке дежурного. Он начал записывать наши фамилия и места жительства

Внезапно в приемной появился какой-то более высокий чин. Это было ясно, поскольку находившиеся в приемной милиционеры тотчас вскочили и встали по стойке «Смирно!». Тот взял у дежурного список, взглянул на него и задал вопрос, кем работают наши родители.

У меня мгновенно сложился ответ. Отец сравнительно недавно был назначен начальником Отдела в Главном Архивном Управлении. И я сказал, что мой отец является начальником Отдела в МВД. Архивное Управление входило в систему МВД. Естественно, что отцовская должность и должность начальника Отдела МВД – это «две большие разницы», но я решил, если начнут действительно проверять мои слова, «сыграть в дурочку».

Но выяснил, что попал «в точку». Милицейский начальник что-то шепнул дежурному и нас сразу отпустили.

Из других событий – наших взаимоотношений с девочками – стоит вспомнить еще одну историю.

Как-то к нам в гости приехала мамина сокурсница по МГУ Лиля Морачевская со своей дочкой Нонной. Нонна была моей ровесницей. У меня мелькнула мысль, что неплохо было бы свести мою компанию с ее подругами. Так и получилось. Мы встретились дома у подружки Нонны, поболтали, даже потанцевали. Алик и Нонна явно понравились друг другу, между ними даже возник роман.

Одна из подружек Нонны, занимавшаяся в музыкальной школе при консерватории, мне приглянулась. Поскольку при встрече мы все обменялись номерами своих телефонов, я ей позвонил и пригласил погулять. Она охотно согласилась.

Прогулка наша затянулась до глубокого вечера. Болтали о том, о сем. Заметил, что ее очень интересовала наша компания и она довольно много спрашивала меня о членах нашей четверки и взаимоотношениях друг с другом. Рассказал ей, как возникла наша дружба с Робкой, как мы сошлись с Сашей и Аликом.

О своих друзьях говорил очень тепло. Потом она довольно деликатно спрашивала меня о взаимоотношениях между Сашей и Аликом.

В ее вопросах не почувствовал никакого подвоха. Без обиняков высказал свое мнение, что Сашка, по моему мнению, является ведущим в этой связке. Собственно так оно и было. Прощаясь, договорились о следующей встрече.

Но на встрече на другой день меня ждала серьезная неприятность. Эта девушка довольно сухо объяснила мне, что общалась со мной по просьбе Нонны, которая просила ее разузнать у меня о нашей четверке, что он и сделала, что я вообще, оказывается, через нее попытался унижить Алика в глазах Нонны и что нам нет смысла дальше общаться. На том мы и расстались.

Разумеется, услышать о себе такое было весьма неприятно, но я отнюдь не сожалел о том, что случилось. Просто подумал, что мы с ней и без того бысто прекратили бы общение.

Эта тема имела небольшое продолжение, когда мы встретились вчетвером. Алик выразился в том смысле, что когда заходил разговор о нас, он всегда отвечал, что мы – мировые ребята. Но дальше разговор свернул в другую сторону. По лицам Робки и Саши, которым я до этого рассказал о несостоявшемся втором свидании, понял, что они согласны со мной. Возможно, при этом считали, что я совершил глупость, признав этот факт в разговоре с другим человеком. Но в дальнейшем, до окончания школы, ничего в наших отношениях не изменилось.

Ничем закончилось и другое мое увлечение. Но это был совсем другой случай. Не могу вспомнить, как конкретно это произошло, но случилось мне оказаться в компании с Тадиком. Возможно, это произошло на праздновании его дня рождения, мне довелось и не раз бывать у него дома, он жил также на Третьей Тверской-Ямской, хотя и на другой стороне, ближе к Лесной улице. Был знаком с его мамой, об отце Тадика ничего не знаю.

У нас вообще не было принято интересоваться родными друзьями. Время было такое, что один неосторожный вопрос на эту тему мог привести к ухудшению отношений и даже к разрыву

дружбы. Я ничего не знал и об отце Робки, и никогда не спрашивал его об этом.

Так вот познакомился у Тадика с очаровательной девушкой. Они оказались друзьями, причем Тадик обращался с ней в привычном ему тоне, этакой дружественной грубости. Даже, про себя, подивился его тону – можно ли так разговаривать с такой девушкой?

Татка, как ее называл Тадик, была, действительно, хороша! Точеные черты лица, гордая посадка головы, фигура – можно сойти с ума. Она была явно моложе Тадьки и ее совсем не обижало его панибратское поведение. Мелькнула мысль, что они знают друг друга с детства, но это меня совсем не интересовало.

К тому же она училась в балетном училище Большого театра! Между нами как-то сразу установились хорошие отношения. Довелось даже побывать у нее дома. Она жила вместе с мамой в небольшой квартирке двухэтажного домика в Хлебном переулке, недалеко от Арбатской площади.

Мы несколько раз с ней гуляли по улицам Москвы, болтая о том, о сем. Никаких романтических моментов в наших отношениях не возникло. Я даже несколько раз торчал недалеко от дверей ее училища, ожидая ее выхода, после чего провожал ее домой.

Татка, как-то выйдя из двери училища, в тот день накрапывал дождик, заметила, что ее подружки поторопили ее, поскольку «кавалер мокнет под дождем».

Однако мои ребята к моему увлечению отнеслись, неожиданно для меня, не очень одобрительно. Не помню конкретно, но на какую-то реплику я прореагировал не очень корректно. Между нами возникла даже какая-то натянутость.

В тот же вечер ко мне заглянул Тадька. Того, что он мне тогда сказал, воспроизвести не могу. Но в памяти осталось, что он весьма резко предупредил меня, что нельзя ставить на одну доску существующую дружбу с быстро возникшим увлечением, которое может также быстро пройти.

Видимо, это разговор оказался для меня не только необходимым, но и крайне важным. А вскоре по какой-то причине, действительно, наше общение с Таткой прекратилось.

Экзамены

Пришло горячее время экзаменов. Запомнился один эпизод.

Перед сочинением, которое мы расценивали как самый важный экзамен, мне позвонил Игорь Дроздов. Мы с ним никогда особенно не общались. Он, как и Юра Муромцев, жил в доме на улице Горького, где располагался магазин «Динамо». Подозреваю, что этот дом принадлежал системе МГБ.

Так вот, Дроздов огорошил меня, сообщив, что Робка откуда-то узнал темы предстоявшего сочинения, но эту весть от всех скрывает. Я сразу ответил, что такого быть не может. Знаю-мол Робку много лет и не допускаю даже мысли том, что он способен утаить от друзей нечто подобное.

Игорь пытался настаивать, но наш разговор прекратился.

Как в действительности обстояло дело, поведал мне сам Робка через несколько дней. Игорь позвал его себе поговорить. Когда Робка пришел, предложил позвонить каким-либо одноклассникам и, сообщив такую весть, послушать их реакцию. При этом один будет говорить, а другой – слушать по отводной трубке.

Услышав такое от Робки, я с трудом не сорвался на крик: «Да, как можно, предпринимать такую провокацию против своего друга!?!». Но сдержался и продолжал слушать Робку.

Первым позвонили мне. Затем Робка позвонил Юре Муромцеву (Игорь при этом слушал разговор). Юра сразу ответил, что такое весьма похоже на Игоря, произнеся еще несколько соответствующих эпитетов по адресу Игоря.

После такого разговора, закончил Робка, Игорь выглядел очень довольным, а он – напротив.

Я тогда посмотрел на Робку и подумал (это помню очень хорошо), что не поддался на провокацию, а мой друг даже не осознал, какую подлость совершил в отношении меня.

Не могу сказать, что это событие резко повлияло на наши отношения, хотя, какой-то неприятный осадок в душе остался. Впрочем с осени того же года мы общаться стали редко совсем по другой причине, поскольку поступили в разные вузы, и виде-

лись друг с другом довольно редко. Но с того времени смотрел на Робку несколько другими глазами. Такое не забудешь, при всем желании!

О самом сочинении на экзамене уже писал. Добавить могу только, что, самым тщательным образом проверил все знаки препинания и заменил слова в грамматической точности которых, не был уверен.

И этот экзамен и последующие пролетели довольно быстро и завершились успешно. Споткнулся лишь на экзамене по физике, но так, что мог вполне получить, в лучшем случае лишь тройку. Если ответил на теоретические вопросы более или менее сносно, то, решая у доски задачу, запутался.

Но доска находилась за спиной и сбоку от членов приемной комиссии, сидевших за столом. К ней подошел только наш учитель физики Александр Васильевич. Я заметил, что при взгляде на доску он побледнел, но тут же сказал: «Так-так» и кивнул головой в знак того, что задача решена правильно, затем быстро стер написанное с доски.

В итоге я получил четверку.

Признаться я тогда испытал нечто вроде шока. Понимал, что проваливаюсь и вдруг всё переменялось. Сознал, что Александр Васильевич спас меня, но, в то время не смог оценить, как следует его поступок.

Лишь впоследствии, мысленно возвращаясь к этому событию, понял цепочку причин, побудивших педагога так поступить. Дальше идут мои рассуждения, они могут соответствовать той ситуации, или нет, но я всё же придерживаюсь их.

Перед глазами Александра Васильевича, как и других моих учителей, стоял их ученик, давно определивший свой дальнейший путь. Он вызывал их симпатию как сложившаяся личность и они не хотели стать препятствием на его пути.

А самое главное, что побудило их когда-то выбрать профессию учителя было их добросердие и гуманизм, желание, помимо

знаний, передать своим ученикам и свое видение жизни и свои моральные ценности. И во имя этого им приходилось подчас и нарушать жесткие правила, которые не были для них обязательными стереотипами их поведения.

Быть может, я ошибаюсь, и причинами таких поступков могли быть совсем иные, но уверен в правильности своего объяснения причин их поступков.

И этот урок добросердия стал для меня в дальнейшем главным критерием в оценке людей и в своих делах. Возможно осознанным, возможно – нет, подчас нарушаемым в силу ситуации или слабости характера, эгоизма, за что неизбежно наступало то или иное наказание, особенно муки совести или чувство стыда. Но одно могу сказать уверенно, что никогда не стану что-нибудь делать во имя зла. Даже мысли об этом не допускаю.

В подтверждение своей версии о причинах поведения Александра Васильевича сошлюсь на слова мамы. Она присутствовала на нашем выпускном вечере. И Александр Васильевич попросил у нее извинения за то, что не поставил мне пятерку на экзамене, в результате чего я не получил Золотую медаль, а лишь... Серебряную. Мама, как смогла, убеждала его, что я вовсе не заслуживал Золотой. Я же считаю, что не заслужил и Серебряной, но всё же воспользовался теми преимуществами, которые она тогда давала – избежал вступительных экзаменов на Истфак МГУ. Впрочем, это уже совсем иная история.

А сам выпускной вечер нас порадовал тем, что на столах вместе с бутылками с соками и минеральной водой впервые оказались бутылки вина. Родительский совет, а его представительницы всегда присутствовали на наших вечерах, не только дал на это свое согласие, но и сам закупил их для нас, превратившихся, по его мнению, во взрослых мужчин.

Здесь остается только вздохнуть, родители никогда этого время не видят...

Сам вечер особенно не запомнился. О нем мне помогла вспомнить лишь наша фотография вместе с учителями. Да еще в

голове всплыло, что в конце вечера Сергей Иванович подошел к Робке, стоявшему раскрытой створки окна, и сказав: «Это салют в вашу честь!», выбросил из окна цветочный горшок. В то же мгновения все подоконники оказались без горшков с цветами, а затем мы гурьбой покинули школу. С большинством своих одноклассников после этого я не встречался.

Да и наша компания распалась. Ребята поступили в технические вузы, с самого начала учебного года им приходилось много заниматься после института, виделись мы весьма редко. Новая ситуация, новые проблемы возникли у каждого из нас. Но взаимная симпатия, добрые отношения сохранились.

Глава девятая

ЭСФИРЬ ЛАЗАРЕВНА БЛОХ

Мама

Писать воспоминания о маме – вещь невыносима трудная. Всё время опасаясь того, что-нибудь не скажешь, упустишь из виду, а ведь ей я обязан не только тем, что она подарила мне жизнь. Уже так много лет ее нет рядом со мной физически, но в душе я общаюсь с ней постоянно, нередко спрашиваю себя, также молча: «А какое мне принять решение?» И делаю после этого что-нибудь, зная, что она со мной согласна.

В подтверждение этого, сошлюсь на известного всем нам Гарри Каспарова: «В критические минуты ты слышишь голос, которому привык верить долгие годы. Каждому из нас необходим кто-то, кому можешь довериться, высказать всё без утайки, называя вещи своими именами. И тогда чаще всего ты сам понимаешь, как поступить».

Мама родилась в Варшаве 19 марта 1907 года. Первые семь лет ее жизни провела в это городе. Разумеется, они были счастливыми. На всю жизнь она запомнила номер своего дома.

Когда я поехал в свою первую командировку в Варшаву, мама сообщила мне название улицы и номер этого дома. Улицу-то я нашел, но на ней стояли всего несколько домов, и, к сожалению, дом, номер которого мне назвала мама, давно не существовал¹.

¹ После войны поляки очень бережно восстановили Варшаву, особенно ее центральную часть. Но зачастую от маленьких улиц и переулков оставались лишь по несколько домов.

Гарик напомнил, что мама «рассказывала, что к моменту переезда она вообще не говорила по-русски, только по-польски и на идиш. Но потом польский язык полностью вымылся из ее головы и она помнила только несколько слов, о чем с сожалением говорила, когда у нее была аспирантка из Польши»².

В 1916 году семья Блох переехала в Казань. Вряд ли последующие годы оказались для Фиры счастливыми. Это, разумеется, не относится в целом к ее жизни, но тяжелых, подчас даже весьма, моментов у нее было немало. Но главное – они ее не сломили, не повлияли на ее характер и отношение к людям. Не могу вспомнить ни одного факта, когда она бы вспылила или ругалась с кем-либо. Слышал от нее ее мнение о других людях, и ни разу ни одного резкого слова в чей-то адрес. Полагаю, что она, как могла, старалась не общаться с теми, кого не считала хорошим и достойным человеком. Вот это неприятие зла, не допущение его в свою жизнь, в мысли и душу было одной из главных черт ее личности.

Ушла из жизни 22 июня 1988 года. Это случилось на нашей даче по Северной дороге (станция «43 километр»). Почувствовала себя плохо, тихонько поднялась к себе в комнатку, легла на кровать и... Как и в жизни, несла людям только добро, старалась не быть назойливой, никому не помешать (подробнее об этом «черном» дне в моей жизни расскажу позднее)³.

Казанские годы Фиры

Об этом периоде жизни Фиры мне почти ничего не известно. Свет на это проливают найденные Гариком в той же сумке документы:

² Из письма Гарика Фреду от 30 июня 2019.

³ По воспоминаниям Оли, это происходило не совсем так, но я узнал об этом, только недавно, получив от нее письмо, которое будет в дальнейшем воспроизведено.

«Первый мамин документ. Это удостоверение, выданное маме в том, что она окончила полный курс Казанской II ступени Советской школы № 3. В этой школе она пребывала (так в документе) с 1-го сентября 1920 г. по 10 июня 1924 г. За это время она обучалась куче всяких предметов, в том числе обществоведению, в который входили исторический материализм, полит. экономия, революционное движение на Западе и в России, конституция РСФСР, конституция СССР и экономическая политика советской власти.

Так что уже в самом начале 20-х годов советская власть принялась активно промывать мозги подрастающему поколению, и странно, что Павлик Морозов⁴ появился лишь в начале 30-х, всё было готово к его появлению намного раньше.

Все рукописные подписи полностью выцвели, но напечатанный на машинке текст и печать сохранились...

Следующий документ говорит о том, чем мама занималась с осени 1924 года по март 1925 года. Видимо, она не смогла сразу поступить в университет как дочь то ли нэпмана, то ли работающего у нэпмана, в общем «не нашего человека». Это «Зачетный лист Слушательницы курсов обучения переписке на пишущих машинах и делопроизводства, учрежденных Н.М. Чугуновой-Баклановой, гр. БЛОХ Эсфирь Лазаревны по испытаниям в Комиссии, состоявшемся 14 марта 1925 года.

Состояла на курсах с 15 октября 1924 г. по 14 марта 1925 г. с перерывом с 30/I по 16/II – 25г. Исх. № 40 от 30 /III – 25 года... Сдала все испытания на оценку “удовлетворительно”, в том числе устройство пишущих машин различных систем – Ремингтон, Смит-Визибль, Питсбург-Визибль, Мерседес и Ундервуд (звучит просто как поэма о России, которую мы потеряли (по Говорухину⁵), практические работы по печати девятипальцевым (слепым) методом и т. д. А вот теоретическое знакомство и практическая работа на ротаторе не зачтены,

⁴ Советский школьник, активно участвовавший в разоблачении своего отца, как противника советской власти. Был убит своим братом. В СССР пропагандировался как символ советского патриотизма.

⁵ Станислав Говорухин – советский и российский кинорежиссер, актер, сценарист, политический и общественный деятель. Умер 14 июня 2018.

и заключение испытательной комиссии: «считать окончившей курс без зачета по ротатору».

Так что тут наша мама дала маху и всю оставшуюся жизнь так и не смогла влечь поработать на ротаторе (чему, думаю, не очень сокрушалась).

Кстати, фамилия заведующей и учредительницы курсов напомнила мне о Климе Чугункине, он же Полиграф Полиграфович Шариков⁶. Опять же полиграф от ротатора недалеко ушел. Всё-таки великая вещь – наша советская власть. Сплошные аллюзии и пересечения.

Судя по всему, использовать эти полученные навыки для дела построения социализма в одной, отдельно взятой стране маме так и не удалось. Во всяком случае, в ее Трудовой книжке (подробно дальше) к моменту начала ее работы в Институте животноводства фиксировался документами стаж в два с половиной месяца, на что есть справка (о ней позже), что она два с половиной месяца работала в трудпрофилактории.

Так что восстановить, чем мама занималась с 14 марта 1925 года по по сентябрь 1926 года не представляется возможным.

Опять же, “где вы были с восьми до одиннадцати”⁷. Вроде бы советская власть контролировала всё и вся, а тут такой временной провал в полтора года. И когда, наверное, борьба с Троцким отвлекала все силы, на Фиру Блох их просто не осталось.

На этом пока всё. Целую. Гарик»⁸.

«Волшебная» сумка дает возможность проследить все дальнейшие этапы учебной, служебной и даже научной лестницы, по которой подымалась Фира. Они раскрывают многое, в том числе и весьма важные черты ее характера, но далеко не всегда помогают ответить на главные вопросы, когда речь идет о судьбе и личной жизни человека.

Удастся ли нам, ее сыновьям, с помощью ее внучек, знавших и любивших свою бабушку, ответить на эти вопросы, как пред-

⁶ Персонаж повести Михаила Булгакова. Понятие «шариковщина» стало нарицательным символом безнравственности и подлости.

⁷ Фраза из миниатюры Михаила Жванецкого.

⁸ Из письма Гарика Фреду от 30 июня 2019.

ставляется, – это решающий момент для того, чтобы считать выполненной задачу, поставленную в данной работе.

Продолжим рассматривать сведения о жизненном пути Фиры Блох. В первую очередь – о ее образовании. И вновь слово Гарику:

«Фредюша! Приступаю к периоду маминой учебы в Казанском университете. Вся информация содержится в следующем документе. Что написано на обложке, прочесть уже невозможно, поскольку надпись была сделана чернилами и полностью выцвела.

На второй стороне обложки из плотного картона фотография молодой мамы и печать. На первой странице сверху запись чернилами “№ 19/21 кв. № 4”. Возможно часть адреса. Третья страница (постараюсь выделить шрифтом как в оригинале):

**“ПРЕДМЕТНАЯ КНИЖКА
СТУДЕНТА
КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В.И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА**

Отделение Биологическое

Фамилия Блох

Имя Эсфирь

Отчество Лазаревна

Поступившего в Университет в сентябре 1926 г.

Выдана 13 декабря 1926 г.

Декан (подпись)

Секретарь (подпись)”

Печать.

Всё выделенное мною курсивом (как и в следующем документе) вписано от руки.

Теперь у нас есть точная дата поступления мамы в Университет.

Следующие страницы занимают перечень общеобразовательных курсов, прослушанных мамой, оценки преподавателей и даты зачетов и экзаменов.

Судя по датам, первый зачет по практическим работам по общей зоологии мама сдала 15 декабря 1926 года.

Так что недаром ее диссертация была связана с коровами, животные сразу стали предметом ее исследования.

Последний сданный ею зачет по физической химии датируется 3 мая 1929 года.

При этом 27 апреля 1929 года мама сдала сразу два предмета: диалектический материализм и физиологию растений.

Видимо, тогда ее решение о переезде в Москву уже было принято.

Весьма интересен перечень предметов, которые мама изучала. Различные биологические и химические предметы смотрятся совершенное естественно (специальность-то естественно-научная), физика, аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление не режут глаз (всё-таки факультет физико-математический), политическая экономия, история революционного движения, диалектический материализм после ее школьного аттестата воспринимаются совершенно спокойно, но военная администрация, тактика и артиллерия абсолютно выпадают из моего понимания.

Так что милитаризация страны началась уже в середине 20-х годов, задолго до фашизма в Германии, испанских событий и всеобщего увлечения полетами в атмосферу и стратосферу»⁹.

Из этого документа следует, что мама проучилась в Казанском Университете три года. Напомню, что дедушка с февраля 1927 года работал в Москве. Бабушка и Аля переехали вместе с ним туда, а Фира и Сарра остались в Казани.

Затем мама уехала в Москву и перевелась в МГУ.

Перезд в Москву и замужество

В чем причины такого поступка? Сведений об этом нет. Вряд ли образование, которое давал Казанский Университет, существенно отличалось от того, какое получали студенты МГУ. Видимо, причины следует искать в чем-то другом. Напомню, что Фире было тогда около 23 лет. Это уже сложившийся человек, имевший свои

⁹ Из письма Гарика Фреду от 10 июля 2019.

жизненные принципы, понимание того, к чему она стремится в жизни.

Я ничего не знаю о том, как развивался ее роман с Игорем Фирсовым. Он учился в Казанском педагогическом институте. Как произошло их закомство, как это знакомство переросло во взаимную любовь, мне абсолютно неизвестно. Представляется, что в их взаимоотношениях что-то пошло не так, как считала Фира. Чтобы уехать от человека, которого любишь, нужны серьезные причины. В том, что Фира любила тогда Игоря, у меня нет сомнений. Она, явно, продолжала его любить и после того, как уехала в Москву. Иначе не могу объяснить, почему она согласилась выйти замуж за Игоря в 1930-м году.

Не хочу и не могу домысливать причин их размолвки в Казани, но уверен в том, что они были.

И еще один момент, полагаю, что Фира тогда не понимала, что подлинные причины ее тогдашнего временного расставания с Игорем, были гораздо глубже и существеннее, чем она это себе это представляла. Они проявились гораздо позднее и, в конце концов, привели к серьезной драме в ее личной жизни. Но это понятно мне теперь, когда их давно уже нет, и я сам уже подытоживаю свою жизнь и знаю судьбу моих родителей. В те времена этого никто не мог знать, как и представить себе, чем всё кончится.

Как развивались события дальше? Вновь об этом расскажет Гарик:

«Следующий документ свидетельствует о завершении мамой процесса получения высшего образования.

Справа сверху в углу маленькими буквами: “Пролетарии, всех стран, соединяйтесь!”

Слева в углу: “Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

1-й Московский Государственный

УНИВЕРСИТЕТ

Физико-Математический Факультет

февраля 25 дня 1931 г.

№ 486

г. МОСКВА”

По центру герб РСФСР. Ниже:
 “УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящим удостоверяется, что гражданка *Блох Эсфирь Лазаревна* за время пребывания в 1-м МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ с 1929 по 1930 год на *Биологическом* Отделении Физико-Математического Факультета, выполнила все требования учебного плана по специальности *физиология животных* и проработала соответствующие задания по производственной практике.

На основании вышеизложенного выдано настоящее удостоверение гражданке *Блох Эсфирь Лазаревне* как окончившей *биологическое* Отделение Физико-Математического Факультета по специальности *физиолога труда* за надлежащими подписями и приложением печати 1-го Московского государственного университета.

Ректор (подпись)

Декан (подпись)

Управляющий делами (подпись)”.
 Печать.

Вчитавшись в это удостоверение, я пришел к выводу, что и Зощенко, и Ильф с Петровым просто лакировщики нашей славной действительности, поскольку, обучив студента физиологии животных, дать ему специальность физиолога труда (чьего?, животных?), тем самым опровергнув Фридриха нашего Энгельса с его работой “Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека”.

Это то, как говорила героиня Александра Калягина в фильме “Здравствуйте, я ваша тетя”¹⁰.

Отмечу, что мама в автобиографии, написанной явно после войны, текст которой я пришлю позже, пишет, что получила специальность Физиология животных, то есть этот бред с физиологией труда просто прошел мимо ее сознания, настолько он был органичен той эпохе.

¹⁰ Двухсерийный художественный фильм режиссёра Виктора Титова, вышедший в 1975. Калягин в ней сыграл роль Бабс Баберлей, тетки Чарлея. (Интернет. [https:// 24smi.org/celebrity/1756-aleksandr-kalyagin.html](https://24smi.org/celebrity/1756-aleksandr-kalyagin.html))

Теперь можно, сопоставляя данные, оценить время переезда мамы в Москву – лето 1929 года.

Ее брак был заключен в 1930 году (об этом папа пишет в заявлении на расторжении повторного брака в 1964 году), и можно построить некую модель поведения наших родителей в этот период.

Ну вот, пока и всё. Целую. Гарик»¹¹.

Сейчас ясно одно, что Игорь, приехав в Москву, предложил маме выйти за него замуж, и она на это согласилась. Если при этом, вспомнить, что она по какой-то причине, переехала в Москву в 1929 году, то есть прервала их роман с Игорем, то это может означать то, что, по ее мнению, их временное расставание было оправдано.

Так ли было на самом деле, установить нельзя, но во всяком случае их брак произошел тогда, когда они оба получили высшее образование.

Как-то мама сказала мне, что Игорь, приехав за ней в Москву, остановился в гостинице «Националь». Где был зарегистрирован их брак с мамой, мне неизвестно (по-видимому, это произошло в ЗАГСе Советского района, поскольку мама была прописана в этом районе Москвы).

Но получилось так, что «молодые» не смогли сразу вместе уехать из Москвы. Во всяком случае документы, найденные Гариком, свидетельствуют о том, что первые месяцы 1931 года мама провела в Москве.

В письме Гарика от 11 июля 2019 года говорится:

«...Итак, два документа о первой маминой работе после окончания университета. Это удостоверение о том, что Блох Эсфирь Лазаревна работала в Трудпрофилактории с 16 января 1931 г. по 1 апреля 1931 г. в должности биохимика. Сохранилось Удостоверение на бланке 1-го Опытного-исследовательского трудпрофилактория по изучению трудоспособности туб. больных и инвалидов. Оно было выдано 31 марта 1931 г. № 81.

Располагался Трудпрофилакторий в Москве на Новой Божедомке, дом 4.

¹¹ Из письма Гарика Фреду от 8 июля 2019.

Сразу вспомнился капитан Жеглов, там на Божедомке жила Соболевская, которая познакомила Ларису Груздеву с Фоксом, который Ларису потом убил. Уж очень Высоцкий смачно произносил: “Люся на Божедомке”¹².

Этот Трудпрофилакторий входил в состав Института охраны труда, который и выдал маме второй документ – справку о том, что она действительно работала в Институте охраны труда в Трудпрофилактории в должности научн. лабор. и получала 145 руб. в месяц.

Уволена по собственному желанию по соглас. с админ. (сокращения как в справке). Выдана справка 4 апреля 1931 г. № 109/8.

Видимо, эти два с половиной месяца и имеются в виду в первой записи в маминой Трудовой книжке: “Общий стаж 2,5 месяца, подтверждено документами”.

Интересно понять, с чем был связан мамин уход с работы. То ли администрации не понравилась ее беременность (а как оплачивался в начале 30-х годов декретный отпуск и был ли он вообще?), то ли мама очень плохо себя чувствовала и решила до родов не работать?

Я помню, что мама мне рассказывала, как ей врач предписал есть шоколад (может быть для молока, а может и еще по какой причине). Шоколадные конфеты были очень дорогими и маме приходилось прятать их от Али, который был до них большой любитель (как говаривали в старину). Поэтому она их быстренько ела, когда Али не было в комнате, а бумажки от обертки бросала под кровать. Как-то Аля зачем-то полез под кровать и... Дальше всё понятно. Обиду на Фиру, лопавшую шоколадные конфеты и с ним не поделившуюся, Аля сохранял много лет.

Так что мамин трудовой путь начался прямо по присвоенной ей специальности «Физиология труда» и первым объектом маминых исследований был человек, а не животные...»¹³

Только после увольнения из Трудпрофилактория мама смогла выехать к мужу в Казань. Допускаю, что после окончания МГУ

¹² Имеется в виду сыгранная Владимиром Высоцким роль Глеба Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя» (режиссёр Станислав Говорухин 1979). (Интернет. www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/sov/887/works)

¹³ Из письма Гарика Фреду от 11 июля 2019.

мама была распределена на работу в это учреждение и только увольнение предоставило ей возможность покинуть Москву.

Разрыв с Игорем, возвращение в Москву. Рождение сына. Работа по профессии

И здесь следует отдать должное одному знаменательному факту. Уезжая из Москвы, мама не выписалась из 52 квартиры по Третьей Тверской. Мне представляется (подтверждения этому нет никакого), что дедушка посоветовал маме этого не делать. Не буду делать никаких предположений о причинах такого совета, но замечу, что, если бы мама выписалась из Москвы, вряд ли в будущем удалось ей там снова прописаться. Во всяком случае возобновить прописку было бы очень трудно и след таких событий неизбежно бы отразился в документах и памяти бабушки и мамы.

Но если мама не выписалась из Москвы, она не имела возможности прописаться в Казани и найти там работу. Это означало, что она стала иждивенкой в семье Ольги Порфирьевны и Игоря, что не могло не породить в дальнейшем серьезных последствий.

Имея представление о характере Ольги Порфирьевны, могу с большой уверенностью утверждать, что семейная жизнь Фиры очень скоро превратилась в настоящий ад. И Игорь был не в состоянии защитить жену от свекрови. Поскольку мама после всего, что случилось дальше, сохранила любовь к Игорю, возможно, он и делал какие-нибудь попытки исправить положение. Но бабушкин рассказ о том, почему мама ушла от Игоря, незадолго до родов, не свидетельствует в пользу Игоря.

Так или иначе мама вернулась в Москву. 18 сентября 1931 года в родильном доме имени Крупской у нее родился сын. Теперь она не была одинокой. У нее появился ребенок! Жизнь Фиры приобрела новый смысл! Этого человечка надо было вырастить, воспитать, подготовить его к предстоящим ему в будущем испытаниям, помочь ему встать на ноги и внушить ему важнейшие нравственные понятия. Сделать так, чтобы они стали для него ес-

тественными и необходимыми. В этом она всегда получала понимание, поддержку и помощь со стороны своих родителей.

Кроме того, маме самой предстояло усовершенствоваться в той профессии, которую она себе выбрала, стать настоящим специалистом и обеспечить себе и сынишке необходимые материальные условия.

Всего этого было добиться нелегко, но Фира уже давно привыкла воспринимать мир таким, каким он был, и бороться за то, что она считала жизненно необходимым, сохраняя и оберегая при этом свою душу и высокие человеческие качества.

На этом прерву свой рассказ и продолжу цитирование письма Гарика о ее работе во Всесоюзном научно-исследовательском институте животноводства, куда мама была зачислена 11 мая 1932 года согласно Приказа № 83 от 20 мая 1932 года.

«Фредюша! В телеграфном стиле опишу тебе документы, относящиеся к маме в предвоенный период...

Зачислена она была научным сотрудником в лабораторию физиологии пищеварения. При этом, в Трудовой книжке указана ее профессия – физиолог животных. Так она вернулась к своей специальности по прослушанному курсу в Университете.

Отмечу, что Трудпрофилакторий изучал работоспособность туберкулезных больных, что, видимо, как-то сыграло впоследствии, при переходе мамы в Институт туберкулеза, где снова ее основным объектом исследования стал человек.

Вот такая загогулина, как говорил первый (для меня, а для тебя единственный в качестве гражданина) президент Российской Федерации.

1 февраля 1936 г. мама была утверждена в звании и.о. старшего научного сотрудника (приказ № 15 от 31 января 1936 г.), а 10 октября 1938 г. ей была присуждена ученая степень кандидата биологических наук (Советом Московского Зооветеринарного института).

10 июля 1939 г. мама была освобождена от работы в НИИ животноводства по собственному желанию (приказ № 133 от 10 июля 1939 г.) Ровно 80 лет назад.

А 15 июля 1939 г. мама была зачислена на должность старшего научного сотрудника в пато-физиологическую лабораторию ЦНИИ

туберкулеза (приказ № 251 от 15 июля 1939 г.). Это первая запись этого института в маминой Трудовой книжке (всего их 15). Вторая запись отчасти историческая, 16 октября 1941 г. освобождена ввиду эвакуации института (приказ № 475 от 16 октября 1941 г.)

Если вспомнить, что это был за день, то история осени 1941 года встает перед глазами. Но кроме записей о работе, в Трудовой книжке имеются и записи о поощрениях и награждениях. А их у мамы 18, и первая появилась уже 5 ноября 1939 г. “На основании данных по проверке производств. показателей присвоено звание ударника” (приказ № 438 от 5 ноября 1939 г.), а следующая запись еще круче: 27 апреля 1940 г. “Переведена в отличницу”. (приказ № 141 от 27 апреля 1940 г.).

Это тебе “не баран чихал”, как говаривала бабушка Вера, и мечтательно завершала монолог: “Азохен вей”.

На этом предвоенные записи в Трудовой книжке заканчиваются.

Но есть еще одна интересная бумажка, на бланке ЦНИИ охраны здоровья детей и подростков о том, что гр-ка Блох Э.Л. работала в должности научного сотрудника с 25 сентября 1934 г. по 1 апреля 1936 г. Уволена по сокращению штатов. Интересно, что справка подписана зам. директора Шенберг и зав. канцелярии Меллер.

Как поется в известной песне, “Кругом одни...”. Так что мама не только отбирала слюну у бедных коровок в институте животноводства, но и охраняла здоровье детей и подростков. И всё это при наличии трехлетнего Фредика. При этом сумела написать и защитить диссертацию. Ох, мама, мама! И досталось же тебе! А ведь самые страшные годы еще впереди.

Есть два странных разночтения с приведенными выше документами. Имеется официальная справка № 3-К от 26 апреля 1951 г. из НИИ животноводства, за подписью директора института профессора И.М. Кузнецова. Она гласит:

Выдана Всесоюзным научно-исследовательским институтом животноводства тов. БЛОХ Эсфирь Лазаревне в том, что она действительно работала в Институте с 11/XI.1932 г., в должности младшего научного сотрудника, а с 5/VII.1939 г. в должности старшего научного сотрудника...

И второе. В маминой автобиографии написано “С 1936 г. по 1938 г. работала по совместительству в Институте охраны здоровья детей и подростков в биохимической лаборатории”.

Так что тут какая-то химия, больше скажу – биохимия и без поллитры не разберешься. Почитаешь родительские справки и прочие бумажки – никаких детективов читать не надо, всё с доставкой на дом.

Последняя бумажка тоже по-своему интересна. Может быть это просто совпадение. Это удостоверение, выданное Инспекцией ПВО Мосгорздравотдела № 703 от 12 июня 1941 г. о том, что тов. Блох Э.Л. прослушала и сдала испытания с оценкой отлично курсов ПВО по циклу лаборантов по прогр. 100 ч. с 30 мая по 12 июня 1941 г. Как-то сразу в голове зашумели работы Суворова, Марка Солонина и т. п. Ох, не всё просто так!

На этом описание довоенного существования семейства Блох (по сохранившимся документам) закончено. Целую. Гарик»¹⁴.

Сухой канцелярский язык этих документов скрашен комментариями Гарика. О подмеченном им эпизоде с обертками от шоколадных конфет под кроватью и возмущением Али по этому поводу слышал сам от мамы.

Из документов ясно одно: мама настойчиво стремилась превратиться в специалиста в профессии, которую она выбрала. И добилась этого. Работа для нее не означала отсиживание рабочих часов, она относилась к ней серьезно, творчески. Это способствовало утверждению в ее характере таких черт как самостоятельность, стойкость, умение обобщать частности и увидеть за ними ведущую тенденцию, приучало ее к необходимости продумывания различных сторон проблемы, прежде чем делать вывод.

И при этом нельзя не заметить, что Фира, помимо основной работы в Институте животноводства, работала по совместительству в ЦНИИ охраны здоровья детей и подростков, писала и защитила кандидатскую диссертацию.

Сразу возникают вопросы, чем объяснялась ее такая перегрузка? Мне представляется, что помимо желания помочь семье материально, поскольку строительство дачи требовало очень много денег, молодая женщина стремилась максимально заполнить свое время, чтобы как-то заглушить боль от сердечной раны, вызванной разрывом с Игорем.

¹⁴ Из письма Гарика Фреду от 11 июля 2019.

Ребенок, постоянно нуждавшийся в ласке и заботе, естественно, был ее счастьем, самым важным жизненным стимулом. Это поддерживало ее, придавало ей новые силы, но вряд ли могло полностью погасить душевную боль.

Накапливаемый научный опыт Фиры соединялся с жизненным, подчас весьма горьким, способствуя ее духовному формированию как цельной личности, свободной от предрассудков, и имеющей определенные жизненные принципы.

Ей было свойственно неприятие насилия и несправедливости. Я не раз слышал от мамы в последние годы ее жизни, как она ненавидела советскую власть и сам советский режим. Но была вынуждена молчать и терпеть ради семьи и особенно сына, а затем и обоих сыновей.

Представляю, как непросто далось ей решение уйти от Игоря и покинуть Казань. Она несомненно понимала, что это обрекает ее на трудную жизнь и физическое и душевное одиночество. Но Фира не хотела допустить того, чтобы ее будущий ребенок с первых дней своей жизни познал, что-нибудь иное, нежели любовь окружающих его людей.

Осознав, что этого не будет в Казани, мама ожидала и получила полную поддержку со стороны своих родителей.

И вернувшись в Москву, как только ситуация позволила ей оставить сынишку на попечении его бабушки, ушла на работу и всерьез занялась своими делами на работе.

А когда в семье возник вопрос – на что потратить свалившийся выигрыш в лотерею, для мамы не было сомнений в том, что их надо использовать так, чтобы ее сыночек смог летние месяцы проводить не в душном городе и маленькой комнатке, а на даче. И ее позицию разделили дедушка и бабушка. Напомню, что ей приходилось тогда помогать дедушке заработать деньги, необходимые для паевого участия в дачном кооперативе.

И, разумеется, с помощью родителей воспитывать сынишку, объяснять ему, что хорошо и что плохо, проводить вечера у постельки часто болеющего ребенка, заботиться не только о его здоровье, но закладывать в его душу нравственные основы, делая это так, чтобы сын их воспринимал не как неизбежную обязанность, а как смысл своего существования. Постепенно знакомить

его с достижениями культуры, приучать любить прекрасное и отвергать зло в любой ипостаси. Вообще исподволь, не навязывая, помогать ему стать человеком с нормальными представлениями о жизни и совести.

Мама никого не пускала в свою внутреннюю жизнь, не делилась ни с кем своими душевными муками. Ей было свойственно уважение к человеческой личности, дружелюбие и преданность своим друзьям. И я буквально с первых дней своей осознанной жизни видел это и знал, как ее ценили ее подруги.

Полагаю, что эти качества она воспитывала во мне очень бережно и осторожно, никогда назойливо или нравоучительно.

И уверен, что этими чертами своего характера обязан прежде всего маме.

Означало ли это гарантию от ошибок и бед? Разумеется, нет!

И, думаю, что это вполне доказал и жизненный путь моей мамы.

Послевоенные годы. Семейные коллизии

Поскольку выше уже говорилось о том, что произошло в жизни Фиры в конце предвоенных лет и в годы войны, попробуем переместиться в послевоенные годы.

И вновь своеобразным путеводителем станут выдержки из одного из писем Гарика, рассказывающего о ее Трудовой книжке:

«...маму 1 июля 1945 года переводят (на ставку – Ф.Ф.) врем. И.о. ст. научного сотрудника. Следующая запись от 1 сентября 1947 года иллюстрирует наметившийся в послевоенный период постепенный сдвиг в сторону очищения научных учреждений от лиц с нежелательной национальностью: “Переведена на должность младшего научного сотрудника пато-физиологической лаборатории”¹⁵.

Помимо Трудовой книжки, Гарик нашел в сумке весьма интересный документ, более подробно освещающий мамину работу.

¹⁵ Из письма Гарика Фреду от 16 августа 2019.

Он также свидетельствует о том, как руководство Институту оценивало ее работу. Привожу его в виде выдержки из письма Гарика:

«Справа сверху бланковая печать

Института туберкулеза. Дата 29 марта 1946 года, номер 1010.

“ХАРАКТЕРИСТИКА

Э.Л. БЛОХ, еврейка, б/п, 1907 г. рождения, кандидат биологических наук. Работает в патологическом отделении Института Туберкулеза Академии Медицинских Наук СССР с 1939 г. Выполнила несколько работ, посвященных изучению влияния метаболитов туб. ткани на надпочечники и печень, давшие интересные данные. Тов. БЛОХ хорошо владеет техникой эксперимента. В работе проявила себя как аккуратный и внимательный сотрудник. Активно ведет общественную работу в качестве секретаря Бюро ОНР.

Зам. Директора Института Туберкулеза Академии Мед. Наук СССР Рабухин¹⁶. Секретарь партбюро Каграманов”.

Подписи и гербовая печать.

Фамилии подписавших характеристику мне знакомы с самого детства. О Каграманове мама мне говорила, но никаких подробностей я не помню. А вот о профессоре Рабухине мама говорила часто, она его очень уважала, и как ученого и врача, так и как человека. Поэтому эта бумага мне показалась важной, поскольку связана с человеком, с которым у мамы были очень хорошие отношения»¹⁷.

Кроме того, Гарик в той же сумке нашел и составленную мамой ее автобиографию. Цитирую:

«Родилась в 1907 г. в г. Новогрудок Минской губ. Отец мой был служащим, умер в 1940 году, работал экономистом-плановиком в

¹⁶ Александр Рабухин – известный фтизиатр, доктор медицинских наук, профессор, автор 280 научных работ. В 1942–1952 – зам директора по научной работе Института туберкулеза. Умер в 1979.

¹⁷ Из письма Гарика Фреду от 23 сентября 2020.

Наркомате совхозов РСФСР. Мать в прошлом педагог-дошкольник, в настоящее время пенсионерка. Имею сестру и брата. Сестра работает на номерном заводе, брат работает в Министерстве Государственной безопасности, мобилизован на работу в Белоруссию. Муж историк работает в Историческом Архиве. Имею двух детей.

В 1926 году поступила в Казанский Университет на физико-математический факультет Биологическое отделение. В 1929 году, по семейным обстоятельствам, перевелась в I Московский Университет, который и окончила в конце 1930 года по специальности физиология животных.

Работала пять месяцев в Институте охраны труда как лаборант-биохимик. В начале 1932 года поступила работать во Всесоюзный институт животноводства в лабораторию физиологии пищеварения с/х животных. В 1938 году защитила диссертацию и получила степень кандидата биологических наук, ВАКом утверждена в звании старшего научного сотрудника.

С 1936 г. по 1938 г. работала по совместительству в Институте охраны здоровья детей и подростков в биохимической лаборатории. С июля месяца 1939 года работаю в Центральном туберкулезном институте в патофизиологической лаборатории. В эвакуации жила в Казани и работала в эвакогоспитале начальником клинической лаборатории. В феврале месяце 1943 года вернулась на работу в Центр. туберкул. институт.

Вела всё время общественную работу по линии месткома и секции научных работников.

Имею медаль за “Доблестный труд в Отечественной войне”.

Родственников за границей и в оккупированных областях нет.

Подпись».

В своем комментарии к этому документу Гарик написал:

«Мамина автобиография датируется, видимо, годом 1948, судя по указанному месту работы Али»¹⁸.

Документ этот был сделан соответственно неписанным, но обязательным канонам того времени, когда надо было изложить

¹⁸ Из письма Гарика Фреду от 15 марта 2020.

свою биографию, указать национальность, год и место рождения, свое образование, места своей работы, перечислить всех близких родственников и как бы засвидетельствовать свою и их лояльность государству и отсутствие в биографии «подозрительных» моментов. Напомню, что мама хорошо помнила совет отца относительно места ее рождения. Этот факт свидетельствует о том, что она понимала истинное положение дел и необходимость соблюдать эти правила.

Вернемся к Трудовой книжке.

«Она завершается двумя записями, которые просто превращают ее у в исторический документ, характеризующий эпоху.

Согласно Приказа № 73 от 7 марта 1953 года, т. е. уже после смерти Отца народов, «Освобождена от занимаемой должности по п. “а” ст. 47 КЗОТа”.

Слева идет запись, подтвержденная печатью “Запись № 8 аннулирована”. К сожалению, нет даты этой записи. Далее согласно Приказа № 156 от 15 мая 1953 года мама с 1 мая 1953 года (подарочек к пролетарскому празднику) переведена на должность младшего научного сотрудника патоморфологической лаборатории.

Дальше следуют несколько переводов из одной лаборатории в другую (видимо, связанные со структурными преобразованиями в институте), пока с 16 октября 1970 года маму не переводят на должность лаборанта с высшим образованием.

Это тоже имеет определенное историческое объяснение, поскольку с 1970 года сотрудники пенсионного возраста, занимающие рабочие и приравненные к ним должности, получали право на получение (масло масляное) половины своей пенсии.

С этой должности мама и уходит на пенсию 17 декабря 1974 года.

В Трудовой книжке, естественно, нет никакой информации о причинах, побудивших маму уйти на пенсию. А вызвано это приходом в институт нового директора, приведшего с собой некоторое количество своих старых сотрудников, для которых нужны были ставки. Маме ее заведующий лабораторией сразу предложил несколько мест, куда он мог ее устроить на работу, но мама отказалась, поскольку привыкать к новому коллективу, новым сотрудникам ей не хотелось, я уже работал, и мама считала, что на пенсию она спокойно проживет.

Завершая рассказ о маминой Трудовой книжке, сообщаю данные маминых дипломов кандидата наук и старшего научного сотрудника (поработать которым маме удалось, к сожалению, очень недолго).

Диплом кандидата биологических наук КД 009226 от 6 марта 1946 года. Протокол № 15 от 15 октября 1938 года.

Диплом старшего научного сотрудника СН 003436 от 4 марта 1946 года. Протокол решения ВАКа № 35 от 11 октября 1938 года.

Так что мама была в числе первых десяти тысяч кандидатов наук и в числе первых пяти тысяч дипломированных старших научных сотрудников. Сколько она могла бы сделать в науке, если бы находилась в других обстоятельствах.

Одним словом, спасибо, дорогой Иосиф Виссарионович (и иже с ним), за наше счастливое детство»¹⁹.

Вот и закончилась мамина служба, начался новый этап ее жизни, и довольно интересный, когда мама могла уже не спешить рано утром на Октябрьский вокзал, чтобы не опоздать на нужную электричку, а затем минут через 15 сойти на станции «Яуза» и вскоре оказаться в привычной обстановке лаборатории.

Однажды она взяла меня с собой и показала мне эту лабораторию, познакомила с двумя своими сотрудницами. Это была довольно просторная комната, в которой вдоль стен стояли небольшие столики, на которых находились стояки с пробирками. Также мне запомнились несколько специфических шкафов белого цвета и стеклянными ветринами.

Мама и другие сотрудницы натянули на себя белые халаты и облик этих женщин сразу изменился. Впрочем, это не помешало попить чаю с бутербродами. Обратил внимание, что они, беседуя, очень часто повторяли слово «Девочки!» Для меня это было чем-то новым, а потому и врезалось в память. После чего я с ними распрощался и оправился восвояси.

Это небольшое отклонение как бы дало мне возможность плавно перейти к разговору о том, чем в эти годы жила Эсфирь Лазаревна.

А ведь они были для нее непростыми. Разумеется, главным было то, что росли сыновья – старший закончил школу и посту-

¹⁹ Из письма Гарика Фреду от 16 августа 2019.

пил на Истфак МГУ, младший – учился в школе. Ее мама по-прежнему тащила воз домашнего хозяйства. Муж довольно успешно подымался по служебной лестнице в Главном Архивном Управлении, а затем стал директором Архива Древних Актов.

Но это было далеко не всё. Думаю, что мама довольно быстро осознала, что ее надежды на то, что Фредик обретет отца, не сбылись. Сердечных отношений между отцом и старшим сыном не возникло, а скорее даже нарастало отчуждение.

Появление Гарика стало важнейшим событием в жизни семьи, для его старшего брата, но отнюдь не помогло преодолеть большую проблему.

И еще, мама, как умная женщина, не могла не понимать, что ее муж оказался в весьма сложном положении. Он не мог чувствовать себя хозяином в своей семье. Этому препятствовало то, что, помимо ее старшего сына, ее мать тоже внутренне не принимала Игоря.

Это не означало, что конфликтные ситуации возникали часто, но обостриться они могли в любой момент.

Возможно тот факт, что Игорь получил для своей семьи комнату в квартире на Комсомольском проспекте, как-то приглушило и замедлило нарастание внутреннего конфликта, но нарыв рано или поздно должен был вскрыться.

Гарик в другом письме процитировал еще один документ, свидетельствовавший о высоком научном уровне мамы как научного сотрудника:

«ХАРАКТЕРИСТИКА

Младший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патологии, кандидат биологических наук БЛОХ Э.Л. является зрелым и опытным патофизиологом, владеющим большинством современных методов исследования.

Только за последние годы ею внедрены новые методы исследования по серотонину, моноаминооксидазы и др., для них же ею сконструирована специальная аппаратура.

Активность в работе только за последние 5 лет проявилась участием Э.Л. Блох в разработке вопросов перфузии легких, пересадок

легких, изучения легочного кровообращения и др., где ею проводилась вся биохимическая и патофизиологическая части исследований.

Э.Л. Блох – автор 39 печатных работ, из которых за последние годы (1960–1966) выполнено 16. Она многократно выступала с докладами на конференциях и сессиях института туберкулеза и других учреждений.

Будучи активным научным работником Э.Л. Блох активно ведет работу с молодыми специалистами, обучая их новым методикам исследования и помогая в работе.

По традиции, опыту работы, инициативе и работоспособности Э.Л. Блох безусловно может выполнять весь объем работы старшего научного сотрудника. Естественно, что должности мл. научного сотрудника она более чем соответствует.

Зав. лабораторией профессор (подпись) М.М. Авербах.

8 февраля 1967 г.»

Гарик написал по поводу этого документа следующее:

«Характеристика представляет собой второй экземпляр машинописи и предназначена, видимо, для переекзаменации. Для меня в ней есть несколько весьма примечательных моментов. Во-первых, она охватывает период, когда маме пришлось пройти несколько очень тяжелых этапов ее жизни. Это и развод с отцом²⁰, и неправильно поставленный ей диагноз саркомы руки (за опухоль приняли тень от мышцы), вся эпопея с фредовой операцией в Гантиади, едва не закончившаяся очень плохо²¹, болезнь и смерть бабушки, фредова защита²², да и я ей скучать не давал.

Тем не менее мама очень продуктивно работала, напечатать в первой половине 60-х 16 статей было очень непросто, число сборников и журналов тогда было сравнительно немного, публикационный бум начался позднее.

²⁰ Об этом пойдет речь в следующем разделе главы.

²¹ Летом 1963, когда мы с Лидой и Олечкой одышали в пансионате «Холодная речка» в Абхазии, я попал в больницу из-за острой боли в кишечнике. Во время хирургической операции мое сердце остановилось. На хирурга Сергей Варламович Гугуцидзе сумел массажем заставить его начать работать и тем спас мою жизнь. (Подробнее см. *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 108–109).

²² В 1962 я защитил кандидатскую диссертацию.

Кроме этого, характеристика содержит указание на общее число маминых публикаций, я знал только о нескольких, оказывается, их было намного больше.

Характеристика содержит конкретику и о маминых работах. Для меня всё это китайская грамота, но звучит очень серьезно, а то, что мама занималась пересадкой легких я понятия не имел. Теперь мне понятно, почему мама так заинтересованно следила за публикациями о первой пересадке сердца, она то их читала как профессионал.

Интересен и окончательный вывод о том, что мама вполне может исполнять работу старшего научного сотрудника, особенно если принять во внимание, что соответствующий диплом ей был выдан почти за три десятилетия раньше.

Подписавший характеристику профессор Михаил Михайлович Авербах работал с мамой с 1952 года, он сын тоже известного медика и тоже Михаил Михайловича. Это их семейная традиция. Его сын, тоже Михаил Михайлович, в настоящее время тоже работает в Институте туберкулеза»²³.

Окончательный разрыв с Игорем

По этому поводу не всё остается ясным. Об этом событии прежде всего следует выслушать мнение Гарика. Он весьма пространно это описывает, но поскольку это необычайно важно для понимания того, что произошло, привожу полностью письмо Гарика ко мне от 25 августа 2019 года:

«Фредюша! По вопросу развода родителей. Официально они развелись 27 мая 1964 года в Московском городском суде. При этом, заявление о разводе отец подавал в народный суд Ленинского района, по месту их прописки 25 декабря 1963 года. Видимо, мама была против развода, а мне еще не исполнилось 18 лет и я считался несовершеннолетним, раз дело передали в городской суд.

²³ Из письма Гарика Фреду от 31 декабря 2020.

Отцовское заявление имеет две особенности. Во-первых, оно было подано ровно через четыре года, после решения родителей развестись. Я запомнил этот день, по причине болезни я несколько дней жил у вас на Третьей Тверской-Ямской, родители приехали под вечер и мама нам с тобой сказала, что они с папой серьезно поговорили и решили развестись. Всё, что было до этого, я постараюсь подробно изложить позднее. А числа 8 или 10 января отец переехал в съемную комнату в Черкизово.

А второе странное обстоятельство в папином заявлении заключается в следующем. Папино заявление заканчивается следующим абзацем: «В настоящее время я переведен на постоянную работу в г. Ленинград и имею возможность наладить нормальную семейную жизнь и усыновить сына 3-х лет, что до сих пор не мог сделать ввиду того, что брак с гр. Блок Э.Л. не был расторгнут и новый брак не мог быть оформлен».

Для справки, брат Коля²⁴ родился 4 августа 1965 года и явно не мог быть тем сыном, о котором писал в заявлении отец. Его не было даже в проекте. Так что здесь возможны различные варианты от придуманного для пущей весомости заявления ребенка (что в общем-то не очень похоже на отца – примитивно врать в официальном документе), до смерти этого ребенка в промежуток от 25 декабря 1963 года (даты написания заявления в суд) до двадцатых чисел января 1966 года. Когда я посещал отца в его коммуналке на Обводном канале в Ленинграде, никогда ни отец, ни его супруга Евгения Дмитриевна (вроде бы я правильно запомнил ее имя и отчество), ни старшие сыновья, ни Коля не упоминали о еще одном брате. Когда мы с Фредом хоронили отца, мы были на могиле Е.Д. и там никакого упоминания о погребенном с ней ребенке не было. Да и могила Е.Д. была недалеко от могилы отца, а умерла она незадолго до отца.

Единственное, что может быть, это мамино предположение, что один из старших братьев был сыном отца (если это так, им скорее всего был второй сын, вроде бы Сергей), поскольку (по маминому рассказу) где-то в конце 40-х годов отец задержался в отпуске и толком не смог маме объяснить, где он был.

²⁴ Речь идет о нашем сводном брате Николае Игоревиче Фирсове, родившемся от брака Игоря Николаевича и Евгении Дмитриевны в Ленинграде.

Но мне это мамино предположение кажется неверным, во-первых, потому, что Сергею в 1963 году было лет 14, во-вторых, отец бы не стал в заявлении преуменьшать возраст сына).

Возможен и еще один вариант развития событий, что отец собирался вступить в новый брак совсем с другой женщиной, но что-то пошло не так и он поменял свои намерения. А может быть, ребенок действительно был, но отец использовал информацию о его наличии только для усиления своего желания развестись, а новый брак он планировал с Е.Д. Да и Е.Д. мне рассказала, правда после хорошей пьянки, что с отцом познакомилась летом 1959 года, причем он почему-то представился моряком. Так что, как говорится, возможны варианты.

Коля мне сообщил, что его братьев уже нет на этом свете, Сергей умер три года назад, а Володя осенью прошлого года. Так что результаты скрещивания Фирсовых и Блохов (или просто Блох) оказались более живучими. Целую. Гарик»²⁵.

Сообщение Гарика вызвало у меня некоторое сомнение. Не помнил такого разговора с родителями, в котором услышал бы об их желании расстаться. Полагал также, что об уходе отца из семьи узнал задним числом и увидел его после долгого перерыве только в заседании городского суда, принявшего решение об их разводе

Спросил об этом Лиду. Она тоже не помнила этого разговора. Написал об этом Гарика. В письме высказал свои сомнения и попросил уточнить этот факт.

Гарик, немедленно ответил:

«Это было 24 или 25 декабря, может быть я приехал с утра, этого точно не помню, но что я не очень хорошо себя чувствовал, помню. И ты был при этом, помню, как ты просто вскрикнул, когда мама сказала, что они решили разойтись. Что жизнь мамы с отцом стала для нее невыносимой, в связи с постоянными поездками отца в Ленинград, вроде бы в командировки, но когда он уехал на ноябрьские

²⁵ Из письма Гарика Фреду от 25 августа 2019а.

праздники, у мамы появились очень серьезные предположения, что дело тут не чисто»²⁶.

Это письмо Гарика вызвало у меня и у Лиды сомнения, будто такой разговор имел место, когда оба наши родители навестили нездорового Гарика, оказавшегося на Третьей Тверской.

Хорошо помню мамины слова в разговоре со мной о том, что Игорь становится невыносимым и их совместная жизнь по существу прекратилась. Об этом она мне говорила, по крайней мере, дважды. (Мама мне дала понять, что имеет в виду то, что называется семейными обязанностями). Но это она мне говорила с глаза на глаз. Но в наших разговорах с ней всё же не было речи о том, что они расстанутся.

К тому же ни я, ни Лида совсем не помним такого разговора, о котором пишет Гарик. Допустим, что Лида в тот момент находилась на Проспекте мира вместе с маленькой Олечкой. Но о такой вести она узнала бы от меня сразу после возвращения домой.

К тому же мама никогда не делилась со мной своими подозрениями по поводу частых поездок Игоря в Ленинград. Тем более такое она не могла сказать об этом в присутствии отца, (Гарик в своем письме от 25 августа написал, что они вдвоем приехали на Тверскую). И вряд ли при после того, как они решили расстаться, могла вообще зайти речь о подозрительных поездках отца в Ленинград.

Вообще проблема «ленинградских связей» отца, мне кажется, для мамы в тот момент имела значение лишь потому, что она делала для Гарика понятной причину разрыва отношений между родителями, спасала его психику от тяжелого потрясения. В действительности их разрыв был вызван не этим фактором.

Мама поняла, в конце концов, что они слишком разные люди, и не с ее характером было цепляться за видимость семейных отношений. Это она уже доказала перед моим рождением, вернувшись в Москву.

²⁶ Письмо Гарика Фреду от 26 августа 2019.

Единственным «связующим мостиком» между нашими родителями в тот момент был Гарик. Так я объясняю себе позицию мамы. Что касается меня, мама прекрасно знала, что мы с отцом уже давно далеки друг от друга. И маме было важно, чтобы Гарик осознал, что отец, которого Гарик любил, тяготился семейными узами и несмотря на то, что он несомненно любил Гарика, не останется перед тем, чтобы бросить Гарика.

Она знала, что ее дети останутся с ней и, как мне представляется, в той ситуации ее больше всего волновало одно – чтобы Гарик на этом «не сломался», чтобы нормальные человеческие ценности для него продолжали существовать, и этот горький момент оказался бы для него как можно менее болезненным.

К тому же отец после переезда на Комсомольский проспект больше на 3-й Тверской-Ямской не бывал. Последнее я помню точно. Сомневаюсь также в том, что такое событие как разрыв между моими родителями не могло бы отложиться в моей памяти. Ведь слова мамы о том, что они с Игорем стали чужими друг другу людьми, запомнил хорошо.

Это всё убеждает меня в том, что информацию об уходе Игоря из нашей семьи узнал задним числом, когда это произошло.

Таким образом, брак Фиры и Игоря распался вторично и уже окончательно. Но на этот раз разрыв не стал драмой для мамы. Просто отпали ненужные путы, усложнявшие ее жизнь и причинявшие в последнее время только неприятности и обиды. Любимые сыновья остались с ней. Правда, у старшего уже давно была своя семья и даже маленькая дочка, но это совсем не отдалило его от матери, просто добавило новые радости и заботы. Но, прежде всего, надо было вырастить младшего сына, сделать так, чтобы он не ощутил уход из семьи отца как серьезную душевную травму, морально его укрепить и помочь в будущем найти свою дорогу в жизни. И мама сделала это!

Поскольку Игорь Николаевич ушел из семьи, мои отношения с ним, прекратились. Но со временем, через несколько лет, острота и боль от тех событий несколько сгладились. Мне по разным причинам приходилось ездить в Ленинград. В одну из таких поездок, когда мне довелось участвовать там в какой-то научной

конференции, решил навестить отца. Знал, что он являлся директором архива, размещавшегося в здании бывших Сената и Синода, неподалеку от Зимнего дворца.

Зашел в этот архив, нашел кабинет отца и, постучавшись, вошел в приемную его кабинета. Сидевшая там секретарь заинтересовалась, по какому поводу я пришел. Ответил, что по личному и хотел бы переговорить с Игорем Николаевичем. Она спросила мою фамилию, а когда я ответил: «Фирсов», увидел на ее лице изумление. Она сказала, что у директора находится какой-то посетитель и попросила меня подождать несколько минут. Я присел на одном из стулов в приемной, а секретарь тут же вылетела из комнаты. Затем в последующие 10–15 минут в этой приемной побывала наверное значительная часть коллектива архива. Видимо, желание взглянуть на сына директора, оказалось для сотрудниц архива непреодолимым.

Когда из кабинета отца вышел какой-то человек, секретарь сказала мне, что я могу пройти в кабинет. Встреча с отцом была нормальной, не скажу теплой, но и не холодной. Просто мы оба знали, что связаны родственными нитями друг с другом. Понимали, что для нас следует сохранить видимость добрых отношений. К тому же мы не зависели друг от друга.

Отец пригласил меня побывать у него дома и познакомиться с его семьей. Договорились, что он придет на нашу конференцию и после окончания заседания мы поедем к нему домой. Стоит добавить, что в то время я уже был старшим научным сотрудником в своем Институте и даже автором ряда работ, опубликованных не только в стране, но и за рубежом.

Так и произошло. Отец привез меня к ним домой, познакомил со своей супругой – Евгенией Дмитриевной и сыном – Коленькой. Поужинали, потом я отправился к себе в гостиницу. Для меня эта встреча была обусловлена так сказать, сыновней обязанностью, что я и выполнил.

Позднее, когда отец приезжал в Москву, он посещал нас раза два. Более того, когда Коля подрос, я пригласил его приехать к нам. Он по годам был ровесником Наташи. Коля примерно неделю пробыл у нас.

Как-то приехав к нам, отец рассказал, что в их архиве писательница Мариэтта Шагинян, исследовавшая родословную Ленина, нашла документы о его деде – Дмитрие Александровиче Бланке, враче по специальности, который оказался крещеным евреем. Но опубликовать эти сведения не смогла, поскольку существовал запрет на разглашение сведений о том, что мать Ленина имела отца-еврея. И эти документы немедленно засекретили.

Отец не сказал тогда, что он, как директор архива, имел в связи с этим фактом серьезные неприятности. Об этом я узнал от Гарика, приславшего мне через интернет текст книги Михаила Штейна, в которой говорилось, что все работники архивов, имевшие отношение к тому, что документы, связанные с этой проблемой, были предоставлены исследователям, «были сняты со своих постов, директора архивов И.Н. Фирсов и Н.И. Ткаченко получили выговоры»²⁷.

(Между прочим этот секрет, один из самых важных секретов советского государства, в действительности, был «секретом Полишинеля». Я к тому времени не раз слышал «Куплеты про евреев», в которой евреи назывались виновниками всех бед. Одним из куплетов этой песенки гласил: «Говорят, из Мавзолея тоже вынесли еврея. Но один ещё лежит. Говорят, что тоже жид!». И полагаю, что распевали эти куплеты отнюдь не столько антисемиты, сколько те, кто мог сатирически воспринимать тогдашнюю советскую действительность.)

Через несколько лет, когда умер отец, а Евгения Дмитриевна скончалась еще раньше, мы с Гариком поехали в Ленинград на похороны отца. Перед отъездом я предупредил Лиду, что может случиться так, что домой вернусь вместе с Колей.

Я ничего не знал о старших братьях Коли и исходил из того, что Коля остался один. В Ленинграде выяснилось, что у него есть старшие братья, которые жили отдельно, его проблемы как-то решились, поэтому не возникла необходимость забирать Колю в Москву. Гарик позднее поддерживал контакт с ним.

²⁷ Цит. по: *Штейн Михаил*. Ульяновы и Ленин. Тайны родословной вождя. М., АЛГОРИТМ, 2018. С. 37. Штейн, как оказалось, являлся одним из тех историков, которые в описываемые годы расследовали генеалогию Ленина.

Последние годы жизни мамы

Перепрыгнув через несколько лет, хочу вкратце рассказать о маминой пенсионной жизни. Увидел, как она с присущей ей страстью обратилась к книгам и журналам, посещала различные выставки, общалась с подругами, плавала в открытом бассейне.

Несмотря на это, мама нередко простужалась. Услышав об этом, немедленно ехал к ней. Из шкафа доставал коробку с банками, натирал мазью ей спину и грудь, затем зажигал пропитанную спиртом ватку на проводке и, прогрев очередную банку, ставил ей их в изрядном количестве на спину, чуть меньше на грудь. Затем плотно заворачивал ее в одеяло. Она спокойно лежала, пока банки не остывали. Я снимал их, легонько смазывал мазью розовые кружки, оставшиеся на коже от банок и, опять укутывал маму. А потом поил ее чаем с малиновым вареньем. И это помогало.

К сожалению, ездил к ней не очень часто, но тут вмешивалась бабушка. Она варила для мамы гречневую кашу. Горячую кастрюлю с кашей заворачивали во множество газет, появлялась неизменная авоська, и я отправлялся на станцию метро «Белорусский вокзал», чтобы доехать по кольцевой линии до остановки «Парк культуры», откуда до ее дома было пешком минут пять-семь ходу.

Когда мне удалось вступить в дачный кооператив и, в конце концов, получить в свое распоряжение наибольший участок с четвертой частью двухэтажной дачи поселка, находившегося недалеко от станции «43 километр» от Москвы по Ярославской железной дороге, одна из комнат была выделена маме. Она проводила там каждое лето. Последние годы имела счастье играть со своей правнучкой Женечкой²⁸.

К сожалению, в эти времена виделся с мамой не часто, вал неотложных служебных занятий возрастал и буквально не оставлял возможности переключиться на другие дела. Впрочем, вполне возможно, что я так был увлечен историей Коминтерна, исследо-

²⁸ Женя Бутылькова – старшая дочь Оли и Димы. Родилась 7 марта 1985. Рива Бутылькова – младшая дочь Оли и Димы. Родилась 14 сентября 1995.

ванием тех проблем, которые мне поручались, а позднее и другими вопросами, связанными с организацией работы сектора, когда стал его заведующим, что упустил очень многое в личной жизни. В том числе и общение с мамой. Этого, увы, уже не исправить.

К счастью, выявился другой источник сведений о маминой жизни – это воспоминания Гарика, Оли и Наташи. Поэтому с радостью приведу рассказ Наташи о событиях тех лет.

«Память похожа на частично засвеченную фотопленку: что-то оказывается полностью затемненным, не восстановить; что-то немного потерявшим цвет, кажется, чуть поднатужься, и выплывет реальность, может слегка затемненная, но вполне узнаваемая, и заполненная фантазией в засвеченных кусках; а вот – сцены совершенно цветные, объемные, колоритные, с физически видимыми родными лицами, обстановкой, запахами, звуками. Говорите, это было полвека назад? – Ну что вы, тут какая то ошибка, ну может не вчера, ну так на прошлой неделе уж точно, иначе так ярко не всплывет...

Мне лет 6–7... Меня время от времени отправляют к бабушке на выходные... Я точно знаю, что меня ждет; схема примерна одна, чего-то жду с нетерпением (причем, предполагаю, не совсем того, чего ждет от этих визитов моя бабушка), о чем-то думаю со вздохом, мол придется потерпеть, ради другого, что вызывает восторг... К бабушке у меня, маленькой писюхи, отношение незаурядное: знаю, что я – ее любимица, не очень понимаю, чем заслужила, но хочется воспользоваться... Мне кажется, она видела, что я больше всех остальных на нее похожа оказалась. Глаза ее, серые, у Ольки, Ленки – черные. Может поэтому... Ну а мне чего не хватало...

Видимо, с кем-то сравнивала ее, мою единственную бабушку, и вот так, слегка задевало, ну вот почему она другая, моя бабушка, чей-то она так отличается от чьих-то там бабушек, живет самостоятельно и довольно далеко, всё время читает, встречается с подружками (вот ведь, смех и грех, подружки седенькие...), ходит в какие-то там лектории, на концерты и в бассейн, а не сидит весь день на приколе, ожидая ненаглядных внучек, чтобы накормить горячим супом и пирожками... Не то, что бы мне это было нужно, но в определенном возрасте, как известно, главное, чтобы как у всех...

Ее комната... Закрываю глаза, и могу расставить в ней всё, что то там было, точь-в-точь. Конечно, я и взрослой там бывала-живала (см. ниже), не сильно там что-то менялось с годами, так что память может и блефовать, но сейчас вспоминаю только те времена, что случились на прошлой неделе, а по вашему, лет эдак 50 назад.

Большая светлая квадратная комната... Две одноместные кровати углом, на одной спала я, на другой бабушка (засвеченный негатив – очень редко бабушка еще брала ночевать вместе со мной двоюродную сестру Ленку, и она спала на второй кровати... Да, но где же тогда спала бабушка?????? Упс, засвечено...). Большой платяной шкаф, в котором, верх аккуратности, развешены бабушкины кофточки и юбки. Шкаф был всегда предметом моего удивления, как то уж всё слишком организованно там висело...

Много лет спустя, когда бабушки не стало, мама ездила в эту комнату наладить быт Гарику, моему дяде, разбирала этот шкаф, в глубинах которого, как я слышала, оказались огромные залежи каких то навсегда, как казалось, забытых документов, газет, скопления вещей и предметов, чемоданы старые, даже вроде какие то забытые непогашенные облигации (последнее вполне возможно вызвано таки моей фантазией для увеселения картины, короче, шкаф оказался намного вместительнее, и менее организованным, чем мне казалось).

Коммуналка у бабушки была небольшая, всего четыре комнаты, но каждая комната была красивая, квадратная. Из соседей помню только малюсенькую старушку напротив. Ольга говорит, что помнит ее с мужем еще. Я только помню в платок шерстяной заматанную старушку, одинаковую много много лет...

Кухня была очень большая, у всех свой стол, маленькую меня туда бабушка не очень выпускала, только много лет спустя я в этой кухне потолкалась...

Из этих визитов помнится то, что каждый раз восхищало и увлекло, ну и то, что если не раздражало, то могло бы и не происходить... Офигевала от бабушкиного трельяжа... У мамы и близко ничего такого не было и не могло быть... А тут огромное зеркало, под ним трюмо, а в трюмо – сокровища, которые трогать можно было очень осторожно, но я прямо млела от бусов из персиковых косточек. Темные таки были бусы, косточки гладенькие, издавали такой тихий звук когда друг о друга стучались... Одевала на себя редко, это было

как бы даже чересчур, таяла от прикосновения к ним... Еще были там янтарные бусы, полупрозрачные, как леденец облизанный... Была янтарная брошь с застывшим жуком... Не страшно, а удивительно. Поверхность гладкая, прозрачная, а внутри он, жук, как живой, просто застывший, чтобы его не забыли никогда... А еще перед зеркалом стоял такой стеклянный шар, в ладонь размером. В нем цветок. Встряхнешь шар, и цветок покрывается снегом... Волшебство... Ну и самое любимое. Перед трюмо стояла низкая табуретка (какая и должна стоять перед таким трюмо), с шелковистым зеленоватым покрытием и длинной бахромой... Сколько же я косичек завязала из этой бахромы, не представить...

Вечером бабушка укладывала меня спать, подтыкала одеяло внимательно. Почему то она считала, что я очень люблю, когда это одеяло сильно меня придавливало. Для этого она натягивала его максимально и заправляла под матрас... Это было очень неудобно, но терпела, всё равно ж приключение...

Утром, неизменный ужасно тяжелый и большой завтрак (бабушкина фраза как заноза: "очень не люблю, когда оставляют на тарелке..."), манная каша, сосиска и горячий какао, сваренный с кипяченым молоком, а потому с пенками... Немножко по Денискиным рассказам²⁹ получается... Но это правда было так же... Поэтому Денискину беду с выброшенной за окно манной кашей я всегда представляла происходящими в бабушкиной комнате... С тех пор не ем ни сосиски, ни кашу, и какао не выношу... Пробовала сбить несколько раз, не фигу, рефлекс срабатывает...

Да, завтрак, как правило, происходил под звон колоколов очень красивой церкви напротив бабушкиного дома (церковь, на удивление, не изменилась... Она и советские времена богато смотрелась, сейчас наводили таких же, но и она не обеднела, так же вышлась царицей, расфуфыренной над Комсомольским проспектом, и колокола так же звучат победно, такие же старушки-поберушки стоят на входе...). Против церквей, как таковых, ничего не имею...

Зато потом начинались чудеса. В основном шли гулять в Парк культуры, который, конечно, сегодняшний не напоминает совсем.

²⁹ Имеются ввиду «Денискины рассказы» Георгия Драгунского, сборник веселых и забавных приключений маленького мальчика.

Восторг от кормления уток сравним только лишь с катанием на пароходике по Москве-реке. Сквозь туман пробивается катание на Чертовом колесе, еще какие то мелкие аттракционы... Было мороженое на скамеечке, которое должно было слегка подгаить, чтобы горло не простудить, ах как вкусно и липко...

Внизу, в бабушкином доме, вход с улицы, помню, была булочная... Бабушка меня саму в какой то момент туда запускала... Там булочки с изюмом продавались... Обожала...

* * *

Другая зарисовка... Лет наверно девять мне было... Бабушка взяла меня с собой и своими подружками в путешествие на несколько дней на пароходе по Оке до Волги... Воспоминания отрывочные, но очень сладкие... Они были очень смешливые и ласковые, бабушкины подружки... Помню в основном тетю Роху, такая высокая была, ласковое лицо в белых пушистых кудряшках, пучок сзади. Еще кто-то там был, но смутно, только тени остались. Обожала стоять на палубе, держаться за поручни и мечтать (типа как в "Титанике"³⁰, уже вполне мечтательный возраст подступал...). Кормили чаек, это было здорово, пока они не накакали на голову тети Рохи... Поразила меня ее реакция, она хохотала до икоты, звонко, очень по-девичьи, заливисто... Я тогда совершенно в нее влюбилась, но чаек больше не кормила, боялась видно, что так смеяться не смогу...

Из остановок помню Кострому, это была сказочная красота... И не случайно, нас привели (или мы сами дошли?) в деревню, где снимался фильм "Снегурочка"³¹, так всё и осталось там, понятно, что бутафория, но для меня сказка...

Бабушкины дни рожденья... Сценарий был примерно один из года в год, но очень мною любимый... Приходили мы, Гарик с Раей³² и Ленкой, бабушкины подружки. Смутно помню каких-то мужчин, это

³⁰ «Титаник» – британский трансатлантический пароход. Считался самым большим судном в мире. Во время первого рейса в ночь на 15 апреля 1912 столкнулся с айсбергом в северной Атлантике и затонул.

³¹ Фильм-сказка по пьесе драматурга Александра Островского. Режиссер Павел Кадочников. Вышел в прокат в 1970.

³² Рая Димитриу, бывшая жена Гарика.

наверно их мужа, но, видимо, они ушли скоро, подружки остались сами по себе.

Приходили к бабушке, ели очень горячий бульон с пирожками, который как я, потом узнала, бабушка начинала готовить за неделю до праздника, чтобы всё успеть... Ели всегда из одной праздничной посуды, как сейчас помню, тарелки с цветами и золотыми ободками, и серебряные тяжелые ложки. А пили... Мне, ну наверно и Ленке тоже, давали выпить из маленькой серебряной рюмочки... Олька уже наверно большой для рюмочек считалась. Это было волшебство. Наливали, по-моему, две капли кагора, вкус помню, и край рюмочки чувствую... Чай был со “штучками”, которые пеклись задолго до праздника тоже. Сильно позже я уже думала: значит, холодильник у нее был в комнате. Плита на кухне. Мусоропровод на кухне.

Коридор был довольно большой. Сколько же ей раз приходилось туда сюда сходить, чтобы накромсать например оливье... Или, пирожки испечь... Закрываю глаза и вижу, вот она идет быстро и легко, маленькими шажочками, из кухни в комнату и обратно, и так много раз...

После чая сидели на ее кроватках и креслах. Тетя Роха делала мне мышку из носового платка, которая смешно подпрыгивала по руке... Совершенно незабываемые мышки... Я даже научилась делать такую мышку, ну и забыла конечно потом, а то бы пользовалась сейчас успехом у своих голландских внучатых племянниц, даром что они через океан...

* * *

Ну вот. Подошла вплотную к тому, что хотелось бы пропустить... От правды не уйдешь, но лучше бы я туда со своим первым мужем Леной³³ не въезжала... Тут уже в памяти очень многое, все картинки как живые, и стыд тоже живой... Можно было бы свалить на молодую эгоизм, безудержную влюбленность, а потому всепрощение всего того, что в принципе мне должно было бы претить, громкий голос, хамоватое невнимание к окружающим, перешагивание через всё, что тебя не касается... Ну а чего сваливать, сама во всем этом виновата... Нет, мы не ссорились никогда, никаких скандалов, просто Леню бабушка нико-

³³ Леонид Морозов – первый муж Наташи.

гда не могла полюбить, антипод совершенный ей, а я была тогда полностью им поглощена. Конечно, с Олькой и Димкой, которые до нас там жили, ей было спокойнее и легче, Олька наплевательства бы не допустила... А я очень даже допустила... Мне кажется, ей было легче выдержать запойного алкоголика с женой, вехавшего в одну из комнат в какой то момент (небольшое лирическое отступление...

Ну просто, чтобы жизнь этого алкоголика не прошла даром, а осталась запечатленной на бумаге... Это мое было первое в жизни столкновение с таким. Эта парочка, когда въезжала, выглядела вполне сносно. По-моему они только недавно поженились... Избил он ее первый раз где-то через неделю после въезда. Она вылетела из комнаты с фингалом под глазом, даже криков в комнате никаких слышно не было. Потом он ушел в запой, и где то неделю не вылезал из комнаты. Он на это время исчезла. Потом он выполз, принял душ, она вернулась, и они душа в душу дружно начали что-то жарить на невозобразимо вонючем сале, от запаха которого я просто дурела. Потом чуть больше недели мирно, и по новой... Мордобой-запой-похмельсало... Запой становились всё длительнее, а сальные паузы короче... Потом они исчезли как то...

Еще интересный момент, я вообще не понимала, чего он говорит. Вообще. Когда орал по телефону, я всё время прислушивалась, вроде русский... Звуки знакомые... и только... Ни одного словечка выделить не могла. А еще он отключал воду, если ему казалось, что ты за сиделся в ванной... Ну профессиональный водопроводчик же...).

Вот я и говорю, эту парочку, я думаю, бабушке было легче воспринимать, чем нас. Это всё мои догадки, конечно, она никогда ничего не показала, только отделялась от всего... Потому что, этот алкоголик – это вообще фиг знает что, тут силы не равны, это скорее что то человекоподобное... А со мной, думаю, нелегко было примириться. Но мне кажется, она не судящая была... Сплетней даже в своей голове не терпела... Просто защитилась стеночкой...

В общем, до того как мама разменяла наш проспект Мира³⁴, нам с Леной деваться было особо некуда. Послonyaлись по друзьям, пожили

³⁴ В конце 70-х ввиду, что Оля и Наташа вышли замуж, нам с Лидой пришлось разменять нашу трехкомнатную квартиру. (См. : *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 278).

с его мамой, и когда Оля выехала из съемной комнаты в бабушкиной квартире, мы туда въехали. Могу себе представить, в каком бабушка была ужасе от всего. Она жила вполне насыщенной жизнью, наполненной тем, что она любила, книгами, подругами, лекториями, бассейном. Она в жизни, я так понимаю, особо ни на кого не рассчитывала и внимания не кланчила. Абсолютно самодостаточной была. Было довольно (научилась так или согласно природе? Кто его знает теперь...) себя самой, и того, что есть.

Сыновьями очень любовалась, даже я слышала, “мои сыновья – моя гордость”. Может я не знаю, до конца, но уверена, не плакалась им, не потому что гордая, потому что привыкла сама с собой... Насколько была плечом, трудно сказать. Ну одно знаю, Гарик у нее долго довольно жил после развода. А ведь одна комната, с двумя, если помните, одноместными кроватками...

Ну вот, а тут, значит, мы ворвались, с бессмысленной своей энергией направленной на исполнение лениной кретинской мечты приобретения автомобиля, со своим шумом и гамом, громкими телефонными разговорами (телефон, соответственно, в коридоре, рядом с бабушкиной комнатой) о деньгах в основном (могу только себе представить как ей это претило...), ссорами и перемириями, курением в комнате, нахрапными отсиживаниями в общем сортире и ванной, халтурной уборкой общей территории, гостями до поздней ночи, абсолютным равнодушием ко всему и всем... Я по моему даже в магазин для нее никогда не ходила... Тьфу.

Если бы только я была повзрослее, мы бы говорили бы с ней про ее прошлое, про работу, про то как она, Эсфирь Лазаревна Блох, сумела пройти через славное советское прошлое, быть ученым и не загреметь в места неотдаленные, про детство, про Польшу, про ее родителей, да и может про любовь ее жизни, этого странного нашего деда, которого помню смутно, и от которого у нас с сестрой в крови $\frac{1}{4}$ нееврейства... Эххх... Если бы... Но у меня, как говорит моя тетя, были другие приоритеты.

Общения никакого не было... Совершенно параллельно жили, она никогда к нам не заходила, я к ней минимально, совершенно по соседски... Хотя образы остались от того времени... Бабушка за обеденным столом, на столе пустая чашка, и подставка для книг, и бабушка читает совершенно поглощенно, очевидно, что завтрак кон-

чился, но остались еще вот это несколько сладких минут дочитывания... Сейчас сама так досаживаю, вот еще минутка, еще пять...

Бабушка жарит котлеты. Она сначала их лепила, раскладывала на доске, а потом потихонечку жарила. Мама моя как-то параллельно это всегда делала... Кстати, бутерброд – черный хлеб с котлетой она ценила больше пирожного... Это она мне передала...

* * *

Потом у нас появилась дача³⁵. И бабушка в полном счастье каждой весной туда переезжала. Я всё удивлялась, как это она с такой легкостью на целое лето отказывается от всех своих занятий, предпочитая Фрунзенской набережной наше вполне цивилизованное (горячая вода, сортир в доме), но мало обжитое Подмосковье... Потому что самодостаточна... Потому что появилась Женька... Потому что Оляка оказалась добрее, терпеливее и ласковее меня. Потому что мама моя, хоть и совсем другая была, но при ней бабушке было спокойно...

Там, на даче, бабушка и упала... И сестра моя, отослав маленькую Женьку к соседке, пыталась ее откачать... Не удалось. Потому что, уже упав, бабушка встала вынести горшок... Нельзя же такое оставлять... А потом уже больше не встала...

* * *

В Америке, когда уже мы переехали в Массачусетс, бабушка мне всё время мерещилась... С одной стороны, странно, не так чтобы я ей много времени уделяла когда-то... С другой стороны, неудивительно конечно, внешности она была очень типичной, ашкенази еврейской... Маленькая, беленькая, аккуратная, милостивая старушка... Но мерещилась она мне еще и по другой причине. Почему-то очень хотелось ее себе здесь представить... Что бы ее радовало здесь, где она бы хотела жить, с кем общаться... Какое бы удовольствие она получила от музыкальных концертов, путешествий, удивительной близости океана, привычного уже нам сегодня сочетания городской и усадебной жизни, всех этих пряничных домиков, утопающих в зелени, до сих пор ведь не верится, что такое бывает, где бы она предпочла жить, в Бостоне, рядом с музеями, концертными залами, или здесь,

³⁵ См. : *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 275–277.

где есть удивительная набережная вдоль океана, которую мы сейчас, во время этого проклятого ковида вдруг стали бояться... В одном я уверена, разговоров о «золотой клетке» она бы не вела... Просто потому что умела радоваться тому, что есть...»³⁶

Наташин рассказ содержит краткое упоминание об уходе из жизни нашей с Гариком мамы.

На даче Фира находилась и в тот роковой день 22 июня 1988 года, когда ее сердце остановилось. Этот день стал для меня самым «черным» и горьким днем моей жизни. А Эсфирь Лазаревна Блох останется в моем сердце навсегда, пока оно будет биться.

Всё, что произошло в тот роковой день мне вспомнить очень трудно и тяжело. Ощущение тогда было такое, что всё, что тогда последовало, после того, как я вбежал в комнатку мамы и склонился на ней, дальше происходило будто бы не со мной, а с кем-то другим. Хлопоты в милиции, поездка в магазин для выбора гроба, да сама кремация и захоронение праха мамы в крематории слились в один черный провал, в котором разобраться не в состоянии.

Оля о бабушке

То, как это случилось, восстановила в своем письме от 6 сентября 2019 г. Оля. В ее письме оказалось много важных сведений не только о маме и ее кончине, но и о том, какой увидела нашу семью моя старшая дочь, будучи еще ребенком. Всё, что отложилось в ее памяти о бабушке, написано так ярко и убедительно, что целесообразно привести письмо Оли целиком.

«Дорогой папочка!

С тех пор, как ты попросил написать, что я помню о бабушке, вспоминаю постоянно и теплеет на сердце. С бабушкой мы провели рядом несколько сладостных взрослых лет. Сначала когда мы с Ди-

³⁶ Письмо Наташи Фреду от 17 сентября 2020.

мой³⁷ стали бабушкиными соседями, потом четыре лета провели на нашей даче с маленькой Женькой.

Но всё же начну с детства. Прабабушку помню мало, что-то очень смутное, какой-то невнятный образ возникает в сознании в связи с прабабушкой, знаю от мамы, что бабушка взяла на себя заботу обо мне в самом конце, наверно, я ее тогда видела, сосредоточенную, не до ребенка ей тогда было, этот смутный образ – это точно мои собственные воспоминания. У меня была тогда странная фантазия, телевизором, наверно, навеянная, что вокруг нас инопланетяне, что я вижу не лица, а маски, бабушка точно и по-моему, Вера Абрамовна попали в эту категорию. Я точно считала, что бабушка Фира из инопланетян и лицо не ее. Воспоминания настоящие, но осмыслить пытаюсь только сейчас, думаю, что всё-таки это был испуг близкого ухода Веры Абрамовны и бабушкино присутствие при этом.

Следующее воспоминание, тоже в связи с уходом, уже Ривы Самойловны³⁸. Мне уже восьмой год, меня держит крепко за руку бабушка Фира и говорит с Викой³⁹ у подъезда Аленкиного⁴⁰, говорят они о кремации, не для меня говорят, как бы скрывают, а я тихо стою рядом, как будто не причем, а сама слушаю, кумекаю, колесики в моей детской головке медленно поворачиваются, скрипят и вот понимаю, всё, беда, обвал, всё рушится, бабушки Ривы нет больше, а я всё стою и бабушка Фира всё крепко меня за руку держит. И деловой этот разговор, и мое это обвальное понимание беды и смерти, и тихое стояние рядом как-то долго помнились. И об этом думаю часто и понимаю, каково было всем прибитым бедой и заботами взрослым, как не до ребенка восьмилетнего всем было, и о бабушке, которая крепко меня за руку держала.

Потом приятное.

³⁷ Дима Бутыльков – муж Оли. Вскоре после их женитьбы в квартире, где жила мама, оказалась свободной одна комната, поскольку ее жилец уехал в зарубежную командировку. Мама договорилась с ним, что его комнату временно займут Оля с Димой и почти два года они прожили с мамой в одной квартире.

³⁸ Рива Самойловна Дорфман – мама Лиды, скончалась 5 мая 1967.

³⁹ Вика Мочалова в то время была женой Бориса Носика.

⁴⁰ Алена (Елена) Носик – младшая сестра Лиды.

Бабушка водила меня на балет в Большой, на галерку театра на Спартака⁴¹, может и на Жизель⁴², но Спартака – Васильева⁴³ и еще более прекрасного Красса – Лиепу⁴⁴ помню вместе с бабушкой и ее биноклем, там, на галерке Большого. Это было прекрасно.

А потом в старших классах бабушка брала меня с собой на лекции-концерты музыкальные, на Никитскую, помню, шли мимо церкви, бабушка рассказывала, что там Пушкин венчался. На тех абонементных концертах мне было иногда и немного неловко быть единственным тинейджером в компании старушек (а может быть и не такие они еще были старушки?), но эти хорошие рассказы и короткие концерты подарили мне музыку навсегда.

Орган (мы слушали баян в роли органа), фортепьяно и рассказы статной дамы о композиторах и музыке, ничего, конечно, не помню, но дали мне эти лекции всё же очень много, какое-то чувство приобщения к чему-то, какой-то большой мир приоткрывался на этих лекциях!

Также как и концерт (или концерты,) в квартире композитора Гольденвейзера⁴⁵ на Горького, тоже с бабушкой, может оттуда так люблю попадать в незнакомые чужие квартиры со старой мебелью и прошлой жизнью.

⁴¹ Балет Арама Хачатуряна «Спартак» (либретто Юрия Григоровича) был поставлен в Большом театре Юрием Григоровичем в 1956. (Интернет. kudago.com/msk/event/spartak-v-bolshom-teatre)

⁴² Балет Адольфа Адама «Жизель» в Большом театре был впервые поставлен в 1943. (Интернет. <https://soundtimes.ru/balet/klassicheskie-balety/zhizel>)

⁴³ Владимир Васильев – солист балета, балетмейстер, дебютировал в балете Большого театра в 1959. Свыше тридцати лет являлся ведущим солистом этого театра (Интернет. <https://ruspekh.ru/people/item/vasilev-vladimir-viktorovich>)

⁴⁴ Морис Лиёпа – солист балета Большого театра с 1960 по 1982, затем артист кино. Скончался 26 мая 1989. (Интернет. 24smi.org/celebrity/3355-maris-liepa.htm)

⁴⁵ Имеется ввиду музей-квартира Александра Гольденвейзера, пианиста, композитора, педагога, литератора, общественного деятеля, скончавшегося в 1961. В его квартире в 1955 был открыт Музей-квартира Александра Гольденвейзера. Он состоит из мемориальной зоны и камерного музыкального салона. (Интернет. <https://notkinastya.ru/goldenvejzer-aleksandr-borisovich/>)

Утонченность и интеллигентность всегда радостно приветствую, встретив, потому что видела в бабушке, рядом, и сейчас испытываю ощущение праздника, когда вдруг в театре, на концерте видишь рядом седую головку и бархатное черное платье, это моя бабушка.

Помню картинку в Хорошевской нашей квартире, бабушка сидит на протертом тобой красном диване как нахохлившийся воробушек, у нею горе, выгнали на пенсию, что-то про украинца начальника, наверно, антисемита (может это добавилось позже), но непонятное мне горе ухода на пенсию, эта вынужденность, этот крах привычного мира, помню очень хорошо.

Мне посчастливилось увидеть, что бабушка прекрасно справилась с трудностями перехода в пенсионное состояние. Помню ее, складенькую, в синем тренировочном костюме, спешашую на гимнастику, энергичные движения, всё расписано, всё толково обустроено.

Повезло с Перестройкой. Толстые журналы наполнили жизнь литературой, и бабушка начинала день с завтрака с журналом, выходила из комнаты в необъятный наш коммунальный коридор, а глаза ее светились от счастья чтения хорошей книги или журнала. Она мне так и говорила, какое счастье, что можно читать. И читала, и концерты по абонементам, и выставки, и гимнастика, и конечно, идеальные порядок, постиранные пакетики из-под мороженых овощей из Морозко⁴⁶. Сырники из двух пачек творога, купленных в магазине на набережной, ровно 14 штук, 7 на пачку, всегда остывали после разогревания на дощечке.

Вот и у меня всегда остывают на дощечке, и я их всегда считаю, хотя мне-то зачем (?), мимо моих сырников не пройдет беременная внучка, которая, не задумываясь, хватает бабушкин сырник. Для бабушки каждый исчезнувший сырник оказывался неожиданной загадкой природы. Иногда исчезали даже два, и для Димы, бабушкиного внука⁴⁷, это были просто бабушкины сырники, а значит вовсе не соседкино лакомство, взять которое сравни воровству.

⁴⁶ В конце 1970-х в Москве на углу улиц Профсоюзная и Кедрова открылся магазин Морозко (Интернет. www.facebook.com/morozko.supermarket)

⁴⁷ Бабушку Димы звали Эсфирь Соломоновна Бутылькова.

Бабушкины штучки, бабушкин лимонный пирог и коврижка... Это как потерянный рай, штучки-то я мастерю как у бабушки, с сахаром, а секреты приготовления лимонника и коврижки утеряны навсегда, если что-то похожее встречается, не могу остановиться, хотя понимаю, что не то, не то...

Дача. Помню, начало июня, бегу по Колпачному переулку⁴⁸ и думаю, скорее, надо на дачу переезжать, Женьку вывезить и бабушку. Пару недель всего в том году прожили там. До этого всё посчастливилось три полных летних полос счастья (лето – это маленькая жизнь). Это были замечательные времена.

Бабушкина пипетка для глазных капель возле тарелки, бабушкино желудевое кофе, наше нехитрое разделение обязанностей – я готовлю, бабушка убирает – ох, сколько же ей приходилось тереть, чистить плиту после моей готовки.

Бабушка была замечательная рассказчица, прекрасно поставленным голосом она рассказывала о том, как ходила на демонстрации и стирала ноги в кровь, она рассказывала об убитом приказчике⁴⁹, она рассказывала, что пересеклась с замечательным профессором Вовси⁵⁰, она рассказывала, как не поехала в отпуск по Волге и была с нами, с Наташкой на даче на 42-м километре.

Рассказывала про свою приятельницу, красивую высокую даму с короткой стрижкой. Имени не помню, можем Сарра Владимировна (отчество прилагалось, хотя почему Владимировна?)⁵¹. Эта дама была по рождению австрийская еврейка, выскочила за красного дипломата

⁴⁸ В Колпачном переулке Москвы размещался Институт международного рабочего движения АН СССР, в котором работала Оля, вначале научно-техническим сотрудником, затем младшим научным сотрудником с 1976 до 1991.

⁴⁹ Ее прадедушке.

⁵⁰ Мирон Вовси – советский терапевт и клиницист, руководитель кафедры терапии Центрального института усовершенствования врачей, академик АМН СССР, генерал-майор медицинской службы (1943), Главный терапевт Красной Армии. В январе 1953 арестован по сфабрикованному «делу врачей». 3 апреля освобожден, а 4 апреля признан невиновным. Умер 5 июня 1960.

⁵¹ В письме Гарика от 28 сентября 2019 уточнено имя этой женщины – Софья Давыдовна Попориш.

по любви (или глупости, это уж я добавляю) и провела потом много лет в лагерях, где ее спасло, что была детским врачом и лечила новорожденных деток уголовницам и те подкармливали, не дали умереть. А еще, как говорила бабушка, спасло ее то, что в детстве была заложена крепкая, хорошая основа, модно было хорошее питание, это помогло лагеря пережить. А родную сестру этой дамы американские евреи выкупили из уже гитлеровской Австрии. Вот такую историю помню про одну из бабушкиных подруг.

Других бабушкиных подружек помню, тетю Роху (она делала мышку из носового платка и говорила низким спокойным голосом), маленькую тетю Бебу, черные глаза-сливины, тетю Паню, тоже высокую старуху. Всегдашний ритуал бабушкиного дня рождения, те же блюда и неспешные разговоры вокруг стола в большой комнате.

Бабушка и Женька..., по-моему, настоящая главная бабушкина любовь, с самого начала, когда увидела ее в постельке. А на даче и кормили, и гуляли и играли.

Играли они с бабушкой в магазин с упоением. “Дайте, пожалуйста, 300 г. масла, пожалуйста”...

В тот день было очень жарко, солнце палило, поэтому в магазин бабушка с Женькой играли на крыльчке Валентины Акимовны, соседки, больше от солнца спрятаться было негде.

Потом мама⁵² уехала в Москву, мы остались, пообедали, бабушка легла отдыхать наверху, Женьку внизу положили, что уж я делала, не помню. Вдруг бабушка в ночной рубашке на лестнице: “Оля что-то не так!”.

Ей было дурно, понадобился горшок, потом легла, валидол уже был под языком, почему-то я позвала какую-то молодую соседку-медсестру с какими-то таблетками, но бабушка не хотела мешать таблетке, валидол-то был принят, это она сказала точно, что-то я приносила-уносила по лестнице. Женька была со мной, отправила ее к соседке, а та вернула обратно, мы и бегали по лестнице вместе. Зачем, не знаю. Суеты всё же немного было, постояли у кровати, а потом всё.

И соседка, эта молодая, закрыла бабушке глаза. Ангельский спокойный уход. Потом Дима появился, они приехали с Эсфирь Соломоновной их Москвы, ну а дальше звонок вам и всё закрутилось...

⁵² Лида.

Извини, что рассказываю до конца, это моя история с бабушкой, этот конец – тоже часть этой истории, как впрочем и не рассказанные эпизоды, которые сейчас не вспомнились, может и вспомнятся еще»⁵³.

Подруги и друзья мамы

Сколько себя помню, столько же помню и маминых подруг – Асю, Роху, Наташу, Паню. Но не разу не видел их вместе, мы бывали у них в гостях, каждая из них приезжала к нам – тетя Ася с дядей Юткой и с Сашкой, тетя Паня вместе с дядей Ваней, Наташа со своей дочкой Майей.

После того, как мама ушла на пенсию (и жили она с Гариком уже в большой комнате на Комсомольском проспекте) она смогла собирать у себя своих подруг, мужей их у большинства уже не было в живых, появились и те ее давние подруги по Казани, которых я раньше не видел.

Гораздо лучше о них расскажет Гарик, наблюдавший их в течение многих лет. Поэтому этот раздел будет состоять из писем Гарика, я же ограничусь несколькими комментариями.

Привожу письмо Гарика от 20 августа 2019 года:

«Фредюша! Документальная часть практически кончилась, сейчас я хочу с помощью маминых телефонных книжек описать круг ее общения – ее дорогих подругек. Сначала я их только перечислю, а потом напишу, что помню о каждой из них.

В основу их перечисления положу два принципа – места знакомства их с мамой и своего знакомства с ними. По первому принципу их можно разделить на варшавский, казанский, московский (университетский), институтский...

Мой принцип скорее связан с моим детским (дошкольным), подростковым и более взрослым периодами.

По первому принципу я знаю только одну мамину подружку, это тетя Роха, полностью Рахиль Лазаревна Митрополитанская. Их с ма-

⁵³ Письмо Оли Фреду от 6 сентября 2019.

мой знакомство состоялось еще в детском садике в Варшаве. Смутно помню фотографию двух маленьких девочек, но где ее видел, не помню, то ли у нас в альбоме, то ли у тети Рохи.

Дружбу свою, более чем шестидесятилетнюю, они пронесли через всю свою жизнь. Более подробно о тете Рохе и ее сыне Иосике напишу позже.

Из Казанского периода в мой первый круг входят две мамыны подружки: тетя Наташа и тетя Паня. Наташа Честнокова (как в маминой телефонной книжке) всегда для меня была тетя Наташа Рожкова, как ее звала мама, чтобы отличить от других своих Наташ. Видимо, это ее девичья фамилия, которая закрепилась в маминой памяти со школьных времен.

Тетя Паня имела фамилию Остапова, а как ее полностью звали я и не знаю, никогда не слышал.

К сожалению, я не знаю полных имен и отчества у многих мамыных подружек, поскольку и мама, и они друг друга всегда звали только по именам.

И четвертая мамаина подружка из московского университетского периода, входящая в мой первый круг – это тетя Ася, полностью, по моему, Ася Исааковна Фрид.

Это четыре мамыных подружки, вошедшие в мою жизнь практически сразу еще в дошкольный период, я помню, конечно смутно, их в нашей комнате на 3-й Тверской Ямской, и у них в гостях, на разных праздниках.

В мой уже школьный период на Комсомольском проспекте в эту компанию влились Наташа Бать, тетя Беба (Белла Владимировна) и чуть позже Любовь Борисовна Утевская.

Из институтских друзей мамы помню чету Ельников, они были постарше мамы, жили в Подлипках, мама к ним часто ездила.

Кроме мамыной лаборантки Веры Михайловны Ивановой, помню БERTУ Яковлевну Стукалову и Нину Марковну Макаревич⁵⁴.

Кроме них, помню двух профессорш, одну звали Фреда Львовна, вторую Фрида Львовна, а также тещу историка Разгона⁵⁵, (вроде бы ты его знал), племянника того самого Разгона⁵⁶, по фамилии Незлина.

⁵⁴ Мама известного композитора, музыканта и певца Андрея Макаревича.

Всех трех профессорш выгнали из Института туберкулеза в 1953 году вместе с мамой, но, по крайней мере, двоим из них повезло меньше. Незлиной пришлось на несколько лет уехать в Душанбе, а одной из Фрид – Фред в Якутск.

Из казанского периода помню художницу Рязанскую, чья картина с коровками висела у вас на даче на 43-м километре (а не на 42-м, как ты написал в своей книге, остановка 42-й километр находится не на Ярославской, а на Казанской дороге), а две картины висят у меня дома и на даче, и Иру Егереву, с которой познакомился у тети Рохи, о ней писала Евгения Гинзбург⁵⁷, они сидела с ней в одной камере в казанской тюрьме. Ее посадили за то, что когда-то она посещала семинары профессора Слепкова⁵⁸, арестованного в 1933 году, заодно и всех, кто ходил к нему на семинары, Егеревы была аспиранткой биофака.

⁵⁵ Толя Разгон был моим однокурсником. У нас сложились с ним дружеские отношения. Впоследствии работал в Институте истории АН СССР, доктор исторических наук. Перед нашим с Лидой отъездом в США случайно встретился с Толей и сказал ему о моем предстоящем отъезде. Он тоже собирался уехать в США и намеревался жить в Лос-Анжелесе. Мы договорились с ним установить контакт, но, к сожалению, этого не получилось.

⁵⁶ Имеется ввиду Лев Эммануилович Разгон, писатель, правозащитник. Арестован в апреле 1938, провел в лагерях 17 лет, освобожден в 1955 г., реабилитирован, один из основателей Общества «Мемориал». Умер 8 сентября 1999. (www.zaharov.ru/knigi/nashi-avtory/lev-emmanuiljvich-razgon.html).

⁵⁷ Российская советская журналистка, член ВКП(б) с 1932, кандидат исторических наук, сотрудница газеты «Красная Татария». Арестована в 1937, приговорена к 10 годам тюремного заключения по обвинению в участии в «троцкистской террористической организации», провела 2 года в тюрьме и 8 лет в лагерях, затем 8 лет в «бессрочной» ссылке. Реабилитирована в 1954. Умерла 25 мая 1977 (www.liveinternet.ru/users/tinagozen/post347130489).

⁵⁸ Слепков Василий Николаевич, член ВКП(б) с 1919, профессор Казанского университета и Татарского педагогического института, биолог. Арестован в 1933 и 16 апреля постановлением коллегии ОГПУ присужден к заключению сроком на 3 года. С мая 1936 проживал в Баку. 13 января 1937 арестован, 1 августа осужден и расстрелян по обвинению в руководстве контрреволюционной террористической организацией правых в Казани. В 1957 реабилитирован. (Интернет: «Слепков Василий Николаевич. Вечная память хорошим людям. БИОГРАФИИ». arxiv.clan.su/publ/1-1-0-1).

О ней вспоминала Гинзбург в книге “Крутой маршрут”: “Однажды после обеда, в неположенный час, вдруг загромыхал замок и засов на нашей двери. Вошли два надзирателя.

– Третья! – взволнованно шепнула Ляма⁵⁹.

– Горячий сезон. Путевок не хватает, – мрачно сострила я.

Через десять минут дверь снова прогрохотала, и в камеру вошла молодая женщина с красными пятнами на щеках, с расширенными от ужаса глазами. Лицо показалось мне знакомым. Оказалось – это Ира Егерева, аспирантка биофака университета, гидробиолог. Я встречала ее в коридорах университета, знала, что это единственная избалованная дочка из профессорской семьи. Что она могла иметь общего с политическими «преступниками»? Какие извилистые пути привели ее сюда?

Четыре года тому назад она посещала семинар Слепкова и даже немного пококотничала с красивым талантливым профессором. Сейчас она была арестована по обвинению в участии в группе правых. Была она очень беспартийной и понятия не имела, чем отличаются правые от левых и вообще с чем всё это едят⁶⁰.

Помню еще дядю Мирона и его жену, по-моему, тетю Сарру, он был каким то общественником в союзе журналистов и несколько раз проводил нас с мамой на мероприятия в дом журналистов.

А теперь подробнее о тех, кого хорошо помню. Мое самое первое воспоминание в жизни – это визит домой к тете Рохе. Родители куда-то уходили и оставили у тети Рохи. Мне было годика 3, и потом Иосик

⁵⁹ Лидия (Ляма) Шапель – сокамерница Гинзбург в следственной тюрьме в подвале областного управления НКВД на Черноозерской улице Казани, была арестована как бывшая служащая КВЖД. Ее судьбу установить не удалось.

⁶⁰ Гинзбург Евгения. Крутой маршрут. Интернет (<https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/19052-17-evgeniya-ginzburg-krutoy-marshrut.html#book>).

Ира Егерева была сокамерницей Гинзбург, не только в следственной тюрьме, в подвале областного управления НКВД на Черноозерской улице Казани, но и в камере Казанской тюрьмы на улице Красина. Обоих затем этапировали в Москву, где их посадили в Бутырскую тюрьму. Также, как и Гинзбург, Егерева была осуждена Военной коллегией Верховного суда СССР. После смерти Сталина освобождена.

мне сказал, что он меня тогда укусил. Этого я как раз не помню, а вот мужа тети Рохи запомнил хорошо, видимо, это был первый большой страх в моей жизни, поэтому мне всё это и запомнилось. Вообще тетя Роха была овеществленной добротой. Более доброго человека, как убеждала меня мама, на свете нет и не было. Она была знаменита в семьях своих подруг двумя вещами. Как говорила мама, Роха делает для детей мышки, а для взрослых коврижки. Как тетя Роха умудрялась сворачивать из носовых платков мышек, которые потом сами прыгали в ладошке, я так и не понял. А ее медовые коврижки никто переплюнуть не мог, это было что-то божественное. Даже бабушка признавала, что Рохины коврижки это нечто!

Тетя Роха, как я понял из маминых слов, прожила очень тяжелую жизнь, ее муж был болен какой-то душевной болезнью, типа шизофрении, он ходил широкими шагами по квартире и что-то раздраженно бубнил себе под нос.

Помню, я со страху залез под стол и сидел там, пока не пришла мама. Я, конечно, никогда не говорил с Иосиком об его отце, видимо, он ушел из жизни где-то в конце 40-х или в первой половине 50-х годов.

Жили они тогда недалеко от Кремля, из окна была видна первая московская электростанция на набережной, напротив Кремля.

Потом тете Рохе дали комнату в районе Ленинского проспекта и мы с мамой туда часто ездили, сначала на метро, потом на трамвае.

Как это часто случается в жизни, через много лет я снова оказался в этом районе, на той же трамвайной остановке располагается вторая территория нашего института, и я, выходя из трамвая, вспоминаю тетью Роху, как вспоминаю маму, до недавнего времени ежедневно, а сейчас два-три раза в неделю, проезжая станцию “Яуза”, где располагается мамин Институт туберкулеза.

Тетя Роха, как и мама, окончила биофак и работала много лет с известным ученым членкором Коштойанцем⁶¹.

С Иосиком, который моложе меня на год, я сдружился уже будучи студентом, он поступил в Институт электронного машинострое-

⁶¹ Хачатур Седракович Коштойанц – советский физиолог, профессор, доктор биологических наук, членкор АН СССР. Умер 2 апреля 1961. (www.physiol.sci.am/koshtoyants.html).

ния, куда я хотел перейти из Станкина⁶² после первого курса, но опоздал буквально на 15 минут, уже началось последнее заседание приемной комиссии, а то бы я закончил тот же институт, что и Иосик.

Кстати, чуть опередил меня и всё-таки перевелся в этот институт мой будущий коллега по работе в Главмосстрое Додик Левитин, тоже очень колоритная фигура.

Иосик после окончания института был распределен в научно-исследовательский институт автоматической аппаратуры, где сразу попал в очень интересную молодую компанию, занимающуюся очень нетривиальной задачей – как прогнозировать процесс принятия решений в высшем военном эшелоне США. Они разработали целую теорию и подготовили методику, согласно которой в нашем генштабе следовало создать абсолютно автономную группу из лиц, получивших военное образование в Америке, желательно в Вест-Пойнте, и мыслящим как американские военные, которым следовало постоянно предоставлять информацию, которую, по нашим представлениям, собирает о нас их разведка.

Всё закончилось в тот момент, когда, как и следовало ожидать, оказалось, что в СССР нет ни одного военного специалиста, закончившего Вест-Пойнт. Тем не менее, ребята смогли за это время составить себе некоторое имя и с помощью вице-президента Академии наук А.М. Румянцева⁶³ перебраться полным составом в Центральный экономико-математический институт. За это Румянцев поддержал кандидатуру их бывшего директора в академики. В ЦЭМИ они попали в отдел профессора Каценеленбойгена, которого очень уважал директор и где царила та академическая свобода, о которой сейчас можно только мечтать. Даже в тот период, когда, например, у нас в ИМАШе⁶⁴ хождение на работу каждый день было просто аксиомой, в ЦЭМИ ходили только на семинары, которые проходили дома у за-

⁶² «Станкин» – сокращенное наименование Московского станкоинструментального института, основанного в 1930. В настоящее время – Московский Государственный Технологический Университет («Станкин»). Гарик учился в «Станкин»'е в 1958–1963.

⁶³ Алексей Матвеевич Румянцев – советский и российский экономист и социолог, академик АН СССР с 1960. Умер в 1993. (www.heromantij.ru/family/r/rumyancev.html)

⁶⁴ Институт машиноведения АН СССР, в котором Гарик работает с 1971.

ведущего, и, очень редко, по особым случаям, в конференц-зале. Иосик смог мне назвать только один случай, когда у них выступал приехавший из Ленинграда нобелевский лауреат академик Канторович⁶⁵. Но на эти семинары ходила только половина сотрудников отдела, вторая половина, состоящая из математиков, в основном паслась в МГУ, где совместительствовал зам. зав. отдела.

Года через два Иосику понадобилась характеристика в военкомат, зава на месте не было, и Иосик пошел к заму. Тот долго на него смотрел, потом спросил: «Вы давно у нас работаете? Я вас никогда не видел». На что обгнаглевший Иосик ответил: “Как и я вас”. Всё закончилось через несколько лет, когда Каценеленбойген по израильской визе улетел из СССР.

Кстати, в самолете он сидел рядом с моим хорошим знакомым Ароном Ефимовичем Гальпериним, который и привел меня когда-то в ИМАШ и которому я обязан за это по гроб жизни. Отдел разогнали, все разбежались, кто куда.

Руководитель их группы Володя Лефевр уехал в США, стал известным философом, профессором, уже в постперестроечные годы у нас издали несколько его книг. Другой сотрудник стал известным ученым, работает в Институте философии, но работа на наших военных, видимо, не прошла даром, и имперские нотки в его работах проskalзывают, да и компания, с которой он кучкуется, тоже папахивает ностальгией по советским временам.

Иосик стал известным искусствоведом, организатором международных выставок⁶⁶. В девяностые годы с помощью Вики Мочаловой⁶⁷ он организовал в бывшей мастерской Ильи Кабакова⁶⁸ Инсти-

⁶⁵ Леонид Витальевич Канторович – советский математик и экономист, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН СССР с 1964. Умер 7 апреля 1986. (computer-museum.ru/galglory/21.htm)

⁶⁶ Когда мы с Лидой 15 сентября 1994 улетали из Москвы рейсом Москва-Нью-Йорк, в самолете вместе с нами оказался Иосик, которого я не видел с его детства. Он летел туда по делам своей выставки.

⁶⁷ Виктория Мочалова – филолог – полонист, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, основатель и руководитель Центра «Сэфер». Мама Антона Носика. Ее первым мужем был лидин брат Борис Носик, вторым – художник Илья Кабаков. (booknik.ru/today/faces/mochalova)

⁶⁸ Илья Кабаков – художник, представитель московской школы концептуализма, основатель жанра «тотальной инсталляции». Почетный член Рос-

тут проблем современного искусства. Теперь это Институт современного искусства Иосифа Бокштейна.

На это пока кончаю. В следующем письме хочу написать о трех других маминых подружках из моего первого круга, которых помню вот уже без малого 70 лет, а ты и всё 80».

Письма Гарика о маминых подружках целесообразно приводить в том порядке, как он их посылал мне. Гарик в них придерживается тех принципов, которые были сформулированы в выше приведенном письме от 20 августа. Кроме того, в его письмах содержатся сведения и о самом авторе этих писем, и о детях маминых подруг и различных происшествиях. Это, как мне кажется, помогает выйти за рамки наших семейных проблем и лучше почувствовать, ощутить «аромат» той прошедшей эпохи, без воссоздания которого рассказ о прошлом получается схематичным.

Итак, письмо Гарика от 14 сентября 2019 года:

«Заканчивая свои воспоминания о тете Рохе, хочу вспомнить о прощании с ней на Востряковском кладбище. Для мамы это было очень тяжелый момент, ведь ушла ее первая подруга, с которой они дружили более 70 лет.

В Интернете я нашел сайт о еврейских кладбищах России, там есть фотография памятника на могиле тети Рохи. На этом сайте я нашел и фото памятника Михаила Наумовича⁶⁹.

Теперь о казанских подружках мамы. С детства хорошо помню тетю Наташу и тетю Паню. Это – мамыны одноклассницы.

Тетя Наташа в молодости была в числе первых строителей Комсомольска-на-Амуре, она рассказала маме, а от нее и я узнал об этом еще маленьким мальчиком, что комсомольцы со всей страны были, конечно, в числе строителей, но в основном город и промышленные предприятия строили заключенные, думаю, в первую очередь, раскулаченные крестьяне, которых туда ссылали эшелонами из Европейской части СССР.

сийской академии художеств. С 1988 живет в США. (24smi.org/celebrity/66598-ilia-kabakov.html)

⁶⁹ Михаил Наумович Носик – отец Лиды, ее сестер Тани и Алены и старшего брата Бориса.

Из детских воспоминаний о тете Наташе помню, как, будучи у нее в гостях, мы пошли гулять по Филям, где она жила, и стали спускаться с высокого откоса к Москве-реке. Я не удержался и побежал вниз, пока не влетел в заросли чего-то колючего. Вся моя физиономия была расцарапана и в крови. Мама отругала папу, который меня не удержал, и меня повезли в ближайший травмопункт. Там меня умыли и вкатали уколы от столбняка. Уколы оказались очень болезненными и запомнились на всю жизнь.

У тети Наташи были две дочери. Старшая Майя, твоя ровесница, стала математиком и преподавала в Станкоинструментальном институте. Ей я обязан своим поступлением в этот институт, она рекомендовала мне двух репетиторов по математике и физике.

Перед устным вступительным экзаменом Майя предупредила председателя экзаменационной комиссии, чтобы он не посылал меня к ней (чтобы потом избежать любых разговоров и обвинений), но я пошел первым и он, не спросив моей фамилии, направил меня в тот угол аудитории, где принимали экзамен Майя с аспирантом. Когда она увидела, как я иду к их столу, то сказала аспиранту, что ее здесь нет и чтобы он спрашивал меня и ставил оценку самостоятельно. Ответив на билет и пару дополнительных вопросов, я смолк, когда он спросил меня о пределе переменной величины.

Я к этому времени самостоятельно изучил курс высшей математики для техникумов и четко помнил определение предела последовательности, но что это в принципе то же самое не сообразил и сказал, что не помню. Он поставил мне четверку.

Майя вышла сразу за мной из аудитории, в целом похвалила меня, но когда я ей сказал, что помнил о пределе последовательности, она меня отругала за нерешительность и предложила вернуться в аудиторию и продолжить экзамен, но я отказался.

А после письменного экзамена, в котором я нашел иное решение задачи, которая была сформулирована не очень корректно (подразумевалось, что сечение проходит через нижнее ребро, а я рассмотрел случай, когда оно проходило через боковое ребро, при этом получаем разные углы, которые и надо было определить), Майя, как она сама рассказала, бегала по кафедре и всем показывала мою работу. Эта задача была приведена в известном сборнике, и кафедра официально известила авторов сборника о не очень корректных условиях задачи.

Потом Майя Михайловна Белова читала нам курс высшей математики. К сожалению, она ушла из жизни достаточно молодой, ее сын как раз заканчивал школу. Мы с мамой были на «9-м дне»⁷⁰ и очень жалели, что Майя не успела поняньчить внуков.

Вторая дочь тети Наташи Натка была года на три старше меня, очень веселое и добродушное существо. Она рано вышла замуж, мы с мамой были у нее в гостях, ее муж работал то ли в райкоме, то ли в райисполкоме, поэтому у них была хорошая квартира, и для тети Наташи, практически всю жизнь проведенной в двухэтажном бараке, тоже удалось получить хорошую квартиру.

По-видимому, мама ушла раньше тети Наташи, во всяком случае я не помню ее похорон.

Вторая старинная мамина подруга тетя Паня Остапова, ее полного имени никогда не слышал и не знаю. У нее не было одной руки, то ли от рождения, то ли с детства, никогда на эту тему с мамой не говорил. Она по работе была связана с мехами, то ли с производством, то ли с торговлей, помню разговоры о каких-то выставках мехов, в организации которых тетя Паня принимала участие.

Жила она со своей семьей на площади Дзержинского, рядом с книжным магазином, во дворе. Сейчас в этой части дома музей Маяковского, а рядом здания Лубянки. Поэтому, когда там бываю, вспоминаю тетю Паню. Потом она оттуда переехала, но мама ездила к ней уже одна.

Где-то в году 1950-м я был после болезни, то ли скарлатины, то ли осложнения после ангины, мы летом жили у нее на даче в Быково. Помню, что ее дом располагался в последнем ряду, дальше шли поля и вдалеке были видны дома города Жуковский. Еще был жив ее муж дядя Ваня, он ушел где-то в году 1956-м и был похоронен в Донском колумбарии в земле недалеко от могилы невостребованного пепла № 1, где позже установили плиту в память о замученных в 1937–38 годах. В эту же могилу через много лет положили и прах самой тети Пани.

⁷⁰ По канонам православия поминки на 9-й день после смерти – важный ритуал, помогающий умершему отойти в мир иной, а живым простить и отпустить его. (<http://molitva-info.ru/duhovnaya-zhizn/pominki-9-dnej-posle-smerti.html>)

Мы с мамой были на похоронах и потом, посещая могилу бабушки и дедушки, заглядывали и к тете Пане. Но в 80-х годах справа и слева от центрального здания крематория построили закрытые колумбарии и после этого я так и не смог найти ее могилу. Может быть ее перенесли, или дети ее куда-нибудь перезахоронили.

У тети Пани было двое детей – сын Вадим и дочка Галина. Сын оказался значительно старше меня, он стал китаистом, видел его я редко, в детстве совсем не помню, а потом встречал пару раз на днях рождения тети Пани. Галя была ровесницей тети Наташиной Натки, ее я помню хорошо и даже потом где-то встретил, но не подошел, а она меня не узнала.

И, наконец, самая близкая и любимая мамина подруга тетя Ася. Ну тут ты можешь написать много больше меня.

Я обязан тете Асе своим лечением в Институте Гельмгольца⁷¹. Вообще в своей жизни я обязан и глубоко благодарен многим людям, помогавшим мне и сыгравшим большую роль в моей жизни. Но есть три человека, двое из которых помогли мне выбрать дорогу в жизни, это Майя Михайловна Белова, благодаря которой я поступил в Станкин, мой коллега по работе в Главмосстрое Ефим Аронович Гальперин, который 50 лет назад привел меня в Институт машиноведения, с которым связана вся моя жизнь. Третий человек, организовавший мое лечение в институте Гельмгольца и сохранивший мое зрение, это тетя Ася.

Она попросила лучшего врача института принять и полечить меня, через много лет на каком-то профилактическом осмотре в поликлинике Академии наук офтальмолог, расспрашивая меня о моем зрении, услышала, у кого я лечился в институте Гельмгольца, воскликнула: “Как же Вам повезло лечиться у такого врача!”

Но тете Асе я обязан не только этим. Где-то ближе к концу лета 1941 года мама после работы договорилась встретиться с тетей Асей, то ли вместе поехать к нам на дачу, то ли что то передать, но пока

⁷¹ Герман Людвиг Фердинанд фон Гельмгольц – немецкий физик, врач, физиолог, психолог, акустик. Московский научно-исследовательский Институт глазных болезней им. Гельмгольца является ведущим центром по вопросам офтальмологии в России. (<https://zrenie.me/lechenie/nauchno-issledovateljskiy-institut>)

они встретились и поговорили, электричка, на которой мама обычно после работы возвращалась на дачу, ушла, а следующей пришлось ждать очень долго, т. к. та электричка попала под бомбежку и мало кто из ее пассажиров уцелел...

Так что и возможностью появиться на свет я тоже обязан тете Асе. А то, что она послужила своеобразным мостиком от Фирсовых к Носикам, тебе должно быть известно лучше меня, так что твои вот уже 65 лет семейной жизни, две прекрасных дочери, четыре внуки и внук и две правнучки – это тоже заслуга тети Аси. Об остальных маминых подружках – в следующем письме».

Третье письмо Гарика от 28 сентября продолжает его воспоминания о друзьях мамы. В нем также содержатся не только интересные сведения об этих людях, но затрагиваются и серьезные проблемы, относящиеся к трагическим годам, предшествовавшим Большому террору, а также послевоенной расправе Сталина с известными представителями еврейской советской интеллигенции. Ощутима раскаленная атмосфера тех лет.

Впрочем, как представляется, Гарик слишком бегло упоминает о травле, которая обрушилась на Евгению Гинзбург после убийства Кирова о последовавшей за ней волной арестов тех, кого власти обвинили в троцкизме и контрреволюционной деятельности. В связи с этим текст воспоминаний Гарика, дополняется моими комментариями.

Гарик писал:

«Продолжаю свои воспоминания о маминых подругах. Уже на Комсомольском проспекте в число гостей на различных маминых праздниках вошла ее старая казанская знакомая Белла Владимировна, или росто Беба, как ее все звали. Фамилию ее я никогда не слышал, судя по записям в маминых телефонных книжках оно начиналась на букву “Х”. Жила она в доме на улице Чайковского напротив американского посольства. Мы с мамой как-то были у нее в гостях, видели ее сына Лерика.

Особо ничего вспомнить о ней не могу, но один эпизод, связанный с ней, точнее с ее сестрой, то ли родной, то ли двоюродной, не помню, остался в памяти. Мне его рассказала мама, когда мы, затаив

дыхание, буквально глотали поздним вечером книгу Евгении Гинзбург “Крутой маршрут”, которую маме дали на один вечер

Когда над Евгенией Гинзбург уже стали сгущаться тучи, ее срочно вызвали в Москву на какую-то парткомиссию под руководством Емельяна Ярославского⁷². Когда она ехала из Казани, в поезде ей полезли в голову мысли о том, что надо со всем этим кончать. Она вышла в тамбур, открыла вагонную дверь, и в этот момент ее кто-то удержал⁷³.

Представляется, что этот сюжет следует изложить чуть подробнее. После убийства Кирова по стране последовали одна за одной волны репрессий. Сначала уничтожали остатки бывших белогвардейцев, затем по указке Сталина начались преследования бывших реальных и мнимых оппозиционеров, тех, кто в какой-либо момент посмел высказать мнение, не совпадавшее с директивами генсека. Особенно опасными представлялись те, кто проявлял колебания в сторону троцкистских идей. Их сразу объявляли заговорщиками и террористами.

В Казани эта вакханалия началась с ареста Николая Эльвова⁷⁴. Его одновременно с Гинзбург в 1932 году назначили заведующим отделами в газете «Красная Татария», а Гинзбург приняла авторское участие с опубликованном в Казани сборнике по редакции Эльвова по истории Татарии. В партийной организации газеты решили сделать Гинзбург «козлом отпущения».

⁷² Емельян Ярославский (настоящее имя: Миней Губельман) – член РСДРП с 1898, партийный деятель, идеолог, академик АН СССР, в 1934–1939 член Комиссии партийного контроля, с 1939 и до смерти в 1943 – член ЦК ВКП(б), один из ближайших соратников Сталина в осуществлении партийных чисток. Интернет. (www.hrono.ru/biograf/bio_ya/jaroslavski_em.ph)

⁷³ Из письма Гарика Фреду от 22 сентября 2019.

⁷⁴ Николай Эльвов – историк компартии Татарстана, член РКП(б) с 1918. Преподавал в Институте Красной профессуры. Один из авторов четырехтомной «Истории ВКП(б)», опубликованной под редакцией Ярославского. В статье Эльвова усмотрели ошибки троцкистского характера. Его подвергли критике и отправили по путевке ЦК ВКП(б) в Казань, где он работал зав. Кафедрой истории СССР пединститута. 10 февраля 1935 арестован, вначале приговорен к ссылке, затем отправлен в лагерь. 15 сентября 1937 приговорен к ВМН и расстрелян. В 1958 реабилитирован.

На состоявшемся партийном собрании против нее было выдвинуто обвинение в том, что она не разоблачила «контрреволюционного контрабандиста» Эльвова, не осудила опубликованный им сборник документов по истории Татарии, а даже сама опубликовала в этом сборнике статью. Никаких ее возражений и аргументов не хотели слушать. Собрание вынесло Гинзбург выговор «за притупление политической бдительности».

Собственно говоря, такой была обычная реакция на то, что кто-нибудь из состава той или иной партийной организации попадал под жернова политических репрессий. После этого в данном коллективе начиналась травля тех, кто по работе сотрудничал с этим человеком. Страх оказаться втянутым в эту гибельную воронку заставлял людей оговаривать других, но лишь способствовал тому, что эта воронка расширялась еще больше, а число жертв стремительно увеличивалось.

И хотя райком партии вместо выговора поставил Гинзбург на вид «за недостаточную бдительность», ее персональное дело продолжали рассматривать другие партийные инстанции. Наступила очередь партийной коллегии КПК, контрольного органа областной партийной организации. Гинзбург обвинили в том, что она, не признавая своих ошибок, «не хочет разоружиться перед партией». Ей вынесли строгий выговор с предупреждением (это было самым серьезным наказанием для члена партии, поскольку после этого могло последовать исключение из партии) с формулировкой «за примиренчество к враждебным партии элементам» и запретили вести преподавательскую деятельность⁷⁵.

Нараставшая травля, сыпавшиеся на человека политические обвинения привели к тому, что у Гинзбург началось нервное расстройство. Несмотря на это ей пришлось выехать в Москву на новое разбирательство, но уже на самом высоком партийном уровне. Однако следователь КПК расценил вынесенное наказание как чрезмерное и предложил ей вернуться домой.

Вскоре из Москвы пришло сообщение, что КПК вынесла Гинзбург строгий выговор «за притупление политической бди-

⁷⁵ Гинзбург Евгения. Крутой маршрут. Интернет (<https://libking.ru/books/nonf-nonf-biography/19052-17-evgeniya-ginzburg-krutoy-marshrut.html#book>).

тельности». Однако после этого пришла телеграмма за подписью Ярославского с вызовом на заседание КПК на слушание ее персонального дела.

В воспоминаниях Гинзбург об этой поездке говорится так:

«Ужасной была обратная поездка в Москву по вызову Ярославского. Вот когда я была на волосок от самоубийства!

В купе мягкого вагона нас оказалось только двое: я и знакомая врач-педиатр Макарова, возвращавшаяся из Казани после защиты диссертации.

Это была приятная молчаливая женщина с мягкими движениями и очень внимательным взглядом.

Мне казалось, что я довольно удачно маскирую свое состояние разговором о разных пустяках. Но она вдруг, без всякой видимой связи с темой болтовни, погладила меня по руке и тихо сказала: «Я очень жалею своих знакомых-коммунистов. Тяжело вам сейчас. Ведь каждого могут обвинить»⁷⁶.

Макарова, осознав тяжелое душевное состояние Гинзбург, вышла из купе вслед за ней и спасла ее от попытки выброститься из поезда и таким образом покончить с собой.

На том заседании комиссии Ярославский просто обвинил Гинзбург «в пособничестве врагам», то есть, по существу, приписал ей уголовно наказуемое деяние.

«Сдержанность оставила меня. Я закричала на этого почтенного старика, затопала на него ногами. Я была способна броситься с кулаками, если бы между нами не сверкала полировкой широкая гладь его письменного стола, – писала он позднее в книге “Крутой маршрут”. Гинзбург так ответила Ярославскому: “Ну хорошо, я не выступила! Но вы-то ведь не только не выступили, а еще сами отредактировали эту статью и напечатали ее в четырехтомной Истории партии. Почему же вы судите меня, а не я вас? Ведь мне 30 лет, а вам 60. Ведь я молодой член партии, а вы – партийная совесть! Почему же меня надо растерзать, а вас держать вот за этим столом? И не стыдно всё это?”

⁷⁶ Там же.

Не помню уж, что именно я там выкрикивала, но суть моих слов сводилась к контробвинению. Да, я была доведена до такого отчаяния, что стала бросать в лицо ему простые вопросы, вытекающие из элементарного здравого смысла»⁷⁷.

Заседание КПК было быстро закрыто, а Гинзбург сказали, чтобы она возвращалась в Казань, куда будет сообщено решение КПК. 7 февраля 1937 года ее вызвали на заседание бюро райкома партии, на котором было принято решение об исключении Гинзбург из партии. Через семь дней после этого ее арестовали...

Возвращаясь к тексту прерванного письма Гарика, напомню, что в нем было сказано, что врач-педиатр Макарова помешала Гинзбург совершить самоубийство. Далее в письме говорилось:

«Мама мне сказала, что это была сестра Бебы, не помню, родная или двоюродная, скорее двоюродная. Мама мне рассказывала, что в начале 30-х годов папа вместе с Гинзбург преподавал на рабфаке. Молодежь, наверное, такого слова-то не слышала. А рабфак означал рабочий факультет, что-то вроде ускоренных курсов по подготовке в институт для молодежи рабоче-крестьянского происхождения, не получивших нормального среднего образования.

Еще одна старинная мамина казанская подруга – Наташа Бать, очень красивая седовласая дама. Мама говорила, что Наташа в молодости была самая красивая в их компании. Ее тетя, Лидия Бать, была известной писательницей, в Википедии есть посвященная ей страничка. Она много лет дружила с дочерью Марины Цветаевой⁷⁸ Ариадной Эфрон⁷⁹. Муж Наташи Бать также несколько раз был у нас в

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Марина Цветаева (1892–1941) – русская поэтесса, одна из выдающихся представителей Серебряного века. Ее первый сборник стихов опубликован в 1910, с 1922 жила в эмиграции. Вернулась в СССР в 1939. 31 августа 1941 в Елабуге покончила жизнь самоубийством. (24smi.org/celebrity/3375-marina-tsvetaeva.html)

⁷⁹ Ариадна Эфрон – дочь Марины Цветаевой, переводчица, художница, искусствовед, поэтесса. Вернулась в СССР 18 марта 1937. 29 августа 1939 арестована и осуждена по обвинению в шпионаже на 8 лет исправительно-

гостях, он был связан со строительством, от него я узнал, что весь шум по поводу бумажного комбината, якобы отравляющего озеро Байкал (о чем был даже снят Сергеем Герасимовым⁸⁰ художественный фильм «У озера»), был поднят для отвлечения внимания от нескольких огромных специальных химических производств, построенных вообще без всяких очистительных сооружений выше Байкала на реках, в него впадавших.

Из университетских подруг мамы в последние годы часто встречались с Любовью Борисовной (точнее Бенционовной) Утевской. Л.Б. была близким сотрудником академика Лины Соломоновны Штерн⁸¹, как-будто оказалась единственной из всех членов президиума Еврейского Антифашистского комитета, кого Сталин не убил, и старенькая 75-летняя Штерн несколько лет провела в тюрьме и Гулаге. Так что думаю, что эти годы и для Л.Б. были весьма непростыми.

Муж Л.Б. был достаточно известным математиком и механиком. Он с довоенных лет работал в Институте механики АН СССР, который тогда располагался в том же здании, где я проработал почти всю жизнь. В нашем актовом зале 23 июня 1941 года он, как парторг своего института, проводил митинг всех сотрудников, работавших в этом здании. Потом он много лет был ученым секретарем Института механики, а после перешел на работу в МГУ, где был помощником ректора по специальным работам. Защитил докторскую диссертацию, которую уже после его смерти стараниями его друзей удалось издать в виде небольшой монографии. Л.Б. подарила мне эту книгу, но са-

трудовых лагерей. После освобождения в 1948 работала преподавателем графики в Рязани. 22 февраля 1949 вновь арестована и приговорена к пожизненной ссылке в Сибирь. В 1955 реабилитирована, вернулась в Москву. Умерла в Тарусе 26 июля 1962. (24smi.org/celebrity/30466-ariadna-efron.html)

⁸⁰ Сергей Герасимов – советский кинорежиссер, киноактер, сценарист, драматург, педагог и теоретик кино. Народный артист СССР. Умер 26 ноября 1985 (24smi.org/celebrity/4568-sergei-gerasimov.html)

⁸¹ Лина Штерн – физиолог, первая в Европе женщина-профессор, с 1935 работала в Москве зав. Кафедрой физиологии 2-го медицинского пединститута и директором Института физиологии АН СССР, с 1935 – академик АН СССР. Из ссылки вернулась в Москву в 1953. Полуслепая нашла в себе силы вернуться к научной работе. Умерла 7 марта 1968. (Интернет. Звезда по имени Лина. Лина Штерн. www.peoples.ru/science/biology/stern).

мого Степана Васильевича Калинина я не застал. По словам мамы, он сыграл заметную роль в том, что Леня Фрид⁸² был принят на мехмат МГУ.

Мне немного рассказал о Калинине один из профессоров нашего института Ф.М. Диментберг, которому я передал привет от Л.Б. Он был так тронут этим приветом, что надписал мне свою книгу и с тех пор всегда очень радушно приветствовал при встречах (мы работали в разных зданиях), что вызывало удивление моих сослуживцев,

Я очень пожалел, что С.В. уже нет в живых и мне не удалось с ним познакомиться, после рассказа мамы о его просто могучей интуиции. Где-то сразу после их свадьбы с Л.Б. они побывали в гостях у ее двоюродной сестры Евгении Соломоновны⁸³. Думаю, что дело было в начале 30-х годов. Дома у сестры они познакомились с ее мужем, который С.В. очень не понравился. Когда они возвращались домой, он попросил жену сделать так, чтобы их контакты с этой семьей были сведены к минимуму. Л.Б. послушалась мужа и практически прекратила всякое общение с двоюродной сестрой. Вся фишка этой истории заключается в имени мужа сестры. А звали его Николай Иванович Ежов⁸⁴, и работал он тогда заведующим Орграспредотделом ЦК ВКП(б).

⁸² Леонид Фрид – младший брат Саши Фрида – математик, системный аналитик-программист. Живет в Германии с 1998.

⁸³ Имеется ввиду Евгения Хаютина (наст. имя – Суламифь Фейгонберг), жена Николая Ежова – издательский работник, заместитель главного редактора журнала «СССР на стройке». 21 ноября 1937 покончила с собой, по другой версии – отравлена Ежовым. (Интернет. Umnaja.ru/evgenia-ezhova-pochemu-parkom-pomestil-zhenu-v-psixiarcheskij-sanatorij)

⁸⁴ Николай Ежов – с мая 1917 большевик, участник Гражданской войны, с 1925 года работник партийного аппарата, а с 1927 инструктор Орграспредотдела ЦК ВКП(б), позднее зав. Отделом. Сталин выбрал его главным исполнителем Большого террора. Стал председателем Комиссии партийного контроля, секретарем ЦК ВКП(б), в сентябре 1936 назначен наркомом внутренних дел. Получил звание Генерального комиссара госбезопасности. С октября 1937 – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 8 апреля 1938 по совместительству – нарком водного транспорта. 24 ноября 1938 освобожден от должности в НКВД, арестован 10 апреля 1939. 4 февраля 1940 расстрелян. (Интернет. 24smi.org/celebrity/16934-nikolai-ezhov.html)

Таким образом они полностью выпали из поля зрения всевидящих органов и избежали участи целого ряда своих родственников, последовавших следом за Ежовой и его женой (она, правда, успела отравиться и была спокойно похоронена на Донском кладбище). При этом их родственная связь неизвестна до сих пор, среди перечисленных родственников Е.С. в Википедии Любовь Борисовна не отмечена, хотя семья ее двоюродного брата там указана. На этом пока заканчиваю».

Это письмо Гарика интересно и тем, что показывает, насколько сравнительно немногочисленный круг советской интеллигенции был близок к тому, чтобы оказаться жертвой насилия, произвола, создаваемого сталинской системой. Любой человек в любой момент, а результате любой случайности мог оказаться раздавленным молохом государственного террора. Современному поколению очень трудно понять и представить себе, что переживали и испытывали это люди, которые благодаря своему образованию, высокой духовной культуре лучше других осознавали, что они все находятся на краю пропасти и ничего не смогут сделать, если эта пропасть развернется под их ногами.

При этом им надлежало не показывать, насколько ситуация опасна, они обязаны были каждый день ходить на работу, выполнять свои повседневные обязанности и делать вид, что всё в жизни идет нормально и нет повода для беспокойства.

Письмо Гарика от 28 сентября 2019 года не только расширяет и пополняет представления о мамином дружеском окружении, но, кроме того, помогает лучше понять, как в то время решались вопросы трудоустройства, вновь вводит читателя в мир страха и уголовного беспредела, который был характерен для тех лет.

«Продолжаю свои воспоминания о маминых подругах и приятельницах. Основных казанских подруг я уже назвал, но их было много, просто с ними мама встречалась или у них дома, или на сборах Старых Казанцев, как они их называла. Сообщество это было достаточно большое, включало и приезжавших в Москву из Казани, помню, как-то мама была на таком большом сборе и несколько дней ходила под впечатлением того, как время их всех разбросало и изменило.

Один из старых казанских приятелей мамы (к сожалению, забыл, как его звали) мне существенно поспособствовал, когда я после окончания института был направлен на работу в Главное управление по строительству в Москве (Главмосстрой). Благодаря ему я имел возможность оценить привлекательность и перспективность нескольких вероятных мест работы и выбрать среди них то, которое мне показалось наиболее приемлемым. Помню, что он работал в Научно-исследовательском институте Главмосстроя, заведовал отделом экономики в строительстве, предложил работать у него, но я сразу отказался, поскольку в этом деле ничего не понимал.

Когда я у него был и мы перебирали возможные варианты моего трудоустройства, к нему заглянул его знакомый, руководитель одного из строительно-монтажных управлений, который тоже предложил мне пойти к нему сразу главным инженером управления. Я, конечно, испугался и с благодарностью отказался. Когда я потом рассказал об этом своим институтским коллегам, один из них просто застонал и стал причитать: “Ну почему мне так не повезло иметь таких знакомых”. Он действительно был создан для такой организационно-руководящей работы, и через пару лет работал главным инженером первого в Москве сервиса “Жигулей”. А я выбрал то место работы, с которого через четыре года ушел в ИМАШ, где работаю уже 48 лет. Так что мамыны казанские знакомства мне немножко в жизни помогли.

В круг мамыных казанских знакомых входила и известная поэтесса Вероника Тушнова⁸⁵, она была немножко моложе мамы. Ее стихотворения “Не отрекаются, любя” и “А знаешь всё еще будет” стали широко известны благодаря песням, которые исполнила Алла Пугачева.

Очень большой круг друзей и подруг мамы составляли ее знакомые по Институту туберкулеза. Очень теплые отношения связывали маму с семьей Ельников. Они жили в Подлипках, мама часто к ним ездила.

Владимир Исаевич Ельник был ответственным секретарем журнала “Проблемы туберкулеза”, который в феврале 1953 года должен был, как и остальные медицинские журналы, поместить материалы

⁸⁵ Вероника Тушнова – советская поэтесса, писавшая в жанре любовной лирики. Первая книга ее стихов опубликована в 1945. Скончалась 7 июля 1965. (Интернет. Stories-of-succtss.ru/veronikitushnovoi)

о еврейских врачах-убийцах в белых халатах. Но главный редактор (мама его называла, но я, к сожалению, не запомнил его фамилию), вызвал к себе В.И. и сказал ему, что он достаточно стар, чтобы портировать свою биографию, и подписывать к печати номер не будет. В.И. с ним согласился и, по маминим словам, журнал оказался единственным, который материалов о “врачах-убийцах” не напечатал. К счастью, “отец народов” скоро ушел навсегда и для строптивых руководителей журнала всё кончилось вполне благополучно, хотя очень реален был и самый плохой конец.

Мама очень тяжело переживала свои визиты к Ельникам, когда В.И. тяжело заболел и постепенно терял разум. Мама мне говорила, что видеть, как могучий интеллект превращается по сути в растение – это одно из самых тяжелых событий в ее жизни. Она часто говорила, что боится для себя такого же конца, поэтому, страшась мозговых явлений, она значительно изменила свой рацион, и как-то сказала мне, что перешла на котлетки на пару и тому подобное.

Очень теплые отношения на протяжении многих лет связывали маму с ее лаборанткой Верой Михайловной Ивановой. Я был очень обрадован, когда на сайте Института туберкулеза в разделе истории отдела иммунологии встретил фамилии мамы и В.М. в числе первых сотрудников лаборатории экспериментальной патологии и хирургии, позже выросшей в целый отдел. В.М. неоднократно бывала у нас на Комсомольском проспекте, помню, как она навещала заболевшую маму, они часто делились семейными радостями и горестями.

Помню я и Элли Зиновьевну Соркину, с ней мы вместе отдыхали в Паланге в 1958 году. Ей с отдыхом не повезло, у ее зятя, твоего знакомого историка Разгона, случился то ли сердечный приступ, то ли возникло прединфарктное состояние. В общем, почти всё время Э.З. провела около зятя. Была ли там ее дочь, не помню, скорее всего была, поскольку Э.З. удалось несколько раз вместе с нами полежать на пляже, жара была за 30 градусов, но море было очень холодное, только во второй половине августа нагрелось до 14 градусов, а так всё лето было 11–12 градусов. Поэтому ограничивались простым окутанием и бегом на пляж.

В институте у мамы были еще две приятельницы с почти одинаковыми именами. Это Фреда Львовна Элинсон и Фрида Львовна, фамилию которой я не помню.

Фреда Львовна была очень известным врачом, когда у меня долго не проходил кашель, мама свозила меня на дачу к Ф.Л. Она меня послушала, ничего криминального не нашла, но на всякий случай послала просветиться и сделать рентгеновский снимок в туберкулезный диспансер на Яузском бульваре. Когда я передал в регистратуру диспансера записку от Ф.Л., то понял, что значит быть “блатным”. Вокруг меня сразу забегали, без очереди отвели в рентгеновский кабинет, подробно осмотрели, а пока писали заключение сделали снимок и тут же его обработали. Так что мне не пришлось, как всем обычным смертным, приезжать за ним на следующий день. Такое уважение было к маленькой писульчке от Ф.Л.

Но самое интересное было через несколько лет. Как то в разговоре мама сказала, что племянница Ф.Л., которую она знает еще с довоенных времен и помнит школьницей, работает в той же области, что и я, и назвала фамилию племянницы. Я чуть не упал со стула, поскольку Виринея Васильевна Каминская входила в первую пятерку специалистов в нашей стране в нашей отрасли.

Мама устроила мне аудиенцию с В.В., на которой та согласилась мною руководить, но сразу спросила, не вызовет ли это отрицательных эмоций у моего заведующего в институте. Поскольку у меня был опыт соавторства с одним нашим сотрудником, который обошелся мне хорошим втыком, то я был вынужден отказаться.

В целом, с высоты прожитых лет, могу сказать, что это был мой стратегический просчет. Но самое интересное, что позже я тринадцать лет работал и дружил с Мишей Фельдманом, который был зятем В.В. Наша совместная работа, результатом которой стали две книги и куча статей, завершилась в 1991 году после отъезда Миши на историческую родину. Мы переписываемся, он продолжил заниматься той же темой, которую начал в ИМАШе.

Еще один аспект, затрагивающий Э.З. Соркину и теперь уже Фриду Львовну, связан с массовым увольнением из института туберкулеза лиц «некоренной национальности» в марте 1953 года. Маме повезло, папина работа в Архивном управлении, входившем тогда в состав Министерства внутренних дел, позволила ей вернуться в институт. Я об этом писал, когда подробно рассматривал записи в маминой Трудовой книжке. Но так повезло не всем. Э.З. уехала на

несколько лет в Душанбе, а Фрида Львовна – в Якутск. Так что, “широка страна моя родная”⁸⁶.

Очень теплые отношения связывали маму с Софьей Давыдовной Попориш. Это была крупная седая дама с достаточно величественными движениями, что называется, выдающими породистость человека. Она действительно прожила очень интересную трагическую жизнь, достойную пера Дюма-отца.

Она происходила из достаточно богатой венской семьи. Получив медицинское образование в Вене, на каком-то приеме она познакомилась с сотрудником советского торгпредства. Они влюбились друг в друга и, несмотря на противодействие как со стороны ее, так и его родственников и прочих заинтересованных лиц, поженились. Когда у него закончился срок командировки, преодолев все возражения и просьбы своих родителей и близких, она приняла решение ехать вместе с ним в Советскую Россию. Ее муж сделал хорошую карьеру и стал одним из ближайших сотрудников Пятакова⁸⁷.

Дальнейшее несложно представить. Муж был расстрелян, а она поехала осваивать далекие просторы нашей родины. Думаю, что ей оставалось очень мало до окончательного решения вопроса – “Быть или не быть”, но вмещались его величество случай и высочайший профессионализм детского врача-фтизиатра.

Дело в том, что в женских лагерях было много детей, в основном у уголовниц. Выпускать детей из лагеря для передачи их в обычные детские дома никто не додумался или специально не стали этого делать, чтобы скрыть существовавший в зоне специально ослабленный режим для уголовного элемента, поэтому детей просто собирали вместе, организовав нечто вроде детского дома за колючей проволокой. Естественно, условия в этих детских домах были соответствующие,

⁸⁶ Слова из «Песни о Родине» композитора Исаака Дунаевского на стихи Василия Лебедева-Кумача. Впервые прозвучала в 1935 в исполнении Любови Орловой в кинофильме «Цирк», режиссером которого был Григорий Александров.

⁸⁷ Георгий Пятаков – член партии большевиков с 1910, кандидат в члены ЦК в 1921–1923, член ЦК в 1923–1927 и в 1930–1936. В 1927 исключен из партии, в 1928 восстановлен, в 1936 вновь исключен. Арестован 12 сентября 1936. На шоу-процессе в январе 1937 приговорен к смертной казни. В 1988 реабилитирован.

что вызывало повальную смертность среди детей. Начальству в общем на это было наплевать, поскольку за смертность среди детей им не надо было отчитываться перед руководством Гулага, но матери-уголовницы очень сильно роптали и дело шло к бунту, который начальству лагеря был не ко времени. Поэтому, вскоре после этапирования в лагерь, кто-то из начальства, вычитав в документах С.Д. о ее медицинском образовании, направил ее к детям с приказом быстро остановить детскую смертность.

И тут начинается очередная жуть. Уголовницы, узнавшие, что политическую направляют к их детям, решили, что начальство решило руками этой политической окончательно уморить оставшихся детей, и постановили ее убить. Но произошло чудо, которое можно объяснить только действительно высочайшей квалификацией и любовью к детям. Так как основной причиной смертности среди детей был туберкулез, С.Д. удалось его быстро остановить, вытащить заболевших детей из буквально последних стадий, и всё это практически без медикаментов, исключительно народными средствами и уходом. Узнав об этом, уголовный мир постановил обеспечить докторше постоянную охрану и дополнительный паек.

Всё это дало возможность С.Д. перетерпеть тяжелейшие военные годы, при этом занимаясь в общем-то своим прямым делом – лечить больных детей.

Но совершенно независимо от всего, происходившего в лагере, на воле разворачивалась параллельная трагическая история. Незадолго до войны в Москву из Германии приехал двоюродный брат С.Д. Арнольд Рейсберг⁸⁸. Ты упоминал об этом в своей книге про 34 года в ИМЛ.

Приехав в Москву, Рейсберг начал интенсивные поиски своей двоюродной сестры, что не могло пройти мимо соответствующих органов. И Рейсберг отправился примерно в те же дальние края, что и его двоюродная сестра несколькими годами раньше. Однако, посадив мужа, органы совершенно не обратили внимания на его жену, которую оставили на свободе, правда без средств к существованию и при абсолютном незнании русского языка. Так его жена встретила начало войны, а дальнейшие ее мучения, подробности которых мама мне не

⁸⁸ О Рейсберге – см. *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 203–204.

рассказывала, может и сама точно не знала, представить нетрудно. После смерти «лучшего друга советских физкультурников» С.Д. вышла на свободу, что-то было в маминых рассказах о ее ребенке или даже детях, я не помню, но, в конце концов, С.Д. оказалась в Институте туберкулеза, где и подружилась с мамой.

Интересна история ее семьи, оставшейся в Вене. После аншлюса немцы разрешали евреям уезжать в Америку, но за очень большие деньги и при наличии американского поручителя. Сестре С.Д. с мужем удалось найти богатого американца, который заплатил за них выкуп и обеспечил их переезд в США.

Там муж сестры С.Д., тоже врач, несколько лет практически бесплатно работал на поручителя, пока не отработал весь долг (не напоминает ничего?). Со временем он стал хозяином и руководителем большой клиники и где-то в 70-х годах С.Д. удалось съездить на месяц к сестре.

Помню, как она рассказывала об этой поездке. Когда я слушал ее рассказ, я вспомнил о хорошей знакомой тети Рохи. Ее звали Анка, она была полька и ее муж то ли работал в Коминтерне, то ли был как-то связан с ним. В общем, мужа в 1937 году расстреляли, а Анка прошла все круги ада. В лагере она сидела вместе с писательницей Галиной Серебряковой,⁸⁹ побывавшей замужем за двумя известными оппозиционерами – Серебряковым⁹⁰ и Сокольниковым⁹¹. Правда, от-

⁸⁹ Русская советская писательница и журналистка. Член РКП(б) с 1919. По образованию – медик. С 1923 – жена Леонида Серебрякова, с 1925 – Григория Сокольникова. В июне 1937 сослана в Семипалатинск, там арестована, в 1938–1940 – в заключении. После освобождения работала в Джамбуле фельдшером. 28 мая 1949 вновь арестована и приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Освобождена 14 августа 1955. В 1956 реабилитирована и восстановлена в партии. Активно выступала против либеральных тенденций в советской литературе. Умерла 30 июня 1980. (Интернет. www.livelib.ru/author/16962-galina-html)

⁹⁰ Леонид Серебряков – советский партийный и государственный деятель, член РСДРП(б) с 1905, сторонниклевой оппозиции. В 1927 исключен из партии, в 1930 – восстановлен, арестован 17 августа 1936. На шоу-процессе в январе 1937 приговорен к ВМН, расстрелян 1 февраля 1937. Реабилитирован 4 декабря 1986. (Интернет. wiki-org.ru/wiki/Серебряков_Леонид)

⁹¹ Григорий Сокольников – советский партийный и государственный деятель, член РСДРП(б) с 1905, нарком финансов СССР в 1923 – январь

звалась Анка о Серебряковой очень нехорошо. Так вот, после освобождения из лагеря, Анка нашла своего сына, уже взрослого молодого человека, практически не помнившего свою мать, и осталась в Советском Союзе.

Когда мы с мамой с ней познакомились, она жила в маленькой однокомнатной квартирке где-то, черт те где, на небольшую пенсию. Одна из ее товарок по лагерю, тоже полька, после освобождения уехала в Польшу. Она пригласила в гости Анку, обеспечила ей разрешение на приезд и оплатила дорогу (дело было в конце 60-х или начале 70-х, может быть в середине 70-х, точно не помню). К этому времени она была заместителем министра с соответствующей зарплатой и квартирой, очень солидной компенсацией от государства, не имеющего никакого отношения к тому, что с ней произошло) за свою лагерную эпопею.

И на всю жизнь я запомнил, как Анка сказала (она тогда только вернулась из Польши и впечатления были очень свежими) «Какая же я была дура, что не уехала тогда в Польшу. Хоть немного пожила как нормальный человек». В общем два мира – два Шапиро.

Еще одна мамина большая приятельница из института – Берта Яковлевна Стукалова. Я с ней познакомился в 1958 году в Паланге, как и с Э.З. Соркиной. Это была высокая жизнерадостная женщина. Мама рассказала мне, что Б.Я. не доучившись в медицинском институте, ушла на фронт, работала во фронтовых госпиталях.

В память врезался рассказ Б.Я. о событиях, произошедших вскоре после освобождения Будапешта. Передовые части ушли из Будапешта очень быстро и в городе остались только госпитали и тыловые части. Будапешт попал в наши руки достаточно мало пострадавшим от боев и наши тыловики вместе с быстро покидавшими город передовыми частями начали большой грабеж мирного населения. Но венгры долго терпеть не стали и подняли восстание. Так как госпитали своей охраны практически не имели, всех, кто мог держать оружие, бросили на защиту госпиталей.

1926, в 1926 примкнул к Левой оппозиции, в 1927 отошел от нее. Арестован 26 июля 1936. На шоу-процессе в январе 1937 приговорен к 10 годам заключения. Убит в тюрьме 21 июля 1939 по указанию Сталина. Реабилитирован 12 июня 1988. (Интернет. polit.ru/news/2015/08/15/sokolnikov)

Б.Я. как-то рассказала, что такого страха, как тогда в Будапеште, она не испытывала за все военные годы. Пришлось остановить наступление на немцев и развернуть части назад. Мятеж быстро и жестоко подавили.

После этого рассказа Б.Я. мне стало понятно, как венгры решились на восстание 1956 года, еще всё было достаточно свежо в памяти, да и люди, пережившие 1945 год в Будапеште, были еще живы.

Б.Я. жила в маленьком переулке у начала Арбата, напротив ее дома был маленький скверик, разбитый на месте дома, разбомбленного в первую бомбежку в июле 1941 года.

Мы часто с мамой заезжали в гости к Б.Я., и она у нас часто бывала. Потом в ее семье случилось большое несчастье, скоропостижно скончалась ее сестра, вместе с которой она жила, муж сестры очень тяжело перенес потерю и Б.Я. решила выйти за него замуж, чтобы поддержать. В последние мамины годы я как-то не обратил внимание, что мама перестала упоминать Б.Я., и только сейчас я понял причину. В Интернете я нашел снимок могилы Б.Я., она ушла на семь лет раньше мамы.

В заключение о институтских приятельницах мамы не могу не вспомнить Нину Марковну Макаревич. О Нине Макаревич я слышал от мамы задолго до того, как познакомился с ней лично в нашей комнате на Комсомольском проспекте. Она с семьей незадолго до этого тоже переехала на Комсомольский проспект, но ее дом был дальше от Крымской площади, где находился вход на станцию метро «Парк культуры». Помню, мама рассказывала, что ее муж, архитектор Вадим Макаревич, входил в группу проектировщиков советского павильона на одной из всемирных выставок. Мама бывала у Н.М. дома, да и Н.М. иногда по дороге домой забегала к нам.

В памяти очень хорошо остались воспоминания о походе в Кукольный театр под руководством Сергея Образцова. Театр еще располагался на площади Маяковского, и это было мое последнее посещение этого театра на старом месте. Были мы втроем: Нина Марковна, ее сын Андрей, ему было года 4, и я. Мне было лет 13 и я и представить себе не мог, что этот маленький очень живой ребенок станет известным музыкантом и поэтом.

Мама регулярно приносила известия о творческом росте Андрея, рассказала, что его отец почти все деньги, полученные в одной из за-

гранкомандировок, потратил на аппаратуру для сына. Помню, как в одну из встреч с Н.М. на Комсомольском она рассказала, что Андрею звонила Алла Пугачева и просила написать для нее песню.

Как-то мама спросила меня, знал ли я в своем институте Михаила Михайловича Хрущева. Я страшно удивился, поскольку М.М. был одним из первых сотрудников института, его гордостью, крупнейшим в стране специалистом по трению и износу. Оказалось, что мама работала много лет с его женой и хорошо знала М.М.

Сейчас в институте работает внук М.М., тоже Михаил Михайлович. Мы с ним радостно раскланиваемся, когда встречаемся, правда нечасто, поскольку работаем на разных территориях. Я как-то рассказал ему о знакомстве моей мамы с его бабушкой, он знал, что его бабушка работала в Институте туберкулеза, и было видно, что ему очень приятно, что его бабушку помнили сотрудники Института.

Но мама меня удивила еще раз, спросив меня, знаю ли я Романа Марковича Шнейдеровича. Я ответил, что регулярно его вижу, поскольку профессор Р.М. Шнейдерович, крупный специалист по теории прочности, по книгам которого я учился в Станкине, один из ближайших друзей моего шефа и часто заходит к нему.

Оказалось, что мама Р.М. работала много лет в библиотеке Института, мама с ней дружила и часто бывала у нее в гостях вместе со мной, когда я был совсем маленьким. К сожалению, Р.М. очень скоро умер и я так и не передал ему привет от мамы.

Не знаю, к какой категории (казанской или институтской) можно отнести Галину Вениаминовну Амлинскую, жену известного историка биологии И.Е. Амлинского, мачеху писателя Владимира Амлинского, друга Василия Аксенова, члена редколлегии журнала «Юность».

С Г.В. у меня связан один эпизод. Как-то мы встретились, то ли у мамы, то ли у Л.Б. Утевской, дело было в конце октября или в самом начале ноября 1982 года, а через несколько дней я утром обратил внимание, что по телевизору идут сплошные концерты симфонической музыки. Я пришел утром в библиотеку Ленина, и в зале текущей периодики взял все сегодняшние газеты. Ни в одной из них не было ни одного упоминания о Л.И. Брежневе, что могло означать только одно – страна потеряла своего Генерального секретаря ЦК КПСС. Поднимаясь по центральной лестнице библиотеки я увидел Г.В., мне очень хотелось подойти и рассказать ей о своем маленьком открытии,

но что-то меня остановило и я незаметно прошел мимо. Видимо, где-то на подсознательном уровне я решил, что смерть, даже генсека, не та новость, которую надо гордо (а я знаю то, что еще не все знают) сообщать своим знакомым».

Сведения Гарика дают возможность еще раз поговорить о драгоценных человеческих качествах Эсфирь Лазаревны. Суметь сохранить на всю жизнь своих подруг, друзей молодости, приобретать и удерживать новых, означало, что душевный мир мамы был необыкновенно широким и глубоким. В ее душе находили отклики того, что волновало ее подруг. Они видели и понимали это и, в свою очередь, тянулись к маме. Многих из них не миновали беды и утраты, но они сумели сохранить в себе силы противостоять злу и этот круг друзей помогал их душевному спокойствию.

Завершающее письмо Гарика о друзьях мамы получил от него 11 октября 2019 года. В нем Гарик заодно вспоминает также о своем детстве, о различных семейных коллизиях. Чтобы на разрушать цельность текста этого документа, приведу его полностью, ограничившись в необходимых случаях комментариями в сносках.

«Фредюша! Завершая повествование о маминих друзьях и подружках, хочу подробно остановиться на одном из последних маминих знакомств, перешедших в дружеские отношения, но, к сожалению, не очень долгие, но имеющие как для мамы, так и для меня очень важное значение.

Но, прежде чем я перейду непосредственно к описанию этого знакомства, я хочу остановиться на одном аспекте нашей тогдашней жизни, а именно на вопросе организации летнего отдыха детей. То, какое значение и мама, и бабушка, и дедушка придавали тому, как ребенок проведет лето, можно понять уже из их общего решения купить на выигранные в лотерею деньги дачу, а не квартиру. Зато отдых маленького Фредика был решен, а подробно об этом ты уже писал.

Появление маленького Гарика вначале с этой стороны бытия особого вопроса не вызывало, я этого, конечно, не помню, но думаю, что первые годы я лето проводил на даче в Малаховке.

К тому же есть маленький, почти совсем выпцветший снимок маленьких Люсика (сына дяди Али) и меня на даче. Люсик моложе меня на год, мне там года 3, поэтому я датирую снимок 1947 годом. Видимо, это последнее наше лето на даче в Малаховке, поскольку в декабре произошла девальвация, а деньги, которые получила бабушка за продажу дачи существенно обесценились.

После этого способы организации летнего отдыха детей (Фредика и Гарика) изменились. Гарика стали отправлять на дачу с детским садом, а Фредика мама взяла на себя и поехала с ним в Крым⁹². В каком году это было, я не знаю, но сохранилась фотокарточка, ты с мамой в Ливадии около лестницы Ливадийского дворца. Я это хорошо запомнил, поскольку впервые видел снимок дворца, и, по-моему, были еще какие-то снимки Ласточкиного гнезда. Когда через 10 лет мы с мамой отдыхали в Алуште, мы побывали и у дворца в Ливадии, и насмотрелись на Ласточкино гнездо, мама вспоминала свою поездку с тобой.

Я же несколько лет ездил с детским садом на дачу. Где располагалась эта дача, я не помню, да и, наверное, никогда не знал, но из всего летнего отдыха в памяти осталось только одно воспоминание, думаю, что это третье из моих самых первых воспоминаний в жизни.

Одно связано с ожиданием родителей дома у тети Рохи (я об этом уже писал), второе вызвано сильным шоком. Я чем-то болел, была высокая температура, почти всё время я спал и вдруг проснувшись, в свете настольной лампы я увидел Алю и тетю Надю. Они тогда приехали в Москву, а для меня это было настолько неожиданно и радостно, что впечаталось в память на всю жизнь.

Так вот, что я запомнил об отдыхе на детсадовской даче. Наступил самый радостный для меня тогда день в году, мой день рождения. Сразу после завтрака я помчался в укромный уголок около огра-

⁹² Эта поездка в Крым состоялась летом 1949. Мама купила две туристические путевки по южному побережью Крыма как награду мне за успешное окончание школы и мы с ней совершили это удивительно прекрасное путешествие. Я впервые оказался в Крыму и на всю жизнь сохранил память об очаровании тех дней, проведенных с мамой, был несказанно потрясен увиденными красотами Крыма. Через много-много лет после той поездки у меня появилась возможность проводить часть своего отпуска в крымском санатории «Ай-Даниль», недалеко от Гурзуфа. (См.: *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 356–358).

ды, где у забора были расширены проемы и можно было просунуть разные вкусные вещи, которые через проходную передавать детям не разрешалось. Я устроился и стал ждать. Но вот уже обеденное время, а с той стороны забора полная тишина. После обеда всех повели спать, пришлось и мне плестись в спальню, зато после полдника я на всех парах мчусь к забору..., а там пустота. Кое как я дождался там приглашения на ужин, день был прожит напрасно, настроение упало, не помню, поревел ли я тихонечко или нет, но очень хотелось.

На следующее утро после завтрака меня неожиданно находит воспитательница и посылает к забору, при этом многозначительно улыбаясь. Я плетусь к забору, уже не надеясь когда-нибудь увидеть родные лица, а там! И мама, и папа, и бабушка, и Фредик. Радостные, оживленные, хором мне кричат поздравления с днем рождения.

Я сквозь слезы тихо говорю: Он же был вчера. А дальше некая сцена по Гоголю, я тогда, конечно, еще не читал «Ревизора», но когда прочел его первый раз, сразу вспомнил это день моего псевдорождения.

Что тут началось. Сначала долго выясняли, кто сказал, что день рождения 22, а не 21⁹³, извинялись, целовали меня через ограду и т. д., и т. п. Далее в дело пошли тортик, конфеты, фрукты. От детского сада меня отпросили, даже разрешили вывести меня с территории сада и мы пошли в ближний лесок, где и пробыли до вечера. Но на этом дело не закончилось.

Мама, папа и бабушка сразу твердо заучили дату моего дня рождения, но Фред еще много лет звонил мне числа 20-го и спрашивал: “Так когда у тебя день рождения, 21-го или 22-го?” Но со временем и он четко запомнил, что Гарик осчастливил этот свет 21-го.

Вообще почему-то в нашем семействе летний отдых всегда проходил по одной и той же ветке железной дороги. С довоенных времен после покупки дачи это была Казанская дорога. Сначала Малаховка, потом в 1950 и 1951 году, когда я был после болезней, это было Быково у тети Пани и Удельная⁹⁴, где мы снимали дачу и куда приезжал Аля.

Из отдыха в Быково у меня в памяти осталось только широкое поле, а вдали на горизонте какие-то строения, там начинался город

⁹³ Признаюсь, это моя вина. В какой-то момент перепутал день рождения брата и убедил всех, что это случилось 22, а не 21 июля.

⁹⁴ Мама сняла дачу на станции Удельная на лето 1950.

Жуковский. Отдых в Удельной запомнился лучше, поскольку там были два новых для меня события – похороны бабушки наших хозяев и процесс зарезания коровы.

Первое запомнилось поеданием кутьи на поминках, а от второго я успел застать лишь самый конец, только помню пар от здоровенных кусков мяса в огромном тазу, и сердечный приступ у бабушки, к счастью, не имевший никаких роковых последствий. Приступ у нее произошел, когда она сидела на веранде, хозяин вывел во двор корову, поздоровался с бабушкой и неожиданно вонзил здоровенный нож в горло коровы. Хлынул фонтан крови и бабушка потеряла сознания от увиденного. Потом несколько дней мы ели мясо этой коровы.

Когда я пошел в школу, места нашего отдыха остались по Казанке, но сдвинулись на несколько станций от Москвы.

Поскольку я уже подросток, мама стала брать меня с собой, когда ездил снимать дачу. Был ли при этом папа, у меня в голове не отложилось, видимо, он полностью доверял маме в этом вопросе, либо не хотел этим заморачиваться. Помню, мы с мамой прочесывали улицу за улицей в поисках еще не снятых дач.

Думаю, что с тех пор у меня появилась стойкая нелюбовь к хождению по магазинам (кроме радиомагазинов в школьные годы) и книжных. Происходило это где-то в апреле, когда снег уже практически сошел, а весенняя грязь еще не появилась.

Несколько лет мы снимали дачу на станциях Фабричная и 42 км (не путать с 43-м км по Ярославке). Из этих лет я помню пустырь рядом со снятой дачей, образовавшийся от взрыва авиабомбы, сброшенной на поселок во время войны. Говорили, что бомбу сбросил наш бомбардировщик, подбитый немцами и срочно возвращавшийся назад на аэродром в Жуковском, не полностью использовавший свой запас бомб. Так как садиться на поле с бомбами ему запретили, он сбросил бомбу прямо на дачный поселок. К счастью, никого на дачах не было и никто не погиб.

С пребыванием на даче связан эпизод с моим наказанием, одним из самых больших в моем детстве. В ближайшем клубе шла четвертая серия трофейного фильма о Тарзане “Тарзан в Нью-Йорке”. Первые три серии я уже видел и предвкушал удовольствие от четвертой. Но с утра черт занес меня в компании местных мальчишек на чей-то огород, где мы вытоптали пару грядок. Последовала жалоба на нас роди-

телям и в результате я был лишен кино. Так я эту серию и не посмотрел.

Потом три года я летом отдыхал в пионерлагерях, а затем два года ездил с мамой в Палангу и Алушту.

Помню, как мы с папой были на даче, это был август 1959 года, то ли до нашего с папой путешествия в Ленинград, то ли после приезда из Ленинграда в самом конце августа, когда изменения в нашей семейной жизни уже были предначертаны (Аннушка уже пролила свое подсолнечное масло⁹⁵).

Я уже писал, как бабушка варила борщ в огромной кастрюле⁹⁶.

Снова на Казанке я оказался через несколько лет, когда появилась маленькая Наташенька. Это был 1969 год, мы приезжали с крошечной Аленой⁹⁷ в Кратово, где Фред снимал дачу.

Кратово было выбрано не случайно. Там располагались дачи для сотрудников ЦК КПСС. Это был огражденный и охраняемый большой участок, где кроме дач находились, магазин, столовая, клуб и т. п. заведения. Продукты в магазине были не чета продававшимся в обычных московских магазинах, не говоря уже о подмосковных. Да и обеды были очень качественными и относительно недорогими. Фреду удалось достать пропуск на территорию поселка тем самым решить важнейшую в ту пору проблему питания.

Когда я сейчас захожу в небольшие мамонтовские магазинчики и вижу, что в них продается, мне до слез жалко дедушку и бабушку, лишенных всего этого большую часть их жизни, и маму, лишенную всего этого всю свою жизнь.

Кратово еще запомнилось мне с самых детских времен благодаря так называемой детской железной дороге. Это специально проложенный железнодорожный путь от станции Кратово до соседней станции Отдых, по которому ходит небольшой поезд со специальными вагончиками, который ведут дети. В моем детстве поезд вел настоящий паровоз.

⁹⁵ Перефразировка известного выражения из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», означавшая неизбежную катастрофу в жизни одного из персонажей книги.

⁹⁶ См. приведенный ранее отрывок из письма Гарика Фреду от 16 июня 2019.

⁹⁷ Дочь Гарика.

В Кратово и произошло знакомство мамы с четой Скарбеков, о чем я хочу позже рассказать. Но сначала завершу экскурс в наши дачные дела.

На Кратово завершается эпоха Казанской дороги. Далее наш летний, а для меня с моим семейством вот уже 10 лет как полный, сезон связан с Ярославской железной дорогой.

Вообще Ярославка вошла в жизнь нашей семьи еще до войны. На станции Яуза, третьей станции от Москвы располагался тогда, как и сейчас, Институт туберкулеза, с которым связана значительная часть маминой жизни.

Когда-то Лидочка сказала мне, что после переименования станции метро Дзержинская в Лубянку, она каждый раз вздрагивала, когда в поезде объявляли это название, поскольку у нее свои ассоциации с этим словом. Так и я много лет не мог спокойно слышать название станции Яуза, так оно связано с мамой. До сих пор смотрю, что изменилось на станции и представляю, как бы мама отреагировала на эти изменения.

По Ярославской дороге мы несколько раз ездили в Абрамцево, где расположен прекрасный музей, и в Загорск (ныне Сергиев Посад), где жили Лидины родственники.

Но в 1971 году Фред снял дачу на станции Мамонтовская, а через несколько лет построил дачу на станции 43 км. Он подробно рассказал об этом в своей книге об Институте, и с этой дачей были связаны все летние отдыхи до 1993 года, когда началась подготовка к отъезду за океан⁹⁸.

Я уже и не рассчитывал снова оказаться на Ярославке, но двоюродная тетя моего зятя, после смерти своего мужа, когда-то работавшего вместе с Фредом в одном отделе в ИМЛ⁹⁹, о чем он тоже писал в своей книге, предложила ему взять на себя все заботы по своей даче, расположенной на станции Мамонтовская с последующей передачей ему всех прав на нее. Там мы теперь и обитаем.

Так что вся дачная история нашей семьи прошла сначала на Казанке, а затем на Ярославке.

⁹⁸ См.: *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 275–277.

⁹⁹ Имеется в виду Гена Зиборов (См.: *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 240).

Так вот, возвращаемся на полвека назад в Кратово. Фред снимал комнату на первом этаже, а на втором этаже жила пожилая чета. Мама сидела с маленькой Наташей и постепенно свела с соседями знакомство. Соседей звали Анна Моисеевна и Сигизмунд Абрамович Скарбек. Они были на несколько лет старше мамы. Постепенно знакомство переросло в дружеские отношения. Соседи оказались советскими кадровыми разведчиками на пенсии, и постепенно они рассказали очень много интересного о своей жизни.

Как и мама, они родились в Польше, потом судьба забросила С.А. в Германию, где он вступил в Союз Спартака¹⁰⁰, а потом и в Компартию Германии. А.М. работала в Польше, была арестована, содержалась в одиночке, но потом была обменена на остатки банды Булак-Булаховича¹⁰¹, разгромленной в советской стране в начале 20-х годов.

К этому времени и С.А. перебрался в СССР. Там он, в частности, участвовал в записи на грампластинки нескольких речей Ленина. Сохранилась фотография Ленина с группой, осуществлявшей запись, на ней и молодой С.А.

В 1922 году С.А. был послан на работу в Белоруссию, а А.М. работала заместителем заведующего архивом Коминтерна. Из Белоруссии С.А. послали на нелегальную работу в Польшу и Германию. Он

¹⁰⁰ После голосования фракции Социал-демократической рабочей партии Германии (СДРПГ) в рейхстаге 4 августа 1914 за предоставление правительству военных кредитов революционные марксисты во главе с Розой Люксембург организовали оппозиционную группу Интернационал, с 1916 носившую название группа Спартака. В апреле 1917 вошла в состав Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), сохранив статус самостоятельной группы. 11 ноября 1918 вышла из НСДПГ и образовала Союз Спартака, который в канун 1919 вместе с другими левыми организациями основал Коммунистическую партию Германии (КПГ). (Интернет. [Коммунист.ru/Союз_Спартака/](http://kommunist.ru/Союз_Спартака/))

¹⁰¹ Станислав Булак-Булахович – генерал российской Белой армии и Войска Польского. В конце октября 1920 под командованием Булаховича Народно-Добровольческая армия вступила на территорию Белоруссии, но потерпела поражение и ее остатки в конце ноября были вытеснены на территорию Польши. В 1939 Булахович организовал отряд добровольцев, убит в Варшаве немецким военным патрулем 10 мая 1940. (Интернет. <http://inbelhist.org/stanislaw-bulak-balaxovich-nash-nacionalnyj-geroj/>)

обратил на себя внимание советской военной разведки и до 1929 года работал нелегалом в Германии.

После Германии был послан на работу в Китай, где позднее его сеть была передана Рихарду Зорге¹⁰². В числе прочих к Зорге перешел и радист Макс Клаузен¹⁰³, в свое время завербованный именно С.А. Об этом я узнал от писателя Евгения Воробьева при захоронении праха С.А. на Новодевичьем кладбище.

Работа С.А. в Китае была весьма успешной, об этом говорится в работах историка советской военной разведки на Востоке Усова¹⁰⁴.

В начале 30-х годов С.А. вместе с А.М. работали в различных странах Европы, в том числе в Чехии, где, как он мне рассказывал, в киосках можно было купить газету “Правда”.

Один случай, произошедший в то время, рассказанный мне С.А., очень показателен. Где произошло событие, С.А. не сказал, думаю, либо в Австрии, либо в Чехии. На лето семья С.А. сняла половину виллы у некоего врача. В начале лета врач со своей семьей уехал на море, оставив в распоряжении С.А. всю виллу. В это время к С.А. обратился сотрудник, как сказал С.А., соседней организации (т. е. внешней разведки НКВД, она тогда называлась ИНО НКВД) с просьбой помочь в одном деле. С.А. выполнил просьбу, вслед за которой сразу последовала вторая. Когда С.А. отказался работать на дядю, “сосед” обиделся.

Вскоре С.А. получил сообщение, что к нему выезжает очень большой человек, курировавший всю работу в Восточной и Цен-

¹⁰² Советский разведчик. С 1919 – член КПГ, с 1924 – сотрудник аппарата Коминтерна, с 1929 – в Разведупре РККА. С 1930 работал под прикрытием в Китае, с 1933 – в Японии. 18 октября 1941 арестован японской полицией. 7 ноября 1944 казнен. В 1964 ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. (Интернет. <https://24smi.org/celebrity/20415-rikhard-zorge.html>)

¹⁰³ Советский разведчик. Член КПГ с 1927, с 1928 – сотрудник Разведупра РККА, с 1935 – радист резидентуры Зорге в Японии. 18 октября 1941 арестован японской полицией. Приговорен к пожизненному заключению. Освобожден после капитуляции Японии. Проживал в Берлине. Умер в 1979. (Интернет. generalstvignun.ru/2018/05/08/фотодок.)

¹⁰⁴ Виктор Усов – российский историк, китаевед. Имеется ввиду его книга: Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. Издание второе, исправленное и дополненное. М., Дом Конфуция. 2011. – 384 с. – ISBN 5–85611–008–0.

тральной Европе. С.А. не называл мне его фамилию, но, судя по современным публикациям, это Леонид Маркович Анулов (Акулов), который руководил работой С.А. еще в Китае.

Анулов был одним из создателей Красной капеллы, он завербовал Шандора Радо¹⁰⁵, руководителя швейцарской группы. В 1938 году Анулова посадили, он вышел на свободу в 1955 году и похоронен где-то недалеко от Скарбеков на Новодевичьем в том же 1974 году.

С.А. принял гостя соответственно чину, тот долго с ним беседовал ни о чем, а затем вывел его в сад и показал донос от «соседа». «Сосед» сообщал, что С.А. явно продался, купил шикарный особняк и т. д. Куратор сказал, чтобы С.А. не беспокоился, это явный поклеп, но чтобы впредь с «соседями» был настороже.

Вся эта история мне напомнила «Семнадцать мгновений весны» с противостоянием Мюллера и Шелленберга, и взаимоотношения Абвера и СД. Как всё похоже!

В середине 30-годов С.А. и А.М. выехали нелегально в Италию, где в Турине С.А. стал владельцем маленькой фотографии. Результат его работы, как поведал Евгений Воробьев¹⁰⁶, была конструкция и технология изготовления аккумуляторов для подводных лодок, позволившие создать отечественный подводный флот, не уступающий немецкому. Если бы не С.А., неизвестно, чем бы окончилась морская эпопея на Балтике и на Севере.

Контрразведка Италии смогла поймать С.А. и вкатила ему 30 лет крепости. Для сравнения, Льву Маневичу¹⁰⁷, доставшему для СССР чертежи Мессершмитта, итальянцы дали только 12 лет тюрьмы.

¹⁰⁵ Советский разведчик, венгерский картограф и географ. Член КП Венгрии с 1918, активный деятель Венгерской Советской республики. В эмиграции занимался революционной подпольной работой, одновременно издательской деятельностью. С 1935 – сотрудник Разведуправления. С 1936 в Швейцарии, руководил резидентурой «Дора». В 1944, опасаясь ареста бежал во Францию. 2 августа 1945 доставлен в Москву. Репрессирован. В 1954 освобожден, в 1956 реабилитирован. Проживал в Будапеште. Умер 20 августа 1981. (Интернет. www.peoples.ru/military/scout/shandor_rado)

¹⁰⁶ Евгений Воробьев – советский журналист и писатель, автор свыше 30 книг. Скончался 31 августа 1990.

¹⁰⁷ Советский военный разведчик. Член РКП(б) с 1918. С середины 1920-х выполнял задания ГРУ. С 1935 – полковник. Арестован итальянцами

С.А. сидел в каземате, который построил Нерон¹⁰⁸ для своей жены, условия были соответствующие, описание его существования на средиземноморском острове Сан-Стефано можно прочесть в книге Е. Воробьева “Земля, до востребования”. Есть иной вариант названия “Этьен и его тень”.

Книга написана о Льве Маневиче, но о Скарбеке там достаточно много, а все описания пребывания Маневича на острове на самом деле повествуют о С.А.

Он был действительно освобожден союзниками, сумел перебраться в Италию, оттуда хотел попасть в Швейцарию, где была А.М. с сыном, но смог через свои старые каналы связаться с коммунистами и вылететь в Югославию, откуда вновь попал на родину, которая прямо с трапа самолета во Внуково препроводила его на Лубянку доживать недосиженное у итальянцев.

О его пребывании уже в наших лагерях есть в воспоминаниях известного киносценариста Фрида¹⁰⁹, правда, Фрид опасался С.А. ввиду его причастности к спецслужбам.

Где-то в своих скитаниях по лагерям С.А., по его рассказам, пересекался с сестрой Тухачевского¹¹⁰, он называл еще несколько фамилий, но они в моей памяти не сохранились.

контрразведкой, в 1943 передан немцам. Узник Маутхаузена и других концлагерей. Один из руководителей подполья. 6 мая 1945 освобожден американскими войсками. Вскоре умер от туберкулеза. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

¹⁰⁸ Римский император в 54–68 году. Интернет. stuki-druki.com/authors/Neron.php)

¹⁰⁹ Валерий Фрид – драматург и киносценарист. Будучи студентом Всесоюзного государственного института кинематографии в 1944 добровольцем вступил в Красную Армию, но вскоре был арестован по ложному обвинению и приговорен к десяти годам ИТЛ. Освобожден в 1954 и реабилитирован в 1956. Вместе со своим другом и соавтором Юлием Друнским написали сценарии фильмов «Гори, гори, моя звезда», «Красная площадь», «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил», «Экипаж» и многих других. Скончался 7 октября 1998. Имеется ввиду книга «58 ½. Записки лагерного придурка», опубликованная в 1996. (Интернет. <https://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/13586/bio/>).

¹¹⁰ Михаил Тухачевский – Маршал Советского Союза. Арестован 22 мая 1937, расстрелян 12 июня. Реабилитирован в 1957. Были арестованы и ре-

После лагеря он был выслан в Курск. В это время с ним произошла история, которая могла закончиться для него очень плохо. Дело в том, что в период между своими загранпоездками С.А. и А.М. познакомились и подружились с Марией Федоровной Шверник, женой известного партийного и профсоюзного функционера. Поскольку их знакомство произошло еще во времена, когда Шверник¹¹¹ еще не находился на партийном Олимпе, отношения были вполне человеческими. И уезжая в свою последнюю поездку на работу за границу, Скарбеки оставили у Шверников свой нехитрый шарф, в том числе новое зимнее пальто.

Как высланный в Курск, С.А. не имел право покидать город, но однажды по недосмотру кого-то из начальников его срочно командировали в Москву на пару дней. Там он остановился у кого-то из своих старых знакомых, к счастью не привлекая внимания участкового, а, завершив все дела, вспомнил о пальто, когда-то оставленное у Шверников. Недолго думая, он отправился прямо к Шверникам домой. Но времена уже были другие, внизу сидела охрана и консьержка, которая уточнила у С.А., к кому тот идет. Через пару минут хлопнули двери лифта и по первому взгляду на лицо вышедшего из лифта человека, С.А. понял, что он крупно влип.

Этот человек достаточно приветливо осведомился о цели визита, попросил документы и сказал, что Марии Федоровны сейчас нет дома, поэтому о пальто можно будет узнать позже, и, если Мария Федоровна захочет увидиться с С.А., за ним заедут по тому адресу, где он остановился.

Перепуганный С.А. выскочил из дома Шверников, поймал такси, захватил к своим знакомым, схватил вещи и на вокзал. За ним приехали минут через пятнадцать, и не за тем, чтобы отдать пальто. Первым же поездом он выехал в Курск, где его приняли прямо на вокзале.

Сначала речь шла о подготовке теракта против одного из руководителей партии и правительства, но, к счастью, Мария Федоровна,

прессированы три сестры Тухачевского – Елизавета, Ольга и Мария. Кого из них имел в виду Скарбек неизвестно.

¹¹¹ Николай Шверник – советский политический деятель, член РСРП(б) с 1905. С 1930 г. возглавлял советские профсоюзы. В 1946–1953 – Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Умер 24 декабря 1970.

дала о С.А. очень хороший отзыв, вспомнила об оставленном ей на хранение пальто, и дело вскоре закрыли. Но могло кончиться весьма трагически.

После смерти Сталина С.А. смог вернуться в Москву, один из его старых друзей по работе в ГРУ поделился с ним адресом и новым именем его жены. И тут, как мне рассказывал С.А., на него напало полное затмение ума. Он не придумал ничего лучше, поскольку получил официальный отказ на просьбу сообщить жене, которая не знала о нем полтора десятка лет, как просто написать ей письмо о том, что он жив и относительно здоров. Письмо дошло до адресата, но вызвало у А.М. дикий ужас, поскольку по ее легенде ее муж давно умер, а с Советским Союзом у нее не могло быть ничего общего.

В ту же ночь она с сыном спешно покинула страну проживания и сменила документы. Позднее, однако, всё выяснилось и А.М. смогла вернуться в СССР.

С.А. и А.М. жили в небольшой двухкомнатной квартире в Измайлово, получали пенсию, причем С.А. иронично, но с долей обиды, подчеркивал: “Анка персональный пенсионер, а я нет”.

Так что родина не простила недосиженных лет, что в Италии, что в Советской России.

Как-то они были посланы в Италию, с целью восстановления нашей разведывательной сети, которая после побега Светланы Аллилуевой¹¹² на Запад была сориентирована тогдашним председателем КГБ Семичастным¹¹³ на поиск Светланы, что засветило огромное число разведчиков. Они побывали в Италии, где нашли своих быв-

¹¹² Дочь Сталина, по профессии – филолог. В 1966 власти разрешили ей выехать в Индию для захоронения останков ее мужа. В Дели Аллилуева зашла в посольство США и попросила у США политическое убежище. Ее переместили в Швейцарию, затем в США. Бегство Аллилуевой вызвало большой политический скандал. Ее лишили советского гражданства. В 1984 она вернулась на родину и поселилась в Грузии. Затем выехала в США. Скончалась в 2011. (Интернет. <https://24smi.org/celebrity/1751-svetlana-allilueva.html>)

¹¹³ Владимир Семичастный – советский политический и государственный деятель. Член ЦК КПСС в 1964–1971. В 1958–1959 – первый секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1961–1967 – председатель КГБ. Скончался в 2001. (Интернет. <http://rushist.com/index.php/russia/3687-semichastnyj-vladimir-efimovich-kratkaya-biografiya>)

ших соседей в Турине. О результатах их поездки они, естественно, ничего не говорили.

Мы с мамой были приглашены к ним в гости, где познакомились с еще одним персонажем книги Евгения Воробьева – бывшим легальным резидентом советской военной разведки в Италии Георгием Павловичем Григорьевым¹¹⁴. Он осуществлял связь с Маневичем и Скарбеком, его первая жена держала связь с секретаршей Маневича, которой разрешалось делать Маневичу передачи в тюрьму и тем самым передавать и получать в ответах информацию.

У Скарбеков Григорьев был со своей второй женой (первая уже умерла), с ней мы потом увиделись на похоронах С.А.

Были Скарбеки и в гостях у мамы на Комсомольском проспекте. Мама очень много расспрашивала С.А., особенно ее интересовала их жизнь в Италии.

Когда С.А. серьезно заболел, мы с мамой навещали его в Госпитале Бурденко¹¹⁵, он нам очень радовался, чувствовалось, какой недостаток общения он испытывает, ведь старых друзей почти не осталось, а новых обрести в таком возрасте и с такой биографией довольно сложно.

Но самое эмоционально сильное воспоминание об С.А. и А.М. связано у меня с первым просмотром фильма, который снял известный кинорежиссер Вениамин Дорман¹¹⁶, создатель многих кинофильмов, среди которых фильм “Ошибка резидента”. Просмотр фильма о Маневиче состоялся на Мосфильме, сам режиссер перед фильмом сказал, что полностью весь фильм он увидит сейчас вместе с нами. В зале была дочь Маневича, нас с ней познакомили. Фильм я

¹¹⁴ Советский разведчик. Полковник. Член РКП(б) с 1920, сотрудник Разведуправления с 1928. В 1932–1941 работал под прикрытием в Милане. Скончался в 1972. (Интернет. http://hrono.ru/biograf/bio_g/grigorev_gp.php)

¹¹⁵ Николай Бурденко – первый президент АМН СССР, основоположник российской нейрохирургии, участник русско-японской и двух мировых войн. С 1937 – главный хирург Красной Армии. Скончался в 1946. Тогда же Главному военному клиническому госпиталю присвоено имя академика Бурденко. (Интернет. [http://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-burdenko.html? source=persons](http://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-burdenko.html?source=persons))

¹¹⁶ Советский и российский кинорежиссер и сценарист. Среди снятых им фильмов был и фильм «Земля до востребования». Умер 22 января 1988. (Интернет. <https://www.kino-teatr.ru/kino/director/sov/17087/bio/>)

смотрел, сидя рядом с С.А., и чувство раздвоения, когда герой, с одной стороны, на экране, а с другой, сидит рядом с тобой, непередаваемо. Роль С.А. исполнял Лев Дуров, с тех пор у меня к нему неизменно теплое чувство, которое я сохранял вплоть до его кончины.

Вообще, у меня есть два не просто любимых, а каких-то заветных актера, которые сыграли в кино людей, лично мне не просто знакомых, а близких. Один из них – это Лев Дуров, второй – Сергей Шакуров, сыгравший в фильме “Две строчки мелким шрифтом” роль историка Федей¹¹⁷, в образ которого сценарист Володя Логинов вложил многие черты Фреда.

Нам с мамой довелось проводить С.А. в последний путь, мы также присутствовали на захоронении праха С.А. на Новодевичьем кладбище. На захоронении праха слово взял Евгений Воробьев, который сказал, что эта небольшая группа людей совершила в середине 30-х годов подвиг, подвинувший нашу военную промышленность сразу лет на двадцать, и благодаря им страна сохранила сотни тысяч человеческих жизней. По крайней мере, мы встретили войну в техническом оснащении не слабее немцев. Он сказал, что когда-нибудь родина воздаст им должное в полной мере.

Какая наивность! Сейчас уже никто практически не знает и не помнит их имена, организация, работе в которой они отдали свои жизни, стала просто посмешищем, а воровство технических секретов и полное копирование чужих образцов – это не только прошлое, но и настоящее и, боюсь, будущее страны.

Мама очень переживала уход С.А. После смерти С.А. связь с А.М. постепенно утасла, она никогда маме не звонила, и, вообще, мама почувствовала, что она устает от людей и необходимости с ними говорить. Через несколько лет А.М. последовала за мужем, и как-то, придя на Новодевичье кладбище, уже практически закрытое для посещений, кроме 9 мая, я увидел рядом с именем С.А. имя его жены.

¹¹⁷ Режиссером этого фильма был Виталий Мельников. Авторами сценария – Михаил Шатров, Владлен Логинов и Виталий Мельников. Шатров и Логинов – мои давние друзья. (См.: *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 44, 55, 66, 69, 73, 74, 78, 90, 100, 119, 131, 132, 136, 139, 191, 212, 213, 217, 239, 247, 254, 320, 356, 395, 396, 398, 399, 401–403, 414, 431–434). Они оба часто называли меня Федей.

Вот пожалуй, и всё, что я сумел выжать из себя о маминых друзьях. О Скарбеках получилось больше, чем об остальных, просто и знакомство произошло у меня на глазах, и вовлечен в их взаимоотношения я был больше, да и С.А. оказал на меня очень сильное влияние. Как то, когда они были у нас в гостях, я его тихо спросил: “А если можно было бы снова прожить жизнь, повторили бы вы свою?”, на что сразу получил твердый ответ: “Нет. Очень уж неблагодарно всё получилось”.

Целую. Гарик»¹¹⁸.

¹¹⁸ Письмо Гарика Фреду от 11 октября 2019.

Глава десятая

МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

В преддверии Истфака

Окончание школы с серебряной медалью дало мне возможность поступить в высшее учебное заведение без экзаменов. Это было существенным облегчением и избавляло от всякого рода неприятных неожиданностей. В то же время медаль не была абсолютной гарантией, так как Приемная комиссия на собеседовании могла придти к выводу о неподготовленности абитуриента и тогда ему приходилось либо забирать документы, либо сдавать экзамены на общих основаниях.

Решил поступать на Истфак МГУ. До этого побывал на Дне открытых дверей Истфака. Он тогда размещался в трехэтажном особняке по улице Герцена (дом 5). На втором этаже в Актовом зале нас приветствовали декан и профессора Истфака. Затем будущие абитуриенты беседовали со студентами Истфака. Со мной разговаривали два второкурсника Эдик Клопов и Юра Борко. Впоследствии мы стали друзьями¹. С Эдиком я работал вместе в Институте марксизма-ленинизма, пока он не перешел в Институт международного рабочего движения. Юра Борко много лет трудился в Институте научной информации по общественным наукам. Встречались мы с ним редко и довольно случайно, но всегда по-дружески тепло.

День открытых дверей усилил мое желание стать студентом Истфака. Когда пришел подавать документы для приема на Истфак, то оказался перед столиком, за которым сидел странноватый тип, довольно высокого роста, но весь какой-то усохший, смор-

¹ См. : Ф.И. Фирсов. 34 года в Институте..., с. 139, 140

щенный (позднее узнал, что это был ученый секретарь администрации Истфака). Тот взял у меня документы, просмотрел их и неожиданно предложил мне перечислить все Союзные Республики СССР с их столицами.

Разумеется, название многих столиц Союзных Республик, особенно европейских, знал твердо, а в отношении среднеазиатских был не совсем уверен, но мгновенно решил отбарабанить их ему, глядя пристально в его глаза. Мелькнула мысль, что он, может быть, сам в этих сочетаниях не совсем уверен. Так и сделал. Он поблагодарил меня, пожал мне руку. И отпустил. Впрочем, может быть я и не ошибся.

Последующие дни наша компания провела несколько дней на даче Нонны. Дача ее находилась неподалеку от Москва-реки, которая в тех местах была довольно узкой, но вода в ней текла весьма быстро. В сарае дачи хранился в разобранном виде одноместный каяк.

Было необходимо его собрать и превратить в плавучее средство. Когда мы всё это проделали, то обнаружили, что местами прорезиненную ткань придется проклеить, поскольку иначе вода могла проникнуть вовнутрь и просто потопить каяк вместе с сидком.

Подручные материалы нашлись, однако возникли трудности. Проклеивали каяк снаружи, но при этом кто-то должен был находиться внутри каяка, чтобы убедиться в том, что его привели в исправное состояние. А сделать такое было нелегко.

Если сесть в каяк не представляло труда, так как в закрытую его часть попадали лишь ноги, то теперь надо было умудриться проникнуть туда головой и верхней частью туловища. Это пришлось сделать Робке.

Это ему с трудом удалось, но пошевелиться, чтобы занять нужное положение не очень-то получалось. И тут случилось нечто неожиданное. Мы все, включая Ноннку, стояли вокруг, а Робка пытался занять внутри каяка нужную позицию. Поскольку он с головой оказался внутри каяка, у него возникло ощущение, что он попал в какое-то замкнутое помещение. И не сообразив, что мы все находимся от него на расстоянии не больше метра, он, что называется «от души пустил по матушке». Мы все расхохотались.

В конце концов, удалось каяк починить, и мужики с легким сердцем отправились не берег. Я в то время плавать не умел совершенно, полагаю, что Робка и Саша тоже. Спортсменом среди нас был только Алик. Нам и в голову не пришло, что это затея могла окончиться катастрофой.

Спустившись к воде, начали опробовать каяк. Первым в него забрался Алик. Мы оттолкнули каяк от берега. Алик, довольно умело орудуя веслами, поплавал по реке и благополучно вернулся назад. Следом за ним в каяк забрался Саша. Всё как-будто прошло нормально, только я заметил, что Саша постарался вернуться довольно быстро.

Пришла моя очередь. Сидеть в каяке было не очень удобно, поскольку ноги под прямым углом оказались внутри, да и двоянным веслом грести было не очень просто. Но главным было то, что течение понесло каяк вместе со мной как пушинку и на хорошей скорости.

Я понял, что надо поскорее выгрести к берегу. И действуя, в основном, только левым веслом, сумел повернуть к берегу и попасть в осоку. Там меня уже ждали друзья и довольно быстро причалили к берегу. Освободившись от каяка, лишь успел перевести дух, но оказалось, что за этот краткий промежуток времени Робка успел влезть в каяк и его вытолкнули на стремнину.

И здесь он просто растерялся. Не сумел справиться с веслом. Оно просто распалось на две составные части и Робка выронил их. Каяк потащило быстрое течение. Он ничего не мог сделать, и крикнул во весь голос «Спасите!». Алик быстро бросился в воду, догнал каяк, повернул его за задний конец к берегу и подталкивая каяк, приплыл вместе с ним к берегу.

После этого вопрос о плавании на каяке больше не возникал.

Кому-то из нас понадобилось съездить на электричке в Москву. Вернувшись, он сказал, что ко мне домой звонили из Приемной комиссии и вызвали меня на собеседование.

Пришлось покинуть компанию друзей. Дома узнал о времени собеседования и в назначенное время был уже на Истфаке. Там перед закрытой дверью одного из кабинетов стояло несколько человек. Между собой мы не общались, но позднее никого из тех лиц не видел на Истфаке.

Когда меня пригласили зайти в кабинет, выяснилось, что у членов комиссии есть ко мне кое-какие вопросы. Из них запомнился только один – занимался ли я в историческом кружке. Рассказал, что готовил доклад «Иван IV как дипломат», для чего прочитал в Исторической библиотеке разные материалы. Поведал и о том, что выступить с этим докладом не удалось и о причине этого. Не знаю, повлиял ли мой рассказ на комиссию, или что-то другое, но 1 сентября 1949 года вместе со другими однокурсниками приступил к занятиям на Истфаке.

Первый курс

Рассказать, даже кратко о тех пяти годах, что провел а Истфаке МГУ, о самом Истфаке, каким его застал и увидел, о профессорах и преподавателях, которых узнал, о самой атмосфере Истфака, о Кафедре истории южных и западных славян, о своих однокурсниках и даже членах учебной группы, о своих впечатлениях и переживаниях за эти годы, о том, чему научился за то время, невозможно в одной главе. На это потребовалось бы слишком много сил и времени. Да это, в данном случае, и не нужно. Пришлось бы далеко отклониться от поставленной цели – изложить нечто вроде краткого очерка о моей семье, включая и мои детские и юношеские годы.

В этой связи попробую описать то, что сегодня мне представляется важным и в определенном смысле привязано к сюжету книги. Может быть, это будет в чем-то полезно читателям и поможет как-то понять, что заставляло меня поступать таким образом в данной ситуации. Возможно при этом не все мои поступки оказались оправданными и я предстану перед читателем отнюдь не в белой манишке. Допускаю и такое. Пока это мне не совсем ясно самому. Однако попробую.

Нельзя не начать с нескольких слов о моих однокурсниках. Их было свыше 250 человек. С большинством из них даже не перекинулся одной-двумя фразами, но с многими общался, с некото-

рыми встречался позднее. Кое-кто из них стали позднее моими добрыми друзьями, в том числе Володя Дробижев, Толя Разгон, Миша Палант. Следует заметить, что когда бывшие однокурсники и однокурсницы собирались по памятным датам со времени окончания Истфака, эти встречи воспринимались как праздники².

Обратил внимание, что среди студентов, оказалось несколько испанских девушек. Понял, что они были в числе тех детей, которых вывезли из Испании во время Гражданской войны в этой стране. Среди них оказалась Амайя Ибаррури, дочь Долорес Ибаррури. В годы Гражданской войны Долорес входила в руководство компартии Испании, с 1939 года она – секретарь Исполкома Коминтерна, позднее – Председатель Испанской компартии.

Среди студентов оказался один кореец. Он старательно что-то записывал на лекциях, при этом ничего не понимая по-русски. Весной будущего года исчез, а через некоторое время оказался вновь на Истфаке в составе студентов следующего за нами курса. От кого-то из них слышал, что он по-прежнему не мог ни с кем общаться.

Численно на нашем курсе преобладали девушки. Было немало студентов из союзных республик. Их, по-видимому, зачисляли в МГУ по лимиту, полагавшемуся данной республике, поскольку некоторые из них едва-едва изъяснялись по-русски.

Большинство студентов не являлось москвичами, их поселили в студенческое общежитие на Стромынке.

Несколько человек явно были старше недавних выпускников школ. Часть из них даже донашивала военные гимнастерки. Они образовали партийную группу, которой принадлежало решающее слово в обсуждении и решении общекурсовых проблем.

Довольно быстро понял, что учебный процесс в основном делится на две части – лекции, которые полагается записывать, и семинары, на которых обсуждаются различные проблемы, когда необходимо личное творческое участие. А вскоре осознал, что, кроме этого, имеет значение и соблюдение некоторых дополни-

² См. : *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 19, 23, 31, 33,35, 36, 56, 79, 126, 142, 220, 344, 396, 405, 438.

тельных моментов, особенно, если дело связано с идеологическими проблемами.

Буквально в первые дни учебы получил хороший урок. На семинаре по Основам марксизма-ленинизма (фактически, это была история КПСС) обсуждалось международное положение после окончания Второй мировой войны. И тут услышал, как одна из студенток заявила, что виновниками развязывания войны являются американские империалисты, подстрекнувшие Гитлера начать ее.

Меня как бы подбросило. Попросил дать мне слово и начал вспоминать о том, как мы обрадовались, услышав о высадке американцев во Франции в 1944 году. Говорил о встрече на Эльбе советских и американских солдат. Этой филиппикой навлек на себя на весь год подозрение со стороны преподавателя Основ марксизма-ленинизма, которая нехотя вынуждена была поставить на экзамене в конце года мне оценку «хорошо», поскольку я отвечал на вопросы билета, а потом на вопросы экзаминатора безукоризненно.

Из этой истории сделал для себя однозначный жесткий вывод – на идеологические темы разговаривать только в рамках данной идеологии. Проблем реальных фактов здесь не существует.

К сожалению, груз этой ноши, пришлось тащить почти все советские годы. Это касалось и того, как я пытался анализировать те или иные события и факты в своих статьях и обзорных материалах. Здесь картина еще более печальная, поскольку отравой марксизма-ленинизма оказался заражен всерьез, и начал лишь частично ее преодолевать только в годы Перестройки.

Однажды перед лекцией выступил кто-то (не помню, кто это был – представитель декана или представитель Кафедры истории южных и западных славян) и предложил студентам, желающим получить специализацию на этой Кафедре, прийти туда и записаться. Напомню, что это был 1949 год. Сравнительно недавно в Чехословакии решился вопрос, по какому пути дальше будет развиваться эта страна.

Я пошел и записался на эту Кафедру, отдав предпочтение истории Чехословакии. Безусловно, в этом поступке сказались события прошлого года. Но подспудно, где-то в глубине сознания, подействовало влияние книг о Яне Гусе и короле Яне Люксембургском. Симпатия к чешскому народу, возникшая в детстве, полагаю, проявилась и в этом поступке.

Студентов, записавшихся на эту Кафедру, вскоре объединили в одну группу. Мы, по-прежнему, посещали общие лекции, читавшиеся для студентов Первого курса, за исключением курса по истории южных и западных славян. Этот курс прослушали на Кафедре в расширенном варианте. При этом лекции по истории каждой страны нам читали специалисты по истории этой страны. Если на Кафедре такого преподавателя не было, либо он был занят, приходил специалист из Института славяноведения АН СССР.

Кроме того, для нас организовали изучение языка выбранной страны. Тем, кто выбрал историю западных славян (Чехословакии и Польши), два года преподавали чешский язык, а затем два года – польский язык. Тем, кто выбрал для специализации историю южных славян (Болгарии и Югославии) преподавали болгарский и сербско-хорватский языки (в какой последовательности не знаю).

При этом не отменялись занятия по одному из западных языков и по латинскому языку.

Со второго курса учебные семинары по истории страны для нас уже велись по истории той страны, по которой шла специализация.

Общими для всех студентов курса оставались семинары по истории России, истории Древнего мира и по Основам марксизма-ленинизма.

Лекции для Первого курса слушали, как правило, в Ленинской аудитории, помещавшейся в здании МГУ, выходявшем на Неглинку, а семинары проходили в помещении Истфака.

В то время в широком обиходе еще не было словарей по языкам народов стран народной демократии (так назывались страны, оказавшиеся после войны под влиянием СССР). По латинскому

языку и по прочим учебным предметам мы получали в пользование книги из учебной библиотеки Университета. В Москве на улице Горького тогда открылся магазин книг стран народной демократии. Регулярно посещал этот магазин и постепенно обзавелся целой коллекцией чешских и словацких словарей, размещавшихся всё на той же этажерке.

Занятия по чешскому языку вела очаровательная молодая женщина по фамилии Грозная. Пока она знакомила нас с элементарными основами этого языка, особенностями произношения и написания слов, достаточно было записей в тетрадках. Но когда мы перешли к чтению текстов, вопрос о словарях стал насущной потребностью. Впрочем, мы нашли выход. Поскольку для занятий использовали бессмертную книгу Ярослава Гашека о похождениях Швейка, мы раздобыли русские издания этой книги. Читая чешский текст, на коленях держали его русский вариант и так постепенно овладевали чешским языком.

Попутно шло сближение членов нашей группы. Возникла дружба, складывался коллектив. Впрочем, и весьма сильно сказывалась общая атмосфера курса и самого Истфака.

Раньше я и не подозревал, что слова об идейной чистоте, необходимости вести постоянную борьбу за принципы коммунизма и верность делу партии должны повторяться не только на семинарах по истории партии и комсомольских собраниях, но и могут возникать в повседневных разговорах. Этим духом была просто пронизана наша общественная сторона жизни. Об этом приходилось помнить постоянно.

И это не мешало на вечеринках основательно употреблять спиртные напитки. Скажу прямо, в жизни не выпил столько водки, сколько пришлось вылакать на групповых посиделках. Меня, впрочем, спасло, что много выпить не мог, так как организм этого не принимал. Больше того, ни разу в жизни не оказался пьяным, поскольку отравление наступало раньше, чем мог бы потерять ориентацию.

Группа

В нашей группе насчитывалось свыше двадцати человек, из них – четверо мужчин, остальные – женщины, но замужем из них была только одна – жена румынского посла. Впрочем, видели мы ее совсем редко, вскоре она перестала появляться.

Ребята в группе мне показались очень интересными, подружился с ними и пронес эту дружбу через многие годы. Прежде всего, хочу назвать Мишу Кузьмина. С Мишей мы общались чаще, поскольку оба выбрали для специализации историю Чехословакии, более того – историю рабочего движения в этой стране в межвоенный период.

Он был сыном известного советского художника-графика Николая Кузьмина. Его отца мне приходилось видеть на Истфаке, поскольку Кафедра искусствоведения была включена в Истфак, и на каждом курсе будущие искусствоведы были объединены в особую группу. Видимо, к ним и приходил Николай Кузьмин.

Когда сошелся ближе с Мишей и побывал у него дома, то выяснил, что Миша был сыном Николая Кузьмина от первого брака. Миша поддерживал связь с отцом и с гордостью показывал мне книги русских классиков с иллюстрациями, сделанными его отцом.

Высокий, элегантный, талантливый и как историк, и как музыкант (виолончель) и певец, воспроизводивший гортанные звуки тирольских песен (йодли), обаятельный как человек, Миша, был мне весьма симпатичен. Но больше всего меня порадовала в Мише его надежность. Это я почувствовал довольно быстро, но испытал на деле значительно позже.

Наши с Мишей отношения со временем стали не просто дружескими, но и весьма доверительными.

В нашу группу на Четвертом курсе вошел Михал Рейман, из-за болезни пропустивший год учебы. Он был сыном видного деятеля Компартии Чехословакии Павла Реймана. Мы оба дружили с Михалом. Впоследствии Михал стал помощником Александра Дубчека, позднее ему пришлось эмигрировать из Чехословакии³.

³ См. : *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 87, 88, 137, 138–139, 209–210, 380–381, 393–394, 408.

Короче говоря, когда Михал воспринимался в ЦК КПСС как ан-тисоветчик, единственными его друзьями в Москве остались мы с Мишей, и даже общались с ним в квартире Миши, который во избежание прослушки положил подушку на телефонный аппарат.

По окончании Истфака наши дороги с Мишей разошлись, но человеческая близость сохранилась. Миша до 1991 года работал в Институте славяноведения, затем ушел в сферу педагогики и достиг там значительных высот, даже стал членом-корреспондентом Российской академии образования. Естественно, моя связь с Мишей прекратилась после переезда в Америку, но всё же свои воспоминания мне удалось ему переправить.

Очень интересным и неординарным человеком показал себя Саша Плевако. Первое время он носил спортивный костюм, точнее форму, которая была на наших спортсменах во время одного из парадных шествий советских физкультурников. Саша в нем участвовал.

Он всегда был подтянут, даже, как мне показалось, несколько бравировал своим мужественным видом, и создавал впечатление этакого мачо. Позднее даже от одной из сокурсниц услышал, что он вместе с некоторыми сокурсниками развлекались с подружкой на какой-то даче.

На нашем курсе очень быстро выявились ребята, любители подобных дел, и я быстро понял, что Саша принадлежит к их числу. Но меня это вовсе не интересовало и на моих отношениях с Сашей это никак не сказалось.

Не скажу, что мы с Сашей подружились с самого начала, но в общем симпатизировали друг другу. А в конце нашей студенческой жизни даже сблизились и Саша рассказал мне, почему он носил такую известную фамилию. Его мамой, действительно, была дочь известного адвоката Федора Плевако. Сашиного отца в 1937 арестовали. Родной брат матери усыновил малыша и потому Саша получил такую фамилию.

Поскольку Саша занимался историей Сербии, я ничего не могу сказать о его научных интересах, но у меня сложилось впечатление, что Саше более интересной представлялась журналистская деятельность, нежели погружение в глубины прошлого.

На Пятом курсе мы с ним, по его предложению, отправились в редакцию газеты «Московский комсомолец» и предложили свои услуги в качестве внештатных корреспондентов. По заданию редакции посетили коллектив самодеятельности Московского Авиационного Института и написали очерк об их представлении. Этот очерк газета опубликовала. Затем выполняли еще какие-то задания, но, видимо, не так успешно. На этом моя журналистская деятельность завершилась, а Саша ее продолжил.

Наша дружба прервалась по моей вине. Когда я влюбился в Лиду, каждая встреча с ней была для меня праздником. А Саша в один из тех дней позвонил мне и пригласил на свой день рождения. Я извинился перед ним и сказал, что у меня назначено свидание с девушкой, которая мне очень нравится. Саша обиделся на меня и после этого мы не общались.

После окончания Истфака он довольно долго работал в Югославии в качестве советского представителя московского радиовещания, вернувшись в Москву – на московском Гостеле – радио, где занимал весьма высокие посты. Мы тогда несколько раз с ним неожиданно встречались, разговаривали друг с другом дружелюбно, но затем наши пути разошлись совсем и мы больше не увиделись.

Володя Волков внешне напоминал хорошего тяжелоатлета, вблизи же оказался веселым и общительным парнем. Он выделялся, кроме того, блестящим знанием немецкого языка. Вообще, это был человек активный, энергичный, я бы сказал «пробивной», но совсем не в плохом смысле этого слова. Сначала занимался историей Болгарии, затем переключился на историю Югославии.

Пожалуй, из всех нас дальше всех впоследствии продвинулся в научной карьере. В течении нескольких лет возглавлял Институт Славяноведения РАН и стал членом-корреспондентом РАН. Трагически погиб в авиационной катастрофе.

Мы нередко с ним встречались в Институте славяноведения и в последний раз увиделись в кабинете вице-президента АН СССР академика Федосеева, когда мы с Кирилл Кирилловичем Шириной работали над проектом доклада в связи со столетней годовщиной Георгия Димитрова

Чувствовал, что он всегда рад нашим встречам. Однажды, когда мы столкнулись с ним в Институте, а у меня перед этим в «Правде» вышла статья об Осипе Пятницком, бывшем секретаре Исполкома Коминтерна, погибшем в годы Большого террора, Володя пошутил: «Надеюсь, что мы когда-нибудь прочтем твою статью о Троцком, а, чем черт не шутит, и о Сталине».

Когда наш Институт, в котором я работал, прекратил свое существование, Володя позвонил мне и предложил работу в Институте славяноведения. Я, к тому времени, уже имел надежду перейти в архив, поэтому сердечно поблагодарил его и добавил, что никогда не забуду о его протянутой руке помощи.

Незадолго до нашего с Лидой отъезда в США состоялся наш телефонный разговор с Володией и мы договорились увидеться, когда он сумеет прилететь в США. К сожалению, этой встречи не произошло.

Нарушая хронологию, напишу о Ване Созине. Он влился в нашу группу на Пятом курсе. До этого учился на заочном отделении Истфака. Ваня был старше нас, он уже отслужил в армии, весь год ходил в гимнастерке и зимой носил шинель. Сравнительно невысокого роста, коренастый человек, отличавшийся доброжелательностью и дружелюбием, Ваня быстро стал «своим» для нас. С удовольствием принимал участие во всех наших мероприятиях. Разговаривать с ним доставляло большое удовольствие. У меня очень скоро с ним установились дружеские отношения, которые продолжались и даже после того, как мы с ним расстались в связи с выездом за границу. Правда, мы после этого лично не общались, но я хорошо знал, что он остался моим другом.

Ваня специализировался по истории Польши. После окончания Истфака в основном работал в редакции журнала «Вопросы истории», где вскоре стал заместителем главного редактора журнала. Он занимался и преподавательской работой на Истфаке, опубликовал немало интересных работ.

Когда мне случалось побывать в журнале, обязательно встречался и подолгу разговаривал с ним. Когда мы с Лидой решили уезжать, Ваня и мой однокурсник Никита Колпинский были теми, кто выразил сожаление, что мы расстаемся. Но я хорошо

знал, что могу на них надеяться. И в бытность Ивана на своем посту и после того, как он оставил свою работу, позиция журнала в отношении моих работ всегда была весьма позитивной. Ушел из жизни Созин 28 октября 2011 года.

Как уже отметил выше, девушек в составе группы было много раз больше, чем ребят, но не скажу, что чтобы увидел в многих из них всепоглощающий интерес к истории. За небольшим исключением, их больше интересовали другие проблемы. Одних тянуло к общественной работе, других – к самостоятельности (и мы создали небольшую хоровую группу, которая на курсовых вечерах пела различные популярные песенки на чешской и польском языках. И я, как ни странно, входил в состав этого хора).

Одна из наших девушек увлеклась художественной гимнастикой и как-то выступила также на одном из вечеров, при этом весьма удачно. Заметил, что при этом она просто похорошела, глаза ее сияли, а в остальное время были просто равнодушными.

Я старался поддерживать с девушками приветливые отношения. Речь не идет здесь о Дине Поплыко, о ней скажу особо.

Пожалуй, наибольший интерес к истории проявили из них Искра Чуркина и Галя Резонова.

Искра внешне производила забавное впечатление. Маленький рост, какое-то востроносое личико и очень умненькие, лучистые глазки, очень тонкий, своеобразный юмор. Занималась она историей Югославии и я, помнится, подумал, что Искра станет крупным ученым.

Так и случилось. Она – первая из советских историков занялась изучением истории Словении и вскоре после окончания Истфака стала известнейшим специалистом по истории этой небольшой славянской страны. Искра как специалист признана и за рубежом, и, прежде всего, в Словении.

За книгу «Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г.» ей присудили премию «Серебряный Витязь» на IX Международном Славянском литературном форуме. Искра является действительным членом Международной Славянской Академии наук.

Галя Резонова сильно отличалась от Искры. Была более спокойным человеком, но также преданно и увлеченно занималась историей. Выбрала она себе как тему исследований историю Чехословакии. Возможно сказалось, что ее отец, Павел Иванович Резонов, также занимался историей чешского народа. В те годы он занимал какой-то руководящий пост в Институте славяноведения.

На моих глазах Галя превращалась в настоящего ученого. Ей принадлежит немало работ по истории Чехословакии после Второй мировой войны. Позднее она занялась проблемами последствий для Чехословакии ее превращения в страну, зависимую от СССР.

Вместе со своими коллегами в Институте славяноведения Резонова исследовала процесс преодоления славянскими странами Центральной и Юго-Восточной Европы наследия сталинизма и становление их как нормальных демократических государств.

Когда через много лет состоялась встреча бывших моих однокашников, точнее однокашниц, поскольку мужскую «половину» представляли только Саша и я, мне показалось, что из нашей группы лишь небольшая часть пошла по пути профессиональных историков. Впрочем, возможно ошибаюсь, просто тогда была масса тем для разговоров и воспоминаний, и вопрос о том, кем ты стал, на на той встрече не возникал. Просто всем было очень приятно увидеть друг друга, пообщаться, посидеть за одним столом. После этого, мне не довелось ни с кем из них встретиться

Дина Поплыко

Как-то раз примерно на четвертом курсе мы встретили на Истфаке Тима Райена, которого почему-то не видели пару лет. Он, заметив меня и Дину, сказал: «Ну раз я вижу вас вместе, то понимаю, что на факультете всё в порядке и ничего не изменилось!»

Блестящий оратор и хороший организатор Тим был любимцем Истфака. Он – сын видного деятеля Компартии Америки, немало лет работавшего в аппарате Исполкома Коминтерна под партийным псевдонимом Тим Райен. Когда его вернули на работу в КП Америки его сын, носивший то же имя, воспитывался в Ивановском детдоме. Отец позднее стал Генеральным секретарем Компартии США под именем Юджина Денниса, а его сын оставался в Москве.

Тим курировал наш курс по поручению факультетского бюро комсомола. Как на Первом курсе, так и позднее я с ним общался довольно часто и между нами сложились дружеские отношения.

А теперь вернемся к моим отношениям с Диной.

Прежде всего, буквально несколько слов об этой девушке. Она как бы лучилась душевным светом, теплотой, зазором. Не назвал бы ее классической красавицей, но такую девушку нельзя было незаметить. Веселая, энергичная, даже сказал бы, звонкоголосая, остроумная, Дина относилась к тем, о ком говорят – «душа компании».

Скажу откровенно, до этого не ощущал в девушках, с которыми общался, малейшего интереса к себе. Возможно почувствовал, что Дине я не безразличен. Так и повелось, что мы начали общаться не только на переменках, встречались часто в Исторической библиотеке, даже готовились вместе к экзаменам.

Даже не помню, как это было, но мы поцеловались. Никаких разговоров о любви между нами не было, но оба привыкли быть рядом. Скажу со всей определенностью, кроме поцелуев и объятий, между нами ничего не было, подчас ссорились но каким-то пустякам, потом отношения восстанавливались.

Что это было? Не могу сказать четко, но любовью всё же это не назову. Разговаривали о многом, но не обо всем. Иногда ловил себя на мысли, что не следует быть с Диной откровенным до конца. Возникало даже ощущение, что если в разговоре что-либо лягну не вполне благонадежное, она с чистой совестью подвергнет меня критике на комсомольском собрании.

Сказанное можно воспринимать как чистый бред, но такое имело место и, полагаю, было связано с тем, что считал в душе

Дину сверхортодоксальной. Но это не мешало ее целовать и обнимать.

Вот так и пролетели пять лет нашей совместной учебы на Истфаке. После окончания Истфака Дина уехала по распределению в какую-то область. Я ей изредка звонил по телефону.

До этого мама, зная о нашей дружбе с Диной, но никогда по этому поводу не высказывалась, вдруг начала со мной беседовать о будущем. Она мне говорила, что не надо заикливаться, а наоборот, понять, что вокруг много прекрасных девушек.

Более того, она предложила мне пригласить к нам в гости Бориса Носика и его сестру Лиду. Я знал их с самого детства, но в последние годы видел только Бориса. Эта встреча состоялась. А когда я увидел Лиду, не маленькую девочку, на которую даже не обращал внимания, а прелестную, хрупкую девушку с лицом Мадонны, в сердце у меня что-то дрогнуло.

На следующий день понял, что не могу не увидеть ее снова. Позвонил ей по телефону, предложил вместе пойти в кино. Дальнейшие события развивались со скоростью курьерского поезда...

Я понял, что надо что-то делать, посоветовался с Робкой и мы пошли вместе на телефонный переговорный пункт, откуда позвонил Дине и коротко сказал ей, что встретил девушку и полюбил ее. Понимал, что для Дины – это был удар, но не ощущал себя негодяем, поскольку у нас с ней вообще не было никаких разговоров о будущем

Через несколько лет увидел Дину в Ленинской библиотеке, подошел к ней, но она не захотела со мной разговаривать. В последующем приходилось встречать Дину в Институте славяноведения и в других местах, но мы оба как бы не замечали друг друга.

Стоит лишь добавить, что однажды Робка при нашей встрече сказал мне, что они с Диной решили пожениться. Я ему ответил, что поздравляю с этим, но одновременно понимаю, что нашей с ним дружбе пришел конец. Он яростно протестовал, мы даже заключили с ним пари, но в итоге больше не увиделись и не общались.

Странная история

Когда писал о Володе Волкове, вспомнил, что произошло на втором месяце нашей студенческой жизни. Это было, если не ошибаюсь, в конце октября. Объявили о курсовом комсомольском собрании. Оказалось, что вскоре должна была состояться районная комсомольская конференция, на которой предстояло переизбрать состав райкома комсомола. Поскольку на нашем курсе было около 250 человек, из них почти все – комсомольцы, от нашей организации надо было выделить представителей на эту конференцию.

Меня вместе со студентом моей Первой группы Валерием Бондарчуком избрали в состав счетной комиссии. На ее заседании по рекомендации факультетского бюро комсомола председателем счетной комиссии избрали Володю Волкова, а секретарем – девушку, фамилию которой забыл.

Собрание утвердило список кандидатов избираемых представителей. Помимо студентов нашего курса, в числе этих кандидатов оказался Первый секретарь МГК ВЛКСМ Николай Красавченко. Видимо, тогда был такой порядок, что для участия в районной конференции представители комитетов более высокого уровня также избирались низовыми организациями.

На заседании счетной комиссии Волков разбил комиссию на группы из двух человек и каждой группе дал довольно большую стопку бюллетеней для подсчета голосов. Мы с Валерием оказались в одной паре. Дважды проверили наши бюллетени. Сначала один перелистывал и зачитывал те бюллетени, на которых голосовавший кого-нибудь вычеркнул. Второй отмечал общий результат. Затем мы с Валерием менялись и проделывали ту же работу но уже в ином качестве. Потом сравнили результаты. Они совпали. Никаких проблем не возникло и мы передали секретарю комиссии бюллетени и результаты подсчета голосов и стали ждать завершения работы комиссии.

По окончании подсчета Волков огласил общие итоги, мы их утвердили. Затем он огласил эти итоги на курсовом собрании, их приняли и собрание закрылось.

Видимо, последующие дни занятий я пропустил из-за нездоровья, поскольку о том, что произошло после собрания узнал от Валерия задним числом.

Валерий же мне рассказал, что внезапно на курсе объявили, что все члены счетной комиссии вызываются в ЦК ВЛКСМ. Поскольку меня не было, «чашу сию мне не пришлось испить». А в ЦК члены комиссии, по словам Валерия, услышали неприятную весть. Оказалось, что в нескольких бюллетенях была зачеркнута фамилия Красавченко.

Узнав об этом от секретаря комиссии, получавшей вместе с бюллетенями итоги подсчета, сделанными каждой парой членов, Волков поспешил посоветоваться с куратором собрания от факультетского бюро. Тот ничем ему помочь не захотел и предложил Волкову самому искать выход из этой скандальной ситуации. А, действительно, факт, что Первый секретарь МГК комсомола, получил на каком-то комсомольском собрании несколько «черных шаров», мог привести к неприятным последствиям.

И Волков решил этот факт скрыть. Он убедил в этом секретаря комиссии и они оба подписали итоги голосования, которые затем были оглашены на заседании комиссии и на собрании.

Но, вернувшись домой, девушка рассказала об итогах голосования своему отцу. Не помню, кем был ее отец. Мне кажется, что партийным работником. Он убедил ее, что надо написать обо всем в ЦК ВЛКСМ.

К тому же тогда Сталин оказался недовольным Первым секретарем МГК ВКП(б) Георгием Поповым. Видимо, отец этой девушки что-то об этом знал. Впрочем, это уже мои догадки!

Естественно, что по существовавшим канонам Первый секретарь горкома комсомола должен был входить в «партийную обойму» Первого секретаря партийного горкома. Не знаю, сыграла ли какую-нибудь роль наша история в низвержении с пьедестала Попова и Красавченко, но во всяком случае всем членам счетной комиссии в ЦК ВЛКСМ (за исключением меня, к счастью, обо мне тогда не вспомнили) там досталось! Волкова же просто исключили из комсомола. Впрочем, через год он вновь стал членом ВЛКСМ.

Военное дело

Раз в неделю (по четвергам) в МГУ приходила на занятия только мужская часть курса. Но являлись мы не в здание Истфака, а в одно из основных зданий МГУ, выходящих фасадом на Моховую улицу. В его крыле на первом этаже располагалась Военная кафедра, которая имела свои помещения.

Там мы занимались военным делом, то есть проходили заочное обучение как будущие младшие лейтенанты.

Оно делилось на две части – штудирование уставных документов и слушание лекций по различным проблемам тактики (их мы записывали в особые тетради, которые после занятия полагалось сдавать, а получали их перед лекциями. Разумеется, никаких военных секретов нам не сообщали. Это была – неизбежная дань военно-бюрократической системе), а также освоение материальной части «трехлинейки», винтовки Мосина, состоявшей на вооружении еще российской армии. Занимался на первых двух курсах с нами майор Пицоев. Он требовал от нас понимание и знание того, как взаимодействуют между собой составные части винтовки, как ей надлежит пользоваться, заставлял нас научиться за считанные секунды разбирать и собирать затвор винтовки.

Занятия он начинал с переключки, зачитывая фамилии по списку. Полагалось звонко и четко отвечать: «Я!», услышав свою фамилию. Поскольку на нашем курсе был парень по фамилии Федоров-Давыдов, Пицоева это очень забавляло. Он никогда не называл его фамилию полностью. Иногда произносил «Федоров», в другой раз: «Давыдов». Бедный Гера обязан был в ответ громко восклицать: «Я!»

Эта всё рассматривалось как часть подготовки населения страны к неизбежным в будущем войнам, которые соответственно канонам марксизма-ленинизма пройдут по всей земле, пока всюду не установится социалистический строй. Помимо этих занятий, нам предстояло два раза побывать рядовыми в военных лагерях, чтобы иметь представление о реальной военной службе.

Особенно мне запомнились первый военный лагерь после второго курса⁴. Об этом можно было бы рассказать немало, но это

⁴ См.: *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 19, 192.

увело бы в сторону, посему ограничусь отсылкой на свои воспоминания, лишь добавлю один факт.

В теплушках нас привезли куда-то под Тулу, в лагерь, где нас сначала построили по росту, затем разделили на взводы и отделения. Каждому отделению отводилась одна палатка для ночлега и дневного отдыха. Также сводили в баню, после чего выдали военную форму

Малейшая провинность каралась «нарядом вне очереди». Я понял, что из-за того, что из-за своей физической слабости могу оказаться посмешищем в глазах однокурсников, и решил «пойти на опережение». Просто придумал и пустил в ход фразу: «Фред наряда боится». Она вызвала общий смех, но, как ни странно, в дальнейшем ни от кого не услышал в свой адрес ни одного обидного слова.

На третьем и четвертом курсах с нами на Военной кафедре занимался совсем другой офицер. Если майор Пицоев, как мне кажется, обладал небольшим и специфическим преподавательским опытом, то теперь перед нами предстал полковник со значком выпускника Военной Академии. И характер самих занятий стал иным. Подчас лекции были более интересными, хотя занимались и строевой подготовкой.

О лагере после четвертого курса в памяти осталось мало. Мы проходили их на этот раз в другом месте и, возможно, это оказалось для меня не столь тяжелым испытанием. Запомнил участие в ночной атаке, когда мы в сплошной темноте куда-то ползли, а потом по команде с криком «Ура!» бросились в атаку.

И еще один случай врезался в память. Как полагается нас строем водили питаться. И как-то, оглядев ряд поедавших из мисок кашу своих однокурсников в солдатской форме, буркнул что-то неодобрительное. Тут же последовал вопрос от сидящего напротив меня старослужащего: «Чем ты недоволен?» Сообразил сослаться на то, что натер ногу и неудачно ее повернул. Почти вслед за этим последовала команда «Построиться!» и было уже не до разговоров. Но сам себе сделал соответствующее внушение.

А от экзамена по военному делу в памяти тоже осталось в памяти немногое. Как-будто на общие вопросы ответил нормально, а вот, когда мне была отдана команда перезарядить винтовку, сплеховал.

Суть в том, что когда винтовка заряжена и раздается команда «Перезарядить винтовку!» следует освободиться от патрона, находящегося в стволе. Для этого нужно отвести затвор в заднее положение, чтобы патрон выскочил из винтовки. После этого следует открыть магазин, вытащить обойму из магазина и заменить ее новой обоймой. Если же начинать исполнять команду с вытаскивания обоймы, то когда затвор отводится в заднее положение, патрон проваливается в магазин винтовки и вытащить его оттуда совсем непросто.

А я от волнения совсем забыл об этом правиле. И когда услышал команду, то автоматически перевел затвор в заднее положение. Пуля с патроном провалилась в пустой магазин. Винтовку заклинило и я никак не смог исправить положение.

Полковник, увидев это, взял из моих рук винтовку и начал сам с ней мучаться. Через какое-то время ему удалось с этим справиться. Мне показалось, что он этому обрадовался сам. То ли по этой причине, то ли еще по какой, но поставил мне тогда отметку «хорошо».

Неожиданно для себя на Первом курсе увлекся стрельбой из мелкокалиберной винтовки. Не помню, как оказался в тире. Когда мне предложили пострелять – отверстия в мишени от трех моих пуль оказались в девятке и тесной кучкой. Мне предложили прийти на другие стрельбы, но уже такой кучности больше не получилось.

На втором курсе занимался в группе снайперов. Помимо теоретических занятий, мы несколько раз ездили на какой-то полигон под Москвой и стреляли из винтовки с оптическим прицелом по мишеням. Это происходило по воскресеньям. Сначала это было интересно, но потом эти занятия прекратились.

Детский сад Гарика

В то время подросткового Гарика отдали в детский сад. Находился он недалеко от Театра Советской армии. В мою обязанность входило в районе пяти часов отправляться из дома трамваями с пересадкой в детский сад и забирать Гарика. Не помню, кто его утром отвозил туда (по-видимому, отец, поскольку мама работала в Институте туберкулеза, располагавшемся под Москвой, и ей приходилось добираться туда электричкой с Ярославского вокзала), а забирал его я. Почему-то так получалось, что когда я за ним приезжал, остальных детей уже в основном забрали родители.

Однажды нарушил это железное правило. Ситуацию ухудшило то, что мама была нездорова и лежала в постели. А я, получив приглашение Дины после занятий сразу поехать на стадион кататься на коньках, сделал это, но спохватился только тогда, когда начало темнеть. Когда добрался до детского сада, он был закрыт. Оказалось, что мама, увидев что пора ехать за Гариком сделала это сама.

Она ни упрекнула меня в том, что я не привез Гарика. Но стыд за этот проступок я испытал очень сильный и это ощущение не забыл до сих пор!

Истфаковские будни

Не случайно этот раздел, то есть то, чем занимался большую часть дня на Истфаке и в других зданиях МГУ, оказался не в начале главы, а почти в ее конце. Увлекательными для меня были предметы, относившиеся непосредственно к моей будущей специальности, а к остальным относился как к неизбежности, которую нельзя избежать. Тогда еще совсем не понимал, что ценность университетского образования как раз и состояла в широте получаемых знаний и в приобретении навыков к самостоятельному анализу на основе накопленных знаний.

В тот год нам читали лекции по истории Древнего мира, Древнего Востока, Истории СССР, Основам марксизма-ленинизма, Основам Археологии и Этнографии. Не одна из этих дисциплин меня всерьез не интересовала. Если лекции по истории СССР, Древнего мира и Древнего Востока, Основам марксизма-ленинизма записывал, то по Археологии, пытался это делать, но вскоре начинал дремать. По Этнографии – даже и не пытался, поскольку их просто проспал. Лишь только лектор М.О. Косвен поднимался на кафедру, мои глаза тотчас закрывались и раскрывались лишь тогда, когда звонок возвещал перемену. После перемены повторялось тоже самое.

Во втором семестре лекции по этой теме читал заведующий Кафедрой Этнографии Сергей Павлович Толстов. Тогда я не спал, а старательно их записывал. Говорил лектор очень живо, непосредственно и интересно. Запомнилось мне одно его высказывание.

Толстов разъяснял нам значение положений, высказанных академиком Марром о классовом характере языка. Он при этом сослался в качестве примера того, что господа и простой народ говорят на разных языках, на историю Англии, когда ее покорили норманы, разгромившие королевство саксов и захватившие власть в стране. Норманы, естественно, разговаривали на французском языке, а покоренные саксы на каком-то варианте староанглийского.

Мне этот пример тогда не показался убедительным. Еще из прочитанных книг в детстве, особенно «Рыцарей Круглого стола» и «Айвенго», получил представление о том, как сменялись и смешивались разные народы в истории Англии, пока не сложилась английская нация.

Но меня эти вопросы совсем не интересовали и поэтому о них не задумывался. Для меня – это была тогда всего лишь одна из научных дисциплин, которую придется проштудировать по учебникам, сдать на экзамене и забыть, как ненужный балласт. Однако случилось так, что это проблема «всплыла» позднее совсем в ином ракурсе.

Как ненужную обузу воспринимал занятия латинским языком. В памяти остались только несколько латинских поговорок.

Разумеется, к семинарам Основам марксизма-ленинизма приходилось готовиться, а на самих семинарах, хоть и не активничал, но не повторял печальный опыт первого занятия. Остальные занятия шли нормально. За исключением физкультуры, но к этому относился как неизбежному злу.

Весной наступала экзаменационная сессия. За три-четыре дня надо было перечитать учебник и записи лекций, при этом постараться запомнить и удержать в памяти до экзамена огромное количество фактов и сведений. Если что-либо оказывалось непонятным, можно об этом было задать вопрос на консультации перед экзаменом.

На этих экзаменах обнаружил в себе такую странность. Если к моменту экзамена помнил полагающийся материал, то закрыв за собой дверь экзаменационной аудитории, не мог ответить на вопрос, какие мне попались вопросы в билете. Как-будто бы всё сразу стиралось в мозгу, связанное с предметом, по которому только что получил отметку «отлично».

Признаюсь, что «Выписку из Зачетной ведомости», прилагаемой к Диплому, впервые прочитал внимательно только тогда, когда работал над данным тестом. А сам этот документ и другие, свидетельствующие о моем образовании, прихватил с собой, на всякий случай, когда уезжал из Москвы. И только сейчас выяснил, что получил отметку «Отлично», за научную дисциплину, экзамен по которой не состоялся.

Со времени поступления на Истфак стал постоянно просматривать газету «Правда». Ее передовиц никогда не читал из-за напыщенности и директивности, пронизывающих их, но всё же фиксировал в уме их направленность. И разумеется, обращал внимание на появление в газете материалов, как-то относящихся к сюжетам, затрагивающим мою будущую профессию. К их чис-

лу относилась начавшаяся в газете 9 мая 1950 года дискуссия по проблемам языкознания.

Естественно, не имел понятия о том, что такого рода материалы появляются в «Правде» по указанию Сталина, но сам предмет дискуссии привлек мое внимание, поскольку касался этнографии. И буквально за несколько дней до экзамена по этой дисциплине, 20 июня там была напечатана статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». В ней Сталин назвал Марра «упростителем» и «вульгаризатором марксизма» и отверг положение Марра насчет «классовости» языка.

Сразу понял, что Кафедра Этнографии оказалось в жутком положении, поскольку нам внушали, что Марр был последовательным марксистом. Предэкзаменационная консультация, мне кажется, была назначена на 21 июня. Когда наша группа на нее собралась, никто из будущих экзаминаторов, как это обычно бывало, не появился. Наконец, показался какой-то тип, который представился секретарем Кафедры, и уведомил нас, что экзамена по этой дисциплине не состоится. Мы, довольные тем, что наше экзаменационное бремя несколько уменьшились, разошлись по домам.

И вот теперь, через многие десятки лет от тех событий, обнаружил в «Выписке» эту отметку. И понял, что все документы, полученные мной и моими сокурсниками по окончании Истфака, содержали фальшивую оценку за несосостоявшийся экзамен. Ощущил, какую грозу и разгром удалось тогда избежать не только Кафедре Этнографии, но и самому Московскому Университету, если бы эта подделка стала известна властям.

А ведь о ней тогда знали многие, во всяком случае мои сокурсники, которые специализировались по этой профессии.

Среди них мне запомнился Володя Пименов⁵, очень колоритная фигура. Он отличался явной музыкальностью, каким-то внешним лоском, необычностью своего поведения. Поскольку

⁵ См.: *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 220

его имя и отчество были Владимир Владимирович, он явно старался походить на молодого Маяковского и что-то в его облике напоминало этого поэта в молодости. Мы тогда хорошо знали фотографии Маяковского.

Пименов впоследствии стал профессором МГУ, мы с ним встречались на заседаниях Экспертного совета ВАК. Я с удовольствием посматривал на Володю, сохранившего через годы свою благородную осанку, мне импонировала его невозмутимость, когда в возникавших на заседании совета высказывались мнения, с которыми Володя не соглашался, и логичность, с которой он отстаивал свою позицию.

Так или иначе, та гроза не состоялась, и это показывает мне, что в тогдашнем обществе, в котором жестко воплощались в жизнь насаждаемые властями порядки, и, а само советское население было пронизано доносчиками и секретными агентами органов безопасности, всё же не всегда всё происходило по установленной схеме: донос – расследование – репрессии.

Однако нельзя исключить и варианта, что эта история стала известна властям, но по какой-то причине за этим не последовали рутинные меры.

Корейская война

Тот июнь принес и «сюрприз» совсем иного рода. 25 июня, если верить советским газетам, Республика Корея неожиданно напала на Корейскую Народно-Демократическую республику. Однако буквально на следующий день войска КНДР перешли в контрнаступление, разгромили войска противника и лавиной двинулись на юг.

К тому же к моменту конфликта советский представитель отсутствовал на заседании Совета Безопасности ООН и не появился там, когда Совет обсуждал события в Корее. Совет Безопасности полностью поддержал линию США в этом вопросе и высказался за военную поддержку Республики Корея.

Мне это показалось мне весьма странным. Почувствовал, что реальная причина развернувшихся военных действий совершенно иная.

Войска КНДР, захватив почти всю территорию противника, сосредоточились на южной оконечности полуострова и казалось, что они вот-вот завершат ликвидацию южнокорейских войск. Но в сентябре высадка на захваченной противником территории Южной Кореи военной группировки под эгидой ООН, а практически американских войск, привела к окружению и разгрому войск КНДР.

Военные действия привели к тому, что не только территория Республики Корея была очищена, но и оккупирована большая часть территории КНДР, причем военные действия развернулись даже вблизи границы КНДР и Китая. В войну вмешались «китайские добровольцы» (то есть китайские войска), оттеснившие американцев почти к тому месту, где начались военные действия и в дальнейшем они продолжались там, где начиналась война. Возникла тупиковая ситуация.

Она нашла свое решение лишь 27 июля 1953 года, когда был подписан договор о прекращении огня. Размежевание двух корейских государств шло по линии 38 параллели, вдоль которой была организована демилитаризованная зона. И хотя мирный договор так и не был подписан, но кровопролитие прекратилось.

Намного позднее стало известно о том, как готовилось нападение КНДР на Республику Корею, об активной позиции диктатора КНДР Ким Ир Сена, бывшего советского офицера, провозглашенного советской пропагандой организатором и руководителем партизанской борьбы корейского народа против японских захватчиков. Выяснилась решающая роль Сталина и Мао Цзедунa в организации и осуществлении войны.

И позднее еще не раз Советская страна и, по указке своего руководства, применяла военную силу в своих интересах. Мир и само существование человеческой цивилизации попадали в угрожаемое положение. Но это уже совсем другая история...

Трагедия в семье моего друга

В тот зловещий июнь 1950 года произошла еще одна трагедия. Беда пришла в семью Саши Дасковского. Ночью 22-го в их квартиру заявились чекисты и после обыска увели с собой отца Саши Абрама Абрамовича Дасковского.

Допросы длились несколько месяцев, но никакого признания в антисоветской, шпионской деятельности, чего от него добивался следователь, арестованный не подписал. Его приговорили к лишению свободы на десять лет с отбыванием в трудовых лагерях.

МГБ арестовало и мать Саши Тамару Самойловну. Ее сослали в Красноярский край. Но вскоре выпустили на поселение. Саша с Лней (его младший брат), получив письмо мамы, тотчас приняли решение. Саша, взяв с собой маленькую Эську, отправился в далекую Сибирь и добрался до мамы. Помог им как-то обустроиться и, оставив Эську, вернулся в Москву.

Абрам узнал от Тамары о благоприятном изменении ее положения. Эта весть помогла ему вынести те страшные мучения и тяготы, которые обрушились на него в лагерях, запрятанных в тайге.

Его лагерное существование продолжилось даже после XX съезда КПСС. Никакие обращения к властям о том, что он без вины томится в лагерях, не помогали. Осужденный по 58 статье Уголовного кодекса, каравшей за контрреволюционную деятельность, не подлежал амнистированию или помилованию.

Безрезультатными оказались и многочисленные письма Саши в прокуратуру СССР. Даже когда была освобождена Тамара Самойловна и они с Эсей вернулись домой, ее ходатайства за мужа не имели для властей никакого значения.

Но вести о том, что жена и дочь уже дома, что сыновья продолжают учиться (Саша – в Институте связи, а его младший брат Ленья поступил в Строительный институт) ободрили и поддержали Абрама.

Наконец, в их лагерь приехала комиссия ЦК, которая занималась узниками, осужденными ОСО МГБ. И Дасковский был освобожден. Ему оформили документ и выдали паспорт с правом

жительства в зоне не ближе 100 км. от Москвы. Приехав в Москву, где на пероне его встретила семья, он узнал от Саши, что Верховный суд его полностью реабилитировал.

Прослышав о беде в семье Дасковских (возможно, встретил Робку или Тадика и узнал о об этом, но точно, как и когда это произошло, сказать не могу вспомнить), немедленно отправился к Саше. Но застал лишь его и Леньку. Следовательно, это было уже после поездки Саши с Эськой к Тамаре Самойловне на поселение. Саша в разговоре со мной держался очень мужественно. Он сказал, что предпримет всё возможное, чтобы добиться освобождения родителей. И действительно все последующие годы отдал этому много сил.

Мама отнеслась к этим событиям с большой тревогой. Теперь мне эта ее тревога понятна. Она считала, что слежка за семьей Дасковских продолжается, и смертельно опасалась, что я попаду в эту сеть. Я этого не понимал и лишь твердил, что не могу покинуть друга в беде.

Тогда мама пошла на крайние меры. Она сказала мне, что я уже взрослый и имею право поступать, как считаю сам. Но не должен при этом создавать риск для своей семьи и обязан помнить о своем маленьком брате. Эти слова мамы сломали меня. И я обещал ей, что больше посещать Сашу не буду.

Мне было тогда очень тяжело. В душе понимал, что предаю своего друга, что отныне не могу считать себя порядочным человеком, но не мог не выполнить требование мамы.

С годами всё это забылось, меня поглотили полностью другие события. Но незримая болевая точка осталась и в душе и в памяти.

Дружба школьных лет ушла в прошлое. Очень редко в дальнейшем общался и с Робкой и Тадиком. Они были по горло заняты своей учебой в МЭИ, и в студенческие годы практически мы не общались.

Полагаю, что Саша справедливо сохранил в душе обиду на своих школьных друзей. И впоследствии мы уже никогда не касались этой темы.

Я побывал у Саши, когда домой вернулись его родители. Тамара Самойловна, как и прежде, разговаривала со мной весьма благожелательно. Абрам Абрамович, разумеется, сильно постарел, был весьма молчалив, только проронил, что в те годы он и другие заключенные очень плохо воспринимали тех, кто в лагерях сохранил коммунистические взгляды⁶.

Так печально закончился для меня первый год моей студенческой жизни.

Второй курс

Об этом курсе в памяти осталось немного. Но не могу не упомянуть лекции по курсу Основы марксизма-ленинизма (т. е. истории КПСС послеоктябрьского периода) профессора Н.С. Савинченко, фигуры очень сложной, хотя при этом вполне очевидного сталиниста (этот термин в то время еще не применялся). Воспоминания о его лекциях, довольно точные, оставил мой однокурсник Костя Левыкин:

«Говорил он негромко, но не монотонно, не бубнил, а играл своим голосом, как это могут делать только актеры. Он интриговал нас неожиданностью того, что хотел сказать как бы доверительно, только для нас. Этой игрой голоса он укрощал нас в самом начале лекции, когда аудитория ещё не уселась, не успокоилась. Мы все были заняты приготовлением к конспектированию и вдруг видели, что лектор что-

⁶ Вернувшись в Москву Абрам Абрамович написал свои воспоминания о годах, проведенных в застенках Лубянки, Тайшетлаге и других лагерях. Это довольно подробный рассказ о тех муках, которые пришлось ему пережить после ареста. Воспоминания А. Дасковского – исключительно важный человеческий документ, рассказывавший и о тех, кто мучил и допрашивал, гнобил и истязал попавших им в руки людей и о поведении тех, кто оказался жертвами режима. Издать воспоминания отца Саше удалось лишь после переезда в США (см.: *Дасковский А.А.* О том, что не должно забываться. Воспоминания. Москва – Вашингтон, 2005).

то говорит, когда шум в аудитории ещё не стих. А лектор, красивый мужчина, хотя и невысокого роста, с красивой прической из седых волос, в опрятном костюме, всё продолжал шевелить губами, не усиливая своего голоса, не срываясь, без назидания, без призывов “прекратить шум”. И аудитория будто бы замирала.

Мы слышали грамотную, чистую русскую речь высокообразованного интеллигента. Позже я неоднократно слышал, как Наум Васильевич делал справедливые замечания молодым преподавателям, да и студентам, за неправильно произнесенное русское слово, за неправильно истолкованный его смысл, за вульгаризацию сложных научных терминов и понятий⁷.

Савинченко, участник Гражданской войны, не скрывал, что был противником НЭПа и из-за этого вышел из партии, но затем вступил в нее снова в 1923 году и после этого оставался на жестко ортодоксальной «партийной» позиции.

Признаюсь, что в то время не имел никаких особых взглядов по этим вопросам, просто иногда возникали какие-то мыслишки, но тут же приказывал себе над этим не задумываться, а главное – держать язык за зубами. И на этом курсе свой экзамен сдал на «Отлично». Очевидно, как и некоторые другие, страдал комплексом «двоемыслия».

Больше всего врезалось в память то, что переживал весь год – как смогу сдать историю средних веков? Почему-то ни один из истфаковских предметов не давался мне так тяжело, как История средних веков. Особенно угнетающе действовал на меня толстенный учебник по этому предмету. Хотя в детские годы столько книг прочитал об этом периоде, что, казалось, должен был с удовольствием в него погрузиться.

Лектор профессор Сергей Дмитриевич Сказкин, заведующий кафедрой Истории Средних веков, и сменившая его Нина Александровна Сидорова читали этот курс превосходно. И пробовал я читать этот учебник даже в троллейбусе, в котором удавалось за-

⁷ *Левыкин Г.К.* Мой университет: для всех он наш, а для каждого – свой. – М.: Языки славянских культур, 2006. С. 95.

нять сидячее место и провести в нем 15 минут до Охотного ряда. Ничего в итоге не получалось. На следующий день открывал на той же странице и выяснял, что из прочитанного накануне в голове ничего не осталось.

Полагаю, что этим беспокойством и страхом заглушил у себя возможность овладеть этой дисциплиной, как это получалось в отношении других дисциплин. И естественно, несколько дней до экзамена не помогли.

На самом экзамене билет выгащил неплохой, примерный ответ на вопросы знал, но нервничал по поводу вопросов, которые мне зададут после ответа на вопросы билета. Отвечая на вопросы билета смотрел на лицо ассистенки экзаменатора и мысленно внушал ей: «Задайте мне вопрос, когда была битва при Лас-Навас-де-Толоса и каково ее историческое значение?» И только закончил отвечать на вопросы, как она спросила меня: «Когда была битва при Лас-Навас-де-Толоса и каково ее историческое значение?»

Получив этот вопрос, выпалил в ответ: «В 1212 году. Эта битва означало начало освобождения Пиринейского полуострова от арабов!». И с отметкой «Хорошо» в зачетке с облегчением покинул экзаменационную аудиторию.

Мое увлечение Декабристами

Это довольно странно, но на этом курсе меня интересовали не события чешской истории, а история декабристов. Возможно, в этом сыграл большую роль доцент Истфака Иван Антонович Федосов, который руководил а нашей группе семинаром по истории декабристов.

Ветеран войны, потерявший левую руку, вместо которой был протез, он занимался с нами весьма серьезно и уважительно. Познакомил с огромной историографией истории России, для чего одно из занятий посвятил демонстрации монографий и публикаций документов, другое занятие провел с нами в Архиве древних актов, где нам показывали легендарные летописи. Научной проблемой для семинара он выбрал Движение Декабристов.

На мою долю выпала тема «Васильковская управа Южного общества». Я стал заниматься этим сюжетом и, неожиданно для себя, очень им увлекся. Перечитал много книг по истории Движения Декабристов, при этом некоторыми из них зачитывался даже в лекционных аудиториях, когда лектор с кафедры вещал что-то, меня неинтересовавшее.

В это время архивисты и историки продолжили начатую еще до войны подготовку к изданию документов официального расследования дела декабристов. К печати готовились как раз материалы следствия, касавшиеся членов Южного общества.

Отец приносил мне верстки с текстами допросов. На меня ошеломляющее впечатление произвело то, что родным языком многих декабристов оказался французский язык. Те показания, которые от них требовали давать по-русски, выглядели как речь человека, слабо знающего слова и особенно грамматику русского языка. И это относилось, в частности, к подпоручику Михаилу Бестужеву-Рюмину, одному из руководителей Васильковской управы.

На меня огромное впечатление произвел Сергей Муравьев-Апостол, выходец из старинного знатного рода, активный участник войны 1812 года и Западного похода русской армии, возглавлявший Васильковскую управу. Он тогда в звании подполковника командовал батальоном Черниговского полка.

Арестованный после поражения восстания в Петербурге, Муравьев-Апостол был освобожден восставшим батальоном, которое подняли его друзья-соратники. Муравьев-Апостол возглавил их поход, в ходе которого был захвачен городок Белая Церковь. Затем повстанцев атаковал отряд гусаров и с помощью пушек их разгромил. Сергей в этом бою был ранен и взят в плен.

На допросах он держался весьма мужественно. И был казнен вместе с Бестужевым-Рюминым и другими лидерами декабристов.

Федосов очень тепло ко мне относился. Он даже сказал, что гораздо лучше для меня было бы специализироваться по истории СССР, имея ввиду место работы моего отца.

После того, как я представил свой доклад, Иван Антонович сообщил мне, что пошлет его на конкурс студенческих работ. Маме пришлось его переписывать, поскольку представлять его текст, написанный моим почерком, было просто невозможно. Естественно, этот доклад и стал моей курсовой работой за Второй курс.

В другой раз с Федосовым встретился во время весенней сессии. Экзамен по курсу истории России XIX века принимал читавший ранее нам курсовые лекции профессор П.А. Зайнчковский. Студенты заходили в экзаменационную аудиторию в порядке алфавитного списка. Поскольку я в этом списке находился где-то в конце, мог, пока спокойно, следить за ходом экзамена.

Минут через двадцать вышел первый с каким-то перекошенным лицом. Все к нему подбежали, узнать, в чем дело. Оказалось, что Зайнчковский после того, как тот ответил на вопросы билета, начал спрашивать, что он прочитал из рекомендательного списка. Узнав, что почти ничего, влил ему «Плохо».

Не успел он об этом рассказать, как из аудитории один за другим выскочили другие студенты. Зайнчковский теперь, не дожидаясь ответа на вопросы билета, требовал сказать, что было прочитано из списка.

Подобные отметки сыпались одна за другой. Ребята поголовно были в панике. Я с этим тоже смирился. Но незадолго до того, как подошла моя очередь, Федосов заменил Зайнчковского. Ситуация сразу резко изменилась. И я получил очередное «Отлично».

Как расценить этот факт? Везением, благоприятной случайностью, не знаю, но так произошло!

Ничего не осталось в памяти от семинара по истории Чехии, который вела доцент Кафедры Бася Менделеевна Руколь. Разве только облик этой милой, скромной женщины, весьма спокойной и сдержанной.

В конце семестра она устроила нам нечто вроде практического занятия. Каждому раздала ксерокопию какой-либо вырезки из чешской газеты XIX века с заданием написать комментарий к данному тексту. Мне досталась заметка о Сваровской стачке рудокопов 1870 года.

Это была первая в истории стачка чешских рабочих. Мы о ней знали лишь по одной книге по истории Чехии, изданной в Москве несколько лет назад. Я читал эту книгу и сразу обратил внимание, что заметка в газете давала совсем иное толкование причин той стачки.

Через пару лет узнал от Инессы Яжборовской, учившейся курсом старше на нашей Кафедре, с которой позднее подружился на всю жизнь, продолжение этой истории.

Инесса, беседуя со студентами-первокурсниками, записавшимися на нашу Кафедру для дальнейшей специализации, сообщила им, что студент нашей Кафедры по одной лишь заметке в газете, опроверг неправильное толкование истории Сваровской стачки. Правильность моей трактовки, как оказалось, выяснилась после моего анализа.

По-видимому, Бася Менделеевна рассказала об этом Инессе, но мне посчитала нецелесообразным знать об этом факте. Полагаю, что Руколь поступила совершенно правильно в педагогических целях.

Нежелание следовать схеме

А студенческая жизнь, возобновившаяся 1 сентября 1951 г., вновь целиком поглотила меня. В тот год совершил несколько неожиданных для себя поступков. Начну с самого важного.

Семинарскими занятиями нашей группы руководила доцент Ирина Михайловна Белявская. Мы часто видели ее на Кафедре, знали, что она была одним из основных лекторов, выступавших для нашего курса по истории южных и западных славян, специалистом по истории Польши. До нас доходили слухи, что она не особенно «ладила» с заведующим Кафедрой Сергеем Александровичем Никитиным.

Внешне она производила впечатление человека весьма целеустремленного, всерьез поглощенного научными проблемами,

несколько суховатого и строгого. Ей до этого ни разу не пришлось выступить перед нами. Даже лекции по истории Польши нам читал доцент Иван Александрович Воронков.

Но, когда начались семинары, почувствовали, что Белявская, прежде всего очень умный и расположенный к нам человек. Она сказала, что основной темой наших занятий будут события 1848 года в Чехии. Белявская предложила нам список тем для подготовки докладов.

Незадолго до этого вышла в свет книга Ивана Ивановича Удальцова «Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году». Я уже прочитал эту книгу. Это был по тем временам весьма солидный труд, который рассказывал о том, что тогда происходило в Чехии, входившей в состав Габсбургской империи. Книга воспроизводила марксистскую концепцию, согласно которой чешская нация в том революционном для Европы году оказалась реакционной и не имела перспективы для своего существования.

Прочитав эту книгу, я был поражен. Ни в коем случае не собирался спорить с этой концепцией, но и принять ее не мог. К тому времени знал уже немало о тяжелой исторической судьбе чехов. И просто-напросто испытал чувство горечи за народ, давший миру Яна Гуса, показавший себя героическим во время гуситских войн. Тогда он вел смертельную борьбу за свою независимость, хотя, в конечном счете, потерпел поражение.

В июне 1848 г. в Праге вспыхнуло восстание против Габсбургов. Но оно было довольно быстро подавлено австрийскими войсками. Попытка добиться независимости окончилась неудачей, но для меня это не означало, что на этом история этого народа должна закончиться. Короче говоря, не спешил с выбором темы доклада и курсовой работы.

Проблема осложнилась тем, что Белявская не только разделяла эту оценку, но еще к тому же упомянула, что критическая формулировка Маркса не относилась к польскому народу, который не прекращал свою борьбу за независимость.

Я был далек от мысли выразить свое несогласие с классиками. Понимал, что это означало бы изгнание из МГУ. Надо было най-

ти какой-то выход. Тянул с определением темы своего доклада, пока не выяснилось, что только я остался не определившимся с темой выступления.

После этого сказал Ирине Михайловне, что, по моему мнению, основные сюжеты 1948 года в Чехии уже получили освещение в советской литературе, и мне хотелось бы заняться сюжетом, менее разработанным.

Неожиданно для меня Белявская к моим словам отнеслась положительно и предложила поработать над тем, как выглядели политические течения в чешском обществе двумя десятилетиями спустя после событий 1848 года. Я с удовольствием принялся собирать материалы по данному сюжету.

Следует уточнить один вопрос. Тот семинар по истории Чехии, о котором шла речь в предыдущем разделе и в данном, был только для будущих чехистов. Остальные члены нашей группы участвовали в семинарах по истории той страны, которую выбрали для своей специализации.

И еще один момент: после подготовительного периода, во время которого готовились доклады, на каждом семинаре обсуждался доклад, в порядке, соответствовавшем примерной исторической последовательности событий.

Происходило это так. Когда доклад был представлен, руководитель семинара назначал одного из членов семинара выступить после докладчика как бы его оппонентом. Для этого он должен был заранее прочитать текст данного доклада. Остальные члены семинара могли выступать, задавать вопросы, подавать реплики после выступления докладчика и «оппонента». Затем докладчик имел право высказать свое мнение по поводу слышанного, опровергнуть или признать правоту сделанных замечаний. Руководитель подводил итог прений и давал оценку доклада.

Подчас обсуждение доклада шло интересно, иногда – вяло. Это зависело от многих причин.

Я попытался вспомнить хотя бы одно из своих выступлений в таких дискуссиях. Безрезультатно. Это означает, как мне теперь представляется, лишь одно – Белявская сознательно не поручала мне быть оппонентом докладов, связанных с событиями 1948 года в чешских землях.

Другими словами, она не хотела, чтобы в дискуссии, хотя бы в малейшей степени, прозвучало какое-либо высказывание, отклонявшееся от существовавшей в советской литературе (точнее, в книге Удадьцова – тогда сотрудника аппарата ЦК КПСС, чего мы и не подозревали) концепции, основанной на высказываниях Маркса и Энгельса по проблемам 1848 года.

Отсюда следует вывод, что она поняла причины моего нежелания выбрать для своего доклада тематику того года и согласилась на то, чтобы я написал доклад на иную проблему.

Опять же можно по-разному толковать то, почему она это сделала. Но сейчас, вспомнив о том, как впоследствии с интересом Ирина Михайловна воспринимала мои первые работы в качестве специалиста по истории Чехословакии, скажу однозначно – она, как опытный педагог и человек, заинтересованный в последующей судьбе своих учеников, пошла мне навстречу и помогла избежать ситуации, которая в тот период могла окончиться для меня весьма печально.

Мне в этой связи вспомнилось, как однажды она нам сказала, что маловероятно, что каждый из нас в будущем сможет работать по проблемам истории Чехословакии. Но очень важно, чтобы мы овладели методикой научного исследования и анализа, чем бы мы в дальнейшем не занимались. Наиболее существенным для этого является подход к любой проблеме как частности широкого комплекса проблем. В этом, по ее мнению, и заключается особенность университетского образования, которое мы получали на Истфаке.

Вновь на своем жизненном пути ощутил заботу о себе своих учителей (как это проявилось в конце школьной жизни), когда они помогли мне преодолеть препятствия, которые помешали бы пойти по той дороге, о которой мечтал.

Осталось в памяти, как по крохам разыскивал сведения о положении чешского общества через 20 лет после 1848 года. Но всё же собрал необходимый минимум информации. Выяснилось, что за это время серьезно усилились консервативные настроения. Это касалось и тех личностей, которые ранее выступали с демократи-

ческих позиций. После разгрома июньского восстания в Праге и последующих за этим репрессий различные политические течения, хотя и сохранялись, но очень в малой степени отличались друг от друга.

Для общей характеристики этих течений использовал цитаты из произведений Михаила Салтыкова-Щедрина. Доклад написал. В памяти не сохранилось, как шло его обсуждение на семинаре. Это произошло примерно в конце учебного года.

Но хорошо помню, что сказал в ответ на замечания и критику доклада: «У нас сложилась традиция, что докладчик в своем заключительном выступлении старается парировать критические замечания и оценки. Я этого делать не буду и просто поблагодарю всех выступавших, а их советы постараюсь учесть в своей дальнейшей работе. Всем спасибо!»

Ирина Михайловна после этих моих слов воскликнула: «Фирсов снова показал нам, что он – умница!»

Для меня ее слова прозвучали как высшая похвала!

Третий курс запомнился мне еще тем, что попытался исправить обнаружившийся в то время свой недостаток. Понял, что изложить в разговоре какую-то проблему мне становится трудно. Вместо спокойной речи начинаю как-то мямлить, говорить нескладно, тушеваться, когда обнаруживаю себя убеждающим в чем-то несколько человек сразу, и тому подобные проблемы.

Мне это решительно надоело и стал искать выход из этого положения. Повезло, что именно в то время Феликс Рябов, учившийся курсом раньше, предложил войти в лекторскую группу Горкома комсомола

Оказалось, что ему, как давнему члену этой группы, предложили рекомендовать в пополнение к уже существующему составу группы добавить еще одного студента-истфаковца. Мы с Феликсом познакомились немного ранее этого, переговорили о чем-то. В том числе и о книгах Александра Дюма. Оба были большими поклонниками этого писателя. Это нас весьма сблизило и мы сразу с ним в разговоре перешли на «ты».

Когда Феликс сделал мне это предложение, согласился сразу.

Феликс взял меня на заседание этой группы, состоявшейся в особняке МГК ВЛКСМ, располагавшегося в красивом особняке в Колпачном переулке. Собственно это была часть лекторской группы, выступавшая с лекциями по международной тематике. Там меня спросили по какой проблеме готов выступить с лекциями. Я не решился взять себе тему международного положения. Предложил тему «Молодежь мира в борьбе за мир». И попросил месяц на ее подготовку.

Так в моей жизни появилось новое занятие. Пришлось основательно в нее погрузиться. Хотелось найти что-то, что было интересным слушать аудитории, факты высказывания, цифры, цитаты. Просматривал материалы, издававшиеся Международной Федерацией Демократической Молодежи, комсомольскую печать, и другие издания.

Текстов никогда не готовил. Материал размещал на карточках, добивался того, чтобы были затронуты все важнейшие международные события, но через проблемы молодежного демократического движения. В общем было над чем поломать голову, но при этом приходилось учитывать очень много факторов, а, пожалуй, самым важным являлось заинтересовать аудиторию и стараться ее не потерять во время лекции. В то же время суметь произнести всё, что считал наиболее важным. Старался говорить не по бумажке, а глядя на своих слушателей. Только когда нужно было процитировать цитату, то делал это по карточке.

В итоге могу сказать, что лекторская моя деятельность продолжалась оставшиеся три года учебы на Истфаке и даже в бытность аспирантом. Хотя выступал не очень много, чаще всего на предприятиях во время обеденного перерыва. Она дала мне довольно много. Приучила к тому, чтобы не бояться говорить в любой аудитории, чувствовать себя при этом внутренне спокойным и в то же время готовым отреагировать на неожиданный вопрос, не смущаться признать себя не всеведующим и всезнающим. Но старался говорить о том, что знал и мог подкрепить свои слова конкретными фактами и реальными событиями. В этом смысле полагаю, что лекторская деятельность плодотворно сказалась и на моем становлении как историка.

Уточнение научных интересов

Мой Четвертый курс Истфака по существу стал для меня в чем-то переломным (с точки зрения специализации), но вместе с тем он совпал с такими важными событиями в стране (напомню, что это было с сентября 1952 года по июнь 1953 года), которые во многом определили само существование советской страны.

И последствия этих событий так сильно повлияли на меня в дальнейшем, что можно с полным основанием считать, что всю последующую жизнь я в значительной степени посвятил их осмыслению и попыткам найти свое место в той человеческой драме, которая последовала за смертью Сталина. Путь этот был не простым и однозначным, в течение многих лет мною неосознанным, в нем подчас решающее значение играли различные случайности и другие факторы. Но мне хочется считать, что здесь сказалось и то, что мне внушили с детства мама и бабушка, — простые человеческие нормы морали и поведения. Повлияло и то, что на самых различных этапах этого пути, помимо поддержки моих близких и родных, мне оказывали помощь и те люди, с кем меня сталкивала судьба, особенно мои друзья.

Прежде всего скажу о нашей группе. В том году к нам присоединился Михал Рейман, учившийся на год старше, но по болезни прервавший свою учебу, а по выздоровлении присоединившийся к нам

Я подружился с Мишей и дружески общался с ним и тогда, когда он вернулся после окончания Истфака в Чехословакию⁸. Могу сказать, что наша дружба выдержала испытание временем.

Другим важным событием того года стало появление нового руководителя семинара нашей группы. Ею оказалась доцент Наталья Андреевна Смирнова. Я ее раньше на Кафедре не встречал. Даже не знаю постоянное место ее работы. Но убедился в том, что она хорошо разбирается в истории Компартии Чехословакии.

⁸ См.: *Фирсов Ф.И.* 34 года в Институте... С. 87, 88, 137, 138, 209, 210, 380, 381, 394, 408, 409.

Наш семинар и был посвящен первому десятилетию истории этой партии.

Наталья Андреевна сразу произвела на меня очень хорошее впечатление. Она была очень спокойным и весьма доброжелательным человеком. Давала дельные советы о том, где можно найти материалы для подготовки доклада. У меня сложилось впечатление, что ей было интересно с нами общаться.

Я выбрал себе тему, связанную с серьезным внутривнутрипартийным кризисом в компартии Чехословакии в 1925 году. Пожалуй, именно тогда почувствовал, что из всех проблем истории Чехии меня больше всего интересует именно история КПЧ.

Кризис в этой партии был связан с трудностями в развитии КПЧ, вызванными тем, что абсолютное большинство членов партии состояло из бывших социал-демократов. Эти люди обладали определенным политическим опытом. Но он не отвечал требованиям к компартиям, поставленным V конгрессом Коминтерна, выдвинувшим лозунг «большевизации» компартий, что означало их превращение в революционную партию типа большевистской партии.

Кризис начался выступлением против линии ЦК КПЧ сенатора Алоиза Бубника. Его поддержали и некоторые руководители так называемых Красных профсоюзов Чехословакии, которые шли за компартией. Это, разумеется была лишь небольшая часть профсоюзов Чехословакии, большинство которых поддерживало социал-демократию.

Руководство партии исключило Бубника из КПЧ, но кризис партии продолжался. Он обсуждался в специальной комиссии V расширенного пленума Исполкома Коминтерна и лишь после этого ему удалось преодолеть.

Собирая материалы для доклада, я перерыл немало изданий и подшивок газет в Исторической библиотеке. В журнале «Коммунистический Интернационал» нашел несколько выступлений Сталина, посвященных именно КПЧ. Одна из них не вошла в состав его Сочинений.

Эта статья и подсказала ответ на это вопрос, почему она не была включена в его 7 том Сочинений. В ней в числе других про-

блем, содержалась критика позиции Антонина Запотоцкого, тогда входившего в состав ЦК КПЧ и одновременно являвшегося руководителем Красных профсоюзов.

А уже в народно-демократической Чехословакии Запотоцкий оказался руководителем всего профсоюзного движения страны и был членом Политбюро ЦК КПЧ. Полагаю, что именно по этой причине Сталин не включил ту статью в соответствующий том своих Сочинений.

Не буду пересказывать подробностей своего доклада. Он получил поддержку при обсуждении в семинаре и благоприятную оценку со стороны Смирновой. Отмечу лишь два момента. Прежде всего, занимаясь историей КПЧ, лишь немного коснулся той темы, которая впоследствии окажется в центре всей моей исследовательской деятельности – Коминтерн и его проблемы. Тогда об этом и не подозревал.

И второй момент – осознал, что тему доклада следует продолжить и превратить ее в предмет исследования для своей дипломной работы, которой предстояло заниматься на Пятом курсе.

Тот ход событий в стране, который мне казался нормальным и даже относительно спокойным, был резко оборван появившейся в «Правде» 13 января статьей без подписи: «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». В ней сообщалось о раскрытии органами МГБ террористской сионистской организации врачей, связанной с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. Группа видных советских врачей, в подавляющем большинстве евреев, обвинялась в том, что ставила своей целью убийство руководителей СССР.

После этого в стране развернулась в массовых масштабах антисемитская кампания. Врачей-евреев травили печати как «убийц в белых халатах». Больные в поликлиниках отказывались идти на прием к врачам-евреям. Повсеместно евреев увольняли с работы. В их числе оказалась и мама. Антиеврейская травля нарастала.

Я понимал, что эта жуткая истерия регулируется и исполняется по команде сверху. Но никак не мог себе представить, кто за всем этим стоит. В разговоре с Диной (уже упоминал, что по острым политическим вопросам избегал говорить с ней откровенно) всё же не сдержался, и сказал, что думаю, что врагом является кто-то из самой верхушки Кремля. Но подумать, что за всем этим стоял сам Сталин, просто не мог.

Дина что-то хмыкнула в ответ, на этом наш разговор окончился. Разумеется, истинный характер этих событий мне был неясен, но ощущение того, что надвигается большая беда просто предчувствовал.

4-го марта в газетах появилось сообщение о болезни Сталина, по дальнейшим сообщениям создавалось впечатление, что ситуация ухудшается, и 6-го марта по радио было передано сообщение о его смерти. По всей стране объявили траур.

В тот день наша группа встретила на Истфаке, и мы, понимая, что тело Сталина для прощания с ним будет выставлено в Доме Союзов с утра, вместо очередной лекции, отправились на улицу Горького. Там уже выстроилась небольшая очередь. Мы встали в ее конец, но оказались всё же довольно близко к Дому Союзов. Все были в подавленном состоянии.

Так мы простояли несколько часов. Видели, что подъехали грузовики с солдатами, которые отсекали очередь от Дома Союзов. В это момент кто-то из нашей группы, сказал, что в такое время следует четко соблюдать дисциплину и нельзя пропускать лекции. С этим все согласились и, покинув очередь отправились в МГУ. Но перед этим договорились вечером собраться на Истфаке и потом попытаться вместе с другими попасть в Дом Союзов.

Однако вечером из всей группы на Истфаке появился лишь я. Но из других курсов там было немало студентов. Мы собирались покинуть Истфак, как вдруг перед нами появилась незнакомая мне женщина, которая сказала, что от имени факультетского партбюро она требует, чтобы мы все разошлись по домам.

Требованию партбюро нельзя было не подчиниться и мы его выполнили. Возможно, это спасло наши жизни в ту ужасную ночь!

Дипломная работа

Начало Пятого курса у меня было связано с двумя событиями. Придя после летних каникул на Истфак, узнал, что Наталья Андреевна вместе с мужем улетели в длительную командировку в Китай. Ее заменил Александр Иванович Недорезов, научный сотрудник Института славяноведения. С ним у меня хорошие отношения не сложились. Почему-то почувствовал с его стороны недоброжелательство.

До этого никогда с этим не сталкивался. Сейчас уже не скажу, в чем оно конкретно выразилось, но прекрасно помню, что осознал: не следует ждать от него помощи, а надо искать выход самому. А положение, в котором очутился, оказалось достаточно сложным.

Поскольку еще раньше пришел к выводу, что дипломную работу следует связать с прошлогодней курсовой, надо было сформулировать для себя предмет и цели новых поисков. Если в отношении КПЧ у меня существовало к тому времени представление, в каком направлении двигаться дальше, то по другим проблемам было много неясного. Но постепенно и эти сюжеты проявлялись.

Решил темой взять само рабочее движение 1920-х годов, то есть создавать более широкую картину, чем это было в моей прошлой курсовой. Для этого пришлось основательнее изучить профсоюзное движение, а также деятельность других партий, кроме КПЧ, опиравшихся на рабочих, то есть социал-демократию и национальных социалистов.

Этим в значительной степени занимался, удалось найти кое-какие печатные издания и другие источники. Попробовал даже получить доступ в Центральный партийный архив, но там мне объяснили, что в этом архиве могу работать с архивными документами лишь члены партии. Несмотря на эту серьезную неудачу необходимый материал всё же накапливался

Другая проблема оказалась более серьезной. Напомню, что все эти годы физкультура оставалась для меня тяжким бременем.

Чтобы обеспечить себе необходимый зачет, с 4-го курса посещал занятия спортивной секции. Это освободило меня от общих занятий по физкультуре. Не скажу, что упражнения с «конем», на турнике или на параллельных брусьях были нетрудным или приятным делом. Но руководил этими занятиями мой однокурсник, с которым у меня были неплохие отношения, и в той же секции занимались Кузьмин и Волков.

Неожиданно для меня, эти занятия дали мне возможность, в то время очень редкую, пользоваться горячим душем. Не выдержав, однажды, крикнул Мише, занимавшему соседнюю кабинку: «До чего это прекрасно!» Тот ответил: «Это просто нормально». Может быть у Мише в той квартире, где в распоряжении Миши и его мамы была лишь узкая и длинная комната, имелся душ, но на Третьей Тверской такой радости не было.

Со времени вступления в комсомол привык в кармане куртки или пиджака, застегнутом на пуговицу, носить комсомольский билет. И вот в начале октября, переодеваясь после душа, обнаружил, что его в кармане нет. Это могло означать одно – нечего и мечтать об аспирантуре. Говорить кому-либо, устраивать скандал, не имело смысла. Выход был один – как можно быстрее пройти неизбежную лестницу для того, кто лишился комсомольского билета, получить выговор, чтобы успеть к окончанию Истфака его снять.

Поэтому на следующий день подал в курсовое бюро заявление о потере билета, прошел неизбежный путь до заседания бюро райкома и получил полагающийся выговор в личном деле и новый комсомольский билет. Его приносил с собой только в день уплаты членских взносов. В июне 1954 года злополучный выговор был снят.

Тем временем сдал все оставшиеся экзамены, написал дипломную работу и представил ее к защите. Она называлась так: «Рабочее движение в Чехословкии в первые годы частичной стабилизации капитализма (1924–25)».

Официальными оппонентами стали Бася Менделеевна Ручколь и старший научный сотрудник Института славяноведения Александр Харитонович Клеванский.

Защита прошла великолепно. Бася Менделеевна говорила о моей работе так, будто бы я защищал кандидатскую диссертацию. Мне очень важно было услышать мнение Клеванского. Оно было весьма высоким.

Саша оказался для меня просто подарком судьбы. Вскоре мы с ним стали друзьями. Я даже называл его своим Крестным отцом в исторической науке⁹.

В этой ситуации Недорезову, которому предоставили слово, как моему научному руководителю, пришлось выдать из себя несколько положительных слов о моей работе.

В своем заключительном слове, отвечая на высказанные пожелания и рекомендации, с особым удовольствием поблагодарил его за поддержку и внимание, оказанные мне. Пронять его отнюдь не хотел, впрочем, мне показалось, что моего сарказма он не почувствовал.

Кафедра вынесла мне оценку за курсовую работу «Отлично», а на особом заседании рекомендовала меня в заочную аспирантуру. К сожалению, в том году Кафедра не имела ставок для аспирантуры.

Под самый конец учебы все ребята нашего курса получили вызов от деканата. Когда мы собрались на Истфаке, нам сказали, что по-одному следует заходить в какой-то кабинет, где с каждым из нас состоится разговор. Когда в этой очередь встал у двери, то уже сообразил, о чем идет речь. Представитель МГБ отбирал из выпускников Истфака лиц, для будущей работы в органах. Прекрасно понимал, что стоит этому человеку увидеть меня, как этот вопрос отпадет сам собой.

Так собственно и произошло. Когда вошел в кабинет, человек в штатском, перед которым на столе лежало мое Личное дело, спросил меня: «А вы, товарищ Фирсов, видимо, мечтаете поступить в аспирантуру?». Я это подтвердил. В ответ он пожал мне руку и пожелал успеха. Вся эта процедура заняла лишь несколько секунд.

⁹ См.: там же. С. 45–47, 79, 96, 292–294, 295.

«Пожалейте Марину!»

Исфаковская эпопея заканчивалась. Предстояло получить решение Комиссии по распределению и начинать новый виток жизни. Но произошло событие, которое существенно повлияло на мою дальнейшую судьбу. То ли в тот самый день распределения, то ли накануне, «Правда» опубликовала статью «Пожалейте Марину!» Смысл ее заключался в том, что выпускники московских вузов не хотят уезжать из Москвы и всякими правдами-неправдами стараются избежать работы на периферии.

Я шел на заседание комиссии, понимая что об аспирантуре не может быть и речи. Так и случилось. Когда меня пригласили на заседание, задали один вопрос, какую область предпочитают для будущей работы – Калининскую или Куйбышевскую?

Хотя такого ожидал, получив вопрос, растерялся. Никак не мог сообразить, какая область ближе к Москве. Попросил пять минут на размышление. Получил эти пять минут. Выйдя в коридор, нашел автомат и позвонил домой. Трубку сняла Анна Михайловна. Я спросил у нее, и она сказала, что Калининская – ближе.

Вернувшись на заседание, сказал, что выбираю Калининскую, пояснил, что хочу одновременно учиться в аспирантуре. В ответ услышал реплику декана Арциховского: «Если вы представляете себе, что аспирантура – это учеба, вас нельзя даже близко подпускать к аспирантуре!»

Не отвечая на эту грубость, вышел из кабинета. Разумеется, аспирантура это научное творчество. Но она включает а себя не только написание диссертации, но и овладение историографией изучаемой проблемы и накопление других знаний. Это и есть та учеба, которую я имел ввиду. Поэтому реплика Арциховского, на мой взгляд, была не только недопустима для декана, председателя Ученого совета Исфака, вынесшего решение о рекомендации меня в аспирантуру, но и для члена Комиссии по распределению.

На следующий день зашел в деканат и получил от секретаря деканата, того самого, который пять лет назад принимал от меня документы для поступления на Исфака, официальный документ

о рекомендации меня в аспирантуру. Решил, что как ни повернутся дела в дальнейшем, этот документ мне понадобится.

Через пару дней встретил на Истфаке Сашу Плевако. Он также получил распределение в Калининскую область, но уже съездил на электричке в Калинин (Тверь), побывал в ОБЛОНО и получил бумагу, что может искать работу по собственному выбору, так как в области нет нужды в школьных преподавателях истории.

Слова Саши окрылили меня и на следующий день я также отправился в Калинин. В ОБЛОНО предъявил направление на работу и одновременно рекомендацию в аспирантуру. Мне также было сказано, что в моих услугах не нуждаются, дали соответствующую бумагу и сказали, что мои документы возвращают в Министерство просвещения РСФСР.

Вернувшись в Москву, с рекомендацией Ученого совета отправился в Институт славяноведения. Первым, кого встретил там, был Недорезов. Он поинтересовался, по какой причине я появился в Институте. Я объяснил ему, что получил рекомендацию в аспирантуру и хочу выяснить ситуацию.

После этого Недорезов пригласил меня в свой кабинет, это оказался кабинет Парткома Института, а Недорезов был его секретарем. Он сказал, что в этом году Институт не получил ставок для аспирантуры. Затем, не прямо, но весьма определенно, дал понять, что в этом Институте мне не стоит даже пытаться поступить в заочную аспирантуру.

Расстроенный этим разговором, зашел на Истфак и поднялся на второй этаж, где располагался кабинет Кафедры. Там увидел заведующего Кафедрой профессора Сергея Александровича Никитина и поздоровался с ним. До этого мы с ним не общались, поскольку Никитин являлся известным болгароведом, но для нашей группы лекций не читал. Я не был уверен, что он знал меня в лицо. И, разумеется, ошибался. Никитин, как Завкафедры, был в курсе дел Кафедры и, безусловно, подписывая рекомендацию для представления в Ученый совет Истфака, имел обо мне четкое представление.

Он поинтересовался, как идут мои дела. Я рассказал о неудаче с Институтом славяноведения. После этого Сергей Александрович посоветовал мне обратиться в аспирантуру Московского го-

родского педагогического института, где на Истфаке имеется Кафедра Истории новой и новейшей истории. Заведует кафедрой профессор Сергей Леонтьевич Нарочницкий.

У меня в этот момент возникло ощущение, сходное тому, когда солнце пробивает облака и освещает местность, казавшуюся до этого унылой и заброшенной, но в свете солнечных лучей полностью преобразившуюся.

И на следующий день отправился в МГПИ. Заведующий Отделом аспирантуры встретил меня весьма приветливо и я предъявил ему рекомендацию, диплом и паспорт. Он сказал, что этого достаточно для сдачи приемных экзаменов в аспирантуру.

После этого рассказал ему о проблемах с моим распределением. На моих глазах этот человек из приветливого человека мигом превратился в сухого бюрократа, вернувшего мне документы со словами, что без соответствующей бумаги от Министерства он не сможет принять мои документы.

После этого поехал в Министерство просвещения. Там мне сказали, что поскольку Калининский ОБЛЮНО отказался от моих услуг, они переслали мои документы в Министерство высшего образования СССР, в системе которого находился и МГУ.

Мне пришлось теперь разговаривать с новым бюрократам, но уже Министерства высшего образования СССР. Предъявил ему все документы, и сказал, что прошу дать мне возможность сдать экзамены в аспирантуру МГПИ, а в случае неудачи готов поехать на работу туда, куда меня пошлют.

На это он спокойно заметил, что, если для меня не нашлось место в Калининской области, то оно найдется в Иркутской области, и он не видит возможности дать мне просимое разрешение.

В этой ситуации спросил его, к кому в этом Министерстве могу обратиться со своей просьбой. Он ответил, что к заведующему Отделом кадров Министерства, кабинет которого находится этажом выше.

После этого со всеми своими документами поднялся на следующий этаж и у секретаря попросил, чтобы меня принял Завкадрами. Сказать по правде, был уверен, что из этого ничего не выйдет, но не использовать хоть ничтожную возможность, не мог.

В его кабинете повторил свою историю и увидел, что он написал красным карандашом на моем документе: «Тов... Ваши предложения». Я понял это как отказ и спросил, может быть, мне и не стоит к нему идти. На что он мне ответил: «Стоит».

Вернувшись в кабинет к его подчиненному, положил ему на стол все документы. И увидел, как он подписал на том же документе: «Согласен!» и расписался.

До сих пор не представляю, почему это всё произошло. Возможно, сыграла свою роль какая-то подковерная борьба между заведующим и его подчиненным, и моя проблема решилась для меня положительно в результате того, что надо было «осадить» того бюрократа, но, может быть, имела значение что-то иное. Так или иначе, мои документы были приняты в Отделе аспирантуры МГПИ.

Конкурс оказался серьезным. На три аспирантских места по моей специальности претендовало не менее 15 человек. Но в результате прошли только три выпускника Истфака МГУ – Лева Гончаров, один китаист, фамилию которого забыл, и я. Началась новая глава моей жизни.

* * *

Если попытаться подвести итоги моей истфаковской жизни, то, пожалуй, полагаю, что тогда получил представление о профессии историка. Еще был весьма далек от того, чтобы считать себя историком, овладевал лишь необходимыми навыками, инструментарием этой профессии. Истфак дал мне понимание того, как следует подходить к изучению фактического материала, как важно в это исследование включить максимум сведений, чтобы на этой основе выявить ведущую тенденцию и найти ключ к решению конкретных проблем.

Тогда еще не столько разумом, сколько инстинктивно, почувствовал интерес к поиску материалов и документов, необходимых для раскрытия изучаемой проблемы. В тот период еще не знал, что такое работа в архиве, с оригинальными документами, круг источников был тогда для меня ограничен печатными материалами, прежде всего прессой. Но этот поиск оказался для меня увлекательным и интересным – выявлять различные сведения

и факты, соединять их друг с другом и пытаться через них ощутить реальность прошедших событий.

Первые шаги к созданию собственных текстов были непростыми. Не хватало не только данных, но возникали трудности в том, как грамотно и связано изложить свою мысль, избежать повторений «затертых» слов, подобрать наиболее точный термин, избежать многословия. Написанное приходилось по нескольку раз переделывать до тех пор, пока не получалось логически связанное и доказательное обоснование тех выводов, которые следовали из приведенных материалов.

Безусловно сказалось влияние марксистско-ленинской идеологии, приверженность канонам которой была определяющим фактором бытия советского историка. В те годы эта идеология настойчиво и последовательно внедрялась в умы тех, кто выбирал себе эту профессию. Несовместимость такой позиции с научным творчеством понял лишь очень много лет спустя.

Вместе с тем именно в годы студенческой жизни приучался к осознанию относительности постижения истины в изучаемой проблеме, великому значению понятия сомнения. Это открывало возможность в дальнейшем появления иной трактовки, преодоления шаблонов и стереотипов.

Естественно, в те годы не представлял себе, как сложится в дальнейшем мой научный путь. Но, мне кажется, что всё же хотел стать специалистом конкретных исторических проблем, а не обозревателем глобальных тем. Не помню, когда именно, но примерно в те годы пришел к выводу что из двух ситуаций – знать «ничего обо всем» или «всё о ничем», предпочел бы вторую.

Представляется, что этот период имел важное значение в складывании моего характера, становлении личности. Вполне выявились такие черты как позитивный подход к жизни и людям (полагаю, что в этом решающую роль сыграли бабушка и мама), неприятие насилия в любом виде, самоирония, определенная настойчивость в преодолении преград и препятствий к научному творчеству, продуманность действий, реальное восприятие действительности и чувство долга. Еще раз хочу подчеркнуть определяющее значение семьи в моем воспитании.

Это всё отнюдь не означает, что был безупречен в своих делах и поступках. О своих ошибках, слабостях и недостатках упоминал в тексте, наверняка, если хорошо подумать, можно бы вспомнить и добавить еще кое-что, но надеюсь, всё же, что они не преобладают, по крайней мере, этого мне хотелось.

* * *

Пожалуй, на этом месте следует закончить эту книгу. Мой дальнейший жизненный и творческий путь в Москве (за исключением аспирантских лет) воспроизведен в моих воспоминаниях. К сожалению, в книге не удалось осветить ряд важных проблем из истории нашей семьи за те годы, о которых шла в ней речь. Но, полагаю, что основное сделать всё же удалось – рассказать о тех замечательных людях, которые находились у истоков нашей с Гариком жизни, воспитали нас, помогли нам определиться в жизни и выбрать свой путь. Они навсегда остались в наших сердцах!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читателю представлен рассказ о жизни одной московской семьи в первую половину прошлого века, жизни, в которой в неразрывный клубок сплелись драматические перипетии, переживаемые страной в то время, и, казалось бы мелкие, частные подробности существования этой семьи. Предпринята попытка выявить, что было главным, определяющим для нее, что дало возможность сохранить здоровые начала и воспитать на этих началах молодое поколение.

Речь в книге идет о еврейской интеллигентной семье, практически ассимилированной русской культурой, во многом потерявшей традиционные еврейские черты быта, язык и религию своего народа. Она расценивала достижения русской культуры и искусства как важнейшую, определяющую часть своего духовного мира.

При этом на молодом поколении этой семьи сказалось и то, что оно выросло и сложилось в условиях советской действительности. По существу оно не знало и не представляло себе возможности существования иных человеческих отношений, чем те которые были в их стране.

В книге прослеживается шаг за шагом то, как складывались и развивались личные судьбы персонажей этой книги, решались повседневные и существенные проблемы. Автор стремился выделить то, что для этих людей имело первостепенное значение, определяло их усилия обеспечить интересы и относительное благополучие семьи, воспитать и вырастить имеющихся в семье детей, помочь им воспринять, как свои собственные, моральные общечеловеческие ценности. Маленькая семейная ячейка Блох испытала на себе последствия «великих преобразований», политических, социальных и общественных, которые осуществляла правящая система, сумела приспособиться ко всем невзгодам, которые выпадали на долю интеллигенции, но не превратилась в бездуш-

ных винтиков системы. На долю этой семьи выпала необходимость соучастия в строительстве социалистического строя, и члены ее делали это честно и бескорыстно.

Но в то же время они заботились о том, чтобы малышам дать урок человеческой любви и заботы, чтобы они с детства усвоили понятия добра, любви, порядочности, честности, благодарности, красоты, были стойкими к мерзости, подлости и трусости и низости. Здесь, как представляется, особо важным было привить детям понимание и уважение к человеческой личности, неприятие зла во всех его формах и проявлениях.

Как и во многих других семьях, и в ней случались различные коллизии, в том числе произошла личная драма, принесшая немало горя и страданий, но не искалечившая человеческие судьбы и излеченная неумолимым временем. Документальных свидетельств этой драмы сохранилось крайне мало, ее причины и развитие пришлось выявлять, подчас додумывать, поэтому некоторые версии и оценки носят предположительный характер.

Однако вывод из этой семейной драмы следует один. Она не повлияла отрицательно на характер и судьбы тех людей, которые в нее были втянуты. Этому способствовала атмосфера семьи, взаимная поддержка и близость друг к другу.

Огромную роль сыграло то, что, помимо признания авторитета главы семьи и его советов, в ней исключалось насильственное навязывание чужого мнения, господствовало доверие и уважение. Эта атмосфера любви и взаимной поддержки способствовала раскрытию творческих возможностей личности каждого.

В то же время конкретный анализ жизненных коллизий подтверждает большое значение таких факторов как добросердечие и помощь других людей, особенно тех, от которых зависела дальнейшая судьба человека.

Анализ жизни этой семьи в целом, как и отдельных ее членов, в частности, показывает, что чрезвычайное значение имеют благоприятные случайности. Увидеть их своевременно, использовать благоприятный момент полностью – важнейшее условие успеха.

В книге Евгении Гинзбург, бесспорно одном из лучших произведений русской художественной литературы, посвященных Большому террору, об этой роли случайности в жизни человека

превосходно сказано: «И что важнее, каждый раз возникало какое-то спасительное стечение обстоятельств, на первый взгляд абсолютно случайное, а по сути – закономерное проявление того Великого Добра, которое, невзирая ни на что, правит миром»¹.

* * *

Представляется, что рассказанное в книге привлечет внимание не только родных и друзей автора, но и тех, кому интересно то время в истории России, быт рядовой интеллигентной семьи в те годы, развитие взаимоотношений членов этой семьи и то, как развивалось воспитание в ней молодого поколения.

У каждого человека жизнь складывается индивидуально, здесь невозможно повторение, вместе с тем есть и нечто общее – формирование характера человека, приобретение им тех или иных черт характера, накопление жизненного опыта. О том, как это происходило в данной семье автор и стремился поведать в этой книге.

Каждый человек стремится прожить свою жизнь интересно и плодотворно, каждый пытается найти в ней свой путь. Об этом прекрасно сказано в стихотворении Юрия Левитанского, преобразованном Виктором Берковским в замечательную песню:

«Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку
Каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы.
Каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает для себя.

¹ Гинзбург Евгения. Крутой маршрут. Интернет (<https://libking.ru/books/nonf/nonf-biography/19052-17-evgeniya-ginzburg-krutoy-marshrut.html#book>)

Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже, как умею.
Ни к кому претензий не имею:
Каждый выбирает для себя»².

Автор данной книги попытался описать начало своего жизненного пути и рассказать о тех людях, которые стояли у истоков этого пути. Остается надеяться, что ему это удалось.

* * *

Добро и зло многолико и многосторонне.

Делая людям добро, на самом деле человек делает добро, прежде всего, самому себе. Помогает себе обрести душевный покой и создает благоприятную возможность лучшего использования своих сил и способностей.

Человек, причиняющий другому зло, думающий о другом со злобой, наносит вред самому себе, нарушает свой жизненный баланс, лишает себя душевного покоя.

Эта истина проста и общеизвестна, но ее следует превратить в свою жизненную заповедь, *modus vivendi* (образ жизни).

В этой связи стоит привести рубаи Омара Хайямы:

«Ветер жизни иногда свиреп.
В целом жизнь, однако, хороша.
И не страшно, когда чёрный хлеб,
Страшно, когда чёрная душа...»

² Источник: <https://mirpesen.com/ru/viktor-berkovskij/kazhdyj-vybiraet-dlja-sebja.htm>



Миша и Наташа Сулькины



Дима Бутыльков и Оля Фирсова



Георгий (Гарик) Фирсов



Лазарь Израильевич Блох. Примерно 1939 год. Москва.



Вера Абрамовна Блох с дочерьми. Справа – Фира, слева Сарра. Примерно 1915 год. Варшава.



Фира Блох и Игорь Фирсов. Примерно 1927 год. Казань.



Фира Блох, Наташа Рожкова и маленький Аля Блох. Примерно 1927 год. Казань



Закадычные подруги. Фира Блох и Рокса Митрополитанская. Примерно 1927 год. Казань.



Счастье молодой мамы. Фира держит в руках маленького Фредика. 1932 год. Москва.



Дедушка с внуком. Л.И. Блох с Фредиком. Примерно 1937 год. Малаховка.



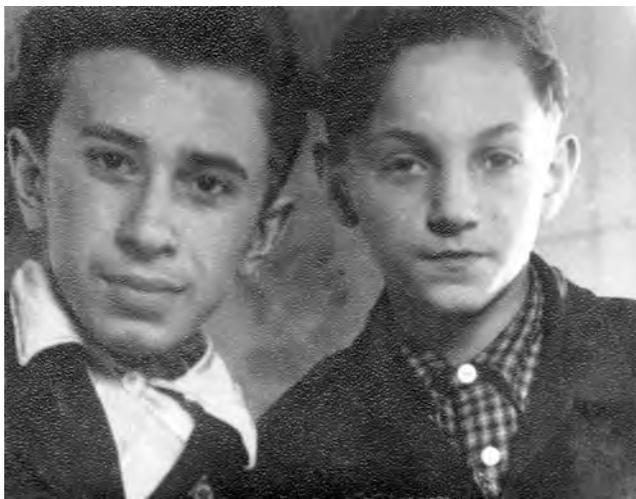
Мама с сыном. Фира с Фредиком. Примерно 1937 год. Малаховка.



Семья Горфилей на даче в Малаховке. Борис и Сарра Горфиль с сыновьями Эдиком и Женей. Примерно 1937 год.



Детвора дома № 56 во дворе. В центре Фредик (с палкой), крайний справа – Юзик Стрижевский. Примерно зима 1938 года. Москва. Третья Тверская-Ямская улица.



Закадычные друзья – Фредик Фирсов и Саша Фрид. Примерно 1939 год. Москва.



Первый класс Фредика В первом ряду третий справа – Фредик Фирсов, четвертый – Юзик Стрижевский Во втором ряду третья слева – учительница Анна Ивановна, третий справа – Робка Шнейдер, четвертая – Юля. В верхнем ряду шестой справа – Игорь Бабицкий. Сентябрь 1939 года. Москва



Второй класс Фредика. Зима 1941 года.



Семья Фирсовых с маленьким Гариком. Примерно 1947 год. Москва.



Аля Блох, Фредик и Гарик Фирсовы, Люстик Блох. Лето 1947 года. Малаховка.



Аля (Авраам) Блох. Примерно 1950 год. Могилев.



Восьмой класс Фреда. Первый ряд, третий слева – Робка Шнейдер, четвертый – Фред Фирсов, первый справа – Володя Цимблер, второй – Сергей Егоров. Третий ряд, третий слева – Виктор Сорокин. Верхний ряд, первый справа – Тадик Финкельштейн, третий – Юра Трушин, справа первый – Вадим Шевлягин, второй – Толя Ежов, третий – Леня Поспелов, (позади всех) – Володя Овсянников. 1947 год. Москва.



Те же лица, но кривляются.



Школа танцев. Фред и Робка – в одной паре. 1948 год. Москва.



Школа танцев. Вместе с девочками. 1948 год. Москва.



Выпускники 127 школы вместе с учителями. Первый ряд третья слева – Наталья Васильевна, пятый – Сергей Иванович, второй справа – Александр Васильевич. Второй ряд, первый слева – Толя Ежов, шестой – Тадик Финкельштейн, седьмой – Виктор Сорокин, восьмой – Володя Цимблер, девятый – Алик Либкинд, десятый – Фред Фирсов. Третий ряд, первый слева – Фима Бисноватый, второй – Робка Шнейдер, четвертая – Мари Ионовна. Второй справа – Адик Яхнич. Четвертый ряд, первый слева – Леня Поспелов, второй – Володя Овсянников, третий – Вадим Шевлягин. Пятый ряд – Саша Дасковский. Июнь 1949 года. Москва.



С мамой в Крыму. 1949 год. Ливадия.



Мамины друзья. В первом ряду – Юда (Моисей) Носик, во втором его жена Ася Фрид и ее брат Иосиф Фрид. Примерно 1936 год. Москва.



Подруги: Роха, Фира, Беба, во втором ряду Люба. Примерно 1963 год. Москва.



Фира с взрослыми сыновьями. Примерно 1964 год. Москва.



Пятикурсники на пикнике. 1954 год. Подмосквье.



Выпускники Истфака. Первый ряд, первая слева – Дина Поплыко, второй ряд, первый справа – Миша Кузьмин, вторая – Галя Мельникова, третий ряд, первый справа – Фред Фирсов, вторая – Искра Чуркина, четвертый – Саша Плевако, пятый ряд, второй слева – Володя Волков, третья – Галя Резонова, пятый – Ваня Созин. 1954 год. Москва.



Лидя Фирсова (Носик). 1955 год.



Фридрих Фирсов с Дэвиком.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы из брезентовой сумки



Справка о работе Л.И. Блоха в издательстве «Огонек».
Датирована: 13 августа 1929 г.

ВЗИНО	ВСЕСОЮЗНЫЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СЧЕТНЫХ НАУК 
Финансовая часть	МОСКВА Никольская, пер. Блюхера, 3, пом. 21. Тел. 3-14-57 # 3-70 95
<p style="text-align: center;"><i>Справка</i></p> <p style="text-align: center;"><i>Дана т. Блох ЛЦ в том, что он является студентом учет. экон. ф-та ВЗИНО.</i></p>	
<p style="text-align: center;"><i>- беспрестанно и посещает занятия стационарных групп.</i></p>	
 <p><i>Зав. Моск. отд. [illegible]</i></p> <p><i>Секретарь [illegible]</i></p> <p><i>И. М. [illegible]</i></p>	<p><i>Зав. Моск. отд. [illegible]</i></p> <p><i>Секретарь [illegible]</i></p>

Справка ВЗИНО.

Дата заполнения: 31 марта 1933 г.

Трудовая книжка

Фамилия Блоха

Имя Лазарь

Отчество Израилович

Год рождения 1939 г.

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть)

Профессия Экономист

Подпись владельца Трудовой книжки



Дата заполнения Трудовой книжки

5 - января 1939 г.

Трудовая книжка Л.И. Блоха.
Дата заполнения: 5 января 1939 г.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	7
				Обучен на работе в Харкамавзводе	на работу на территории Р.С.Ф.Р. № 1017	№ 1017
				Харкамавзвод	Р.С.Ф.Р.	№ 1017
1.	1937	II	1	Обучен на должности материальных работников	ст. Экономическая на территории Упр. Моб. войск МВ	№ 1017
2.	1939	VII	14	Экономический по специальности	Мот. войск и комисс. МВ	№ 1017
3.	1940	III	26	Ст. и комисс. Мот. войск	на службе в МВ	№ 1017

Сведения о работе Л.И. Блоха.

Даты заполнения: 1937, 1939, 1940 гг.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	7
4	1940	X	23	Уволен из списков	в связи со смертью.	№ 24 по Упр. Моб. войск

Сведения о работе Л.И. Блоха.

Дата заполнения: 23 октября 1940 г.

СВЕДЕНИЯ О ПОощРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ					
№ записи	Дата			Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
1	2	3	4	5	6
1	1939	IV	29	За успешные организационные работы и добросовестную работу в работе в области биологической науки	Записки № 9 по НКВД РСФСР

Сведения о поощрениях и награждениях Л.И. Блоха.

Дата заполнения: 29 апреля 1939 г.

7 Блок

По Наркомату Комиссариату Берновых и животноводческих совхозов
Р.С.С.С.Р.

г. Москва, - От 4. VI - 1939 года.

По руководящему составу.

§ 2.

Благодаря умелому руководству и хорошей систематической помощи со стороны начальника питомцев-наездника Управления тов. БЛОХА - БЛАДЫА И. И. и старшего экономиста по горючему тов. БИМ Л. И., план месячных лесозаготовительных работ по совхозам всесоюзных районов Управления в /совхозов /эта выполнен полностью с высоким качеством:

по посадке посадочных лесных полос на.... 100.0%

по посевам ясел и пшеницы питомников на.... 100.0%

по пополнению лесных полос прошлых лет на.... 100.0%

полностью и своевременно были обеспечены все совхозы Управления горючим, что дало возможность выполнять своевременно план ясел, весенний сев и др.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ:

1. За хорошую организационное руководство совхозами и Трестами, практическое участие на местах, в деле выполнения плана лесозаготовительных работ, бесперебойного снабжения совхозов горючим и выезда на совхозы для осмотра и заду питомцев-наездника тов. БЛОХА - БЛАДЫА И. И. и старшего экономиста по горючему тов. БИМ Л. И., за что тов. БЛОХА - БЛАДЫА И. И. и тов. БИМ Л. И. заслуживают поощрения и награждения.

Наркомат Комиссар Берновых
и животноводческих совхозов РСФСР.

(Кривошеин)

Вариант: вариант по приказу
НКВД РСФСР

(Чарникова)

Выписка из приказа по Наркомату совхозов РСФСР.

Дата заполнения: 4 июня 1939 г.

 Сро́к про́длен по _____ 193 г. Зам. Наркомсовхозов РСФСР Нач. Адм. хоз. отд.	№ 2880 № 2880 Москва, проезд С 18, 2/26/27 2-й этаж, Наркомхоз, Москва	НАРКОМСОВХОЗОВ РСФСР СЛУЖЕБНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ № 1661
		Пред'явитель сего тов. <u>Блох Л.И.</u> является <u>экономистом учр. зерно-хоз.</u> <u>Ильинск совхоз</u> Наркомсовхозов РСФСР Действительно по <u>31-го декабря</u> 1939 г. Зам. Наркомсовхозов РСФСР Нач. Адм. хоз. отд. <u>19</u> " <u>ХII</u> 1939 г.

Служебное удостоверение Л.И. Блоха
 Дата заполнения: 19 декабря 1939 г.

 Личная подпись _____ Секретарь <u>А. Орлова</u>	Н. К. П. Московский Городской Отдел Народного Образования ВЕЧЕРНИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.
	Выходимый фак. <u>Содержание</u> <u>1</u> <u>подделка</u> Студенческий билет № 120 Студента <u>Блох В.А.</u> Год поступления <u>Июль 1932г.</u> Время выдачи <u>15/IV 32.</u> Директор ВПИ <u>А. Соколов</u>

Студенческий билет В.А. Блох.
 Дата заполнения: 15 апреля 1932 г.

Название предмета	Отметка в усвоении предмета	Подпись преподавателя или отметка учебной части
Музыка	Трудов	Знаменская 20.05.1932
История	Учебный курс	Ольгин
Физкультура	История	П. Килин 20.05.1932
Английский язык		С. С. Шинкина
Иностранные языки		С. С. Шинкина

Правила ведения студенческого билета.

1. Предмет вписывается студентом (графа 1).
2. Если учет ведется на основании письменных работ студента, отметка делается учебной частью, в противном случае — преподавателем (графа 2).
3. Студенческий билет представляется ежегодно в Институт для перерегистрации.

Отметки в студенческом билете В.А. Блох. Дата заполнения: май 1932 г.

В. С. С. С. С.
М. О. Н. О.
Отдел Народного Образования
ОКтябрьского района
детский сад «Путь Ленина»

Справка.

Данная справка выдана Блоху В.А. в том, что он работал в детском саду «Путь Ленина» с 1 февраля 1932 года по 25 февраля 1932 года в качестве заведующей группой и с 1 марта по 25 февраля в качестве педагога. Отказавшись от работы.

27.02.1932

Секретарь: [Подпись]



Справка о работе В.А. Блох в детском саду «Путь Ленина». Дата заполнения: 27 февраля 1932 г.

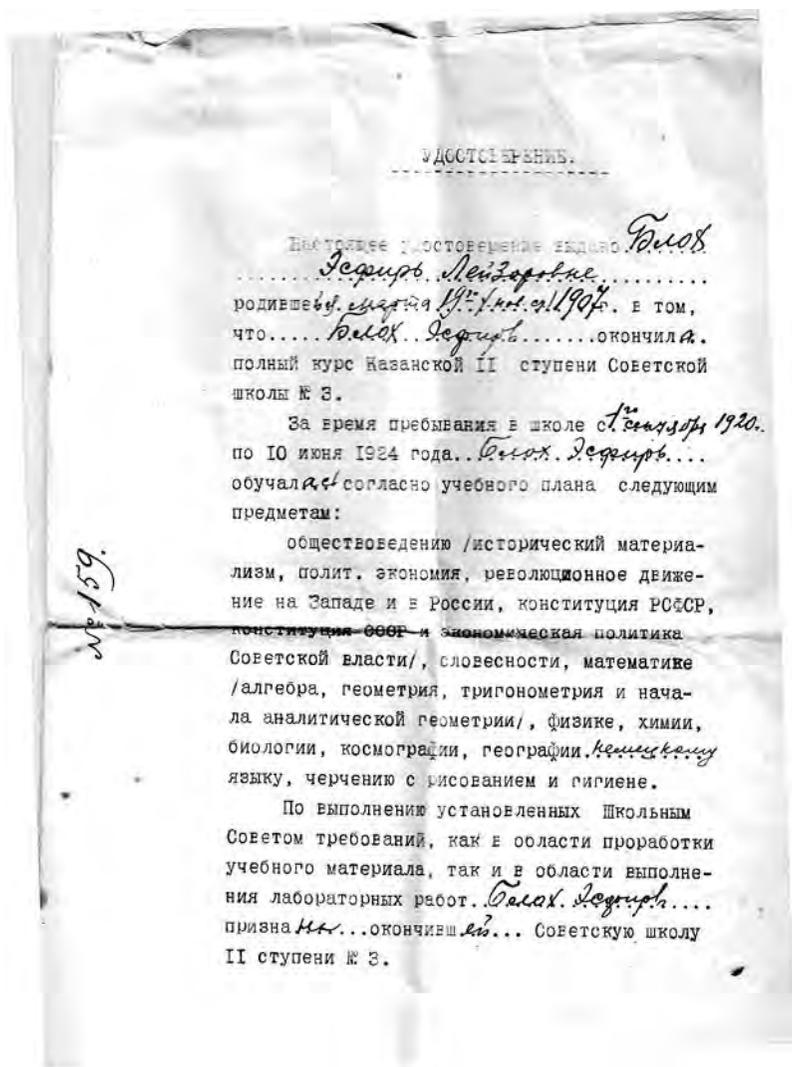
Изравн

*
 Письма Мещанин 28/6 г. Блок В. А. в
 том, что он работает в дошкольной руко-
 водительнице с 1/II 31 г. по
 За время работы проявил большую лич-
 ную ответственность в работе, большую инициа-
 тиву в смысле организационной работы.
 Блок В. А. хорошо владеет русским (и поль-
 ской) языком с. Детской дошкольной
 группой. В 35 человек.
 Приспособил и устроил дела дошкольной группы.
 11/II 34 г. С. А. до Н. А. Блок.

Справка о работе В. А. Блок в детском саду.
 Дата заполнения: 11 февраля 1934 г.

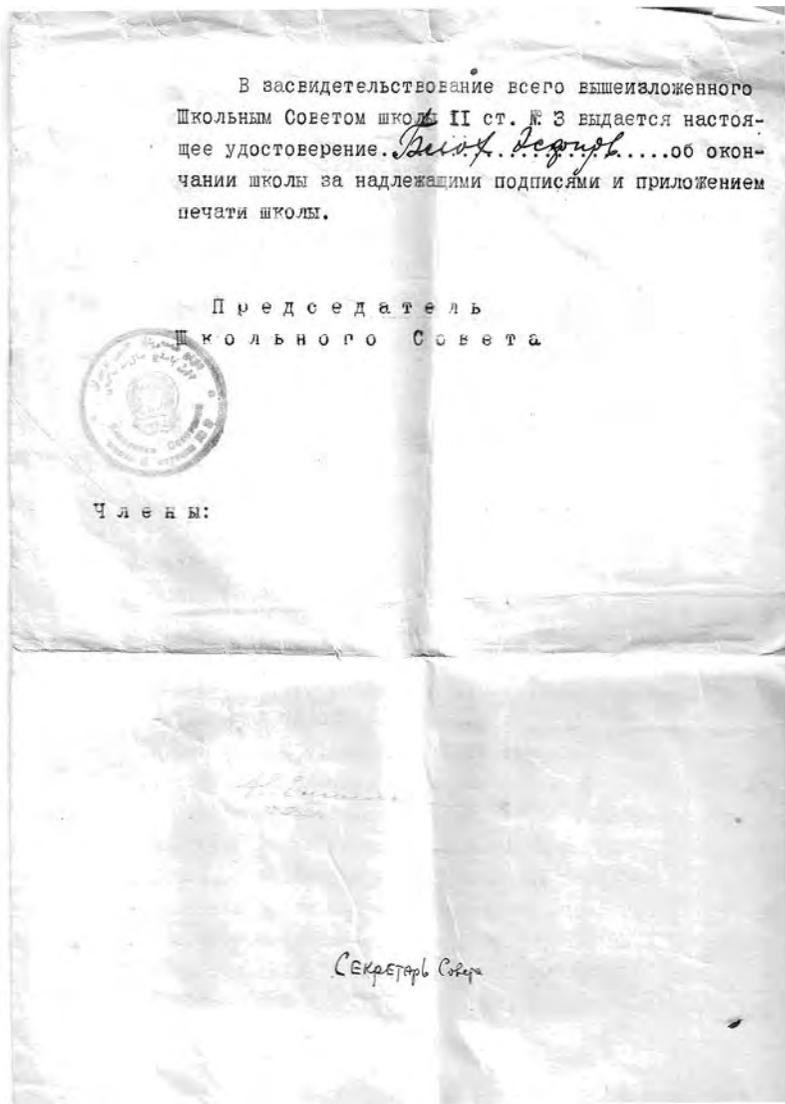
Гражданка Вера Ивановна Блок с 9^{го} июля,
 по 25 февраля 1934 г. работала на должности в качестве дош-
 кольной воспитательницы с 15 по Районному перу.
 За это время проявила большую активность в отноше-
 нии организации дошкольной группы и дошкольных ин-
 ститута. Блок организовала дошкольную группу в детском
 саду в один этаж. Работает в дошкольной группе
 проявляющего ей премия по работе в качестве педагога
 руководителя и повышением своей квалификации в дошкольной
 группе. Работала в дошкольной группе в дошкольной
 группе и что заслужило ей премии в дошкольной
 группе.

Справка о работе В. А. Блок в детском саду.
 Документ не имеет даты



Удостоверение в окончании школы Блох Э.Л.

Дата заполнения: позднее 10 июня 1924 г.



Удостоверение об окончании школы Блох Э.Л. (конец документа).
Дата заполнения: позднее 10 июня 1924 г.



Зачетный лист Слушательницы курсов.
Дата заполнения: 30 марта 1925 г.

№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ.	Отметки пованиям на испу- таники по окончании курсов	исп н
1.	Устройство пишущих машин шрифт: Адлер, Иост, Виктор, Гамбург, Идоль, Беннингтон (с открытым и закрытым шрифтом), Мерцедес-Бенц-Визибель, Питсбург-Визибель, Ундерауд, Роиль, Стайер, Сидис-Премьер (с открытым и закрытым шрифтом), разборка, сборка, уход за машинными, теоретическое ознакомление с девятипальцевым методом, теория переписки.	У д о в л е т в о р и т е л ь н о	с
2.	Практические работы по переписке на пишущих машинных звуковязанных систем по девятипальцевому (слепому) методу.	У д о в л е т в о р и т е л ь н о.	к у р с
3.	Краткие сведения по теории делопроизводства.	У д о в л е т в о р и т е л ь н о	п я т
4.	Практические работы по письмоодству.	У д о в л е т в о р и т е л ь н о.	р о т
5.	Практические работы по ведению журналов входящей и исходящей корреспонденции.	У д о в л е т в о р и т е л ь н о.	
6.	Теоретическое знакомство с арифмометром, его устройством и практические вычисления на нем.	У д о в л е т в о р и т е л ь н о.	
7.	Теоретическое знакомство с ротатором и его устройством.	Н е п я т а т ь с я.	
8.	Практические работы по печатанию на ротаторе.	Н е п я т а т ь с я.	



Председатель Испытательной Комиссии
Представитель Главпрофобра АТССР -

Заведующая курсами -

И. Сидис
Н. Сидис

Наименования предметов и оценки.

Дата заполнения: не позднее 30 марта 1925 г.

№ 511

ПРЕДМЕТНАЯ КНИЖКА
СТУДЕНТА
КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Имени В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.

Отделение *Биологическое*

Фамилия *Блосе*

Имя *Госфилъ*

Отчество *Лазаревич*

Поступившего в Университет *в сентябре* 1926 г.

Выдана *13 декабря* 1926 г.

Декан *М. М. Мещеряков*

Мечка Секретарь *В. С. Седов*



Предметная книжка студента.
Дата заполнения: 19 декабря 1926 г.



Фотография Э.Л. Блох, студентки КГУ.
Дата заполнения: Ранее 19 декабря 1926 г.

Блок Э.Л.			Блок Э.Л.			
Общеобязатель			ные курсы.			
Наименование курса	Фамилия преподавателя	Отметки о выполнении практических работ	Подпись преподавателя	Экзаменационная отметка и время сдачи экзамена	Подпись экзаменатора	Примечание
16. Биологическая оплотнение				1.12.27 Занят	В.С.С.	
13. Историю флоры и фауны дельты Волги						
14. Высшая анатомия						
15. Физиология						
16. Анатомия						
Анатомия человека		Занят	Трун	Занят 26.12.27	Трун	
Фрагментация клеток				Курсовая 1928/29	Друж	
Работы в лаборатории		Занят	С.М.С.			
Работы в лаборатории		Занят	С.М.С.			
Работы в лаборатории		Занят	С.М.С.			
Зоология				29.12.28	Мерзуг	
Анатомия и физиология						
История зоологии				Занят 29.12.28	В.С.С.	

Блок Э.Л.			Блок Э.Л.			
Общеобязатель			ные курсы.			
Наименование курса	Фамилия преподавателя	Отметки о выполнении практических работ	Подпись преподавателя	Экзаменационная отметка и время сдачи экзамена	Подпись экзаменатора	Примечание
16. Биологическая оплотнение				1.12.27 Занят	В.С.С.	
13. Историю флоры и фауны дельты Волги						
14. Высшая анатомия						
15. Физиология						
16. Анатомия						
Анатомия человека		Занят	Трун	Занят 26.12.27	Трун	
Фрагментация клеток				Курсовая 1928/29	Друж	
Работы в лаборатории		Занят	С.М.С.			
Работы в лаборатории		Занят	С.М.С.			
Работы в лаборатории		Занят	С.М.С.			
Зоология				29.12.28	Мерзуг	
Анатомия и физиология						
История зоологии				Занят 29.12.28	В.С.С.	

Перечень Общеобязательных курсов и экзаменационных оценок.
 Даты заполнения: май 1927 г. - апрель 1928 г.

Блок 2.1.			Блок 3.1.			
Общеобязатель			ные курсы.			
Наименование курса	Фамилия преподавателя	Отметки о выполнении практических работ	Подпись преподавателя	экзаменационная отметка и время сдачи экзамена	Подпись экзаменатора	Примечание
История философии		Зачт	Р. Г. Г. Г.	М. Г. Г. Г.		
Философия		Зачтено 13/IV 29	М. Г. Г. Г.	М. Г. Г. Г.		
Философия		Зачтено 20/IV 29.	М. Г. Г. Г.			
Философия	М. Г. Г. Г.	Зачт.	М. Г. Г. Г.	Зачтено 13/IV 29	М. Г. Г. Г.	
Философия		Зачтено	М. Г. Г. Г.	Зачтено 3 мая/29.	М. Г. Г. Г.	

Перечень Общеобязательных курсов и экзаменационных оценок
(продолжение).

Даты заполнения: апрель-май 1929 г.

Блок 2.1.			Блок 3.1.			
Специаль			ные курсы.			
Наименование курса	Фамилия преподавателя	Отметки о выполнении практических работ	Подпись преподавателя	экзаменационная отметка и время сдачи экзамена	Подпись экзаменатора	Примечание
История философии		Зачтено 13. IV. 29.	М. Г. Г. Г.	Зачтено 29. IV. 29.	М. Г. Г. Г.	
История философии		Зачтено 3/IV 29.	М. Г. Г. Г.	Зачтено 28. IV. 29.	М. Г. Г. Г.	
История философии				Зачтено 27. IV. 29.	М. Г. Г. Г.	
История философии						
История философии						
История философии						
История философии						
История философии						

Перечень Специальных курсов и отметки зачетов.

Даты заполнения: апрель 1928 г. – апрель 1929 г.



Удостоверение об окончании МГУ Блох Э.Л.
 Дата заполнения: 25 февраля 1931 г.



Удостоверение о работе Э.Л. Блох в Трудпрофилактории.
Дата заполнения: 31 марта 1931 г.



Справка о работе Э.Л. Блох в Институте охраны труда.
Дата заполнения: 2 апреля 1931 г.

Комиссариат Здравоохранения РСФСР
**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
 ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ**

ОЗДиП

МОСКВА Сазово-Кураринская, 1 ТЕЛЕГРАММЫ Москва Институт ОЗДиП ТЕЛЕФОНЫ: Директор 1-18-93 Секретариат 2-11-29

Ваш индекс _____ Дата _____ Наш индекс *К066* Дата *2/IV 34г.*

СПРАВКА

Дана Центральным Н.И.И.-т ОЗДиП г. *Блох Э.Л.*
 в том, что он работал в должности *научн. сотрудника*
 с *25/IV 34г.* по *1/IV 36г.*
 Уволен по сокращению штата.

Директор _____
 Зав. канц. _____

/ИЗВЕЩ./
 /ИЗВЕЩ./



Вторая справка о работе Э.Л. Блох в Институте охраны труда.
 Дата заполнения: 4 апреля 1931 г.

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СОЮЗ ССР
**ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
 ЖИВОТНОВОДСТВА**

г. Москва 63, ул. В Марга, 5. ТЕЛЕФОНЫ: Директор Д 1-01-03 Канцелятор Д 3-13-20

№ *3-К* _____ 26 апреля _____ 1951 г.

СПРАВКА

Выдана Всесоюзным научно-исследовательским институтом животноводства тов. БЛОХ Эсфирь Лазаревне в том, что она действительно работала в Институте с 11/ХІ.1932г. в должности младшего научного сотрудника, а с 5/ХІІ.1936г. по 10/УІІ.1939г. в должности ст.научного сотрудника.

Дана для представления по месту работы.

Директор Института профессор *А.М.Кузнецов* /А.М.Кузнецов/



Справка о работе Э.Л. Блох в Всесоюзном научно-исследовательском институте животноводства.
 Дата заполнения: 26 апреля 1951 г.

Трудовая книжка

Фамилия Блох

Имя Эсфирь

Отчество Лазаревна

Год рождения 1907 г.

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть)

Профессия Физиолог-творч.

Подпись владельца Трудовой книжки

Э. Блох

Дата заполнения Трудовой книжки

" 14 " Января 1939 г.

КНИЖКА	№
Ленинградского ГОСОО	
г. Москва	
Дата	

Трудовая книжка Э.Л. Блох.
Дата заполнения: 14 января 1939 г.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	
				Общий стаж поэт Керженев 2,5 мес.	2,5 мес. документами	Министерство культуры
				Бессаражский Николай Иванович	Посредством Минкультуры	
1	1930	V	11	Заключена в лабор. физ	научн. сотрудник Минкультуры от 20/V-39;	Приказ от 15/3/11-362
2	1938	II	1	Утверждена научн. сотрудник	в звании н.с. старш.	Приказ от 15/3/11-362
	1938	X	10	Принимается членом	степень канд. биол. наук	Соб. Моск. Сов. Моск. Сов. Моск. 19/8-1935

Сведения о работе Э.Л. Блох.
Даты заполнения: 1932, 1938 гг.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	
3	1939	VII	10	Освобождена от должности.	по собственному	Лр. 133 от 10/VII-39;
				Секретарь Минкультуры	Содиава А. Кошарова	
1.	1939	VII	15	Центр Научно-Исслед. Заключена в работ. физ. биологическую лабораторию по должности старш. научного сотрудника.	Министерство культуры	Приказ от 25/11/39-392
2.	1941	X	16	Освобождена от должности	Буд. Секретарь Минкультуры	Приказ от 16/12/41

Сведения о работе Э.Л. Блох.
Даты заполнения: 1939, 1941 гг.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	4	
3	1943	II	1	После работы из эвакуации - Заключена вран. на зав. Калинин. лабораторией		Приказ № 98 от 20/II-43
4	1943	III	1	После работы присутствия на заседании Президиума АН СССР, в связи с обращением по поводу выполнения в эвакуации работы в эвакуационной лаборатории		Приказ № 120 от 30/III-43
5	1943	III	31	В соответствии приказа № 120 от 30/III-43 восстановлена на работу зав. Калинин. лабораторией		Приказ № 161 от 1/IV-43
6	1945	VI	1	Переведена вран. и о. ст. научн. сотрудник		Приказ № 300 от 1/VI-45
7	1947	II	1	Переведена на должность научн. сотрудника		Приказ № 17 от 1/II-47

Сведения о работе Э.Л. Блох.

Даты заполнения: 1943, 1945, 1947 гг.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	4	
8	1953	III	11	Освобождена от должности зав. лабораторией		Пр. № 73 от 9/III-53
9	1953	IV	1	Заведующая кафедрой (К.И. Морозов)		
10	1953	V	15	Переведена на должность научн. сотрудника лаборатории генетики и популяционной биологии		Пр. № 368 от 26/V-53
11	1957	III	16	На основании решения Президиума АН СССР переведена в должность научн. сотрудника (Решение АН по экспертной комиссии)		Приказ № 161 от 16/III-57

Сведения о работе Э.Л. Блох.

Даты заполнения: 1953, 1957 гг.

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ					
№ записи	Дата			Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
1	2	3	4	5	6
1	1939	XI	5	На основании данных по проверке производства техзадания трисовского завода в дарниках	Литкасы от 5/11-36
2	1940	IV	24	После окончания Отечественной войны за отличия в работе	Литкасы от 11/11-4
3	1950	III	8	№ 2. Международному Женскому дню 8-го марта объявлено Благодарностью. За отличия в работе	Литкасы от 11/11-4

Сведения о поощрениях и награждениях Э.Л. Блох.
 Даты заполнения: 1939, 1940, 1950 гг.

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ					
№ записи	Дата			Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
1	2	3	4	5	6
4	1958	III	6	За отличия в работе в период с 1-го января по 31-е декабря 1957 года в связи с переходом на работу в завод № 41-й заводской Восточной области	Литкасы от 11/11-36
5	1958	XI	4	За отличия в работе в период с 1-го января по 31-е декабря 1957 года в связи с переходом на работу в завод № 41-й заводской Восточной области	Литкасы от 11/11-36
6	1960	III	7	За отличия в работе в период с 1-го января по 31-е декабря 1959 года в связи с переходом на работу в завод № 41-й заводской Восточной области	Литкасы от 11/11-36
7	1960	VII	9	За отличия в работе в период с 1-го января по 31-е декабря 1959 года в связи с переходом на работу в завод № 41-й заводской Восточной области	Литкасы от 11/11-36

Сведения о поощрениях и награждениях Э.Л. Блох.
 Даты заполнения: 1958, 1960 гг.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Совета Народных Комиссаров Союза ССР о введении Трудовых книжек		Вкладыш в трудовую книжку	
<p>В целях упорядочения учета рабочих и служащих в предприятиях и учреждениях, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:</p> <p>1. Снести с 15 января 1939 года для рабочих и служащих всех государственных и кооперативных предприятий и учреждений Трудовые книжки, выданные административной предпринятием (учреждением).</p> <p>2. В Трудовые книжки вносить следующие сведения о владельце Трудовой книжки: фамилия, имя и отчество, возраст, образование, профессия и сведения об его работе, о переходе его на другое предприятие (учреждение) в другое, о принятии такого перехода, а также о получаемых им поощрениях и награждениях.</p> <p>3. Утвердить форму Трудовой книжки.</p> <p>4. Трудовые книжки изготавливаются по единому для всего Союза ССР образцу. Текст Трудовой книжки печатается на русском языке и на языке данной союзной или автономной республики.</p> <p>5. Заполнение Трудовых книжек производится по тем языкам, на которых ведется деятельность в данном предприятии (учреждении). В том случае, если деятельность ведется на языке союзной или автономной республики, то Трудовая книжка заполняется одновременно и на русском языке.</p> <p>6. Рабочие и служащие, поступающие на работу, обязаны предъявлять администрации предприятия (учреждения) Трудовую книжку. Администрация имеет принимать на работу рабочих и служащих только при предъявлении Трудовой книжки.</p> <p>7. Администрация предприятий и учреждений обязана заключить выдату Трудовых книжек рабочим и служащим, до 15 января 1939 года.</p> <p>8. Лицам, которые в дальнейшем поступают на работу впервые, Трудовая книжка должна выдаться не позже 3 дней после приема на работу.</p>		<p>Фамилия <u>Блох</u></p> <p>Имя <u>Эсфирь</u></p> <p>Отчество <u>Лазаревна</u></p> <p>Год рождения <u>1907</u></p> <p>Подпись владельца вкладыша</p> <p>Дата заполнения вкладыша <u>8 марта 1961</u></p> <p>Подпись ответственного лица по выдаче Трудовой книжки</p> <p>Место печати <u>Мобиль</u> (разборчиво)</p>	

Вкладыш в трудовую книжку Э.Л. Блох.

Дата заполнения: 8 марта 1961 г.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записки	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесены записи (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
12	1963	III	16	Переведена на должность младшего научного сотрудника экспертно-методич. ин-та.	ин-та методич. и научн. работ	Пр. №44 от 29.III.63.
13.	1965	IV	2	В соответствии с решением Совмина УзССР и Ученого Совета и Ученого Комитета в должности младшего науч. сотруд. лаборат. Экспертно-методич. ин-та.	с решением заседания Ученого Совета ин-та от 29.IV.63 и Учен. Ком. УзССР от 14.V.63. Утверждена в должности младш. научн. сотруд. лаборат. Экспертно-методич. ин-та.	Пр. №52 от 2.IV.63
14	1970	10	16	Переведена на работу с высшим экспертно-методич.	должности в лаборатории образования в лаборатории	Пр. №316 от 15.X.70.

Сведения о работе Э.Л. Блох.

Даты заполнения: 1963, 1970 гг.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работе и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причина)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	4	
15	1974	12	17	Уволена по РСФСР	сш. 33 п 1 РСФСР	лр 576 сш 16.хл.74г

Сведения о работе Э.Л. Блох.
Дата заполнения: 17 декабря 1974 г.

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ				И НАГРАЖДЕНИЯХ		
№ записи	Дата			Поощрения и	награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	4	
8	1961	IV	8	Выявлена благодарность	лр 41 от 4/IV-61	
9	1961	XII	25	Премиирована месячной	лр 122 от 25/12-61	
10	1963	III	6	К Международному женскому дню 8 ^{го} марта объявлена	лр 36	
11	1963	IV	27	Кодню 4 ^{го} мая объявлена	сш 6. III 63г.	
12	1964	VII	5	Воздана денежная премия	лр 186 от 5/7/64	
13	1965	III	4	К Международному женскому дню 8 ^{го} марта объявлена	лр 43 от 4/III 65	
14	1966	III	3	К Международному женскому дню 8 ^{го} марта объявлена	лр 57 от 3/III 66	
15	1966	IX	2	К 60 год. Ветерану объявлена	лр 312 от 2/IX 66г.	
16	1968	IV	25	Выявлена благодарность к 1 мая	лр 24 от 25/IV 68г.	

Сведения о поощрениях и награждениях Э.Л. Блох.
Даты заполнения: 1961, 1963, 1964, 1965, 1966, 1968 гг.

МОСГОРДРАВУДДЕЛ
Инспекция ПВО

12^ю VI 1941 г.

№ 703

Арбат, 33 тел. _____
Москва

Учрежд. Облхита № А-968 г. Водзоя. под. „Знамя ком.“ экз. № 1

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано тов. Блох Э.Л.

в том, что она прослушала и сдала испытания
с оценкой отлично курсы ПВО
по Циклу лабораторий по курсу 1004
с 30/VI по 12/VI 1941 года

Нач. Инспекции ПВО МГОЗ Караулов
Нач. курсов ПВО Давыдов

Удостоверение о сдаче Э.Л. Блох испытания.

Дата заполнения: 12 июня 1941 г.

ПРОПУСК № 221

на право входа на территорию эвакуационного госпиталя № 2002.

Имя Э.Л. _____
Фамилия Блох _____
Родовое имя и должность _____
Подпись Блох _____
Инициалы _____
г. _____

Действителен по _____ 1941 г. Начальник _____
Действителен по _____ 1943 г. Начальник _____
Действителен по _____ 1941 г. Начальник _____
Действителен по _____ 1941 г. Начальник _____

537 00428

Пропуск на право входа на территорию эвакуационного госпиталя.

Дата заполнения: 4 июля 1942 г.

Автобиография

Блох Э. Л.
 Родился в 1907 г. в г. Новокузнецк Кузнецкой
 области мой отец служивший, умер в 1940 г.
 работал зооинженером-механиком в тресте
 «Новозавод» ДСФСР. Мать в прошлом педагог
 учительница, в настоящее время пенсионерка
 имеет сыновей и братьев. Сестра работает
 конструктором завода, брат работает в лесхозе
 в должности государственной безопасности, мой брат
 работает в Белоруссии. Мать ~~работает~~
 работает в Кемеровской области.
 имеет двух детей.
 В 1926 году поступил в Кемеровский Университет
 по специальности биологическая факультет
 биологическое отделение. В 1929 году, по семейным
 обстоятельствам, переведен в Томский
 Университет, катедры и окончил в
 конце 1930 года по специальности биология
 в институте охраны природы как лаборант.
 работал во Всесоюзной биологической станции
 Новокузнецк в лаборатории физиологии и
 питания животных. В 1938 году защитил
 диссертацию и получил степень

Автобиография Э.Л. Блох.
 Дата заполнения: 1948 г.

...ий биологических наук, в акти
 медена в звании старшего научной
 24 урника. с 1936, по 1938, работала
 ...риетельству в Институте охраны
 ...овой дачей и подсобках в Биохим
 ...лаборатории. С июня месяца 1939 года р.
 в Центральной государственной лаборатории
 в Патологической лаборатории. В
 эвакуации переехала в Казань и работала
 в Эвакогоспитале наркомвоенделом
 лабораторией. В феврале месяце 1943 года
 переехала на работу в Центр. губернии
 Института.
 Весь ее время административно работала
 ...мнии ...
 работала в
 ...медаль за "Доблестной Р-49
 в Отечественной войне".
 ...Родителенников за "защитой" и вакцины.
 ...нованных аббревиатур
 ...ней

Э. Блох

Автобиография Э.Л. Блох (продолжение).

Дата заполнения: 1948 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Младший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патологии, кандидат биологических наук БЛОХ Э.Л. является зрелым и опытным патофизиологом, владеющим большинством современных методов исследования.

Только за последние годы ~~ею~~ внедрены новые методы исследования по серотонину, моноаминоксидазы и др., для ~~них же~~ ~~ею~~ сконструирована специальная аппаратура.

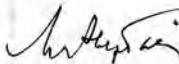
Активность в работе только за последние 5 лет проявилась участием Э.Л.Блох в разработке вопросов перфузии легких, пересадок легких, изучения легочного кровообращения и др., где ~~ею~~ проводилась вся биохимическая и патофизиологическая части исследований.

Э.Л.Блох автор 39 печатных работ, из которых за последние годы (1960-1966) выполнено 16. Она многократно выступала с докладами на конференциях и сессиях института туберкулеза и других учреждений.

Будучи активным научным работником Э.Л.Блох активно ведет работу с молодыми специалистами, обучая их новым методикам исследования и помогая в работе.

По традиции, опыту работы, инициативе и работоспособности Э.Л.Блох безусловно может выполнить весь объем работы старшего научного сотрудника. Естественно, что должности мл.научного сотрудника она более чем соответствует.

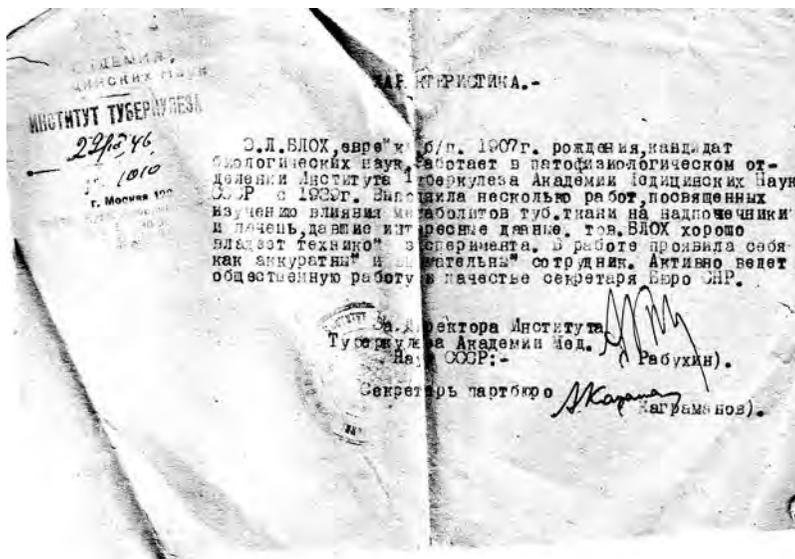
Зав.лабораторией
профессор

 (М.М.АВЕРБАХ)

8/II-670.

Характеристика Э.Л. Блох.

Дата заполнения: 29 марта 1946 г.



Характеристика Э.Л. Блох.
Дата заполнения: 8 февраля 1967 г.

в.к. N 030 247 15.12.

Все графы заполнять полностью

МЕДАЛЬЮ
ЗА ОТВАГУ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ФИРСОВ Игорь Николаевич от 6 1947

2. Звание гвардии ст. лейтенант 3. Должность, часть Инспектор 2 отделения
Отдела Всевобуч МВО.

Представляется к

4. Год рождения 1906 5. Национальность русский 6. Партийность чл. ВКП/8/

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Участвовал с мая 1942 г. по декабрь 1942 г. На Волховском фронте в Юго-Западном.

8. Имеет ли ранения и контузы в отечественной войне ранен в голову 6.9.42г. пол. Сиверского

9. С какого времени в Красной Армии с 4.8.41г. 10. Каким РВК призван Советским РВК в. Москвы

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) наград не имеет

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи _____

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Будучи командиром роты 72 гв. с.п. 24 гв. с.д. участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда под Мгой-Сивьяно. 30 августа 1942 г. в боях у дер. Новая ст. лейтенант Фирсов получил задание с группой бойцов ликвидировать завод немецких автоматчиков, провазавшихся в тыл и нарушивших связь с КП подка. Задача ст. лейтенантом была выполнена и в результате боя 15 фашистов было убито, а остальные бежали. Захвачено было 2 пулемета и другое оружие. В тот же день ст. лейтенант Фирсов со своей ротой отбил контратаку немецких автоматчиков, наступавших под прикрытием 3-х танков. В результате боя контратака противника была отбита и последний был отброшен оставив на поле боя один подбитый танк и несколько десятков трупов. За этот бой т. Фирсов был представлен к правительственной награде - ордену "Красная Звезда", но будучи в последующих боях тяжело ранен в голову выбыл из части.

Работая в отделе Всевобуч МВО в должности инспектора Отдела с мая 1943 г. всегда активно и с большим желанием выполняет свои обязанности, способствуя подготовке полноценного пополнения для Красной Армии.

Звание достоин награждения правительственной наградой.



НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ВСЕВОБУЧ МВО
ПОЛКОВНИК Талаев

Командир (начальник) _____ (звание)

14 декабря 194 4

Наградной лист.

Дата заполнения: 14 декабря 1944 г.

ИДР

Главное Архивное Управление при Совете Министров СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ СССР

Лен. просп., центр. наб. Красного флота, д. № 4 Тел. 11-13-85, 10-76-26

№ 121 21 января 1974 г.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ЗАВЕДУЮЩЕГО ЦЕНТРАЛЬНЫМ ПАРТАРХИВОМ
ИМЛ при ЦК КПСС

ТОВ. АНИКЕЕВУ В.В.

На № 1577 от 16 ноября 1973 г.

Уважаемый Василий Васильевич!

К сожалению, я не располагаю какими либо дополнительными данными к биографии моего отца Н.Б.Фирсова, давшими, что то новое по сравнению с опубликованной краткой справкой о нем во II томе труда М.К.Корбута "Казанский гос. университет им. Э.М.Левина за 125 лет", изд. 1930 г., стр. 206-207 и работой С.Лившица о Казанской с-д. организации в 1903 г., опубликованной в журнале ЦКПарта "Пути революции" № 2 или 3. Знаю только, что после тюрьмы он тяжело болел (туберкулез и язва желудка) и после 1905 г. в партийной работе активного участия не принимал, но связи с организацией не терял. Косвенно это подтверждают данные Департамента полиции, хранящегося, как Вам известно в ЦГАОР'е. Там, в частности, упоминается его связь с М.П.Жаковым, а сам я помню посещения В.В.Адоратского, когда он приезжал из-за границы. В это же время помню, что у нас бывал А.П.Комлев, расстрелянный в 1918 г. бело-чехами.

Когда в 1930 году, по заданию Истпарта Татаркома ВКП(б) я был у С.А.Лозовского в Профинтерне и приглашал его на юбилейные торжества в Казань, он вспоминал о совместной работе в Казани с отцом, в частности, на Алафузовском заводе.

Вот, пожалуй, и все что я могу дополнить к справке М.К.Корбута.

С уважением



(И.Фирсов)

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ЗАВЕДУЮЩЕГО ЦЕНТРАЛЬНЫМ ПАРТАРХИВОМ
ИМЛ при ЦК КПСС ТОВ. АНИКЕЕВУ В.В.

Дата заполнения: 21 января 1974 г.

Издания АИРО в 2021 г.

2021

- Ажгихина Надежда.* Девочка с птицами. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. / В.Н. Томилин. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 448 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Черёмушкин Пётр.* Александр Ведерников, главный дирижер. – М.: АИРО-XXI, 2021, – 184 с.
- Неймарк Норман.* Геноцид: всемирная история / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 256 с. – (Серия «АИРО-XXI – первая публикация в России»).
- Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Под редакцией президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021. – 464 с.; илл.
- Медведев Рой, Андреев Николай.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Крюков Федор.* Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. – 368 с.
- Крюков Федор.* Старое поле. В начале пути. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 320 с.
- Феномен красной конницы в Гражданской войне / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Научное издание
Фридрих Фирсов
Опыт семейной археологии

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С.П. Щербина



ЦНИ «Актуальная история»

E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 25.04.2021
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 25,0
Тираж 500 экз. Зак.